

## СОДЕРЖАНИЕ

### Научный отдел

#### Отечественная история

- Рабинович Я. Н.** Великие Луки в Смутное время 127  
**Кочукова О. В.** «Источник всех идеалов – нравственная личность»: К. Д. Кавелин в дискуссиях о нравственности, религии и искусстве (70–80-е гг. XIX в.) 137  
**Чибров И. В.** Перспективы экономического развития Туркестанского края в трудах русских путешественников 60–80-х гг. XIX в. 144  
**Цыплин В. Г.** Советско-эстонские отношения в середине 1920-х годов 147  
**Гуменюк А. А.** Эволюция социальной политики Советского государства во второй половине 1950 – середине 1980-х годов 152

#### Всеобщая история и международные отношения

- Шашлова Т. Ю.** Город Птерия у Геродота и некоторые аспекты истории греческих полисов южного Причерноморья 161  
**Ахиев С. Н.** Мартовские иды 44 г. до н.э.: идеология заговорщиков 165  
**Гайворонский И. Д.** Образы власти в Каролингской литературе конца IX–X веков 170  
**Польская С. А.** Рецепция римского права в формировании прерогатив королевского помилования во Франции (XIII–XV вв.) 176  
**Лапшов П. Н.** Участие кутногорских патрициев в политической борьбе в Чехии в начале XIV века 181  
**Шестакова А. Г.** Развитие светской католической идеологии во Франции (1802–1832 гг.) 184  
**Костина А. К.** Прерафаэлиты о связи искусства и науки 189  
**Асадов Б. Р.** Европейская платформа международных молодежных организаций как актор гуманитарного сотрудничества 192  
**Сидоров И. Е.** Иранское посредничество в карабахском конфликте как фактор ирано-азербайджанских отношений 198  
**Редченко Д. В.** РОДП «ЯБЛОКО» и развитие «Арабской весны» в Ливии и Сирии в 2011–2013 гг. 201

#### Региональная история и краеведение

- Разуваев Ю. Д.** Поселки городищской культуры в глубинных районах Донской лесостепи 206  
**Артамонова Л. М.** Саратовский учитель А. И. Шестаков – первый профессиональный директор народных училищ в России и его общественно-просветительские взгляды на рубеже XVIII–XIX веков 211  
**Майорова А. С.** С. П. Шевырев и его связи с Саратовской губернией 217  
**Чолахян В. А.** Особенности демографического перехода в Нижнем Поволжье в 1920–1930-е годы 223  
**Данилов В. Н.** Основные направления адресной социальной поддержки населения в годы Великой Отечественной войны: опыт Саратовской области 230

### Критика и библиография

#### Представляем книгу

- Аракчеев В. А.** Рецензия на книгу: Рабинович Я. Н. Малые города Псковской земли в Смутное время 240

### Приложение

#### Хроника

- Кондрашин В. В.** 75 лет Петру Серафимовичу Кабытову 243

### Сведения об авторах

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56135 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018, раздел 15 «История. Филология». Журнал выходит 4 раза в год

#### Заведующий редакцией

Бучко Ирина Юрьевна

#### Редактор

Митенёва Елена Анатольевна

#### Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

#### Редактор-стилист

Степанова Наталия Ивановна

#### Верстка

Щербакова Ирина Викторовна

#### Технический редактор

Ковалева Наталья Владимировна

#### Корректор

Юдина Инна Геннадиевна

#### Адрес учредителя и редакции:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 24.06.16.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 13,95 (15,25).

Тираж 500 экз. Заказ 87-Т.

Отпечатано в типографии

Саратовского университета.

#### Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2016



## ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории, краеведения и археологии, международных отношений, источниковедения и историографии, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию.

Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей не должен превышать 12 страниц через 1 интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем кратких сообщений – не более 6 страниц и до 2 рисунков и таблиц.

Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты; примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотациям:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 500–600 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://www.sgu.ru/journal/izvestiya/hmo>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: [larisachernova@mail.ru](mailto:larisachernova@mail.ru); 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

## CONTENTS

### Scientific Part

#### Russian History

- Rabinovich Ya. N.** Velikiye Luki during the Time of Troubles 127  
**Kochukova O. V.** «The Source of all the Ideals is a Moralist»: K. D. Kavelin in the Discussions on Morality, Religion and Art (1870–80ies XIX century) 137  
**Chibrov I. V.** Economic Growth Prospects of Turkestan in the Works of Russian Travelers of the 1860–80ies XIX century 144  
**Tsyplin V. G.** The Soviet-Estonian Relations in the Mid-1920s 147  
**Gumenyuk A. A.** The Evolution of Social Policy in the USSR, from the Mid-1950s to the Mid-1980s 152

#### World History and International Relations

- Shashlova T. Ju.** The City of Pteria in Herodotus' Works and Some Aspects of the History of Greek Polises of the Southern Black Sea Region 161  
**Akhiev S. N.** The Ides of March of 44 B.C.: the Ideology of the Conspirators 165  
**Guyvoronskiy I. D.** Images of Power in the Carolingian Literature of the IX–X Centuries 170  
**Polskaya S. A.** The Reception of the Roman Law in the Formation of the Royal Pardon Prerogatives in France (XIII–XV Centuries) 176  
**Lapshov P. N.** The Participation of Kutna Hora's Patricians in the Political Struggle in Bohemia at the Beginning of the XIV Century 181  
**Shestakova A. G.** The Development of the Secular Catholic Ideology in France (1802–1832s) 184  
**Kostina A. K.** The Pre-raphaelites on the Connection between Art and Science 189  
**Asadov B. R.** The European Platform of International Youth Organizations as an Actor of Humanitarian Cooperation 192  
**Sidorov I. Ye.** Iranian Mediation in the Karabakh Conflict as a Factor of the Iran-Azerbaijan Relations 198  
**Redchenko D. V.** RODP «Yabloko» and the Development of the Arab Spring in Libya and Syria in 2011–2013s 201

#### Regional History and Local Studies

- Razuvaev Yu. D.** Settlements of Gorodetz Culture in the Remote Districts of the Don Forest-steppe 206  
**Artamonova L. M.** Saratov Teacher A. I. Shestakov as the First Professional Director of Public Schools in Russia and his Socio-educational Views at the End of the XVIII and in the Beginning of the XIX Centuries 211  
**Mayorova A. S.** S. P. Shevryyov and his Ties with Saratov Province 217  
**Cholakhian V. A.** The Peculiarities of the Demographic Transition in the Lower Volga Region in the 1920–1930s 223  
**Danilov V. N.** The Main Directions of the Targeted Social Assistance during the Great Patriotic War: the Experience of the Saratov Region 230

### Critics and Bibliography

#### Presentation of the Book

- Arakcheyev V. A.** Book Review : Rabinovich Y. N. Small Towns of Pskov Region in the Time of Troubles 240

### Appendices

#### Chronicle

- Kondrashin V. V.** 75 Years to Pyotr Serafimovich Kabytov 243

### Information about the Authors

247



**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА  
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»**

**Главный редактор**

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

**Заместитель главного редактора**

Короновский Алексей Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

**Ответственный секретарь**

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

**Члены редакционной коллегии:**

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL  
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

**Editor-in-Chief** – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

**Deputy Editor-in-Chief** – Koronovskii A. A. (Saratov, Russia)

**Executive Secretary** – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

**Members of the Editorial Board:**

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

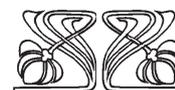
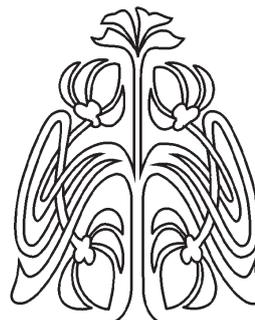
Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Usanov D. A. (Saratov, Russia)

Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

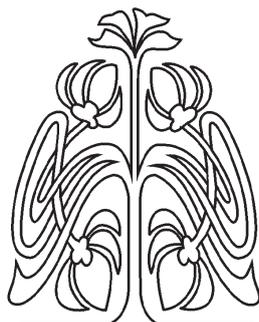
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)



**РЕДАКЦИОННАЯ  
КОЛЛЕГИЯ**





**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА  
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.  
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

**Главный редактор**

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

**Заместитель главного редактора**

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

**Ответственный секретарь**

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)



**Члены редакционной коллегии:**

Бэттлер Алекс, доктор ист. наук, профессор (Нью-Йорк, США)

Герман Аркадий Адольфович, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Деннингхауз Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Креленко Наталия Станиславовна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

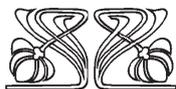
Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шенин Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)



**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL  
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.  
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

**РЕДАКЦИОННАЯ  
КОЛЛЕГИЯ**

**Editor-in-Chief** – Danilov V. N. (Saratov, Russia)

**Deputy Editor-in-Chief** – Chernova L. N. (Saratov, Russia)

**Executive Secretary** – Rabinovich Ya. N. (Saratov, Russia)

**Members of the Editorial Board:**

Battler Alex (New York, USA)

German A. A. (Saratov, Russia)

Golub Yu. G. (Saratov, Russia)

Denningkhauz Victor (Luneburg, Germany)

Kabytov P. S. (Samara, Russia)

Krelenko N. S. (Saratov, Russia)

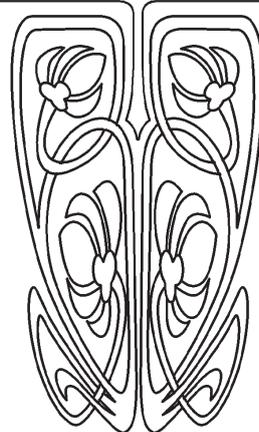
Mezin S. A. (Saratov, Russia)

Raleigh Donald J. (Chapel Hill, USA)

Repina L. P. (Moscow, Russia)

Cherevichko T. V. (Saratov, Russia)

Shenin S. Yu. (Saratov, Russia)





## ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470.25).045+94(470.25).046

### ВЕЛИКИЕ ЛУКИ В СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Я. Н. Рабинович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского  
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории Великих Лук в один из самых драматических периодов истории России начала XVII в. Особое внимание уделено судьбе жителей этого города. Многие служилые люди Великих Лук сначала сражались на стороне польского короля Сигизмунда, а потом присягнули Михаилу Романову.

**Ключевые слова:** Г. Л. Валув, А. Лисовский, Сигизмунд III, разрядные записи, Бельский летописец, земельные пожалования, воевода, четвертные приказы, кормленные и расходные книги.

#### Velikiye Luki during the Time of Troubles

Ya. N. Rabinovich

The article describes the unknown pages of the history of Velikiye Luki during one of the most dramatic periods in the history of the early XVII century Russia. Particular attention is paid to the fate of the city's inhabitants. Many noblemen first fought in favor of the Polish king Sigizmund, and then swore allegiance to Mikhail Romanov.

**Key words:** G. L. Valuev, A. Lisovskiy, Sigizmund III, class records, Belskiy chronicler, land grants, voivode, rules governing feudal tenants, feeding and payment books.

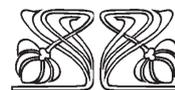
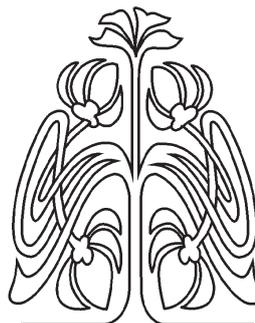
DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-127-137

О событиях в Великих Луках в первые годы Смуты, когда происходили борьба Бориса Годунова с Григорием Отрепьевым (Лжедмитрием I) и короткое царствование в Москве этого самозванца (1605–1606 гг.), практически ничего не известно.

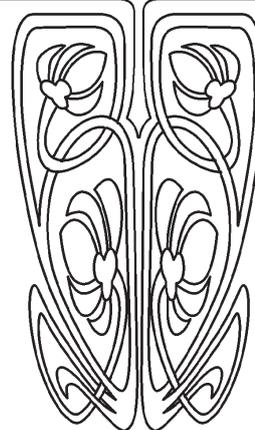
Служилые люди по отечеству из Великих Лук принимали участие в боях против Лжедмитрия I. В отличие от дворян и детей боярских из Северских и Рязанских городов, которые все «до одна человека» в мае 1605 г. под Кромами изменили молодому царю Федору Борисовичу Годунову и перешли на сторону «Ростриги Гришки Отрепьева», эти служилые люди северо-западных регионов не очень жаловали «царя Дмитрия». В одной из разрядных записей отмечено, что воеводы Василий Васильевич Голицын и Петр Федорович Басманов «Новгородских помещиков и Псковских и Лутцких князей и детей боярских с собою **подговорили немногих, и крест Ростриге целовали**»<sup>1</sup>.

Известно, что часть великолукских помещиков участвовала в боях против отрядов Ивана Исаевича Болотникова. Еще летом 1606 г. во время боев под Кромами, после одного неудачного боя, как отмечено в разрядной записи, «*в полках ратные люди дальних городов Ноугородцы и Псковичи и Лучане и Торопчане и Замосковных городов под осен в полках быт не похотели... и учали ис полков развезжатца по домом*»<sup>2</sup>.

В одном из поздних документов от марта 1614 г. участники боев против Болотникова подтвердили в Разряде награждение за эту службу своего сослуживца Ивана Ивановича Голенищева-Кутузова. В то время (март 1614 г.) эти помещики уже находились на службе новому царю Михаилу Романову. Среди таких свидетелей, товарищей по службе И. И. Голенищева-Кутузова, которые сражались в 1607 г. в войске царя Василия Шуйского против Ивана Болотникова на Пчельне, на Кашире, на



НАУЧНЫЙ  
ОТДЕЛ





реке Вороней, а также участвовали в осаде Тулы, упоминаются 10 луцких помещиков. Приведем их имена: Арбузов Иван Никифорович, Бочкин Алексей Михайлович, Костянтинов Григорий Федорович, Марков Афанасий Иванович, Мякинин Михаил Андреевич, Нефедьев Федор Иванович, Скулеев Никита Иванович, Сунгуров Матвей Федорович, Тыртов Иван Романович, Языков Василий Деев<sup>3</sup>. А сколько их соратников не дожило до того времени, когда проводился сыск (прошло семь страшных лет Смуты)!

Позже, уже после свержения Василия Шуйского, вдова луцкого помещика Буслая Бибикова Татьяна в челобитной на имя польского короля Сигизмунда сообщала, что ее мужа убили под Белевом воровские люди в 115 году. Следовательно, луцкий помещик Буслай Бибикич участвовал в 1606/1607 г. в боях против Болотникова<sup>4</sup>.

Летом 1607 г. во время самых напряженных боев против Болотникова и самозванного царевича Петра Федоровича под Тулой в составе царских войск упоминаются «луцкие стрельцы»<sup>5</sup>.

В дальнейшем, во время похода Лжедмитрия II на Москву в 1608 г., главным оплотом этого самозванца на северо-западе стали Великие Луки.

Все началось с того, что служилые люди из Великих Лук, Заволочья, Невеля, Себежа, а также других псковских пригородов весной 1608 г. участвовали на стороне царя Василия Шуйского в боях против нового самозванца (Лжедмитрия II) под Болховом. Многие из них попали в плен к самозванцу, который их обласкал и отпустил по домам. В лагере Лжедмитрия II («табаре») псковичи находились очень короткое время, так как уже 9 мая 1608 г. (Николин день вешний) мы видим их на Псковщине. Псковские стрельцы – стрелецкий голова А. Огибалов и сотник М. Блаженников с «прелестными грамотами» от Вора смутили жителей, во всех чинах «пошли размышления всякие».

В одном из документов сохранились сведения о присяге Великих Лук, Невеля и Заволочья Лжедмитрию II. Это произошло еще 12 июля 1608 г. Воевода Великих Лук Федор Михайлович Плещеев, называя себя великолуцким наместником и воеводой царя Дмитрия Ивановича, писал 15 июля 1608 г. усвятскому подстаросте Юрию Каховскому, что 12 июля «били челом Великому государю Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю, всеа Руси Самодержцу, три города, Луки Великие, Невель, Заволочье». Напомним, что старостой Усвятским в то время был Ян Сапега, который вскоре стал тушинским гетманом.

Далее в письме Федор Плещеев сообщал, что именно он привел к присяге царю Дмитрию воевод, приказных и всяких людей этих трех городов (Лук, Невель и Заволочья).

Федор Плещеев требовал, чтобы Усвятский подстароста Каховский запретил своим людям грабить Луцкий, Невельский и Заволоцкий уезды, произвел сыск и «тем ворах порубежным всяким людям закон крепкий учинил», чтобы между царем

Дмитрием и королем Сигизмундом «было тихо и безмятежно и безздорно»<sup>6</sup>.

Лжедмитрий II в конце июля 1608 г. отправлял грамоты в присягнувшие ему города (Торопец, Луки, Невель и Заволочье). В то время в Тушино в стан самозванца уже прибыли гонцы из Лук и Торопца. Этим гонцов посадского лучанина Казаринко Максимова и торопчанина Петрушку Путятину перехватили «с воровскими грамотами» люди Василия Шуйского недалеко от Погорелого Городища. Эти грамоты были доставлены в крепость Белая и переданы воеводе этой крепости Борису (Богдану) Собакину<sup>7</sup>.

В этих грамотах самозванец приказывал своим людям в Торопце, Луках, Невеле и Заволочье перехватить литовских послов и не пропустить их в Литву. Среди этих «послов и панов» были Александр Гонсевский и Николай Олесницкий, а также Марина Мнишек со своими родственниками и слугами, отпущенными Василием Шуйским в июле 1608 г. после заключения договора с королем Сигизмундом. В итоге, Марину Мнишек тушинцы перехватили и привезли в Тушино к самозванцу, а послы Гонсевский и Олесницкий сумели кружным путем добраться до Велижа.

После переворота в Пскове 1 сентября 1608 г., когда власть в городе перешла к тушинскому воеводе из Великих Лук Федору Михайловичу Плещееву, в Псков были отправлены из Тушина новые воеводы. Летописец называет православного воеводу «литвина» Андрея Троянова Порецкого и лютеранина пана Побединского, а после них – князя Александра Федоровича Жирового-Засекина.

Новгородцы неоднократно предпринимали попытки захватить Псков. Наиболее опасным для Пскова был поход новгородцев и шведов летом 1610 г., во главе которого стояли воеводы В. Т. Долгоруков и Г. К. Волконский. Псковичи обратились с просьбой о помощи в борьбе против новгородцев и шведов к тушинскому военачальнику Александру Лисовскому. С прибытием этого авантюриста, одного из самых удачливых польских командиров, обстановка на северо-западе резко изменилась. Следует отметить, что не только казаки, но и многие служилые люди по отечеству, дети боярские, считали для себя большой честью служить под его командованием. Лисовский пользовался огромной популярностью среди служилых людей низшего звена.

Летописец писал: «Пришел Олисовской пан с литовскими людьми и с Черкасами, да воевода Андрей Просовецкий с казаками на Великие Луки и по челобитью Псковскому во Псков». Лисовский вначале из Великих Лук направился в Порховский уезд, а затем – в Псков. По мнению В. А. Аракчева, Лисовский появился в Великих Луках после 15 июля 1610 г.<sup>8</sup>

До прибытия в Великие Луки, в мае – июне 1610 г., Лисовский разорил Калязин монастырь, а потом безуспешно пытался захватить Тверь и Торопец. Приступ лисовчиков к торопецкому



острогу был отбит. Понеся значительные потери, Лисовский в начале июля 1610 г. направился в Великие Луки, жители которого продолжали поддерживать Лжедмитрия II. Отметим, что Торопец и Великие Луки в первые годы Смуты и позднее были врагами, как Псков с Новгородом. Известны частые набеги из Торопца к Великим Лукам и наоборот. Торопец поддерживал Василия Шуйского, а затем – освободительное движение, а Великие Луки – самозванца, а позднее – польского королевича Владислава. Некоторые служилые люди бежали из одного города в другой. С обеих сторон их считали изменниками, а их поместья передавали другим служилым людям.

Следует, правда, сделать одну оговорку насчет служилых людей из Великих Лук. Некоторые луцкие помещики поддерживали царя Василия Шуйского в борьбе против самозванца. Хорошо известен Григорий Леонтьевич Валуев, его дальний родственник, луцкий помещик Степан Андреевич Валуев, стряпчий Иван Григорьевич Валуев (сын Г. Л. Валуева). Один из документов позволяет расширить число лучан, которые находились в Москве и обороняли столицу от тушинцев. Сохранилось сыскное дело о даче денежного жалования Науму Михайловичу Плещееву. Этот представитель весьма разветвленного рода Плещеевых известен тем, что организовал в июне 1605 г. вместе с Г. Г. Пушкиным восстание в Москве с целью свержения Федора Борисовича Годунова и присяги москвичей Григорию Отрепьеву. Однако позже Н. М. Плещеев стал одним из немногих Плещеевых, кто поддерживал Василия Шуйского в борьбе против Лжедмитрия II. За оборону Москвы от тушинцев, «за московскую службу и осадное сиденье» царь Василий Шуйский в 1610 г. наградил Наума Плещеева придачей к прежнему окладу в 50 рублей еще 40 рублями. Позже, уже при Михаиле Романове, в связи с пропажей многих документов надо было как-то подтвердить это новое жалование. Поэтому в ходе сыска дьяки искали свидетелей и соратников по службе Наума Плещеева, кто вместе с ним сражался на стороне Василия Шуйского против тушинцев. Среди этих соратников Наума Плещеева мы видим, кроме Степана Андреевича и Ивана Григорьевича Валуевых, также помещиков из Великих Лук Петра Максимовича Лукомского, Петра Ивановича Мусорского, Алексея Михайловича Бочкина, Григория Бухвостова. Все они в 1609–1610 гг. сражались против тушинцев на стороне Василия Шуйского в центре страны, находились далеко от мятежных Великих Лук. Многие из этих людей осенью 1610 г. отправятся из Москвы вместе с Григорием Леонтьевичем Валуевым освобождать Великие Луки от тушинцев<sup>9</sup>.

Летом 1610 г. воеводами в Великих Луках были князь Василий Андреевич Шаховской и Петр Андреевич Горяинов, а стрелецкий гарнизон возглавлял голова Леонтий Кашинцев. Они подчинялись главному тушинскому военачальнику на северо-западе Федору Михайловичу Плещееву,

который в июне – июле 1610 г. отправился из Лук к Пскову с денежной казной для псковских служилых людей<sup>10</sup>.

Весной 1610 г., судя по отписке этих воевод усвятскому старосте Яну Петру Павловичу Сапеге, Лжедмитрия II продолжали поддерживать не только Великие Луки и Псков, но и Ивангород, Ям, Себеж, Опочка, Заволочье. Ян Сапега в письме великолуцким воеводам, которое доставили 5 мая в Луки посадский человек «*Лучанин Казаринко Максимов и Фомка Федоров*», сообщал, что он находится в Усвятах, что царь Дмитрий жив и здоров. При этом Сапега в подтверждение своих слов, отправил грамоту Лжедмитрия II, списки с которой воеводы должны были передать во все города, поддерживавшие Тушинского вора. Следует отметить, что лучанин Казаринко Максимов ранее уже ездил в Тушино (в июле 1608 г.), тогда же он был задержан при возвращении воеводами Василия Шуйского.

Воеводы Великих Лук в ответ сообщали Яну Сапеге, что в соответствии с его приказом они послали к нему в Усвят представителей из этих городов с грамотами о том, что эти города по-прежнему остаются верны «царю Дмитрию»: «*И мы к тебе послали Псковских, и Ивангородских и Ямских и Себежеских и Опотских и Луцких и Заволотских гонцов*». Я. Сапега, отправляясь из Усвята к Лжедмитрию через месяц после Пасхи («после Велице дня на пятой недели в четверг»), собирался взять с собой этих гонцов, в том числе из Себежа. Также по указанию Сапег воеводы Великих Лук должны были пленных поляков и казаков из полка пана Костенецкого и Друшляка, захваченных ранее в ходе боевых действий, отпустить к пану Костенецкому и Друшляку. Упомянутые Костенецкий и Друшляк (Дуршлак), как выяснил И. О. Тюменцев, были командирами полков запорожского войска, они упоминаются в «Дневнике» Я. Сапег в июне – июле 1610 г. во время второго похода Лжедмитрия II из Калуги на Москву<sup>11</sup>. Возможно, что в течение мая – июня 1610 г. эти полки запорожцев прибыли к самозванцу в Калугу.

Но вернемся к событиям начала мая 1610 г. Воеводы Великих Лук князь Василий Шаховской и Петр Горяинов сообщали Я. Сапеге, что некоторые пленные ранее были разосланы в другие города (Заволочье, Себеж, Опочка и др.), туда они уже отправили гонцов с указанием освободить этих пленных. Со своей стороны воеводы Великих Лук просили Сапегу помочь вернуть в Великие Луки русских пленных, которые находились в плену у пана Костенецкого. Этот документ от 7 мая 1610 г. «*писан в вотчине великого государя нашего царя и великого князя Дмитрия Ивановича, всеа Руси на Луках Великих*»<sup>12</sup>. Вскоре после отъезда Сапег на юг на Псковщине появился его соратник по совместным походам к Троице-Сергиеву монастырю Александр Лисовский.

В июле и августе 1610 г. Великие Луки были основной базой войска Лисовского. Из Великих



Лук лисовичи совершали набеги на Порхов, они разорили южные погосты Порховского уезда. О пребывании Лисовского на Порховской земле прямо говорится в Псковской повести «О смятении и междоусобии...»: «Псковичи же слышавше пана Лисовского с Литвою и Рускими людьми стояща в Новгородской земли, в Порховщине, послаша к нему бити челом, чтоб он шел во Псков с русскими людьми»<sup>13</sup>. Узнав о диверсии Лисовского в районе Порхова, воеводы В. Т. Долгоруков и Г. К. Волконский вынуждены были прекратить осаду Пскова и срочно идти на защиту Порхова. Воеводы опасались удара с тыла со стороны воинов Лисовского.

Пока происходили эти события на северо-западе обстановка в центре страны изменилась коренным образом в связи с разгромом поляками русско-шведской армии, свержением царя Василия Шуйского, созданием нового московского правительства Семибоярщины, присягой москвичей польскому королевичу Владиславу и вводом в столицу польского гарнизона. Теперь всеми делами в Москве распоряжался комендант Александр Гонсевский, велижский староста. Одним из первых присягнул польскому королю Сигизмунду и королевичу Владиславу Григорий Леонтьевич Валуев, энергичные действия которого, подкрепленные вооруженной силой, способствовали присяге москвичей польскому королевичу. Эти действия Григория Валуева по достоинству были оценены польским королем, который в это время продолжал осаждать Смоленск.

С другой стороны, после поражения при Клушино (24.6.1610) прежний шведский союзник царя Василия Шуйского Якоб Делагарди отступил к Новгороду и приступил к захвату Новгородской земли.

С этого времени ситуация на Псковщине стала определяться соотношением ряда сил: с одной стороны – поляков и Семибоярщины, интересы которых представляли Иван Михайлович Салтыков (сын лидера Семибоярщины М. Г. Салтыкова) и Григорий Валуев, с другой стороны – сторонников Лжедмитрия II, который превратился в злейшего врага поляков, с третьей стороны – шведов. Впрочем, шведская угроза первое время была не особенно заметна. Следует также учесть, что в это время (с осени 1610 г.) многие прежние польские сторонники Лжедмитрия II (в том числе А. Лисовский) перешли на службу польскому королю.

Вскоре после присяги москвичей королевичу Владиславу новое пропольское правительство Семибоярщины под предлогом защиты (освобождения) Великих Лук от сторонников Лжедмитрия II, а также для присяги новгородцев Владиславу, отправило из Москвы Ивана Михайловича Салтыкова с крупным отрядом стрельцов, казаков и детей боярских. В Новом летописце сказано: «Михайло же Салтыков начал умышлять с Литовскими людьми, как бы ратных людей разослать из Москвы всех. И умыслил с ними, и вмениша то, что Луки Великие взяли, и идут под Новгород. И послал Михайло Сал-

тыков сына своего Ивана, да с ним князя Григория Волконского и с ним ратных людей дворян и детей боярских и атаманов станицами и стрельцов Московских многих. То первая рассылка ратным людям с Москвы в Новгород»<sup>14</sup>. 16 октября 1610 г. в лагерь польского короля под Смоленском пришло донесение из Москвы от гетмана Жолкевского, в котором говорилось, что «в Торопец, Луки, Себеж, Невель, Заболотье (Заволочье. – Я. Р.), Опочку, Остров, Псков отправился Григорий Валуев»<sup>15</sup>.

Перед походом Г. Л. Валуев 10 (20) сентября 1610 г. получил от короля Сигизмунда земельные пожалования в Великих Луках и в трех губах Псковского уезда. Эти области Григорий Валуев должен был привести к присяге королевичу Владиславу. Также Г. Л. Валуев получил 50 рублей придачи к прежнему денежному окладу в 100 рублей. К этому времени он уже был думным дворянином<sup>16</sup>.

20 (30) октября 1610 г. Григорий Валуев получил от короля Сигизмунда новые земли в Псковском, Великолуцком и Невельском уездах<sup>17</sup>. В это время он воевал с переменным успехом под Великими Луками с противниками королевича Владислава.

В своем донесении польскому королю Сигизмунду боярин И. М. Салтыков писал, что отправил под Торопец и Великие Луки Григория Леонтьевича Валуева для принятия присяги. В Торопце воевода Александр Чоголов и прочие крест целовали», а Луки – отказались. 14 октября 1610 г. Г. Л. Валуев, взяв с собой ратных людей и наряд в Торопце, пошел под Луки Великие «и пришел, и хочет над Луками и воровскими людьми промыслить». В этом документе прямо говорится, что в составе отряда Григория Валуева были служилые люди из Лук, Невеля, Ржевы Пустой и даже Пскова: «Послал дворян и детей боярских Торопчан, Лучан, Пусторжевцев, Невлян, Пскович, Белян»<sup>18</sup>.

Узнав о зверствах литовских людей в Торопецком уезде (о чем жаловался сам Салтыков королю Сигизмунду), жители Великих Лук и Невеля решили не подчиниться приказам Салтыкова: «Слыша про их такое разоренье, Луки Великие и Невель хотят от них сидети в осаде, и Вам, великим Государям, креста целовати не хотят»<sup>19</sup>.

Первая попытка Григория Валуева укрепиться в Великих Луках закончилась неудачно. Всею виной оказался бывший тушинский воевода и соратник Александра Лисовского казачий атаман Андрей Просовецкий.

Уже говорилось, что тушинские военачальники Лисовский и Просовецкий в августе 1610 г. прибыли на помощь Пскову. Вскоре псковичи отправили таких опасных союзников на север для борьбы со шведами, которые осадили псковские пригороды Ям и Ивангород. Потерпев в дальнейшем ряд неудач под Ямом от шведского военачальника Эверта Горна, Лисовский и Просовецкий в сентябре 1610 г. повернули назад к Пскову. В это время на север проникли известия о присяге москвичей Владиславу, были получены грозные



письма от И. М. Салтыкова, а также письма польского короля, в которых он прощал Лисовского за его прежние грехи.

В источниках говорится о боях между бывшими соратниками по тушинскому лагерю Лисовским и Просовецким в районе Гдова. Казаки Просовецкого и слышать не хотели о присяге новому московскому царю, польскому королевичу Владиславу, не желали вступать в союз с польским королем и литовским гетманом Ходкевичем. Известно, что Лисовский вел переговоры о совместных действиях против шведов с гетманом Ходкевичем. О контактах Лисовского и польского ставленника в Новгороде боярина И. М. Салтыкова сведений не сохранилось, но они теперь становились союзниками, поддерживая нового царя Владислава Сигизмундовича, чего нельзя сказать о казаках Просовецкого. Об этих событиях так писал сам И. М. Салтыков королю Сигизмунду: *«Октября в 16 день приехали ко мне в Новгород от воровских людей, от Лисовского, татары – Янгильдей Янсупин с товарищи 30 чел. И в расспросе сказали, что Лисовский пришел было под Псков; и которые казаки были с Лисовским да с Андреем Просовецким со всеми казаками от Лисовского отстали, и от самого Ивангорода по Псков у них меж себя с Лисовским был бой и убили де меж себя на обе стороны с тысячу человек и подо Псковом де разорвались: Лисовский с Немцы и с Литвою стал пятьдесят верст от Пскова в Острове, а с ним немцы и черкасы. А Просовецкий стал с казаки двадцать верст от Пскова»*<sup>20</sup>.

Псковский летописец также сообщает, что *«Лисовский с Литвою и с немцами мимо Пскова шел, и стал в пригородах Псковских»*. Псковичи не пустили к себе ни Лисовского, ни Просовецкого. Автор Нового летописца также отмечает, что при возвращении из-под Ивангорода в Псков казаки Просовецкого *«...тут с Литовскими людьми разошлись»*<sup>21</sup>.

В конце октября – начале ноября 1610 г. Просовецкий со своими казаками-тушинцами двинулся в сторону Москвы. Путь его отряда проходил через Великие Луки. Теперь Просовецкий, фактически, начал борьбу против польского короля Сигизмунда и его воеводы Григория Валуева. В первом сражении Валуев потерпел поражение и вынужден был бежать из Великих Лук в лагерь короля под Смоленск за помощью. В Новом летописце отмечено: *«Той же Андрей Просовецкий поиде в луцкой уезд и шелся с Григорием Валуевым под Луками Великими, и Луки Великие взяша и высекоша и выжгоша»*<sup>22</sup>. Некоторые исследователи считают, что слово «сшелся» в Новом летописце означает «соединился» и что здесь речь идет о совместных боевых действиях против общего врага. Врагами Г. Л. Валуева в то время в Луках могли быть только сторонники Лжедмитрия II, ведь Василий Шуйский уже находился в польском плену, а освободительное движение против поляков еще не возникло. И. О. Тюменцев так пишет о событиях, произо-

шедших после взятия Лисовским и Просовецким Вороноча: *«Здесь пути А. Лисовского и казаков разошлись. Русские воины отряда лисовчиков, соединившись с отрядом А. Посовецкого, ушли к Великим Лукам. Здесь бывшие тушинцы присоединились к правительственному отряду Г. Валуева и помогли ему «высечь» Великие Луки»*<sup>23</sup>.

Все же, по мнению автора этих строк, логичнее будет такая последовательность событий в Луках: сначала власть в городе была в руках сторонников самозванца Лжедмитрия II (до октября 1610 г.), затем – у польского ставленника Григория Валуева (октябрь – ноябрь), а потом – у врага поляков и Валуева Андрея Просовецкого (ноябрь – декабрь), которого, как увидим далее, зимой 1610/1611 г. снова изгонит из города Григорий Валуев.

Что касается дальнейшей судьбы Лисовского и Просовецкого, то с осени 1610 г. пути бывших соратников-тушинцев разошлись: Просовецкий весной 1611 г. стал одним из руководителей ополчения Ляпунова под Москвой, а Лисовский получил прощение от польского короля и в дальнейшем действовал по его указаниям в союзе с Григорием Валуевым. Летописец отмечал, что Лисовский *«воевал мало не четыре года на Псковщине»*, продолжая совершать нападения на псковские пригороды. По словам летописца, Лисовский *«многие пакости творит во Псковщине, с Детьми Боярскими Русскими и с Литвой, подо все пригороды, яко волк искрадом хватая и поядая»*<sup>24</sup>. Позже, в 1614–1616 гг., мы видим Лисовского под Смоленском, Орлом и в других местах (он умер в 1616 г.).

Но вернемся к событиям в Великих Луках зимой 1610/1611 г., 6 декабря 1610 г., отправляя Григория Валуева из-под Смоленска в новый поход к Великим Лукам, король одновременно послал грамоты на Псков, Ям, Копорье, Ржеву Пустую, Невель и Луки, требуя, чтобы жители присягнули ему, Сигизмунду, как своему государю, «шtbody обратились ко господарю»<sup>25</sup>.

Григорий Валуев сумел подчинить польскому королю Великие Луки и Невель. В конце декабря 1610 г. в канун Рождества Григорий Валуев со свежими силами внезапно напал на Великие Луки и снова укрепился в этом городе. Об этом сообщает псковский летописец, который внимательно следил за тем, что происходило в Великих Луках: *«Того же лета на рождество Христова Григорий Валуев, пришед от короля из-под Смоленска, Литвы и детей боярских Русских собрав, и пришед в ночи искрадом Луки Великие высек, многое множество православных христиан, и выжсег»*<sup>26</sup>.

Об этих боях Григория Валуева под Великими Луками позже во время переговоров под Смоленском осенью 1615 г. вспоминали польские комиссары, когда приводили примеры совместной борьбы русских и поляков против сторонников самозванца: *«А иных ратных людей в тую же пору послал пан гетман с Григорьем Валуевым, очищати Великих Лук и иных городов, которые еще были за вором, а иных послал с боярином с*



*Иваном Михайловичем Салтыковым на Новгородскую Украину, очищать ее от Немец. И на тех на боех с воровскими и с Немецкими людьми за Московское господство много братья наше полегло, а Великие Луки и иные места к Московскому господству очистили»<sup>27</sup>.*

По-видимому, казаки Просовецкого, сторонники Лжедмитрия II, потерпев поражение от отрядов Г. Валуева, только теперь отправились дальше к Москве, куда прибыли в марте 1611 г. По пути они узнали, что в декабре 1610 г. их царь Дмитрий Иванович был убит в Калуге Петром Урусовым. Вскоре большинство сторонников самозванца во главе с князем Д. Т. Трубецким и атаманом Иваном Заруцким присоединились к освободительному движению против поляков и Семибоярщины, которое возглавил Прокопий Ляпунов.

В дальнейшем Великие Луки и его воевода Григорий Валуев вплоть до лета 1613 г. вместе с Невелем и Ржевой Пустой (Заволочьем) будут поддерживать поляков и Лисовского. Многие луцкие дети боярские находились среди лисовчиков. Ряд помещиков Луцкого уезда вслед за Григорием Валуевым присягнули королевичу Владиславу и получили новые земельные пожалования от польского короля.

Попытаемся выяснить, кто же из луцких помещиков в 1611–1612 гг. сражался на стороне польского короля Сигизмунда и королевича Владислава вместе с Григорием Валуевым. 30 октября 1610 г. получил от польского короля Сигизмунда земельные пожалования Семен Федорович Хомутов – поместье в Луцком уезде<sup>28</sup>.

Среди челобитчиков королю Сигизмунду (январь 1611 г.) можно назвать нескольких помещиков из Великих Лук. Луцкий помещик Мокей Ретнев (Петнев?) просил поместье вдовы Дарьи, а другой луцкий помещик Абрам Внуков Тютчев – поместье деда Третьяка и отца Внука в этом же уезде<sup>29</sup>. 30 января 1611 г. уже известный нам Петр Лукомский и Федор Арбузов получили от польского короля поместья в Луках и на Невеле<sup>30</sup>.

В данном источнике (Реестр жалованных листов и Реестр челобитий из Литовской метрики) весь текст, включая названия населенных пунктов и имена, дается на польском языке, поэтому возможны искажения в названиях.

Воевода Великих Лук Григорий Валуев вместе со своим родственником Степаном Андреевичем Валуевым в 1611 г. в челобитной королю Сигизмунду и королевичу Владиславу просили дать им в Невельском уезде «на Невле Николскую волостку Плиского в вотчину». Оба Валуевых хотели отказаться от своих старых поместий в Луках «в Дунавском, и в Михайловском и в Селчиском стану село Трубы да село Путилово», которые были разорены, «по воровскому указу были в роздаче и от воров запустело». Эти разоренные поместья в Луцком уезде челобитчики Валуевы просили «взяти на себя на государя», предлагали превратить их в дворцовые земли<sup>31</sup>.

Пока польский король Сигизмунд укреплял свое влияние в пограничных городах северо-запада, на историческую арену выходит новое лицо, неожиданно воскресший царевич Дмитрий, который в марте 1611 г. появился в Ивангороде, а летом 1611 г. предпринял поход на Псков. С другой стороны – в результате захвата Новгорода шведами в июле 1611 г. теперь уже новгородцы и шведы в августе 1611 г. предпринимают поход на Псков, чтобы установить контроль над городом и псковскими пригородами. Еще одна сила, которая постепенно начинает набирать своих приверженцев – освободительное движение против поляков под Москвой. К руководителю Подмосковного ополчения Прокопию Ляпунову псковичи отправляли своих гонцов с просьбой о помощи, но так и не дождалась ее. Им пришлось принимать решение в пользу воскресшего царевича Дмитрия.

Этот самозванец, Лжедмитрий III (Псковский вор Сидорка), укрепившись в декабре 1611 г. в Пскове, повел борьбу против шведов и новгородцев, а также против поляков и их ставленников – Лисовского и Валуева. С другой стороны, Лисовский, действуя по плану польского короля, совершал набеги на псковские пригороды, а весной 1612 г. захватил Заволочье.

По-видимому, между Григорием Валуевым в Великих Луках и Невеле и Александром Лисовским в Заволочье в 1612 г. установились дружественные отношения, ведь они оба находились в то время на службе у польского короля.

Что касается Григория Валуева, то осенью 1611 г. его люди потерпели тяжелое поражение под Луками от отрядов Подмосковного ополчения Трубецкого и Заруцкого. Здесь основными героями событий выступают служилые люди из Торопца и воевода этого города князь Семен Никитич Гагарин. Уникальная информация об этих событиях, сведения о которых по другим источникам пока обнаружить не удалось, содержится в Бельском летописце.

Отметим, что специальные работы о Торопце в Смутное время отсутствуют. Поэтому большую ценность имеет следующая запись в Бельском летописце о событиях лета – осени 1611 г.: «А луцком взятые. Того же году летом посылал ис Торопца князь Семен Васильевич Прозоровской под Луки Великие на литовских людей товарища своего князя Семена Гагарина с ратными людьми разных городов. И князь Семен Гагарин пришед под Луки Великие изгоном, и Луки Великие город взял, и в городе поляков пана Воина Есинетцкого с товарищи взяли, и Луки Великие выжгли. А руские люди с Лук Великих разошлись по городам Московского государства, а Луки Великие покинули пусты и без остатков»<sup>32</sup>.

О судьбе Григория Валуева в Бельском летописце ничего не говорится. Возможно, он в это время отсутствовал в Луках. В этом городе Валуев оставил своего помощника пана Воина Есинецкого. В результате внезапного нападения отряда Семена



Гагарина на Луки значительная часть гарнизона во главе с Есинецким была захвачена в плен. Перед возвращением в Торопец Семен Гагарин приказал выжечь до основания эту укрепленную польскую крепость Великие Луки. С 1612 г. сведения о Великих Луках надолго пропадают в источниках. После избрания Михаила Романова в этот город воеводы долго не назначались. Служилые люди и жители Великих Лук разошлись по окрестным уездам. Значительная часть их ушла с Григорием Валуевым в Невель и Ржеву Пустую, некоторые присоединились к освободительному движению против поляков и перебрались в Торопец. С конца 1611 г. основной базой польского ставленника Григория Валуева стал Невель.

Успешный поход Семена Гагарина против Великих Лук, оплота польского короля Сигизмунда на Северо-Западе, несколько облегчил положение Пскова, которому угрожали враги со всех сторон.

Летописец неслучайно подчеркивает, что основную массу служилых людей у Лисовского в это время составляли местные помещики, «русские дети боярские».

Попробуем составить далеко неполный список луцких служилых людей по отчеству, которые могли входить в отряды Лисовского и Валуева в это время (весна – осень 1612 г.). Примем во внимание, что многие луцкие помещики из-за разорения своих земель стали пусторжевскими и невелискими помещиками. Естественно предположить, что все, кто летом 1612 г. писал челобитные королю Сигизмунду о пожалованиях, в этот период не принимали участия в освободительном движении против поляков, не присягали шведскому королевичу, не подчинялись новгородской администрации, а продолжали верно служить Семибоярщине и королевичу Владиславу. Из нескольких сотен имен, кому были пожалованы польским королем поместья в августе 1612 г., выберем только тех, кто имеет отношение к нашему региону. Эти пожалования в Вильно скреплял своей подписью и печатью канцлер Лев Сапега. Везде говорится, что эти поместья были пожалованы челобитчикам «за службу». Практически по всем челобитным принималось положительное решение о пожаловании, в некоторых случаях помещик-челобитчик получал часть пожалований (он просит дать два поместья, а ему дают одно). Вполне возможно, что не все челобитчики верно служили королю Сигизмунду с лета – осени 1610 г., как Г. Л. Валуев или как русские тушинцы с февраля 1610 г. Некоторые помещики перешли на службу Сигизмунду и Владиславу после свержения и ареста псковичами Лжедмитрия III лишь в мае – июне 1612 г. Эти лица также упоминаются среди челобитчиков. О продолжительности службы королю иногда говорится в челобитной («служу я тебе вот уже третий год»), но во многих челобитных такой фразы нет.

В своей челобитной луцкий помещик Степан Андреевич Валуев писал, что его поместье в Луках «ныне запустело от воинских людей». Поэтому

он просил дать ему на прокорм поместье Алексея Лихарева в Невельском уезде<sup>33</sup>. Из данной челобитной мы узнаем, что Алексей Лихарев был убит на службе королю, а жена и дети Лихарева находятся в Пскове (Псков в то время признавал власть Подмосковского ополчения Дмитрия Трубецкого и оставался врагом поляков). Одновременно этот Степан Андреевич Валуев просил поместье Федота Карцова в Луцком уезде (Ф. Карцов убит, жены и детей нет)<sup>34</sup>.

Сохранилось очень мало челобитных о пожаловании поместий в Луцком уезде. Среди таких помещиков можно назвать Богдана Креницына и Алексея Тыртова. Луцкий помещик Богдан Захарьев Креницын просил выморочное поместье Торха Губачевского в Луках Великих (тот убит, жены и детей нет)<sup>35</sup>. Другой луцкий помещик Алексей Афанасьевич Тыртов с окладом 550 четей писал, что имеет в Луках только 440 четей. Он просил в Луцком уезде в Жижецкой волости выморочное поместье Афанасия Бибикова, который был убит в Луках, а жены и детей у Бибикова нет<sup>36</sup>.

Еще один луцкий помещик Данила Федорович Алексеев просил дать ему поместье дяди Чоглока Алексеева, который умер<sup>37</sup>.

Луцкий уезд к 1612 г. был сильно разорен, поэтому некоторые луцкие помещики хотели получить поместья в соседнем, менее разоренном, Невельском уезде. Например, луцкий помещик Григорий Прокопьевич Мякинин просил дать ему в Невельском уезде выморочное поместье Ждана Синцова (Ждан Синцов убит, жены и детей нет). По его делу было принято положительное решение: «Дать за его службу»<sup>38</sup>.

Другой луцкий помещик Иван Федорович Арбузов писал в челобитной, что его поместный оклад 550 четей, а он имеет в Луках только 115 четей. Иван Арбузов просил в Невельском уезде в Каратаевском стане поместья Василия и Григория Ивановичей Лавровых. И. Ф. Арбузов сообщал, что Василий и Григорий Лавровы убиты в воровстве (возможно, служили раньше самозванцу или поддерживали Подмосковное ополчение), жен и детей нет<sup>39</sup>.

Особый интерес представляет челобитная невелиского головы стрелецкого Петра Максимовича Лукомского (который раньше был в Великих Луках), одного из руководителей города, первого помощника Григория Валуева, в подчинении которого находились несколько сотен стрельцов. Он сообщал, что его оклад 800 четей, поместья у него в Луках и Невеле 600 четей. Петр Лукомский просил в Невельском уезде поместье Алая Львова 150 четей (после смерти Алая Львова это поместье было отдано вдове, она умерла, детей нет). По данной челобитной было принято положительное решение: «Пожаловали голову стрелецкого Петра Лукомского за его службу тем Алаевской жены Львова прожиточным поместьем»<sup>40</sup>.

Это далеко неполный список помещиков, которые продолжали служить летом 1612 г. королю



Сигизмунду, в то время как под Москвой разворачивались бои ополчения Минина и Пожарского с гетманом Ходкевичем и польским гарнизоном. Большинство данных челобитных было написано в конце весны – начале лета 1612 г. Думается, что эти помещики и их потомки не любили позже вспоминать об этой службе польскому королевичу Владиславу и королю Сигизмунду, они очень хотели, чтобы эти документы не стали достоянием гласности. Ведь между челобитными конца 1610 г., когда многие верили в православного царя Владислава, и челобитными лета 1612 г., когда стали ясны для всех планы польского короля, существует большая разница.

Ситуация изменилась через полгода после избрания Михаила Романова на царство, вскоре после того как на Северо-Западе узнали о венчании нового царя (это произошло в июле 1613 г.). С августа – сентября 1613 г. луцкие помещики, находящиеся вместе с Григорием Валуевым в Невеле, переходят на сторону Михаила Романова. Теперь они начинают активно сражаться против своих прежних хозяев – польского короля Сигизмунда и его сына королевича Владислава.

Те луцкие помещики, которые ранее бежали в Торопец и воевали на стороне Подмосковного ополчения против поляков еще с весны 1611 г., приняли участие в избрании царем Михаила Романова, они находились в Москве зимой – весной 1613 г. вместе с торопецкими помещиками. Среди них – Исак Байков, луцкий помещик, который весной 1613 г. находился в Москве, где ему по его челобитной дали поместье в Торопце вместо старого луцкого поместья<sup>41</sup>.

Другой луцкий помещик Григорий Голенищев также находился в Москве в марте 1613 г. Он получил приказ служить впредь в Ржеве Володимирове. Ранее у него было выслуженное поместье его отца в Луках в размере 400 четей<sup>42</sup>.

Основная масса луцких помещиков, перешедших на сторону нового правительства Михаила Романова и получивших жалование в московских четвертях, была подведомственна Устюжской четверти, а также (в меньшей степени?) Галицкой и Костромской четвертям. Все эти четверти были центральными московскими финансовыми органами, туда поступали налоги из разных регионов страны, а из этих четвертей выдавалось жалование высшим разрядам служилых людей, так называемым четвертчикам.

О многих **четвертчиках Устюжской чети** известно благодаря сохранившейся почти полностью Расходной книге этой четверти 7127 года. Не беда, что начало данной книги утрачено. В этой утраченной части указаны четвертчики с очень большими окладами. Такие оклады (свыше 230 рублей) помещикам Великих Лук даже не снились. Хуже другое. В этой книге приведены сведения лишь за 1618 год, здесь указаны служилые люди, жившие в то время в последний год Смутного времени, и лишь изредка имеется запись о смерти того или

иною четвертчика в предыдущем году. Поэтому здесь мы не найдем информации о помещиках, четвертчиках Устюжской чети, погибших, например в 1613–1616 гг. А ведь эти годы нас интересуют больше всего. Учтем также, что все эти оклады указаны по состоянию на 1618 г. В 1613–1614 гг., когда данные помещики перешли на службу Михаилу Романову, их оклады были значительно меньше. Потом естественно последовали придачи за службу. Этот итоговый оклад к концу Смуты указан в данном источнике. Например, к началу Смуты у луцкого помещика Ивана Постникова Креницына был оклад 6 рублей, а к концу Смуты – уже 25 рублей. Редко удастся выяснить, когда именно и за какие конкретно заслуги данное лицо получило придачу к денежному окладу.

Среди четвертчиков Устюжской чети по состоянию на конец 1618 г. мы видим известных нам помещиков из Великих Лук Степана Андреевича Валуева и Петра Максимовича Лукомского. Они имели самые большие оклады – по 50 рублей<sup>43</sup>. Также значительный денежный оклад имел лучанин Майк Козлов – 38 руб.<sup>44</sup>

Далее в списке четвертчиков идут по убыванию ряд луцких помещиков. Один из них назван «Лучанин», другой – «Луцкий помещик». Трудно сказать, в чем здесь разница. Еще труднее определить, кто из этих перечисленных служилых людей из Великих Лук к моменту составления списка служил в Невеле, а кто – в Торопце. Поэтому приведем весь список. Всего в этом списке, кроме упомянутых ранее Степана Валуева, Петра Лукомского и Майка Козлова, указаны 24 луцких помещика.

Лучане (луцкие помещики): Родион Иванович Бороздин (27 руб.), князь Семен Иванович Андомский (25 руб., про него сказано умер), Замятня Костюрин (24), Андрей Клокачов (19), Владимир Хмелев (19), Захарий Петрович Юренин (17), Степан Афанасьевич Тыртов (17), Иван Андреев Беклемишев (16), Степан Великопольской (15), Богдан Гундоров Клокачев (13), Иван Самсонов Пушин (13), Несвитай Лаптев (11), Ишук Пасынков (11), Богдан Федоров Хмелев (11), Второй Вельяшев (6), Яким Обрютин (6), Алексей Дубровин (5)<sup>45</sup>.

Четвертчиками Устюжской чети были четверо луцких помещиков Креницыных: Иван Посников Креницын (25 руб.), Матвей Тиронов Креницын (21), Богдан Захарьев Креницын (18), Наум Васильевич Креницын (14)<sup>46</sup>. В случае с самым старым из Креницыных, Иваном Посниковым, мы наблюдаем интересную особенность: он начинал службу накануне Смуты четвертчиком Галицкой чети, а теперь мы видим его уже четвертчиком Устюжской чети<sup>47</sup>.

Известны также трое луцких помещиков Мякининых, получивших жалование из этой Устюжской чети. Среди них – Тимофей Мякинин (12), Данила Андреев Мякинин (9). Окул Андреев Мякинин (6)<sup>48</sup>.

Что касается **четвертчиков Галицкой чети**, то источники об этих людях довольно скудные.



Сохранился отрывок Кормленной книги данной четверти. Плюсом данного источника является то, что здесь указаны служилые люди, получавшие жалование начиная с 1613 и вплоть до 1617 г., т. е. за интересующий нас период.

Однако большим минусом данного отрывка Кормленной книги как источника Смутного времени следует считать то, что в ней указаны служилые люди с минимальными окладами (от 5 до 13 рублей). А ведь большинство помещиков северо-западных регионов (псковичей, новгородцев, лучан, пусторжевцев, невялян) имели оклады в пределах 14–30 рублей. Эти люди записаны в утраченной части данной книги, восстановить их имена намного сложнее.

Луцких помещиков, получавших жалование из Галицкой чети, записано в Кормленной книге всего 4 человека. Один из них – Иван Креницын (с окладом в 12 рублей). Про него кратко сказано, что «в кормленной книге 118-го году при царе Василье оклад ему 12 рублей»<sup>49</sup>. Это может быть как известный нам Иван Посников Креницын, ставший четвертчиком Устюжской чети, так и его однофамилец (родственник).

Другие луцкие помещики, четвертчики Галицкой чети – это Лаврентий Алексеевич Непенин (минимальный оклад 5 рублей, получил его в июле 1614 г.), Александр Васильевич Фомин (6 рублей, получил лишь в феврале 1617 г. «за торопецкую службу 123-го году»), Иван Романович Тыртов (2 рубля придачи к прежнему окладу в 5 рублей за «невельское осадное сиденье и за выход»)<sup>50</sup>.

Еще один источник о службе лучан Михаилу Романову – это **Кормленная книга Костромской чети**, опубликованная А. Н. Зерцаловым еще в 1894 г. К сожалению, данный источник в полном объеме тоже не сохранился. В утраченной части приведены списки служилых людей (до 700 чел.), занимавших высшее служебное положение и имевших большие оклады (свыше 20 руб.). Из 4 записанных в этой книге луцких помещиков отметим прежде всего Юрия Ламаного (13 руб.) и Ивана Личинова Алексеева (11 руб.), которые отличились в боях под Невелем, Улой и Усвятами, в том числе участвовали в «Невельском осадном сидении», как и упомянутый ранее четвертчик Галицкой чети лучанин Иван Романович Тыртов. Лучанин Петр Иванович Красный отличился при обороне Торопца от поляков Гонсевского, а про другого лучанина Андрея Петровича Пасынкова ничего не сказано, за какие заслуги он стал четвертчиком: «В кормленной книге 125 году написан в 16 рублей голое имя, а почему написан, того не написано»<sup>51</sup>.

Что касается «Невельского осадного сиденья 123 г.», в котором отличились лучане Юрий Ламаной, Иван Алексеев и Иван Тыртов, то это сюжет отдельного исследования.

В феврале 1614 г. получил жалование в Москве помещик из Великих Лук («лучанин») Петр Васильевич Креницын (за что – не указано). Это еще один из представителей рода Креницыных<sup>52</sup>.

В феврале – марте 1614 г. в Москве находилось немало помещиков из Великих Лук. Этот город будет восстановлен лишь после окончания Смуты, а служилые люди из Лук пополнили в те годы гарнизоны других крепостей. Часть луцких помещиков служила в это время в Торопце, а другие – в Невеле вместе с пусторжевскими помещиками. Десять луцких помещиков будучи в Москве 10 марта 1614 г. в Разряде подтвердили после проведенного сыска прежний оклад И. И. Голенищева-Кутузова. Это И. Н. Арбузов, А. М. Бочкин, Г. Ф. Костянтинов, А. И. Марков, М. А. Мякинин, Ф. И. Нефедьев, Н. И. Скулев, М. Ф. Сунгуров, И. Р. Тыртов, В. Д. Языков<sup>53</sup>.

В разрядной записи за 1617/1618 г. Великие Луки еще не указаны, а луцкие помещики записаны в Невеле и Торопце. Впервые луцкие помещики в разрядной записи упоминаются в Торопце и Невеле под 7124 г. (1615/1616). В Торопце – «Лучан 27 ч.», а на Невеле – «Лучан 122 ч.». На следующий год положение изменилось. Вследствие потерь личного состава из-за частых нападений польских отрядов на Невель и Торопец, численность луцких помещиков в составе гарнизонов этих крепостей несколько уменьшилась. В Торопце «Лучан конных – живут в Торопце с разоренья 20 ч., да пеших 3 ч.... На Невле дворян и детей боярских: Лучан – живут с разоренья на Невле 106 ч.». Это же количество луцких помещиков в Торопце (23 ч.) и на Невеле (106 ч.) мы видим и в 7126 г. (1617/1618)<sup>54</sup>.

В разрядной записи за 1618/1619 г. впервые после Смуты указаны Великие Луки и воевода этого города: «На Луках Великих воевода Григорей Иванов сын Кокорев, а с ним: дворян и детей боярских Луцких и Невельских и Пусторжевских помещиков, которые были на Невле и которые Луцкие помещики были в Торопце, всего 230 ч., атаманов и ясаулов и казаков 204 ч.; стрелцов с головою с Микитой Сумороковым да с 3-ма сотники 300 ч.; пушкарей и воротников и плотников и кузнецов 41 ч., розсыльчиков 7 ч.; посадицких людей, Лучан и Невлян по сказке Лучан же и Невлян, дворян и детей боярских: Петра Лукомского с товарищи 76 ч.». Одновременно некоторое количество луцких помещиков продолжали находиться в Торопце с воеводой Василием Вольнским: «...а с ним дворян и детей боярских Торопчан, Лучан, Холмич 322 ч.»<sup>55</sup>.

Судя по данным разрядным записям, Великие Луки были восстановлены сразу же после окончания Смуты. После утраты Невеля, переданного польской стороне по условиям Деулинского перемирия, Луки стали одной из главных пограничных крепостей на северо-западе. Во время Смоленской войны (1632–1634 гг.) именно Великие Луки стали базой для развертывания русских войск на северо-западе страны, а лучане сыграли важную роль в успешных походах к Невелю и другим русским городам, захваченным поляками. То же самое происходило и во время очередной русско-польской войны 1654–1667 гг. Хорошо известна героическая история Великих Лук и в более позднее время.



Думается, что жителям этого города воинской славы можно по праву гордиться подвигами своих предков.

### Примечания

- <sup>1</sup> Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при императорском Московском университете (далее – ЧОИДР). 1907. Кн. 3 (222). С. 200–201.
- <sup>2</sup> Там же. Кн. 2 (221). С. 9.
- <sup>3</sup> Челобитье жильца Ивана Иванова Голенищева-Кутузова о справке за ним поместной и денежной приращ, пожалованных царем Василием Шуйским. 1614, март // Акты Московского государства, изданные Академией наук. Разрядный приказ. Московский стол (далее – АМГ) / под ред. Н. А. Попова. СПб., 1890. Т. 1 (1571–1634), № 60. С. 96–98.
- <sup>4</sup> Жалованные и другие грамоты Польского короля Сигизмунда Московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам, на отчины и поместья, чины, денежные и хлебные оклады, дворы и пр. по случаю избрания сына его, королевича Владислава на Московский Царский престол. 1610–1612 // Акты, относящиеся к истории Западной России (далее – АЗР). Т. 4 (1588–1632). СПб., 1851. № 183–DCCCIII. С. 424.
- <sup>5</sup> Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время // ЧОИДР. 1907. Кн. 3 (222). С. 276.
- <sup>6</sup> Лист Великолуцкого наместника и воеводы Федора Плещеева Усвятскому подстаросте Юрию Каховскому, о запрещении порубежным жителям производить грабежи в Великолуцком, Невельском и Заволочском уездах. 1608, июля 15 // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ). СПб., 1841. Т. 2 (1598–1613), № 88. С. 120.
- <sup>7</sup> Отписка Бельского воеводы Богдана Собакина о поимке на Погорелом Городище мужиков с грамотами от Самозванца о задержании на дороге литовских послов. 1608, августа 3 // АИ. Т. 2, № 90. С. 121. В тексте грамоты воевода Белой назван Борис Собакин.
- <sup>8</sup> Псковская летопись / изд. на иждивении Общества любителей древностей Российских при Московском университете М. Погодиным (далее – ПЛ). М., 1837. С. 227; Аракчеев В. А. Псковский край в XV–XVII вв.: Общество и государство. СПб., 2003. С. 188.
- <sup>9</sup> Дело о даче Н. М. Плещееву жалованья за прошлые годы (Столбцы Галицкой и Владимирской Четвертей 120–126 гг.): Четвертки Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / предисл. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2, № 84. С. 300–303.
- <sup>10</sup> Отписка Великолуцких самозванцевых наместников и воевод князя Василия Шаховского и Петра Горяинова Усвятскому подстаросте Юрию Коховскому о невозможности выдать гетману Сапеге требуемые им деньги. 1610, июля 7 и 15 // АИ. Т. 2, № 285. С. 343–345.
- <sup>11</sup> Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 544.
- <sup>12</sup> Отписка Великолуцких самозванцевских наместников и воевод... // АИ. Т. 2, № 285. С. 343. См. также: Письма разных лиц к гетману Яну Сапеге: боярина и воеводы Федора Плещеева и наместников и воевод князя Василия Шаховского и Петра Горяинова, о снятии копий с грамоты Лжедмитрия и возвращении подлинной Сапеге; о посольстве гонцов из разных городов к Лжедмитрию; о размене пленных, о намерении Торопчан принести повинную Лжедмитрию. 1610, мая 7 // Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. № 12–LXXII. С. 79–81.
- <sup>13</sup> О смятении и междоусобии и отступлении Псковичей от Московского государства и как быша последи беды и напасти на град Псков от нашествия поганых и пленения пожар, глад, и откуда начаша злая сия быти и в кое время (далее – О смятении и междоусобии...) // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). СПб., 1851. Прибавления к псковским летописям. Т. 5. С. 70.
- <sup>14</sup> Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. СПб., 1910. С. 102–103. Гл. 244. О ссылке ратных людей с Москвы.
- <sup>15</sup> Поход его королевского величества в Москву 1609 года // Русская историческая библиотека (далее – РИБ): в 39 т. СПб., 1872. Т. 1. Памятники, относящиеся к Смутному времени. Стб. 685.
- <sup>16</sup> Жалованные и другие грамоты Польского короля Сигизмунда... // АЗР. Т. 4, № 183–CCXXXIX. С. 348.
- <sup>17</sup> АЗР. Т. 4, № 183–CDXLV. С. 367.
- <sup>18</sup> Донесение польскому королю Сигизмунду III и его сыну царю Владиславу Сигизмундовичу от боярина И. Салтыкова из Новгорода. 1610 год, 17 ноября // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел (далее – СГГД). М., 1819. Ч. 2, № 209. С. 452–460.
- <sup>19</sup> СГГД. Ч. 2, № 209. С. 456–457.
- <sup>20</sup> Там же. С. 459–460.
- <sup>21</sup> ПЛ. С. 227; Новый летописец. С. 102. Гл. 243.
- <sup>22</sup> Новый летописец. С. 102. Гл. 243.
- <sup>23</sup> Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия... С. 540.
- <sup>24</sup> См.: ПЛ. С. 230.
- <sup>25</sup> АЗР. Т. 4. № 183–DCLXXXIV. С. 394.
- <sup>26</sup> ПЛ. С. 228.
- <sup>27</sup> Ответ второй Литовско-Польских послов московским царским послам на съезде под Смоленском. 1615, в конце ноября // АЗР. Т. 4, № 209. С. 478.
- <sup>28</sup> АЗР. Т. 4, № 183–CDLX, CDLXII, CDLXIV. С. 369.
- <sup>29</sup> Реестр жалованных листов короля Сигизмунда русским людям на вотчины и поместья. Под Смоленском, 1611 г. (Из Литовской метрики) // Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 / под ред. и с предисл. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1911. Кн. 4. М., 1911. С. 121 (3 января 1611 г.).
- <sup>30</sup> Там же. С. 122.
- <sup>31</sup> Челобитные польскому королю Сигизмунду и королевичу Владиславу. 1611 // РИБ. СПб., 1875. Т. 2, № 172–1. Стб. 698–699.
- <sup>32</sup> Бельский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 259.
- <sup>33</sup> АЗР. Т. 4, № 183–DCCLXXV. С. 412.



- <sup>34</sup> АЗР. Т. 4, № 183–DCCLXXIX. С. 414.  
<sup>35</sup> Там же. № 183–DCCLXXXI. С. 414–415.  
<sup>36</sup> Там же. № 183–DCCXCII. С. 419.  
<sup>37</sup> Там же. № 183–DCCLXXVII. С. 413.  
<sup>38</sup> Там же. № 183–DCCLXXVI. С. 412–413.  
<sup>39</sup> Там же. № 183–DCCXC. С. 418.  
<sup>40</sup> Там же. № 183–DCCLXXXVI. С. 417.  
<sup>41</sup> Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столпы Печатного приказа) / под ред. Л. М. Сухотина. М., 1915. С. 85.  
<sup>42</sup> Там же. С. 45.  
<sup>43</sup> Расходная книга Устюжской чети 127 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. М., 1912. Т. 28. Стб. 691, 692.  
<sup>44</sup> Расходная книга Устюжской чети 127 г. // РИБ. Т. 28. Стб. 697, 698, 700.  
<sup>45</sup> Там же. Стб. 706, 708, 710, 717, 720, 722, 725, 729, 730, 734, 741–743.  
<sup>46</sup> Там же. Стб. 708, 714, 719, 727.  
<sup>47</sup> Кормленая книга Галицкой Четверти 7112 г.: Четвертки Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / предисл. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 33.  
<sup>48</sup> Расходная книга Устюжской чети 127 г. // РИБ. Т. 28. Стб. 732, 737, 743.  
<sup>49</sup> Кормленая книга Галицкой Четверти 7121–25 гг. // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 86.  
<sup>50</sup> Там же. С. 180, 171, 154.  
<sup>51</sup> Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 годов / публ. А. Н. Зерцалов // РИБ. СПб., 1894. Т. 15. С. 2, 54, 92, 119.  
<sup>52</sup> Расходная книга товарам и вещам 1613–1614 гг.: Приходно-расходные книги Казенного приказа // РИБ. Т. 9. СПб., 1884. С. 211, 246.  
<sup>53</sup> Челобитые жильца Ивана Иванова Голенищева-Кутузова... // АМГ. СПб., 1890. Т. 1, № 60. С. 96–98.  
<sup>54</sup> Книги разрядные по официальным оных спискам : в 2 т. Т. 1 (1614–1627). СПб., 1853. Стб. 175, 176 (за 1615/1616 г.); Стб. 387, 388 (за 1616/1617 г.); Стб. 523, 524 (за 1617/1618 г.).  
<sup>55</sup> Там же. Стб. 643.

УДК 94 (47)+929 Кавелин

## «ИСТОЧНИК ВСЕХ ИДЕАЛОВ – НРАВСТВЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ»: К. Д. КАВЕЛИН В ДИСКУССИЯХ О НРАВСТВЕННОСТИ, РЕЛИГИИ И ИСКУССТВЕ (70–80-е гг. XIX в.)

О. В. Кочукова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского  
E-mail: kochukovasgu@mail.ru

Статья посвящена анализу публицистических произведений К. Д. Кавелина, в которых отражены его этико-философские и эстетические взгляды. На примере взглядов Кавелина подчеркивается значение дискуссий о нравственности, религии и искусстве в контексте интеллектуальной жизни образованного общества в эпоху Великих реформ.

**Ключевые слова:** К. Д. Кавелин, общественное мнение, образованное общество, этика, искусство.

**«The Source of all the Ideals is a Moralist»: K. D. Kavelin in the Discussions on Morality, Religion and Art (70–80 ies XIX century)**

O. V. Kochukova

The article analyzes the op-ed pieces of K. D. Kavelin, which reflect his ethic, philosophic and aesthetic views. By the example of Kavelin's views the importance of the discussions on morality, religion and art in the context of the intellectual life of educated society in the era of the Great Reforms is emphasized.

**Key words:** K. D. Kavelin, public opinion, educated society, ethics, art.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-137-144

Вторая половина XIX века в России была не только эпохой Великих реформ и острых обще-



ственных дискуссий на социально-политические темы, но и временем напряженной духовной работы в нравственно-этической сфере. Обсуждение философско-этических, нравственно-религиозных и эстетических вопросов представляло собой самую сложную и важную сферу общественного сознания, учитывая ее непосредственную близость к смысложизненным и ценностным ориентирам в пространстве личной жизни человека. Среди текстов, созданных современниками, которые отразили их размышления, переживания и эмоции по поводу «вечных вопросов», внимание исследователей должны привлечь публицистические произведения видного общественного деятеля России К. Д. Кавелина (1818–1885). К. Д. Кавелин принял самое активное участие в дискуссиях современников о нравственности, религии и искусстве. Примечательно, что большинство работ, написанных им в 1870–80-е гг., было посвящено проблемам философии, этики, психологии («Задачи психологии», «Задачи этики», «Наш умственный строй», «Злобы дня» и др.). В одном ряду с ними находятся два очерка, специально посвященных русскому искусству: «О задачах искусства» (1878) и «Мефистофель Антокольского» (1880)<sup>1</sup>.

Можно обозначить некоторые причины, которые могут определять исследовательский интерес в отношении воззрений К. Д. Кавелина в сфере этики и искусства. Во-первых, они представляют



собой одно из многочисленных свидетельств признания русским образованным обществом пореформенного периода особой значимости этических и эстетических проблем. Кавелин, как и многие другие общественные деятели, при всем внимании к экономике и политике приходил к выводу о безуспешности реформаторских начинаний, которые не опираются на культурные и социально-психологические изменения в обществе. В 1850-е годы Кавелин считал, что корень всех зол – крепостное право. В 1870-е годы он пришел к мысли о том, что не стоит ожидать больших изменений к лучшему до тех пор, пока «философские вопросы будут оставаться в теперешнем тумане и не будут расчищены пути, ведущие к правильной их постановке»<sup>2</sup>. Он утверждал, что если сможет обдуманно высказать решение нравственно-этических и эстетических проблем современности, то будет считать выполненным свой долг и сможет умереть со спокойной совестью<sup>3</sup>.

Во-вторых, мысли К. Д. Кавелина об искусстве интересны тем, что они происходят не из профессиональной художественной среды, а представляют собой непосредственное зрительское восприятие, свидетельствуя о художественных вкусах, впечатлениях и ожиданиях «публики», или, говоря современным языком, реципиентов искусства. Автора очерка «О задачах искусства» заботил вопрос о том, «в каком смысле впечатления публики могут быть полезны художнику, служить делу искусства»<sup>4</sup>.

Центром этико-философских построений К. Д. Кавелина являлась проблема свободной человеческой личности, индивидуальности. Интересно, что именно с темы свободы личности началось самостоятельное развитие общественной мысли Кавелина: в его первом значительном произведении «Взгляд на юридический быт древней России» (1847) рассматривалось историческое развитие личности в России. Ранний период становления мировоззрения Кавелина прошел под влиянием западничества и либерализма, но сами эти течения общественной мысли в России XIX в. не исключали активного внимания к христианской этике. Дискуссии западников и славянофилов так или иначе сводились к вопросам о месте человека в мире и нравственной роли нации во всемирном историческом процессе. Широко известны суждения П. Я. Чаадаева о значении христианства во всемирной истории и его мнение о преобладающей роли католичества в становлении социальной жизни европейского общества. Славянофильская мысль была направлена на выявление роли православия в формировании русской народности. Становление взглядов Кавелина также свидетельствовало об определенном внимании к таким вопросам. Во всяком случае, в 1847 г. он утверждал: «Христианство открыло в человеке и глубоко развило в нем внутренний, невидимый духовный мир... Христианство нашло его и поставило бесконечно высоко над внешним материальным миром. Когда внутренний духовный мир получил такое

господство над внешним материальным миром, тогда и человеческая личность должна была получить великое, святое значение, которого прежде не имела»<sup>5</sup>. Другими словами, христианская этика не противопоставлялась либеральной идеологии, основанной на постулате верховной ценности свободы личности, а напротив, служила способом ее обоснования, можно сказать «нравственной легитимации» в общественном сознании.

Тем не менее последующий период развития общественной мысли, начатый с переживания трагедии Крымской войны и вылившийся в подъем критически-нигилистических настроений, отодвинул нравственно-этические вопросы на второй план. Эпоха Великих реформ диктовала первоочередную важность социальных вопросов современности, ориентировала на острую политическую злободневность. И только к концу 1870-х гг. стала очевидна настоятельность возвращения к вопросу о смысле человеческой жизни. После вопросов «Кто виноват?» и «Что делать?» настала пора задуматься над тем, «Что есть истина?».

Какие факторы содействовали подобному повороту в общественном мнении? Прежде всего, любая эпоха коренных реформ и революций имеет серьезные риски духовно-нравственного плана, а недооценка их значимости в предыдущий период только обостряла ситуацию. В пореформенной России, по словам Кавелина, сложилась такая ситуация, когда «на отсутствие нравственного чутья, азбучных понятий о добре и зле, натыкаешься на каждом шагу... других идеалов, кроме личной наживы и наслаждения житейскими благами, нет»<sup>6</sup>. Выполняя обязанности присяжного заседателя, он вынес из своего участия в судебном процессе следующее наблюдение: «Подсудимые и то, что у нас происходит перед глазами на суде, воспроизводит печальную нашу действительность во всей ее мучительной и безотрадней правде: неразвитость, невежество, создающие, *par contre*, произвол и бесправие. Это еще совсем первобытный мир, не захваченный развитием и историей»<sup>7</sup>. Критикуя народников, Кавелин писал, что они унаследовали заблуждения славянофилов. И те и другие «не заметили, что в нашем крестьянском быту многие явления, показавшиеся им здоровыми зародышами лучшей гражданственности... суть не более, как запоздалые остатки исчезающего стадного чувства и полнейшей индивидуальной неразвитости»<sup>8</sup>. Не меньше претензий предъявлял Кавелин и к культурному развитию образованного общества, к состоянию общественного мнения. Больше всего опасений вызывал нравственный кризис образованного меньшинства («передовой интеллигенции»). Новыми и потрясающими сознание современников явлениями стали революционный террор, быстрое и неудержимое распространение радикализма. Кавелин одним из первых обратил внимание на невыработанность общественной реакции на это явление: «Наш образованный слой похож на нагальванизированный труп, при каждом



неудавшемся покушении мертвое русское общество встрепенется и потом тотчас опять погружается в свою обычную сонливость и бездействие»<sup>9</sup>.

К. Д. Кавелин постоянно подчеркивал центральное значение проблемы личности в формировании общественного мнения как ведущего фактора политического развития. Это характеризует позицию общественного деятеля как последовательно либеральную. В переписке с различными участниками общественных дискуссий эпохи Кавелин часто возвращался к мысли о необыкновенной важности правильной постановки этико-философских вопросов, исходя из целей становления общественного мнения. Обращаясь к Д. А. Милютину, он замечал: «Действовать теперь можно и должно лишь на общественное мнение и взгляды людей... Пока предрассудки политические и социальные решают все, на правильный ход законодательства трудно рассчитывать»<sup>10</sup>. В письме к Ю. Ф. Самарину Кавелин предположил, что «острый характер общественных болезней, борьба школ и мирозерцаний происходят... единственно от того, что работа мысли не предупредила борьбы, не успела совершить полного своего круга»<sup>11</sup>. Таким образом, размышления над характером общественной жизни народа и интеллигенции привели Кавелина к признанию актуальности этико-философских проблем.

Критический обличительный пафос общественного мнения, нигилизм по отношению к прошлому и настоящему казались необходимыми явлениями в эпоху масштабных реформ, но они имели и явно отрицательные последствия, сокрушая общественные идеалы. Современники весьма метко назвали образовавшееся поле их повседневной деятельности «безыдеальной действительностью». Этому же способствовало и распространение утилитарной этики и теории «разумного эгоизма». В начале 1880-х гг. уже стало неизбежным признание того, что взгляд на добро как общественную пользу узок, недостаточен и только абстрактно применим к жизни. Как заметил В. А. Гольцев в очерке «Нравственность и право»: «Утилитарная теория терпит вполне заслуженно крушение, и вопрос о добром и злом, о честном и бесчестном переносится в глубину человеческого сознания, освобождаясь при этом от старых предрассудков и туманной фразеологии». По словам В. А. Гольцева, К. Д. Кавелин как раз и относился к тем людям, которые с полным правом восстали «против измерения нравственного значения деятельности человека внешне общественной пользой»<sup>12</sup>.

Взгляд на общественную пользу как на единственный критерий нравственности приводил к перемещению самого понятия «идеал» из сферы духовных ориентиров индивидуального нравственного выбора в сферу борьбы за достижение неких социально-политических принципов и учреждений. Радикальная интеллигенция начинала заполнять образовавшуюся духовную пустоту, претендуя на роль новых пастырей народа и но-

сителей идеалов. Ситуации общественного «искушения» и «соблазна» содействовали внешние формы обманчивого сходства жизненного этоса революционной молодежи (как стиля жизни и ориентации культуры) с особым образом понятой этикой христианства: жертвенность, подвижничество, готовность отдать жизнь за идеалы, аскетизм в быту, героизация мученичества в период гонений, арестов, наказаний и казней. Подобные характеристики сознания и деятельности приводили даже к появлению евангельских параллелей в общественном восприятии революционеров-народников<sup>13</sup>.

В связи с этим примечательно то, что Кавелин, принимаясь в последний период своей жизни за написание трудов по этике и философии, четко понимал, кому они были предназначены. Так, в статье «Злобы дня» он оговаривался, что собственно выработка современной наукой оснований этики предназначена не для большинства народа, интересы которого пока не выходят за пределы повседневных нужд и потому для их регулирования достаточны юридические нормы. Кавелин разделял сферы нравственности и права, «нравственную» и «юридическую» личность. «Нравственная личность» рассматривалась им как общечеловеческий духовный идеал. Но относительной основной массы населения России, по его мнению, предстояло еще решить более узкую задачу формирования «юридической личности». Под ней Кавелин подразумевал «личность в самом простом, обиходном смысле, как ясное сознание своего общественного положения и призвания, своих внешних прав и своих внешних обязанностей, как разумное поставление ближайших практических целей и такое же разумное и настойчивое их преследование»<sup>14</sup>. Точно так же не было проблемы разработки этических концепций и в отношении «истинно верующих людей», отличающихся «простой и деятельной религиозностью». Все заботы автора были направлены на этические принципы «образованного просвещенного меньшинства», которое уже не могло довольствоваться простым религиозным чувством (или уже не умело испытывать его)<sup>15</sup>. Сциентизм и рационализм мышления требовали в вопросах нравственности, как и во всяких других, «строгих научных оснований». Но как раз вопросы нравственности оставались на тот момент вне пределов научного знания, так как наука была занята общими законами, а не индивидуальным человеческим сознанием. Вся «сила и тайна религии», в глазах Кавелина, и состояла в заботе об «удовлетворении духовных потребностей индивидуального человеческого существования»<sup>16</sup>.

В трактовке Кавелиным «юридической личности» заметно влияние философии позитивизма. Но в понимании «нравственной личности» он внес новизну и вышел за пределы какого-либо одного философского направления. Кавелин полагал, что материалистическое сознание, культивируемое наукой, создавало духовный тупик: человек оказывался потерянной частицей в огромном безличном



мире, подчиненном объективным законам природы и общества, а направленность основного внимания на достижение материального благополучия не гарантировала нравственного здоровья. «Пороки и преступления под влиянием этих несомненных благ не уменьшаются между людьми, а только становятся утонченнее», а люди не становятся духовно более развитыми автоматически вслед за улучшениями экономического положения, учреждений суда и управления и т. п.<sup>17</sup> Выход из создавшегося положения Кавелину виделся в развитии науки этики, которая должна исходить из обновленных философских оснований: следовало признать относительную независимость духовного мира как результата интеллектуальной и эмоциональной деятельности человека от объективных законов материального мира. (Здесь нельзя не упомянуть о том, что В. В. Зеньковский определил философскую позицию Кавелина как «смесь бескрылого позитивизма с вдохновенным этическим энтузиазмом»<sup>18</sup>.)

В 1872 г. Кавелин выступил с программной работой «Задачи психологии», в которой представлял свои философские воззрения. В центре внимания автора «Задач психологии» оказалось соотношение материального и идеального в духовной природе человека. В трактовке данной проблемы Кавелин попытался занять промежуточную позицию, критикуя как материалистическое, так и религиозно-идеалистическое мировоззрение. Работа Кавелина вызвала оживленные споры. В качестве представителя «философско-психологической школы» с Кавелиным полемизировал И. М. Сеченов. Последний утверждал, что «психические акты рождаются в сознании всегда как последствия, никогда – произвольно»<sup>19</sup>. Но признать такое заключение представлялось Кавелину совершенно неприемлемым. Очевидно, в данном случае он был солидарен с Ю. Ф. Самариним, который в письме к А. И. Герцену еще в 1864 г. так характеризовал сущность материалистического мировоззрения: «...вы поработаете личность внешнему закону необходимости, которую предопределяется решительно все ... Личность, в том смысле свободного, изнутри создающего духа, теряет свой центр и, как частица вещества, расплывается в макрокосмосе. Вместо личности остается безразличная сфера, в которой совершается игра стихийных сил, ей неподвластных»<sup>20</sup>. С другой стороны, возникла полемика с Ю. Ф. Самариним. За три года произошел трехкратный обмен мнениями. Кавелин признавал большую независимость духовности от материальных условий существования (в отличие от классического материализма), но он отрицал существование духовного мира помимо души человека (то есть в этом смысле был безрелигиозен, в отличие от Самарина).

Дореволюционный исследователь М. М. Троицкий определил позицию Кавелина как «реал – идеализм», имеющий аналоги в европейской философии. По его мнению, суть представлений Кавелина

сводится к следующим словам: «Над видимым, материальным миром в душе человека создается другой, невидимый, идеальный мир – мир представлений и мыслей, которому человек подчиняет свое личное, индивидуальное существование, по требованию которого он переделывает свою психическую жизнь»<sup>21</sup>. Историк философии В. В. Зеньковский, исследуя «моральный идеализм» Кавелина, считал нужным делать оговорки при упоминаниях о позитивизме Кавелина в 1870–80-е гг. В. В. Зеньковский писал о «полупозитивизме» автора «Задач психологии», так как в этой работе «пафос свободы отбрасывает далеко идею необходимости, лежащую в основе научного постижения мира...»<sup>22</sup>

Значение философских размышлений Кавелина заключалось прежде всего в создании модели человеческой личности. В новой для себя роли автора работ по этике и психологии он стремился преодолеть «грех бездуховности» европейского либерального общества, подчеркивая, что и в обществе, основанном на ценностях свободы, прав человека, экономической активности может происходить «оскудение жизни», возобладавать «бедность и пустота мышления»<sup>23</sup>.

В работах Кавелина, посвященных проблемам этики, намечены и основные этические принципы, которые, по его мнению, было необходимо постепенно и научными методами внедрять в сознание интеллигенции. К ним он относил: полное сознание значения внутреннего мира человека («в самом себе искать точки опоры»); любовь к ближнему, независимо от достоинств и недостатков конкретных лиц («заменить любви нельзя ничем»); смирение перед судьбой («мужественное признание того, чего нельзя отвратить»); чувство веры и надежды. Переключка с основами христианской этики несомненна. Но оставался невыясненным один важный вопрос: действительно ли можно найти «точку опоры» в самом человеке или все-таки необходимо объективная данность истины? Именно по этой причине размышления Кавелина вызвали оживленную общественную дискуссию, в которой приняли участие Ю. Ф. Самарин, Ф. М. Достоевский, В. А. Гольцев, И. М. Сеченов. Одни указывали на необходимость признания божественного источника истины (но Кавелин был безрелигиозен в том смысле, что не признавал существования духовного мира за пределами человеческого сознания), другие полагали, что объективные этические нормы должны быть выработаны обществом (но ведь как раз нравственное состояние современного общества Кавелин считал болезненным).

В этой нерешенности и открытости поднятой Кавелиным нравственно-этической проблематики, возможно, проявилась и личная тоска по утерянной религиозности. Во всяком случае, совершенно особым чувством проникнуты слова Кавелина по поводу впервые увиденной им на выставке картины И. Н. Крамского «Христос в пустыне»: «В умилении и трепете я забыл всех и все около себя. Мне казалось, что я стою перед самим Спа-



сителем. Меня начинали давить слезы умиления и восторга, какими плачет человек, когда правда, чистота, самоотверженная любовь к другим являются перед ним не в виде несбыточной мечты или недостижимого идеала, а как живой образ, действительное существо, и он снова надеется и верит с надеждой и верой лучших лет, казавшейся навсегда утерянной»<sup>24</sup>.

Тем не менее этико-философская концепция К. Д. Кавелина оставалась либеральной по своему содержанию. Она противостояла в равной степени как радикально-демократическому, так и консервативному пониманию свободы личности. Poleмика с первым из них косвенно отразилась в дискуссии Кавелина с А. Н. Пыпиным (статья «Белинский и последующее движение русской критики»), со вторым – в ответе на размышления Ф. М. Достоевского<sup>25</sup>.

Представляет интерес тот факт, что полемика К. Д. Кавелина с представителями разных течений в общественном движении отразила заметный интерес к такому понятию, как «идеал» (и в нравственном его смысле, и в социально-политическом). Дискуссия об идеалах в мировоззрении современников развернулась в связи с обсуждением вопроса о роли В. Г. Белинского в развитии литературной критики. Такой вопрос был поставлен А. Н. Пыпиным, который пришел к выводу о том, что «новая критика» (Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и последующие представители радикально-демократического направления) была прямым продолжением и развитием идей Белинского. Кавелин в статье «Белинский и последующее движение нашей критики» высказал мысль, что «новая критика» развивала только «отрицательную» сторону мировоззрения Белинского, почти не затронув положительную. «Отрицание» Белинского, по мнению Кавелина, было направлено на утверждение «положительного идеала». Последним являлась высоконравственная личность как общечеловеческая, универсальная ценность. Но впоследствии, как полагал Кавелин, идеалы Белинского вытеснили идеалы иного рода. «Белинский действовал прямо на живую почву и источник всякого идеала – на человеческую нравственную, духовную личность. Последующие критики относились к действительности совсем иначе. Отжившим формам жизни они противопоставили свои, столь же настойчивые и требовательные, и потому столь же стеснительные»<sup>26</sup>. Кавелин старался найти примирительную, центристскую позицию: социально-политические идеалы имеют право на существование, но их основой должен оставаться идеал нравственной личности, имеющий общечеловеческий характер; сами же идеалы должны вырастать на реальной почве, так как опасно навязывать действительности отвлеченные формулы. Размышления Кавелина отразили типично либеральное восприятие радикального мировоззрения. Так, например, редактор «Недели» П. А. Гайдебуров писал, что «Белинский старался

сформировать человека, а его последователи заботились только о создании бойца известных начал, приноровленного к потребностям минуты»<sup>27</sup>. В этих словах слышится явная переключка с мыслями Кавелина.

В то же время этические концепции К. Д. Кавелина входили в противоречие с консервативно-религиозным пониманием личности человека. В последнем случае показательна полемика с Ф. М. Достоевским. «Письмо Достоевскому», опубликованное в «Вестнике Европы», было откликом на Пушкинскую речь и «Дневник писателя» за 1880 год. Содержание полемики было детально проанализировано В. А. Китаевым. Исследователь четко выделил основные линии идеологического противостояния Кавелина и Достоевского<sup>28</sup>. Кавелин считал неверной идеализацию духовной природы русского народа, который совершенно не склонен был считать истинным носителем высокого нравственного смысла христианства. Напротив, характерные особенности облика русского народа Кавелин рассматривал как свидетельства его «юношеского возраста». Он не видел альтернативы процессу индивидуализации и не признавал превосходства «почвеннического» идеала человека над «типом западного европейца». Последний сохранял, в глазах Кавелина, все свое историческое и культурное значение: «Западный европеец не думает покоряться неблагоприятным условиям, старается овладеть ими, покорить их себе», он представляет собой «деятельную, преобразовательную сторону христианства»<sup>29</sup>. Вместе с тем Кавелин полагал, что славянофилы и Достоевский верно указывали на «ахиллесову пяту» западной цивилизации – недостаточное внимание к нравственному, духовному миру человека. Но окончательный вывод Достоевского Кавелин отвергал: «Вы не доводите анализа до конца. Правильный, полный анализ приводит, мне кажется, к тому заключению, что образцовая общественная жизнь складывается из хороших общественных учреждений и из нравственного развития людей... Односторонен Ваш взгляд, будто нравственное самосовершенствование может заменить собою гражданские идеалы»<sup>30</sup>. По существу, Кавелин противостоял этике русского консерватизма, с ее скептическим отношением к возможности улучшения духовной природы человека в зависимости от прогресса гражданской жизни общества.

На фоне дискуссий, в которых принял участие К. Д. Кавелин, вполне явным становится четкая грань, отделяющая его от идеологических оппонентов. Этой гранью являлось признание возможности прогресса общественных форм и учреждений, непременно связанного с развитием человеческой индивидуальности и ее духовно-нравственного потенциала. Немаловажно и то, что мировоззрение Кавелина, основанное в последний период его общественной активности на безусловном приоритете этико-философской проблематики, отразило постоянный поиск идеологических ком-



промиссов. Целью своих публицистических работ К. Д. Кавелин полагал «привести к образованию одной большой национальной партии, в которой все бывшие направления слились бы в дружном преследовании, с различных точек зрения, общечеловеческих целей и в разрешении общечеловеческих задач на русской почве»<sup>31</sup>. Возможно, эту фразу Кавелина стоит рассматривать как формулу национального согласия, построенного на нравственно-этических принципах.

Особенности понимания нравственных задач современности предопределили интерес мыслителя к развитию русского искусства. Источниками формирования эстетических взглядов К. Д. Кавелина были не только наблюдения и размышления, вызванные посещением художественных выставок (академических и передвижных), но и его собственная причастность к художественной среде через непосредственный круг общения. Кавелин был лично знаком со многими художниками. Так, он был посетителем «четвергов» у Н. Н. Ге, где встречался с Н. И. Крамским, имел возможность общаться с В. В. Стасовым в доме известного либерального деятеля М. М. Стасюлевича (издателя «Вестника Европы»), в котором и нашел возможность опубликовать свои очерки об искусстве), а его зятем был племянник знаменитого художника и сын архитектора П. А. Брюллов<sup>32</sup>.

Включенность Кавелина в общественно-художественное пространство интеллектуальной жизни России заставила его определить собственное отношение к центральной для того периода времени дискуссии сторонников «утилитарного» и «чистого» искусства. Виднейший идеолог критического реализма и утилитарного искусства В. В. Стасов, выступая за пересмотр традиционной эстетики и оспаривая значение «идеала» в искусстве, выдвигал требование «художественной правды». Он настаивал на том, что всякая забота об идеалах должна быть оставлена в стороне и заменена «страстным исканием только жизненной, неподдельной правдивости»<sup>33</sup>. Сторонники «чистого искусства», создававшие идейную опору для развития академического и салонного искусства (к их числу относился упоминаемый в статьях Кавелина Г. И. Семирадский) стояли на прямо противоположных позициях. В теории «чистого искусства» главное внимание уделялось эстетическим категориям и функциям искусства и утверждалась его способность посредством художественных идеалов и форм создавать другой, возвышенный по отношению к реальному миру.

Полярность высказанных точек зрения воспринималась Кавелиным, известным поборником национального согласия и идеологом общественного консенсуса, как лишний пример неустойчивого состояния общественного мнения в России. Как и во многих других случаях личного участия в острых общественных дискуссиях, Кавелин считал своей главной целью способствовать преодолению эскалации нетерпимости и разногласий, вызванных

приверженностью односторонним трактовкам. Он искал способы четко определить сущность противоположных мнений с тем, чтобы найти истину, которая, как известно, чаще всего находится где-то в области «золотой середины». Поиск точки зрения, которая может стать основой консенсуса, видимо, и был причиной приверженности публициста к построению своих текстов в форме «разговора» с воображаемым собеседником. Именно в такой форме и представил он на суд читателя очерк «О задачах искусства». Но авторский стиль этого очерка свидетельствует о том, что он давался опытному публицисту с трудом; Кавелин и не скрывал от читателя того, что ему было «трудно писать» о таком сложном и новом для него предмете, как искусство. Наверное, поэтому он «населил» свой очерк не одним, а тремя, последовательно появляющимися, воображаемыми собеседниками, к тому же периодически переходя от формы «разговора» к форме ученого трактата.

Как форма диалога с собеседником в выставочном зале, так и заявленное в начале статьи намерение выражать свои разнообразные впечатления от современной живописи, обязывали Кавелина определить отношение к конкретным произведениям искусства. Подбор картин, избранных автором очерка в качестве фактической канвы для размышлений, нельзя считать случайным. Кавелин не скрывал своих личных, субъективно оценочных суждений, сообщая о том, что одна картина произвела на него глубокое, а другая поверхностное впечатление, одно полотно вызвало восхищение, а другое безразличие или отвращение. Но самое главное то, что отрицательные или положительные впечатления Кавелина от увиденных произведений, не совпадали с полярным разделением искусства на «реалистическое» и «чистое» (академическое, салонное, идеалистическое). В сущности, такая декларация «внепартийности» автора в вопросах искусства уже являлась приглашением думающего читателя к серьезному разговору о задачах искусства с целью не примкнуть к тому или иному лагерю дискуссии, а попытаться приблизиться к более верному ответу на поставленные в этой дискуссии вопросы.

Так, в ряду картин, подвергнутых Кавелиным критике, оказались как произведения «академистов» Г. И. Семирадского и Л. О. Премацци, так и реалиста-«шестидесятника» Н. В. Неврева и передвижника В. Е. Маковского. От картины Семирадского «Христос и грешница» Кавелин «отвернулся и не хотел больше смотреть», так как не нашел в ней «смысла фигур» ее главных героев, образы которых оценил словами «ниже всякой посредственности»<sup>34</sup>. Доводы собеседника – «ценителя» прекрасного о «роскоши красок и богатстве фантазии» – не убедили мыслителя, искавшего в произведении искусства не эстетически безупречные формы, а содержательное богатство образов. Картину Премацци «Кабинет наследника цесаревича» Кавелин определил как



«торжество подделки под действительность», а в картинах В. Маковского «В приемной у доктора» и «Получение пенсии» увидел действительность «безразличную и неинтересную»<sup>35</sup>. Следовательно, Кавелин полагал, что задачи искусства не должны сводиться ни к изображению идеальных эстетических форм, ни к натуралистически достоверному воспроизведению действительности. Можно было бы предположить, что следующим шагом должно стать выдвижение требования идейного содержания искусства. Но Кавелин успевает разуверить читателя и в этом: «Я не люблю, когда художник излагает своим произведением какую-нибудь сентенцию – политическую, религиозную, научную или нравственную, – все равно»<sup>36</sup>. Именно за тенденциозность он критиковал картину Н. Неврева «Торг. Из недавнего прошлого». Обстоятельно аргументированное и эмоциональное одновременно рассуждение по поводу этой картины выдавало в авторе очерка публициста, для которого на протяжении всей жизни крестьянский вопрос составлял один из главных профессиональных интересов: «Я знаю, что крепостных девок иногда продавали в помещичьи гаремы; но знаю, что иногда помещики строили избы своим погорелым крестьянам, призвали сирот, лечили больных, заступались за них в судах и полицейских управах. Взять один из случаев мерзостей крепостного права и иллюстрировать его в картине – так же односторонне и узко, как иллюстрировать одну из благодетельных его сторон. Пусть художник воспроизводит жизнь, правду, а не пишет в картинах приговоров»<sup>37</sup>.

Что же ожидал Кавелин от русской живописи? Ответ был дан следующий: «содержание, захватывающее душу, оставляющее после себя неизгладимое впечатление – и впечатление не одной поразительно верно воспроизведенной русской действительности, а глубокой мысли, глубокого чувства»<sup>38</sup>. Такое содержание Кавелин находил в картинах И. Е. Репина «Бурлаки на Волге» и И. Н. Крамского «Христос в пустыне». Вообще, художественное влияние Крамского на Кавелина, видимо, было очень серьезным. Мысли Кавелина о поиске истины в дискуссиях сторонников «действительности» и «идеалов» в искусстве созвучны мнению Крамского о «реальности идеала» «не на пьедестале», а в «существовании честности, прямоты характеров и борцов за торжество правды»<sup>39</sup>.

Теоретическое определение задач искусства Кавелин выводил из его способности непосредственного культурно-психологического воздействия на личность человека. В настоящее время в гуманитарном знании очень популярным является антропологический подход: «науки о человеке» исследуют «человеческое видение мира». Так, по утверждению философа и методолога истории В. Вжосека, люди воспринимают мир только «в категориях, данным им культурой», «мир и мышление о нем погружены в то, что по своему происхождению человечно, а значит окультурено»<sup>40</sup>. Еще в 70-е годы XIX в. К. Д. Кавелин писал: «Наряду и

вместе с верованиями, учением о нравственности, государственными и общественными порядками, политической экономией, искусство коренится в человеке и должно его развивать, совершенствовать в общежитии и служить светочем в его индивидуальной и общественной деятельности. Возникнув из человека и его потребностей, они и существуют для него»<sup>41</sup>. Мнение о происхождении искусства из человеческих потребностей Кавелин подтверждал ссылками на данные о народном искусстве и примерами из истории древних культур.

Антропологический принцип понимания искусства подвел Кавелина к оригинальному решению спора об «идеалах» и «действительности». Мыслитель сформулировал следующее программное положение: «Всякое художественное произведение, говорят, воссоздает действительность, действительный мир, действительную жизнь... Положим – так. Но какую действительную жизнь? Ту ли, которая на самом деле есть, или ту, которая нам представляется? Разумеется, последнюю, потому что мы только то и знаем, что нам представляется. Значит, художественное создание воспроизводит действительность, как мы ее слышим, видим, ощущаем, чувствуем. Итак, мы, собственно, воспроизводим не действительность, а наши представления о действительности, потому что другой действительности, кроме той, какую человек себе представляет, для него никакой нет, не существует»<sup>42</sup>. Таким образом, острота дискуссии «реалистов» и «идеалистов» как бы «снялась» пониманием того, что «идеалы» существуют реально, но только в сфере человеческих «представлений».

Категория художественного творчества обрела в концепции Кавелина значение силы, способной создавать мир человеческих представлений, которому подчиняется человеческая деятельность, а потому сама концепция противостояла распространенным в новое время теориям, построенным на признании надындивидуальных процессов и явлений в истории. Можно сказать, что в подходе Кавелина определяющими стали не надындивидуальные закономерности исторического развития, а культурные ценности, реализующиеся как раз в индивидуальном пространстве жизни человека. Мир искусства, по убеждению Кавелина, «есть одна из величайших побед человека над окружающим»<sup>43</sup>. Неслучайно особое внимание Кавелина привлекла скульптура М. М. Антокольского «Мефистофель». В этом художественном образе Кавелин увидел современный культурный тип, представляющий собой «разрушенную личность» вследствие потери веры в идеалы добра и правды. Разрушение нравственных устоев и ориентиров личности, по мнению Кавелина, явилось именно следствием теорий о «беспощадном ходе вещей»: «Что же такое, рядом с правильным и беспощадным ходом вещей, личная жизнь отдельного человека? Что значат его усилия, его идеалы, его мечты, его запросы на счастье... Ты погибнешь, а мир будет идти своим заведенным порядком»<sup>44</sup>.



При всей глубине и оригинальности воззрений К. Д. Кавелина на задачи искусства, самая их сущность сформулирована в очень простой, но от этого не менее верной и по сей день фразе: «Я стою только на том, что задачи искусства не в одном точном соответствии представлениям, но – вместе с тем – и в развитии душевного строя, психических привычек людей в сторону добра и правды»<sup>45</sup>.

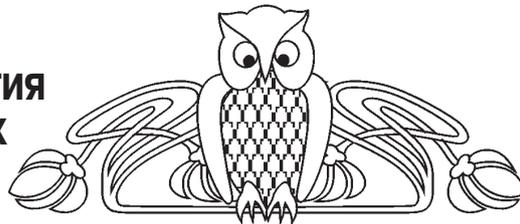
### Примечания

- 1 Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры / сост., вступ. ст. В. К. Кантора ; примеч. В. К. Кантора и О. Е. Майоровой. М., 1989. С. 616–622.
- 2 Письмо К. Д. Кавелина к Ю. Ф. Самарину, сент. 1874 // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 548. Карт. 4. Д. 21. Л. 3.
- 3 Материалы к незавершенной публикации Д. А. Корсакова «Из писем Кавелина к Н. А. Блок» // НИОР РГБ. Ф. 548. Карт. 7. Д. 17. Л. 4.
- 4 Кавелин К. Д. Наш умственный строй... С. 369.
- 5 Там же. С. 19.
- 6 Из писем К. Д. Кавелина Д. А. Милютину // Вестник Европы. 1909. № 1. С. 32–33.
- 7 Там же. С. 33.
- 8 Кавелин К. Д. Собр. соч. : в 4 т. Т. III. СПб., 1899. С. 1035–1036.
- 9 Письмо К. Д. Кавелина М. Т. Лорис-Меликову, 19 февраля 1880 г. // Русская мысль. 1906. № 5. С. 31.
- 10 Письмо К. Д. Кавелина Д. А. Милютину, 4 июля 1876 // НИОР РГБ. Ф. 169. Оп. 64. Д. 60.
- 11 Письмо К. Д. Кавелина Ю. Ф. Самарину, 13 февраля 1874 // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 119. Оп. 5. Д. 5. Л. 6.
- 12 Гольцев В. А. Воспитание, нравственность, право. СПб., 1889. С. 146, 149.
- 13 См., напр.: Троицкий Н. А. «Орлы-богатыри»: российские народники в искусстве. Саратов, 2009. С. 11–12.
- 14 Кавелин К. Д. Собр. соч. Т. II. С. 881.
- 15 Кавелин К. Д. Наш умственный строй... С. 505.
- 16 Там же. С. 518.

- 17 Кавелин К. Д. Наш умственный строй... С. 528.
- 18 Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. Л., 1991. Т. 1, ч. 2. С. 151–152.
- 19 Сеченов И. М. Замечания на книгу г. Кавелина «Задачи психологии» // Вестник Европы. 1872. № 11. С. 417.
- 20 Цит. по: Гершензон М. О. Исторические записки (О русском обществе). М., 1910. С. 78.
- 21 Троицкий М. М. Страница из истории философии в России // Русская мысль. 1885. Кн. 11. С. 161–162, 171.
- 22 Зеньковский В. В. Указ. соч. С. 152.
- 23 Письмо Кавелина Ю. Ф. Самарину, 1874 г. // НИОР РГБ. Ф. 548. Карт. 4. Д. 21. Л. 3 об.
- 24 Кавелин К. Д. Наш умственный строй... С. 370.
- 25 См.: Мостовская Н. Н. И. С. Тургенев и русская журналистика 70-х гг. XIX в. Л., 1883. С. 32–48; Щербатова Г. И. А. Н. Пыпин и К. Д. Кавелин о В. Г. Белинском в 1870-е гг. // Русская литературная критика. Саратов, 1988. С. 49–62; Китаев В. А. К. Д. Кавелин в полемике с Ф. М. Достоевским // Проблемы отечественной истории. Волгоград, 1994. С. 57–66.
- 26 Кавелин К. Д. Наш умственный строй... С. 301.
- 27 Цит. по: Мостовская Н. Н. Указ. соч. С. 48.
- 28 Китаев В. А. Указ. соч. С. 57–66.
- 29 Кавелин К. Д. Наш умственный строй... С. 464–465.
- 30 Там же. С. 473.
- 31 Там же. С. 638.
- 32 Там же. С. 617.
- 33 Стасов В. В. Сочинения : в 4 т. Т. 4. СПб., 1906. С. 81.
- 34 Кавелин К. Д. Наш умственный строй... С. 371.
- 35 Там же. С. 375.
- 36 Там же. С. 374.
- 37 Там же.
- 38 Там же. С. 375.
- 39 Коваленская Т. М. Русский реализм и проблема идеала. М., 1983. С. 83–84.
- 40 Вжосек В. Культура и историческая истина / пер. с польск. К. Ю. Ерусалимского. М., 2012. С. 23.
- 41 Кавелин К. Д. Наш умственный строй... С. 407.
- 42 Там же. С. 379.
- 43 Там же. С. 382.
- 44 Там же. С. 478.
- 45 Там же. С. 405.

УДК 94(575.1+575.2+575.3+575.4)

## ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ В ТРУДАХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ 60–80-х гг. XIX в.



И. В. Чибров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского  
E-mail: chibroviv@list.ru

На основе работ русских подданных, путешествовавших по Средней Азии в 60–80-х гг. XIX в., в статье рассмотрены основ-

ные аспекты экономической жизни региона. Особое внимание обращается на занятия местных жителей: сельское хозяйство, торговлю и ремесло, а также их особенностям. Отдельное место в работе уделено взглядам русских военных и путешественников на перспективы экономического развития Туркестана, правительственным мерам, необходимым для экономического развития региона и превращения пустынных незаселенных степей в цветущий оазис.



**Ключевые слова:** русская колонизация Азии, экономическое развитие Средней Азии, Туркестанский край Российской империи.

### **Economic Growth Prospects of Turkestan in the Works of Russian Travelers of the 1860–80 ies XIX century**

**I. V. Chibrov**

Based on the works of Russian subjects, who traveled to Central Asia in 1860–80s, the main aspects of economic life in the region are presented in the article. Special attention is focused on the occupations of the natives: agriculture, trade and crafts, as well as their peculiarities. Special place is given to the views of the Russian military and travelers concerning the economic prospects of Turkestan, government measures necessary for the region's economic development and transformation of the deserted uninhabited steppes into a blooming oasis.

**Key words:** Russian colonization of Asia, economic development of Central Asia, Turkestan region of the Russian Empire.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-144-147

Вторая половина XIX в. стала временем завоевания русскими войсками обширных территорий Средней Азии. За короткий исторический промежуток Бухарское, Кокандское и Хивинское ханства стали частью необъятной Российской империи. Присоединение этих территорий к России поставило перед правительством многочисленные вопросы, касающиеся включения данного региона в политическое, социально-экономическое и культурное пространство страны.

В правящих кругах русского общества не было единства взглядов на цели и задачи русского господства в Средней Азии. Так, русские генералы, сибирские и оренбургские власти стремились на свой страх и риск к захвату новых территорий, надеясь на военные награды в случае удачного исхода дела<sup>1</sup>.

Противниками военного ведомства в данном вопросе выступали Министерства финансов и иностранных дел. Министр финансов М. Х. Рейтерн считал, что военные действия приносят казне только издержки и не обещают значительных доходов в будущем<sup>2</sup>. Поэтому, по его мнению, нужно было сосредоточиться на освоении и экономическом развитии уже занятых земель.

Министерство иностранных дел, в свою очередь, опасалось осложнения отношений с Великобританией из-за столкновения интересов двух держав в регионе, поэтому также настороженно относилось к идее расширения сферы влияния России в Средней Азии.

Следует отметить, что однозначного взгляда на дальнейшие судьбы среднеазиатских владений не было и в русском обществе. Существовало множество точек зрения на экономическое развитие новых территорий. В 60–80-е гг. XIX в. в журналах было опубликовано множество статей русских военных и путешественников, нацеленных на формирование у читателя представлений о том, что же

представляют из себя среднеазиатские владения и чего можно от них ожидать в будущем. Взгляды авторов очень часто отличались друг от друга, но в целом их работы дают возможность сформировать представление о состоянии сельского хозяйства, ремесла и торговли в Хиве, Бухаре и Коканде. Рассмотрению этих аспектов и будет посвящена данная работа.

Следует отметить, что население Средней Азии в изучаемый период не было однородным: значительная часть народов вела кочевой образ жизни, но некоторые из них уже перешли к оседлому земледелию, преимущественно вблизи крупных городов и оазисов.

Большинство путешественников отмечают исключительное плодородие почв при условии проведения оросительных каналов. В частности, М. А. Зиновьев в своих воспоминаниях о Туркестанском крае отмечает, что «с безжизненной земли собираются баснословные урожаи, которым едва ли поверит европейский житель... Самое обилие урожаев, позволяющее семейству кормиться с одной десятины целый год и удовлетворяющее таким образом весьма легко и при малом количестве обработанной земли годовому запросу малочисленного населения, составляет причину того, что только под самыми городами или около деревень встречаются обработанные поля»<sup>3</sup>. Однако небольшая плотность населения в регионе приводит к невозможности обработки всех земель, поэтому «огромное пространство этой в высшей степени плодородной и способной к произрастительности территории Средней Азии имеет вид совершенно бесплодной степи...»<sup>4</sup>

Говоря о культурах, возделываемых в крае, М. А. Зиновьев отмечает, что в окрестностях Ходжента сарты возделывают рис, хлопок; большие урожаи дают тутовые, ореховые и персиковые деревья, виноград<sup>5</sup>.

Сведения, представленные в труде М. А. Зиновьева, дополняет Л. Костенко. В частности, он отмечает, что сарты в Семиреченском крае также занимаются травосеянием и табаководством, и сбывают клевер (дженушку) проходящим караванам, а табак продают киргизам, потребляющим его в виде порошка для жевания<sup>6</sup>.

В другой своей статье, посвященной путешествию в Хиву, Л. Костенко отмечает, что важной статьей дохода местных жителей являются хлопковые плантации: «Хлопчатник здесь... растет гораздо ниже, чем в Бухаре и даже чем в Ташкенте; коробочки его мельче и волокна короче; но зато последние как кажется нежнее<sup>7</sup>... Кроме хлопчатника, жители Хивинского ханства выращивают рис и дженушку, которая дает четыре покоса в течение лета»<sup>8</sup>.

Говоря о плодородии почв, Л. Костенко приводит следующие данные: «пшеница дает сам-двадцать. На один танап<sup>9</sup> засеивается обыкновенно пять батманов<sup>10</sup>, а снимается от восьмидесяти до ста батманов. Считая среднюю цену батмана пше-



ницы в 50 копеек, оказывается, что один танап дает валового дохода от 40 до 50 рублей или десятая – от 240 до 300 рублей»<sup>11</sup>.

Большинство землевладельцев Хивинского ханства в тот момент обладали только двумя-тремя танапами земли, и этого количества земли было вполне достаточно для нормального существования. Владелец сотни танапов считался по богатству равным хану, но таких в ханстве было немного. Мелкие землевладельцы использовали трехпольную систему хозяйства; крупные же – плодопеременную<sup>12</sup>.

Интересную картину развития земледелия в Азии в своей работе приводит М. Шлиттер. Он посетил Туркестанский край в 1886 г., когда большая часть территории Средней Азии уже была присоединена, и в своей работе он указывает на благоприятные итоги русского завоевания в регионе: «пришлось наблюдать тот интересный факт, каким образом чисто кочевая жизнь постепенно меняется, уступая место оседлости. Множество разнообразных условий... заставляют кочевников бросать прежний испокон веков ведшийся их предками образ жизни и радикально меняться, берясь за соху и столь сложное дело ирригации полей»<sup>13</sup>.

М. Шлиттер отмечает довольно интересную особенность хозяйственной жизни в Азии: согласно его концепции, каждый населенный пункт окружен несколькими концентрическими сельскохозяйственными зонами. Сначала вокруг центра находится зона садов, после нее выделяется зона правильного полеводства оседлого земледелия со строго определенными земельными участками и обычным правом пользования водой. В этой зоне располагаются большие селения – кишлаки. Следом идет зона «перехода кочевника-киргиза к оседлости», где поля не имеют правильной формы, а арыки сделаны некачественно. И потом уже идет голая безжизненная степь<sup>14</sup>.

Довольно много внимания в работах путешественников отводится торговле в Средней Азии, но описания, как правило, однообразны. Приведем для примера одно из них: «в то время кокандский базар был самый богатый во всем Туркестане. Там можно было найти все, что производила страна и, кроме того, привозные товары из России, Персии, Англии и Индии. На местные изделия, например, ковры, шелковые ткани, мозаичные изделия из бирюзы, каракулевые халаты и медные изделия чеканной работы цены были баснословно дешевые...»<sup>15</sup>

Русские купцы старались развивать торговлю на среднеазиатском направлении, однако этому мешала отдаленность региона, отсутствие прямого сообщения и небезопасность перевозок из-за степных разбойников.

Промышленность региона, не считая ремесленных изделий, была практически не развита. В частности, Л. Костенко отмечает, например, что в Токмаке «ни заводской, ни ремесленной промышленности... пока еще не существует; также и не развилась горно-заводская промышленность,

несмотря на то, что в окрестных горах есть медные и железные руды и залежи каменного угля...»<sup>16</sup>

Это, безусловно, открывало огромное пространство для русских капиталов, которые не встречали здесь никакой конкуренции.

Особняком в работах русских путешественников стоят вопросы русского освоения и колонизации приобретенных земель. Скорее всего, это связано с необходимостью привязать новые территории к Российской империи и ускорить процесс европеизации местного населения.

Еще в период завоевания русскими войсками Средней Азии М. Г. Черняев, принимавший участие в походе Аральской флотилии по Амударье, в своем дневнике отмечал, что нужно приступить к заселению всей Сырдарьинской линии женатыми солдатами, привязанными к Средней Азии срочной службой<sup>17</sup>. При этом он предполагал освободить солдат от всяких служебных обязанностей, обязав обрабатывать определенный участок земли. После окончания срока службы солдаты могли бы оставаться на месте, а государство записывало бы их в сырдарьинское казачье сословие.

В случае, если заселение пройдет удачно, можно было бы начать переселение крестьян из России, а по мере увеличения его прекратить заселение служащими солдатами, оставляя только тех, кто выслужил свой срок<sup>18</sup>.

Однако эта инициатива не нашла применения.

Также к вопросам русской колонизации Туркестана обращается Д. Н. Долгорукий в своей статье «Пять недель в Кокане». В отличие от большинства авторов, приветствовавших русские завоевания, он считает, что перед новыми захватами нужно освоить уже присоединенные земли, чтобы они приносили доход России.

Для этого, по мнению Д. Н. Долгорукого, нужна правильно обдуманная и хорошо проведенная колонизация края. Он даже выделяет основные места, на которых в первую очередь нужно водворить русских поселенцев. Это берега Сырдарьи, вверх от Перовска, и Зеравшанский округ. Таким образом, по его мнению, русское правительство перестанет получать убытки от Туркестана и позволит более прочно присоединить эти территории к основной части империи.

Помимо колонизации главными целями властей должны стать привлечение промышленных и торговых капиталов в регион, а также развитие торговли со Средней Азией. Важным фактором в экономическом развитии региона также должна стать безопасность русских промышленников и торговцев. В противном случае, по мнению автора, «мы еще долго будем стоять только лагерем в Средней Азии, тратя на это совершенно непроизводительно большие суммы денег»<sup>19</sup>.

Повестью о Ахал-Текинской экспедиции, П. Калитин описывает русские поселения Семиреченского края: «Большинство переселенцев малороссы, целиком перенесшие свою далекую, покинутую родину; хаты, крытые камышом, плет-



невые заборы, колодцы с журавлем и колоды пчел в цветущих молодых садах – все напоминает здесь полтавскую черниговскую губернии. Некоторые из переселенцев 10–15 лет тому назад пришли сюда с парой волов, питаюсь по дороге христовым именем, а в настоящее время все живут хорошо; другие за это время достигли уже богатства и живут теперь в Верном, занимаясь торговлей»<sup>20</sup>.

Таким образом, следует сказать, что большинство авторов отмечают плодородие среднеазиатских земель и выгоду торговли с ними. Большое количество пустующих плодородных земель, дающих очень большие урожаи, порождали у русских подданных идеи о заселении Туркестанского края русскими подданными. Авторы различаются в подходах к колонизации, но почти все они единодушны в своих выводах: Российская империя пришла в Азию всерьез и надолго, и при должном внимании к среднеазиатским владениям они смогут приносить доходы Русскому государству. Русские промышленные и торговые капиталы должны способствовать развитию местных народов.

#### Примечания

- 1 См.: Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 67.
- 2 См.: Автобиография А. О. Дюгамеля // Русский архив. 1885. № 7. С. 415.

- 3 Зиновьев М. А. Осада Ура-Тюбе и Джизага. Воспоминания об осенней экспедиции 1866 г. в Туркестанской области // Русский вестник. 1868. Т. 74, № 3. С. 139.
- 4 Там же.
- 5 Там же. С. 138.
- 6 См.: Костенко Л. Очерки Семиреченского края // Военный сборник. 1872. Т. 88, № 12. С. 410.
- 7 Костенко Л. От Хивы до Казалинска. Путевые очерки // Военный сборник. 1873. Т. 94, № 11. С. 152.
- 8 Там же.
- 9 Танап – среднеазиатская мера площади, равная 1/6 десятины.
- 10 Батман – среднеазиатская мера веса. Хивинский батман равен 48 фунтам или 17,3 кг.
- 11 Костенко Л. От Хивы до Казалинска. С. 152.
- 12 Там же.
- 13 Шлиттер М. В Туркестане // Военный сборник. 1902. № 2. С. 201.
- 14 Там же.
- 15 См.: Трионов К. К. В гостях у хана Наср-Эддина // Исторический вестник. 1910. Т. 121, № 7. С. 130.
- 16 Костенко Л. Очерки Семиреченского края. С. 410.
- 17 См.: М. Г. Черняев в Средней Азии // Исторический вестник. 1915. Т. 140, № 6, С. 862.
- 18 Там же.
- 19 Кн. Дм. Д-ой. Пять недель в Кокане // Русский вестник. 1871. Т. 91, № 1. С. 294.
- 20 Калитин П. Ахал-текинская экспедиция // Русский вестник. 1890. Т. 208, № 5. С. 80.

УДК 94:329.054.3

## СОВЕТСКО-ЭСТОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕРЕДИНЕ 1920-Х ГОДОВ

В. Г. Цыплин

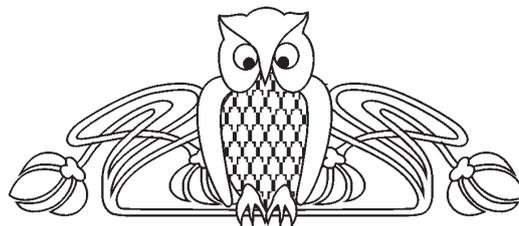
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского  
E-mail: v.tsyplin@yandex.ru

В статье предпринята попытка разобраться, действительно ли Россия принесла беды народу Эстонии в середине 1920-х годов, существовала ли тогда вражда между народами, способствовали ли этому действия руководства государств и дипломатического корпуса. В статье отмечается, что в 1920-х годах организация единого межгосударственного политико-дипломатического сообщества вокруг Балтийского моря оставалась лишь на бумаге.  
**Ключевые слова:** дипломатия СССР и Эстонии, коммунистическое восстание 1 декабря 1924 года, советско-эстонские торгово-экономические отношения, урегулирование спорных вопросов.

#### The Soviet-Estonian Relations in the Mid-1920s

V. G. Tsyplin

The article attempts to understand whether Russia has brought trouble to the people of Estonia in the mid-1920s, whether there was enmity between the nations at that time and whether it contributed to



the actions of the leaders and the diplomatic corps. The article notes that in the 1920s the organization of a single inter-state political and diplomatic community around the Baltic Sea has remained only on paper.

**Key words:** diplomacy of the Soviet Union and Estonia, communist uprising of December 1, 1924, Soviet-Estonian trade and economic relations, settlement of disputes.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-147-152

В середине 1920-х годов правительство СССР рассматривало Эстонию как образование, возникшее в результате интервенции западных стран, которые видят в ней: плацдарм для будущей войны, транзитный коридор, сырьевую базу. Все относились к Эстонии как к независимому государству лишь формально. Поэтому СССР преследовал главную цель – не допустить союза лимитрофов на



своей западной границе, отсюда и стремление добиться нейтралитета от Эстонии во внешней политике. Эстония первоначально предпринимала шаги по нормализации отношений с Советской Россией. Но одновременно предпринимались попытки заручиться поддержкой со стороны западных держав, например, Англии, однако и с ней не было оформлено никаких серьезных соглашений. Так, в 1924 году в Финляндии в Гельсингфорсе была проведена конференция Прибалтийских стран, основной целью которой было создание единого антисоветского фронта<sup>1</sup>. А правительство Эстонии не всегда понимало, что лучше дружить с Россией, чем быть против нее «санитарным кордоном».

В начале 1925 года Эстония по-прежнему была настроена враждебно в отношении СССР, хотя ей, как и Латвии и Литве, в очередной раз было предложено заключить договор с СССР о ненападении. Эти инициативы вновь не были поддержаны в трех республиках, что создавало серьезные препятствия для хозяйственных отношений между государствами, так как множество советских организаций были вынуждены прекратить свою хозяйственную деятельность. Такое положение дел сохранялось вплоть до отставки министра иностранных дел Эстонии К. Р. Пусты (13.05.1924–23.10.1925), деятельность которого неоднозначно оценивали политические лидеры Эстонии. Так, председатель иностранной комиссии эстонского сейма Лайонер крайне отрицательно отнесся к линии, проводимой Пустой. Лайонер высказывался против политического балтийского соглашения, которое всячески старался протолкнуть Пуста<sup>2</sup>. Эк-министр иностранных дел Латвии З. А. Мейеровиц однажды высказался, что политика Пусты не соответствует интересам Эстонии, что это политика другого государства<sup>3</sup>. Все изменилось после ухода Пусты с должности руководителя МИДа. Сразу ряд эстонских промышленных предприятий получили от СССР новые крупные заказы, также начал планироваться приезд из Эстонии хозяйственной делегации. Этому способствовала расстановка сил на международной арене в регионе. Дело в том, что первоначально предусматривавшееся военно-политическое объединение стран Балтии так и не было достигнуто, хотя до 1925 года и состоялось много международных конференций, на которых обсуждался весь спектр вопросов. К середине 1920-х годов европейские державы в большинстве своем к идеям подобного объединения охладели, а СССР всеми возможными способами противодействовал его созданию. Малые страны Балтии были обеспокоены в связи с попытками Польши занять господствующее положение в моделируемом союзе. Но необходимо отметить, что отсутствие официальных соглашений между участниками не сказалось на их дружественных отношениях. Сотрудничество продолжалось во многих сферах, а также в выработке внешнеполитического курса по отношению к третьим странам. По подсчетам эстонских историков, в начале 1920 года на тер-

ритории Эстонии насчитывалось около 60 тыс. беженцев, часть из которых к 1925 году вернулась в Россию и другие страны. От этого числа в Эстонии к середине 1920-х годов осталось около 16 тыс. беженцев<sup>4</sup>.

Тем из них, которые не могли получить национальных паспортов, в исключительном порядке выдавался «нансеновский паспорт»<sup>5</sup>. Основная часть обладателей этих паспортов не хотела получать гражданство Эстонии: одни ждали падения Советской власти в России и своего возвращения на Родину, другие старались переместиться в традиционные европейские центры русской эмиграции. Таким образом, среди этой категории беженцев было довольно много непримиримых сторонников восстановления неделимой России, которые отрицали любое право Эстонии на самостоятельное существование. Исходя из этого, правительство Эстонии, несмотря на либеральность в вопросах приобретения гражданства, не стремилось представлять его таким беженцам<sup>6</sup>.

В истории дипломатии известен скандал вокруг фигуры посла Эстонии в Москве в 1926–1927 гг., который получил название «биргиада». Адо Бирк, находившийся в конфликтных отношениях с министром иностранных дел Эстонии Антсом Пийпом, написал два письма в газету «Известия». В них он утверждал, что правительство Эстонии находится под сильным давлением генерального штаба и что позиция министра иностранных дел А. Пийпа в вопросе возможного договора о гарантиях с Советской Россией деструктивна для Эстонии. Также заявлялось, что правительство Эстонии выдвинуло против него ряд обвинений, из-за которых он вынужден продлить свое нахождение в СССР как частное лицо.

Британский историк Хемпен Джексон оценивал инцидент с Бирком как попытку советского руководства принизить или вообще исключить английское влияние на Балтийские государства<sup>7</sup>.

Отдельное место в советско-эстонских отношениях занимает вопрос участия Москвы в декабрьском восстании 1924 года, которое в Эстонии называли в разное время «попыткой переворота», «выступлением», «восстанием», «революцией». Накануне этих событий в Эстонии за власть боролись несколько оппозиционных к правительству партий: народная, трудовая, христианско-народная. Ими был создан демократический союз, который при поддержке социал-демократов сверг правительство большинства. Вновь сформированное правительство попыталось экстренно изменить экономическую и политическую ситуацию в стране, но этого у них не получилось, после чего активизировались коммунисты. Но в Эстонии были и другие структуры. В середине 1920-х годов эстонский «Кайтселийт» как вооруженный отряд в прежнем виде был ликвидирован. Его местные организации были превращены в так называемые «охотничьи группы». Во главе этих групп были поставлены военные коменданты, таким образом



«Кайтселийт» остался по своей сути националистическим военизированным формированием. Перед ним была поставлена вполне конкретная задача: обеспечение защиты эстонского общества от советского влияния, борьба с антиправительственными силами, подавление революционного движения и борьба с коммунистами. И неслучайно 17 декабря 1924 года И. Лайдонером был утвержден устав «Кайтселийта», согласно которому данная организация распространяла свою деятельность практически на всю республику. В уставе «Кайтселийта» были определены цели и задачи «союза», оговорена организационная структура. Кроме этого вся территория Эстонии была поделена на округа, отделения, районы и группы самозащиты, которые находились в строгом подчинении военному министру и начальнику самозащиты<sup>8</sup>. После «процесса 149», проходившего 10–27 ноября 1924 г., когда 142 человека были осуждены на длительные сроки заключения, а Я. Томп был расстрелян, руководители компартии приняли решение о начале восстания 1 декабря 1924 года.

События вызвали бурную реакцию со стороны иностранных держав. Это событие по-разному освещалось в эстонской и советской прессе. В Эстонии это расценивалось как угроза национальной безопасности и попытка государственного переворота. СССР трактовал случившееся как свободное волеизъявление трудового народа, как желание эстонцев установить советскую власть и присоединиться к единственному государству рабочих и крестьян, как гражданский порыв. Эстония представлялась как страна, «пляшущая» под дудку Запада и уничтожающая собственных граждан<sup>9</sup>. Побывавшая в Эстонии А. С. Лоурэнс, специальный представитель лейбористской партии Великобритании, командированная для расследования слухов о правительственном терроре в отношении рабочих и их организаций, заявила по возвращении на родину, что в Эстонии царят беспорядки и кровавый террор<sup>10</sup>.

Газета «Ваба Маа» за 24 февраля 1928 года № 46 цитирует воспоминания генерала И. Лайдонера о событиях декабрьского восстания: «У нас эта опасность до сих пор недостаточно ощущена. Положение зависело от нескольких моментов. Если повстанцы сумели бы захватить военное министерство, подавить морально и фактически центральный аппарат армии с овладением центральной станцией телеграфа армии, если бы восставшие сумели бы на пару часов захватить власть в свои руки, то, возможно, история нашего народа приняла бы совсем другой оборот».

Мнения исследователей о решении Москвы организовать революцию в Эстонии, о призыве местных коммунистов захватить власть в Эстонии и удержать её изложены в нескольких современных изданиях<sup>11</sup>. В них указывается, что одновременно с агитационной работой ЦК КПЭ с весны 1924 года приступил к организационной и военно-технической подготовке выступления. Она проводилась в

условиях строжайшей конспирации, с одновременным формированием вооруженных боевых групп в виде троек. Вся эта информация представляется без ссылок на источник, что заставляет сомневаться в её правдивости. В Эстонии было разоблачено еще две попытки подготовки «правого» переворота в период весны и лета 1924 года, о чем многие вообще предпочитают умалчивать. Коммунисты тогда предполагали создать после победы «народное правительство с участием трудовиков и социал-демократов», поскольку таковое не вызовет бурной реакции за рубежом и не спровоцирует интервенцию. Эстонская армия тогда насчитывала 15 тыс. солдат и офицеров. Какой же тогда смысл засылать из СССР всего 400 боевиков, когда в СССР находились десятки тысяч эстонцев, которые имели серьезный опыт ведения военных действий<sup>12</sup>?

После поражения восстания по понятным причинам интенсивно искали московский след, но не очень-то нашли, из 133 казненных – четверо русских, остальные эстонцы, и почти все родились и жили в Эстонии, лишь двое в Латвии и двое из СССР. Вряд ли можно всерьез говорить о «руке Советов» в восстании в свете того, что незадолго до его начала открылась советско-эстонская торговая палата. На этом мероприятии присутствовали министры финансов, иностранных дел и сельского хозяйства. После поражения восстания оппоненты коммунистов достигли политического единства: 16 декабря было образовано «правительство от стены до стены», куда вошли все политические фракции, включая рассматривавшихся коммунистами как союзники, социал-демократов<sup>13</sup>. По мнению эстонского историка М. Ильмярва, который занимался исследованием международных отношений стран Балтии в межвоенный период и анализировал документы АВП России, эстонские коммунисты своими половинчатыми действиями 1 декабря 1924 г. совершили политическое самоубийство, после чего они не могли никому ничем помочь, но и им никто не мог помочь<sup>14</sup>.

Министр иностранных дел Эстонии К. Пуста дал интервью шведской газете «Афтонбладет», в котором утверждал, что имеются компрометирующие Россию документы в связи с Таллинским восстанием и они будут представлены в Лигу Наций. Эти документы, по его словам, подтверждают, что мятеж являлся попыткой Советской России свергнуть в Эстонии существующий строй. В ответ на требование советского правительства предъявить документы, о которых говорил в интервью г-н Пуста, было получено официальное сообщение от МИДа Эстонии, что Пуста никакого интервью «Афтонбладет» не давал. Но газета предъявила доказательства интервью, которое было дано в Эстонии в здании МИДа. Кроме этого существует письмо эстонского посла в Швеции Вирго к Пуста. В нем он предлагал министру признать очевидный факт предоставления интервью шведам, но при этом отрицать, что он что-то говорил о советском правительстве<sup>15</sup>. Все проясняется в выступлении



руководителя лиги аграриев Эстонии К. Пятса, посвященном годовщине восстания. Опубликовано в газете «Пяэвалехт» от 2 декабря 1925 г. № 327 выступление, в котором он отметил, что повстанцы «были не чужие, а свои люди, может быть даже и родственники – разве можно представить более печальную картину нашей молодой свободы»<sup>16</sup>.

После подавления восстания эстонское правительство обратилось с просьбой к Англии прислать флот в Таллинн, но новое консервативное правительство Великобритании по сообщению «Таймс» от 10 декабря 1924 г. ответило, что посещение флотом Таллинна из-за недавнего коммунистического восстания было бы неправильно понято, поэтому Британское правительство не одобряет идею такого визита, который мог бы быть использован как вмешательство во внутренние дела одного из прибалтийских государств<sup>17</sup>. В то же время Англия принимала непосредственное участие в подготовке офицерского состава, вооружении и реорганизации эстонских подразделений, вела переговоры о пребывании в эстонских водах английских военных кораблей и сдаче ей в аренду эстонских островов Эзель и Даго. Относительно островов МИД СССР предупредил правительство Эстонии, что подобная продажа или аренда будет рассматриваться как потеря самостоятельности Эстонской Республикой. Официально же высказался заместитель премьер-министра Англии Э. Кроув, который сообщил послу Эстонии О. Калласу, что «... в создавшейся обстановке мы считаем нецелесообразным любое выступление против русских и не хотим их дразнить. Сообщаем свою точку зрения для того, чтобы в Эстонии не строили напрасно на этот счет иллюзий»<sup>18</sup>. Для европейских политиков того времени «... малые державы издревле являлись и являются лишь разменной монетой при урегулировании дипломатических счетов»<sup>19</sup>.

Были и положительные моменты сотрудничества между СССР и Эстонией в 1925 году, когда были заключены конвенции о почтовых сообщениях, телеграфных и телефонных сношениях, подписано соглашение об обмене ценными почтовыми переводами, а также произошел обмен декларациями о взаимном признании мерительных свидетельств. По всем этим вопросам 19 ноября 1925 года в Москве состоялся обмен ратификационными грамотами<sup>20</sup>.

В то же время на состоявшейся 31 марта – 1 апреля 1925 года конференции Генеральных штабов Эстонии, Латвии и Польши было принято решение о координации действий разведок против СССР, тогда же были распределены и зоны разведки в СССР, а также достигнуты договоренности об обмене развединформацией<sup>21</sup>. В Москве это событие посчитали настолько важным, что оно стало предметом обсуждения на Политбюро, которое увидело в нем очередную попытку Англии сформировать антисоветский блок<sup>22</sup>. Для выяснения антисоветских планов предполагалось активизировать свою разведдеятельность, рас-

смотреть возможность экономического давления, в случае необходимости экономического торпедирования балтийского блока<sup>23</sup>. В качестве варианта рассматривался подкуп ведущих политиков, чтобы в перспективе оказать им помощь в приходе к власти, а 26 апреля решением Политбюро была создана специальная комиссия в составе В. Молотова, А. Микояна, С. Орджоникидзе<sup>24</sup>.

Охрана советско-эстонской границы в рассматриваемый период была поручена регулярным частям Красной армии в составе 56-й Московской стрелковой дивизии. Им удалось разгромить наиболее крупные вооруженные формирования, которые совершали набеги на советскую территорию со стороны Эстонии, после этого удалось нормализовать обстановку в пограничных районах. Это стало возможным благодаря изменению плана охраны государственной границы, организации четкого взаимодействия частей, занимающихся охраной границы с подразделениями, дислоцированными в близлежащих тыловых районах.

В дальнейшем такая схема продолжала использоваться. Это позволило обеспечить безопасность советских территорий от неожиданных вторжений из-за границы. В середине 1920-х годов в результате совершенствования методов борьбы с бандами в приграничных районах и укрепления международного и внутривнутриполитического положения Советского государства была осуществлена полная ликвидация «политического» бандитизма в пограничных с Эстонией районах<sup>25</sup>.

В середине 1920-х годов, опасаясь распространения у себя советской агентуры, спецслужбы Эстонии пытались организовать противодействие путем дестабилизации внутренней обстановки в Советской России. Они под видом беженцев давали возможность разместиться различным антисоветским формированиям, оказывали им содействие в многочисленных вооруженных акциях против СССР. В результате такой политики иностранные спецслужбы получили возможность с территории Эстонии вести подрывную деятельность против Советской России. Активно засылали на советскую сторону своих агентов и эстонские разведорганы. Кроме того, в Эстонии государственной поддержкой пользовались многие организации, фирмы и отдельные лица, занимавшиеся контрабандной торговлей, в том числе при активном участии завербованных советских граждан<sup>26</sup>.

В Эстонии были политики, которые считали, что страна должна ориентироваться на Скандинавию, поскольку это менее рискованно, чем сближение с Польшей. Тогда возможен расчет во внешней политике и экономике на поддержку Великобритании. Все это было в секторе взглядов руководителя финской делегации в Лиге Наций профессора Рафаэля Эриха, датируемых ноябрем 1925 года, когда он представил так называемую программу «Северное Локарно». СССР не был тогда членом Лиги Наций, и крупные державы планировали разъяснить советским представителям



необходимость подписать договор о нерушимости границ государств Восточной и Северной Европы, что только так можно сохранить мир<sup>27</sup>.

Говоря о финансовой политике Эстонии, необходимо отметить, что среди активных бизнесменов, руководителей и владельцев предприятий преобладали люди, имеющие связь с Россией: кто-то опирался, кто-то учился в крупных городах России, кто-то работал в России до или после революции. Поэтому большая часть предприятий, получившая кредиты в банке Эстонии, была связана с восточным бизнесом и имела ориентацию на российский рынок<sup>28</sup>. Их бизнес-план – надежда на восточный рынок провалился. Пришлось доводить эстонскую марку до гиперинфляции, чтобы освободиться от долгов. Кроме того, экономическую политику Эстонии осуществляли люди, которые не верили в будущее независимой Эстонии. Именно поэтому они стремились направить имущество в карманы частных лиц. С другой стороны, отданные в кредит активы были получены по итогам Тартуского мирного договора и заработаны на перепродаже русского золота. А в случае падения большевистского режима, что не исключалось в руководстве Эстонии, все надо было вернуть государству Российскому. Чтобы этого в мыслях не было, все распределили среди друзей, создали эстонскую элиту, народу решили не давать<sup>29</sup>.

Отдельной строкой в советско-эстонских отношениях отмечено создание эстонско-советской торговой палаты. Её создание не было эстонской гражданской инициативой, хотя именно так эстонская сторона преподносила в прессе. Основные положения устава были написаны в Москве, так говорится в письме торгпреда Шевцова наркому внешней торговли 18 сентября 1924 года об одобрении поправок в уставе, также отмечалось, что один из инициаторов создания палаты Реннинг работает в интересах СССР<sup>30</sup>. Торговая палата была полным противопоставлением тому, на что была ориентирована осенью 1924 года внешняя политика Эстонии. Москве это давало реальную возможность влиять на политику Эстонии.

Лавирование Эстонии в середине 1920-х годов между державами стало, пожалуй, вынужденной мерой нее. Она, как и другие балтийские страны, старалась добиться от крупных государств хоть каких-то гарантий своей независимости. Постоянные метания Эстонии между Москвой, Лондоном, Берлином и Парижем вытекали из стремления любой ценой отстоять буржуазный строй и формальную независимость, но ни одна из держав не выступила серьезным гарантом и не заключила договора о военном союзе. Сейчас же надо клеймить позором правительства балтийских стран, низкопоклонствующих перед Западом и всячески провоцирующих конфликты с Россией. Им надо периодически напоминать, что волны Балтийского моря отделяют Эстонию от Западной Европы, а не от территории России.

## Примечания

- 1 См.: *Патенко А. Н.* Борьба с прибалтийскими националистическими формированиями на Северо-Западе России в 1920–1940-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. С. 14.
- 2 См.: *Документы внешней политики СССР*: в 24 т. М., 1963. Т. 8. С. 695.
- 3 См.: Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Латвии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР Г. В. Чичерину. 22.08.1925. URL: telegramma-polnomochnogo-predstavitelya-sssr-v-polshe-narodnomu-komissaru-inostrannih-del-sssr-g-v-chicherinu.html (дата обращения: 24.10.2015).
- 4 См.: *Сергеев В. П.* Общественные организации русского национального меньшинства в эстонской республике в 1920–1940 гг. // *Новый исторический вестник*. 2005. Вып. 12. С. 39.
- 5 См.: *Галас М. Л.* Адаптация российских эмигрантов, беженцев в государства Запады, ремигрантов в РСФСР (СССР) 1920–1940-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 17.
- 6 См.: *Сергеев В. П.* Численность и экономическое положение русских в эстонской республике в 1920 – начале 30-х гг. // *Новый исторический вестник*. 2001. Вып. 3. С. 62.
- 7 См.: Hampden Jackson // *J. Estonia*. Westport, Connecticut. 1979. S. 29.
- 8 См.: *Патенко А. Н.* Указ. соч. С. 21.
- 9 См.: *Наэль А.* «Свое» и «чужое» : Образ врага в эстонской и советской карикатуре межвоенного периода. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq> (дата обращения: 23.10.2015).
- 10 См.: Два десятилетия эстонского редута «санитарного кордона» (1920–1940 гг.) Часть I. URL: <http://infosila.ee/main/123-dva-desyatiletija-estonskogo-reduta-sanitarnogo-kordona-1920-1940-gg.html> (дата обращения: 25.10.2015).
- 11 См.: *Колтакиди А.* Спецназ ГРУ. М. : Эксмо. Яуза, 2012. С. 76–81.
- 12 См.: Два десятилетия эстонского редута «санитарного кордона» (1920–1940 гг.) Часть I. URL: <http://infosila.ee/main/123-dva-desyatiletija-estonskogo-reduta-sanitarnogo-kordona-1920-1940-gg.html> (дата обращения: 25.10.2015).
- 13 См.: Восстание эстонских коммунистов в 1924 году. Конфликтолог. 2006. URL: <http://conflictologist.org/main/vosstanie-estonskih-kommunistov-v-1924-godu.htm> (дата обращения: 25.10.2015).
- 14 См.: *Ильмарв М.* Безмолвная капитуляция. М., 2012. С. 29.
- 15 См.: *Сунила А.* Восстание 1 декабря 1924 года. Таллинн, 1982. С. 31.
- 16 Два десятилетия эстонского редута «санитарного кордона» (1920–1940 гг.) Часть I. URL: <http://infosila.ee/main/123-dva-desyatiletija-estonskogo-reduta-sanitarnogo-kordona-1920-1940-gg.html> (дата обращения: 25.10.2015).
- 17 См.: *Документы внешней политики СССР* : в 24 т. М., 1963. Т. 8. С. 768.



- <sup>18</sup> Сушила А. Указ. соч. С. 116.
- <sup>19</sup> Гуч Г. П. История современной Европы : сокр. пер. с англ. М. ; Л., 1925. Предисл. Ф. Ротштейна. С. 3.
- <sup>20</sup> См.: Документы внешней политики СССР : в 24 т. М., 1963. Т. 9 С. 632.
- <sup>21</sup> См.: Емельянов Ю. В. Прибалтика. Почему они не любят Бронзового солдата? М. : Издатель Быстров, 2007. С. 155.
- <sup>22</sup> См.: Ильмярв М. Безмолвная капитуляция. М., 2012. С. 28.
- <sup>23</sup> Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 108–109.
- <sup>24</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 501. Л. 14.
- <sup>25</sup> См.: Минченков С. А. Становление системы пограничной охраны России на границе с Эстонией и Латвией в 1920-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Псков, 2003. С. 173–174.
- <sup>26</sup> Там же. С. 169.
- <sup>27</sup> См.: Ильмярв М. Эстония и Швеция в межвоенный период (1919–1940 гг.). С. 156–157. URL: <https://sites.google.com/site/estoniahistory/EW> (дата обращения: 25.10.2015).
- <sup>28</sup> См.: Валге Я. У денежных кранов Эстонии. С. 135. URL: <https://sites.google.com/site/estoniahistory/EW> (дата обращения: 25.10.2015).
- <sup>29</sup> Там же. С. 136.
- <sup>30</sup> См.: Ильмярв М. Безмолвная капитуляция. М., 2012. С. 31.

УДК [94+316.334.3](47)|1953/1985|

## ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950 – СЕРЕДИНЕ 1980-Х ГОДОВ

А. А. Гуменюк

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского  
E-mail: GumenukAA@rambler.ru

В статье проанализированы основные этапы формирования социальной политики Советского государства в 1953–1985 гг. Главное внимание уделено анализу процесса разработки и принятия советским руководством решений в социальной сфере. Выдвинуто положение о том, что к середине 1970-х гг. была сформулирована главная цель социальной политики – распределение ресурсов в пользу малообеспеченных социальных слоев и защита социальных гарантий всем категориям населения.

**Ключевые слова:** доходы, жилищная политика, здравоохранение, налоговая политика, продовольственная программа, реформа, самообслуживание, социальное обеспечение, экономика.

### The Evolution of Social Policy in the USSR, from the Mid-1950s to the Mid-1980s

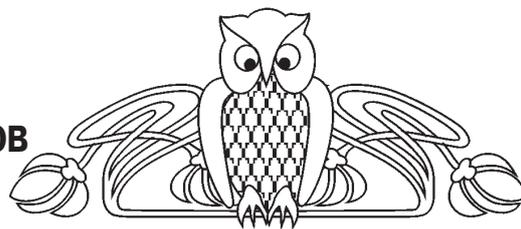
А. А. Gumenyuk

The article analyzes the principal phases in the elaboration of social policy in the Soviet Union in 1953–1985. The main focus is on the process of decision making in the social sphere by the Soviet government. We put forward the statement that the main goal of the social policy, formulated in the mid-1970s, was to reallocate the resources in favor of the low-income social groups and to protect the social security for all.

**Key words:** incomes, housing policy, public health service, tax policy, food program, reform, self-service, social welfare, economy.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-152-160

После распада Советского Союза российское руководство главной целью своей деятельности декларировало создание эффективной рыночной



экономики. Среди обязательных функций государства задача социальной защиты и поддержки населения отступала на второй план, на первый выдвигались программы приватизации собственности, либерализации цен, конверсии. Советский опыт решения социальных проблем идеологи рыночных реформ без какого-либо критического анализа объявили «историческим мифом». Высокие цены на нефть позволяли поддерживать довольно высокий уровень жизни россиян даже после уничтожения производящих отраслей промышленности. Масштабный экономический кризис, начавшийся в 2008 г. и усугубленный санкционной политикой Запада в 2013 г., разрушил иллюзии социальной защищенности населения и «социальную безмятежность» государства. Именно это обстоятельство делает исключительно значимым и актуальным исследование проблемы эволюции социальной политики СССР в условиях «полной автономности» советской экономики. Научный анализ данной проблемы (издание сборников документов<sup>1</sup>, мемуарной литературы<sup>2</sup>, монографий и разделов в обобщающих трудах<sup>3</sup>), начавшийся в начале XXI века, свидетельствует об осознании экспертным сообществом актуальности и злободневности данной темы, практической полезности для сегодняшних управленческих решений.

Большевики, придя к власти, многократно декларируют о своем стремлении радикально улучшить уровень жизни населения России. Однако решение неотложных задач по удержанию власти в годы Гражданской войны, сохранению контроля над командными высотами экономики в годы нэпа, а также осуществлению ускоренной модернизации поглощали имеющиеся в стране материальные



ресурсы, вынуждая государство проявлять заботу лишь об ограниченной части населения. Только военное лихолетье и период послевоенного восстановления страны заставили государство переосмотреть свое отношение к социальным проблемам, обострившимся в 1941 – начале 1950-х гг. до передела. В 1952 г. в журнале «Новый мир» были опубликованы очерки журналиста В. В. Овечкина «Районные будни». Наполнив свое произведение яркими зарисовками тяжелого послевоенного быта колхозного крестьянства, автор ставил своей основной задачей доказать необходимость практических мероприятий по улучшению жизни народа. Эти мысли, вложенные в уста литературных героев, отражали стремление советского народа, разгромившего фашизм к более достойной жизни<sup>4</sup>. Столь смелая постановка насущных вопросов того времени в открытой печати была невозможна без санкции высшего партийно-советского руководства. Тем самым оно демонстрировало готовность скорректировать гибельную политику предыдущих лет, однако дальше проекта дело с мертвой точки не сдвинулось<sup>5</sup>. Лишь со сменой власти в стране в марте 1953 г. отдельные положения из социального блока этого документа в той или иной степени стали реализовываться.

Н. С. Хрущев, заняв пост первого секретаря ЦК КПСС, считал первоочередной задачей своей социальной политики создание условий для полноценного обеспечения населения продуктами, чтобы питание соответствовало научно-обоснованным нормам, и было не хуже, чем в Западной Европе и США. Основной способ решения этой задачи первый секретарь ЦК КПСС видел в облегчении положения крестьянства через изменение системы налогообложения, повышения закупочных цен, отмену обязательных госзакупок. Именно эта программа мер была изложена Хрущевым на сентябрьском пленуме ЦК КПСС 1953 г., ставшем точкой отсчета реформаторства нового советского лидера. Увеличение продовольственного рациона населения являлось одной из главных целей компании по освоению целины, развернувшейся весной-летом 1954 г. Если эти постановления были призваны приблизить к приемлемым нормам потребления хлебобулочных изделий и картофеля, то решения январского 1955 г. пленума ЦК КПСС давали возможность расширить этот перечень продукцией животноводства: мясом, молоком, яйцами, шерстью. Создав, таким образом, условия для потребления необходимых для выживания человека продуктов, руководство страны приступило к решению следующей задачи – обеспечению всего того, что требуется для достойного существования человека. Первым шагом на этом пути явилась необходимость разрешения овощной проблемы посредством создания вблизи больших городов специализированных совхозов по выращиванию овощей<sup>6</sup>. В дальнейшем речь шла уже о макаронах, мороженом и иных «деликатесах»<sup>7</sup>. Тем самым в систему продовольствен-

ного обеспечения населения вносился элемент стабильности, еще больше его усилить были призваны, по мысли Хрущева, такие компоненты, как специализация (строительство птицефабрик, ирригация, удобрения). Именно таким был лейтмотив содержания его записок в Президиум ЦК и выступлений 1963–1964 гг.<sup>8</sup>

Наряду с решением проблем продовольственного обеспечения новое советское руководство нацеливалось и на преодоление дефицита потребительских товаров. Впервые после смены власти о необходимости больше производить товаров народного потребления заявил Г. В. Маленков в мае 1953 г. на сессии Верховного Совета СССР. 12 августа 1953 г. Президиум ЦК КПСС принял решение о подготовке соответствующего постановления. Окончательно этот тезис обрел форму закона лишь на июльском 1955 г. пленуме ЦК КПСС, делегаты которого решили, используя опыт прошлых лет, увеличить на 40–50% производство товаров для населения на оборонных предприятиях за счет сокращения военного производства<sup>9</sup>. Однако данной меры явно было недостаточно для достижения потребительского изобилия, поэтому в мае 1958 г. на очередном пленуме ЦК КПСС получила одобрение инициатива первого секретаря о производстве синтетических материалов и изделий из них для удовлетворения потребностей населения<sup>10</sup>. Принимались законодательные инициативы и по расширению производства товаров для народа из традиционных материалов: одежды и обуви для детей, мебели, различных бытовых и хозяйственных товаров<sup>11</sup>. Таким образом, в годы «хрущевской оттепели» была создана законодательная база, повышавшая возможности советской экономики полнее удовлетворять продовольственные и товарные запросы населения. Даже те решения, которые существенно подорвали престиж Хрущева в обществе и явились причиной экономических трудностей и социального недовольства (ликвидация МТС, передача скота из личных подсобных хозяйств колхозников в колхозные фермы, увеличение цен на мясо, масло, сливки), изначально самим Никитой Сергеевичем задумывались как меры по стимулированию непосредственных производителей на максимальную обеспеченность населения продовольствием<sup>12</sup>.

Для того чтобы товары или продукты стали доступны потребителю, наращивания их производства было недостаточно, требовалось еще и реформировать торговую сеть. Во-первых, предпринимались шаги по количественному росту торговых предприятий за счет выделения на первых этажах в новых жилых домах необходимых помещений, а также строительства торговых комплексов по типовым проектам<sup>13</sup>. Во-вторых, осуществлялись меры по качественному изменению торгового обслуживания путем внедрения методов самообслуживания и других прогрессивных форм обслуживания покупателей (открытая выкладка товаров, продажа их в кредит, по образцам, при-



ем предварительных заказов, доставка товаров на дом). О повышенном внимании руководства страны к такой модернизации торгового обслуживания населения свидетельствуют как выступления на партийных съездах и пленумах<sup>14</sup>, так и пакет специальных законопроектов, содержащих положения о внедрении прогрессивных форм обслуживания или специально посвященных их развитию (например, торговле в кредит)<sup>15</sup>. Одновременно самообслуживание внедрялось в общественном питании, бытовом обслуживании и т. д. Тем самым за счет экономии времени на посещение вышеуказанных учреждений быт советского человека существенно облегчался, у него появлялось больше возможностей для удовлетворения иных потребностей, например духовных.

Наконец, еще одним немаловажным условием достижения научно обоснованных норм потребления продуктов и изобилия товаров в стране являлась проблема доходов населения, особенно низкооплачиваемых. Первый шаг в ее разрешении был сделан в год проведения в СССР XX съезда КПСС. Именно в 1956 г., помимо резолюции съезда, вышло еще два постановления о повышении с 1 сентября 1957 г. минимальной заработной платы до 300–500 руб. в месяц в зависимости от отрасли промышленности и одновременно был увеличен необлагаемый налогами минимальный доход с 250 до 370 руб. в месяц. В целом заработная плата рабочих и служащих повышалась на 30%<sup>16</sup>. В течение последующих четырех лет малоимущие категории населения были полностью освобождены от налогообложения<sup>17</sup>. Следующим этапом намечалась полная отмена всех налогов с граждан. Однако экономическая нестабильность не позволила осуществить задуманное, а, наоборот, вынуждала государство брать взаймы у людей финансовые средства через подписку на государственные займы<sup>18</sup>. Тем не менее у наименее обеспеченной части населения все же появлялось больше возможностей в приобретении всего необходимого для достойного существования.

В усилении государственной заботы нуждались не только малоимущие граждане страны, но и нетрудоспособные, прежде всего, престарелые и инвалиды. Прирост последних с 1941 г. по 1956 г. в целом по стране составил 7,2 млн чел.<sup>19</sup> Большинство из них получали мизерные пенсии и без помощи детей или иных родственников прожить не могли. Состояние законодательной базы пенсионного обеспечения представляло собой «множество условий и ничем не оправдываемых ограничений, противоречий и устаревших положений»<sup>20</sup> и поэтому было невозможно обеспечить достойные материальные условия существования бывших фронтовиков. Отсутствие системности в деятельности Министерства социального обеспечения, единого пенсионного фонда в стране делало систему социализма более уязвимой в мирном соревновании перед капитализмом. Необходимость доказать преимущества социализма более нагляд-

ным путем заставила Н. С. Хрущева обратить более пристальное внимание на проблемы социального обеспечения, проявляя заботу о массе пожилых людей. Реформирование системы пенсионного обеспечения осуществлялось в несколько этапов. Во-первых, постановлением Совета Министров СССР «Об улучшении пенсионного обеспечения в СССР» с 1 января 1954 г. были повышены в среднем два раза пенсии по старости, инвалидности и по случаю потери кормильца всем категориям трудящихся, кроме военнослужащих<sup>21</sup>. Новый импульс пенсионной реформе придал XX съезд КПСС, делегаты которого в своих докладах затронули и вопрос улучшения материального обеспечения престарелых граждан<sup>22</sup>. Обсуждение этой проблемы в Секретариате и Президиуме ЦК КПСС завершилось выработкой нового закона «О государственных пенсиях», утвержденного сессией Верховного Совета 14 июля 1956 г. Определив три вида пенсий – по старости, по инвалидности и по случаю потери кормильца – этот документ не только расширил круг лиц, которым они предоставлялись, но и практически положил начало всеобщему государственному пенсионному обеспечению трудящихся. Согласно прописанным в данном законе положениям должно было осуществляться и пенсионное обеспечение офицеров, военнослужащих сверхсрочной службы, писателей, композиторов, работников изобразительного искусства, просветителей, здравоохранения, сельского хозяйства и членов их семей; учащихся средних школ, ставших инвалидами в результате трудового или профессионального увечья и других. Был установлен самый низкий в мире возрастной порог ухода на пенсию (60 лет для мужчин и 55 лет для женщин). Пенсиями в размере с 360 руб. до 1200 руб. было обеспечено 13,4 млн пенсионеров, числящихся в стране к началу 1956 г., а в 1959 г. – уже 20 млн. К этому времени размеры всех видов пенсий выросли в среднем на 92 %<sup>23</sup>.

Вторым этапом в формировании всеобщей системы государственного пенсионного обеспечения трудящихся стало принятие 15 июля 1964 г. закона «О пенсиях и пособиях членам колхозов»<sup>24</sup>. Тем самым завершилась трансформация социального облика советской деревни, начавшаяся с выдачи паспортов. Одновременно этим шагом власти стремились повысить экономические показатели колхозов, от которых во многом зависел уровень обеспечения продовольствием населения. Представляется, что именно этот момент подтолкнул Хрущева выступить с инициативой о распространении действия закона от 14 июля 1956 г. на деревню. Значение получившего законную силу в июле 1964 г. решения было гораздо шире, поскольку оно явилось исходным пунктом в уравнивании социального статуса жителей города и села в СССР.

Следующим важнейшим направлением социальной политики в постсталинском СССР являлась жилищная проблема. Уже осенью 1953 г. Совет Министров СССР выступил с целым рядом зако-



нодательных инициатив по жилищному вопросу. К ним относятся постановления «Об организации торговли стандартными домами» (19 сентября 1953 г.)<sup>25</sup>; «О серьезных недостатках в жилищном и культурно-бытовом строительстве» (15 мая 1954 г.)<sup>26</sup>; «Вопросы организации союзно-республиканского Министерства городского и сельского строительства СССР» (20 августа 1954 г.)<sup>27</sup>; «О порядке утверждения проектов планировки и застройки городов Советского Союза» (24 августа 1955 г.)<sup>28</sup>. Делегаты июльского 1955 г. пленума ЦК КПСС в своем постановлении также указывали на необходимость обеспечения «...безусловного выполнения установленного плана жилищного строительства...»<sup>29</sup> Новый импульс этому строительству придали два постановления Совмина СССР и ЦК КПСС. Первое – «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» – было датировано 4 ноября 1955 г. и настоятельно рекомендовало использовать индустриальные методы строительства (применение сборных конструкций, эффективных строительных материалов, передовых технологий строительного производства). Это по мысли правительства должно было не только ускорить темпы жилищного строительства, но и снизить его себестоимость<sup>30</sup>. Второй документ именовался «О развитии жилищного строительства в СССР» (31 июля 1957 г.). В нем жилищное строительство было признано важнейшим направлением политики государства, определена наиболее целесообразная этажность домов (четыре-пять этажей), признано необходимым отказаться от внешней помпезности зданий (башенные надстройки, многочисленные колоннады и портики и т. д.) и сосредоточить внимание на реальном улучшении жилищных условий населения. Тем самым был дан старт первому в истории страны массовому жилищному строительству<sup>31</sup>.

Другим способом улучшения жилищных условий населения являлись жилищные кооперативы. Взвесив все преимущества и недостатки в функционировании этих организаций в 1920 – 1930-е гг.<sup>32</sup>, Президиум ЦК КПСС 30 декабря 1957 г. принял решение о возрождении ЖСК и одобрил соответствующий проект постановления Совета Министров СССР<sup>33</sup>. 20 марта 1958 г. это постановление обрело законную силу. Практика кооперативного жилищного строительства, прежде всего, открывала реальный путь улучшить жилищные условия простым, малоимущим гражданам. Учитывая, что особых средств у населения не было, постановление разрешало недостающие до нужной суммы средства отработать на стройке своего дома. Тем самым, с одной стороны, в определенной степени разрешалась проблема нехватки рабочих рук, а с другой – небогатые люди получали дополнительный шанс обрести жилье<sup>34</sup>. Неслучайно в новом постановлении «О дальнейшем развитии жилищного строительства» (от 8 августа 1962 г.) кооперативные жилищные программы признавались способными в обозримом будущем

решить жилищный вопрос в стране<sup>35</sup>. В целом за годы хрущевской оттепели цифры ежегодной сдачи жилья были почти удвоены. С 1956 по 1965 г. в год в новые квартиры вселилось около 108 млн человек<sup>36</sup>. Однако острота жилищной проблемы не снижалась. Руководство страны искало пути оптимизации жилищного строительства, всерьез задумываясь об увеличении этажности домов. Этой проблеме была посвящена дискуссия, проводившаяся газетой «Известия» в июне 1961 г.<sup>37</sup>

Среди важнейших ценностей, обеспечивающих высокое качество жизни людей, одно из лидирующих принадлежит здоровью, заботу о котором также проявлял Н. С. Хрущев. Развитие законодательных инициатив в сфере здравоохранения развивалось по двум направлениям. Первым них стал пакет мероприятий по стимулированию рождаемости в стране, улучшению лечебно-профилактического обслуживания женщин и детей, снижению детской смертности, расширению сети роддомов, особенно колхозных, женских консультаций и фельдшерско-акушерских пунктов. Тем самым руководство страны заменяло отмененный 1 ноября 1955 г. сталинский закон о запрете абортот от 27 июня 1936 г. более продуманной политикой в области материнства и детства. Вторым направлением модернизации здравоохранения стала программа мер по приближению специализированной медицинской помощи к сельскому населению, подъем его до уровня, существовавшего в городах. Достичь этого планировалось за счет расширения строительства сельских больничных комплексов по типовым проектам. Постановлением Совета Министров СССР от 14 января 1960 г. «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения СССР» был определен оптимальный размер коечного фонда городских и сельских больниц, необходимый для обеспечения оказания разносторонней квалифицированной медицинской помощи населению. В городах он составлял от 300–400 коек до 600 и более в зависимости от численности населения. В сельских населенных пунктах предписывалось создать укрупненные районные больницы, являвшиеся комплексными центрами районного звена здравоохранения с числом коек в них 100–120 и более. Строительство новых сельских участковых больниц менее чем на 35 коек допускалось только в исключительных случаях и с разрешения Министерства здравоохранения союзной республики<sup>38</sup>. Таким образом, создавались условия для превращения специализированной медицинской помощи в неотъемлемую часть повседневной жизни советского человека.

В комплексе все основные направления постсталинской социальной политики отражала третья программа партии, принятая XXII съездом КПСС в октябре 1961 г. В ней государство предстает как комплекс институтов, заботящихся о человеке от рождения до смерти, о его жилищных условиях, пище, бытовом обслуживании, о содержании пенсионеров и т. д. Эта программа нацеливала на по-



строение в СССР социального государства<sup>39</sup>. Тем самым пришедшее в середине октября 1964 г. к власти новое руководство страны получило готовый алгоритм для дальнейшего проведения социальных реформ. Их успешной реализации благоприятствовала стабилизация внутриэкономической ситуации за счет, во-первых, начатой в 1963 г. промышленной разработки тюменских нефтяных месторождений и продажи нефти по высоким ценам. Во-вторых, необходимые средства для реализации положений социального блока новой программы партии появились в ходе проведения новой экономической реформы, автором которой был А. Н. Косыгин. Основным показателем экономического развития страны вместо не учитывающих спрос на продукцию валовых показателей была определена прибыль. Исходя из ее размеров, на предприятиях создавался фонд накоплений, часть из которых шла на строительство, капитальный ремонт жилых домов и культурно-бытовых учреждений, а также улучшение культурно-бытового обслуживания и зарплату рабочих, инженерно-технических работников и служащих. В рамках этой реформы предусматривалась закупка современного и модернизация существующего оборудования на предприятиях группы «Б», обслуживающих нужды людей<sup>40</sup>. Таким образом, создавались экономические предпосылки для воплощения в жизнь лозунга, определявшего главной задачей хозяйственного развития страны удовлетворение все возрастающих материальных и культурных потребностей трудящихся<sup>41</sup>.

В ходе претворения в жизнь вышеуказанной установки XXIV съезда КПСС (март 1971 г.) фактически были реализованы многие идеи, направленные в адрес Президиума ЦК КПСС еще Н. С. Хрущевым. Речь шла об осуществлении комплексной мелиорации земель, строительстве широкой сети птицефабрик, механизированных овцеводческих ферм, крупных комплексов по производству свинины, откорму крупного рогатого скота и производству молока<sup>42</sup>. Кроме того, за 1966–1974 гг. было принято около десяти постановлений партии и правительства о дальнейшем увеличении производства товаров народного потребления и сближении темпов роста производства продукции предприятиями группы «А» и группы «Б». Именно на это нацеливал экономику страны Л. И. Брежнев, выступая с отчетным докладом 26 марта 1966 г. на XXIII съезде КПСС<sup>43</sup>. Таким образом, в стране создавались условия для обеспечения товарно-продуктовой безопасности населения.

Период второй половины 1960 – первой половины 1970-х гг. был отмечен принятием множества важнейших социальных решений, продолжавших начатый еще Хрущевым курс на обеспечение людям жизни, достойной человека, на всеобщий достаток. В постановлениях ЦК КПСС и Совмина СССР «Об этажности жилых домов, строящихся в городах и поселках» (12 августа 1965 г.) и «О мерах по улучшению качества жилищно-гражданского строительства» (28 мая 1969 г.) говорилось

об изменениях ориентиров политики в сфере обеспечения населения жильем: на смену пятиэтажкам должны были прийти девятиэтажные дома<sup>44</sup>. При разработке проектов этих домов главным становилось удобство, улучшенное оборудование и отделка квартир. Обновилось законодательство в области жилищной кооперации и индивидуального жилищного строительства. Все это являлось составными компонентами социального проекта «Доступное и комфортное жилье»<sup>45</sup>. С 1 января 1968 г. минимальный размер оплаты труда у подавляющего большинства населения вырос до 60 руб. в месяц, а у отдельных категорий работников – до 70 руб. Одновременно были снижены налоговые ставки на 25% с заработной платы от 61 до 80 руб. В конце 1972 г. доходы населения до 70 руб. в месяц полностью переставали облагаться налогами. Налоги с зарплат (до 90 руб.) были снижены на 35,5%<sup>46</sup>. С 1974 г. был установлен новый вид пособий – пособие на детей в возрасте до восьми лет в семьях с душевым доходом до 50 руб. в месяц<sup>47</sup>. В ходе мероприятий по устранению различий в уровне пенсионного обеспечения жителей города и села возраст выхода на пенсию последних был уменьшен и стал соответствовать прописанным в законе от 14 июля 1956 г. нормам<sup>48</sup>. А с 1 июля 1971 г. на деревню был распространен порядок исчисления пенсий, установленный для рабочих и служащих. В результате городские и сельские жители при одинаковом заработке стали получать равные пенсии. Разница сохранялась лишь в размерах минимальных пенсий<sup>49</sup>. Возросла забота государства о ветеранах и семьях погибших воинов, которые получили многочисленные льготы. В поле зрения органов соцобеспечения с 1965 г. оказались и инвалиды детства, долгое время выпадавшие из сферы деятельности МСО<sup>50</sup>. С 1968 г. началось осуществление социального проекта «Здравоохранение», целью которого являлось обеспечение городского и сельского населения высококвалифицированной лечебно-профилактической помощью. Максимальные размеры коечного фонда лечебных учреждений в городах должны были составлять тысяча и более коек, а в селах – 400 коек. Предписывалось также организовывать межреспубликанские, республиканские, межобластные, краевые и областные отделения (центры) по важнейшим видам специализированной медицинской помощи (кардиохирургические, ожоговые, нейрохирургические, неврологические и другие)<sup>51</sup>. На заботу о здоровье будущих поколений советских людей был нацелен национальный проект «Спорт», запущенный в 1966 г.<sup>52</sup> Инициатором принятия многих социальных решений выступал сам Л. И. Брежнев, социальный уклон которого доказывает содержание его личного дневника. Записи генсека, сделанные в 1965–1970 гг., содержали множество мыслей и идей о росте зарплаты, ценах на продукты, охране труда и др.<sup>53</sup> Таким образом, в 1965–1974 гг. социальная политика являлась одним из приоритетов внутреннего развития СССР.



Резкое ухудшение здоровья руководителя СССР в декабре 1974 г. существенно затормозило интенсивное продвижение страны по пути социальных преобразований. Однако социальное законодательство, набрав высокий темп развития в предшествующее десятилетие, в течение второй половины 1970-х гг. продолжало по инерции поступательное развитие вперед. Многие из вышперечисленных законодательных инициатив требовали логического завершения, итогом чего стало принятие в 1977 г. новой Конституции. Основные ее положения свидетельствовали об окончательном оформлении СССР как социального государства<sup>54</sup>. В то же время возможностей для реализации социального блока Основного закона страны становилось все меньше и меньше. Это было следствием вступления СССР в конце 1970-х гг. в более жесткую фазу холодной войны и существенного сокращения притока в экономику нефтедолларов. Эффект от экономической реформы 1965 г. после известных событий в Чехословакии в 1968 г. стал стремительно сокращаться и к концу рассматриваемого периода в экономике стагнация явно превалировала над динамизмом. СССР все больше и больше отставал от Западной Европы, где стремительно набирала обороты научно-техническая революция. Руководство же Советского Союза видело рецепт преодоления трудностей в дальнейшем развитии мелиорации<sup>55</sup>. Поэтому ориентиры на улучшение качества жизни людей, на которые нацеливали развитие экономики постановления партийных съездов, пленумов и многочисленные решения партии и правительства, так и оставались практически не реализованными<sup>56</sup>.

Социальная политика постепенно утрачивала свое приоритетное положение во внутриполитическом курсе, что проявлялось в сужении возможностей государства в полном объеме проявлять заботу о различных категориях населения, в первую очередь инвалидах и ветеранах войны. О них государство вспоминало лишь в канун выборов в советы различных уровней и праздника «День Победы»<sup>57</sup>. Доступным и комфортным жильем были обеспечены не все нуждавшиеся в улучшении жилищных условий граждане, особенно в сельской местности<sup>58</sup>. Принятие в 1977 г. и 1982 г. специальных документов об улучшении медицинского обслуживания населения, призывы руководства страны в 1983 г. и 1984 г. ежегодно проводить диспансеризацию населения, все это было продиктовано не столько стремлением продолжения модернизации здравоохранения, сколько выработкой путей разрешения нарастающих в стране демографических проблем<sup>59</sup>. Этими же соображениями объясняется попытки власти скорректировать демографическую политику, повысив в начале 1980-х гг. единовременные пособия на детей и введя частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до года<sup>60</sup>. Однако это были вынужденные меры, продиктованные обстоятель-

ствами, представлявшими угрозу существованию СССР. Угрожающий характер приобретала и ситуация с обеспечением населения продовольствием. Попытка повысить эффективность экономики, предпринятая в рамках реализации постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качество работы» обернулась вытеснением дешевых товаров более дорогой продукцией, которую стало выгодно производить в условиях ориентации производителей на получение нормативно чистой продукции<sup>61</sup>. В результате в разряд дефицитных попало еще больше самых необходимых населению товаров, что обернулось ростом социального недовольства. Нейтрализовать эти негативные проявления была призвана принятая на майском пленуме ЦК КПСС 1982 г. «Продовольственная программа». Ее целью было «... в возможно более короткие сроки надежно обеспечить население страны продуктами питания»<sup>62</sup>. Однако к концу 1984 г. руководство страны вынуждено было констатировать сохранение остроты «... в снабжении населения многих городов продуктами питания, и прежде всего, мясом ...»<sup>63</sup>. Это означало провал курса на достижение всеобщего достатка в обществе (именно так понимало коммунизм советское руководство) в течение двадцати лет, на что ориентировала принятая осенью 1961 г. программа партии. Ю. В. Андропов был вынужден признать, что страна находится фактически в начале пути строительства коммунизма и для достижения конечной цели ей предстоит преодолеть еще не один этап<sup>64</sup>. В частном порядке генсек высказывался еще более радикально: «Какой там ... развитой социализм, нам до простого социализма еще пахать и пахать»<sup>65</sup>.

Основополагающим элементом реализации провозглашенного главой государства курса на дальнейшее совершенствование развитого социализма<sup>66</sup> явились попытки повысить мобильность экономического организма в стране путем осуществления научно-технической революции. В то же время в своих речах Андропов заострял особое внимание на социальных критериях эффективности производства, на способности экономики обеспечить достойную жизнь людей<sup>67</sup>. Для этого постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 июля 1983 г. производственно-промышленным объединениям была предоставлена большая самостоятельность в распоряжении средствами фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, в апреле 1983 г. на совещании в ЦК обсуждались возможности поддержки личных приусадебных и подсобных хозяйств<sup>68</sup>. Хозяйственные эксперименты продолжались при К. У. Черненко, помощники которого разрабатывали программу мер по повышению роли местных советов в хозяйственном строительстве<sup>69</sup>, обеспечения комплексного развития экономики на местах с целью более полного удовлетворения



многообразных запросов населения, улучшения его обслуживания<sup>70</sup>. В то же время четкого представления того, как будет соотноситься возрастающая самостоятельность непосредственных производителей с всевластием ведомств, у руководства страны не было. Становлению социально ориентированной экономической политики мешала чрезмерная осторожность, с которой вводились нововведения, сказывалась боязнь ущемить интересы ведомств растущим самоуправлением трудовых коллективов. Поэтому вплоть до апреля 1985 г. в стране так и не возникло необходимой экономической основы для разрешения назревших социальных проблем, хотя и Андропов, и Черненко подчеркивали свою приверженность идеям социальной справедливости<sup>71</sup>.

Таким образом, в эволюции социальной политики Советского государства в период со второй половины 1950-х гг. по середину 1980-х гг. целесообразно выделить три этапа: восходящая фаза (1953–1965 гг.), высший подъем (1966–1974 гг.) и нисходящая фаза (1975 – середина 1980-х гг.). Помимо своего прямого назначения – удовлетворять потребности людей в более комфортной жизни, причинами проведения советским руководством социально ориентированной внутренней политики являлась необходимость, во-первых, как Хрущеву, так и Брежневу одержать верх над своими соперниками в борьбе за власть (политический аспект), а во-вторых – доказать преимуществу социализма на международной арене. Возможности реализации принятых в эти годы социальных решений зависели от диапазона социальной мобильности, самые широкие пределы которой приходится на 1966–1974 гг. На первом этапе социальная политика преследовала цель обеспечения населения самым необходимым набором благ: продовольствием, предметами первой необходимости, малогабаритными отдельными квартирами и т. д. Расширение пределов допустимости социальных отношений позволило руководству страны во второй половине 1960 – первой половине 1970-х гг. заявить о стремлении удовлетворить растущие потребности населения. На этом этапе СССР законодательно оформляется как социальное государство, основное предназначение которого заключалось в распределении ресурсов в пользу уязвимых социальных слоев и поддержке социальных гарантий всем категориям населения. Сужение диапазона социальной мобильности на протяжении второй половины 1970-х гг. ограничило возможности полноценной реализации прогрессивных положений социального блока Конституции 1977 г. и детализирующих их постановлений. В начале 1980-х гг. нерешенность социальных проблем превратилась в фактор, угрожающий существованию СССР, а социальное законодательство стало инструментом нейтрализации этих угроз. Удовлетворить в полном объеме растущие запросы советского потребительского общества экономика была уже не в состоянии, а принятые в 1983–1984 гг. решения,

при всей их прогрессивности, так и не смогли придать новый импульс ее развитию.

## Примечания

- <sup>1</sup> См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления : в 3 т. Т. 2 : Постановления. 1954–1958. М., 2006; Т. 3 : Постановления. 1959–1964. М., 2008 ; Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. М., 2009; На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945–1960-е гг. М., 2010.
- <sup>2</sup> См.: Чазов Е. И. Здоровье и власть : Воспоминания кремлевского врача. М., 1992; Шелест П. Е. Да не судимы будете : Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1994 ; Мухомидинов Н. А. Река времени. От Сталина до Горбачева : Воспоминания. М., 1995 ; Усубалиев Т. У. Эпоха. Социальное. Судьбы. Бишкек, 1995 ; Премьер известный и неизвестный : Воспоминание о А. Н. Косыгине. М., 1997 ; Байбаков Н. К. От Сталина до Ельцина. М., 1998 ; Соломенцев М. С. Верю в Россию. М., 2003 ; Патолитчев Н. С. Воспоминания. Испытание на зрелость. Совестью своей не поступлюсь. М., 2008 ; Гришин В. В. Катастрофа. От Хрущева до Горбачева. М., 2010 ; Министры советской эпохи. О времени и о себе. М., 2010 ; Хрущев С. Н. Никита Хрущев : Реформатор. М., 2010.
- <sup>3</sup> См.: Суслов Ю. П. Противоречия и трудности социально-политического и духовного развития СССР. 1965–1985 гг. Саратов, 1998 ; Тихонов В. Закрытые города в открытом обществе. М., 1996 ; Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001 ; Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М., 2002 ; Андриянов В. И. Косыгин. М., 2003 ; Лебина Н. Б. Энциклопедия банальностей. Советская повседневность : Контуры, символы, знаки. СПб., 2006 ; Никонова С. И. Духовная жизнь советского общества в 1965–1985 гг. : Идеология и культура. Казань, 2006 ; Шестаков В. А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М., 2006 ; Баландин Р. К. Маленков. Третий вожьд Страны Советов. М., 2007 ; Ванюков Д. А. Хрущевская оттепель. М., 2007 ; Булавка Л. А. Феномен советской культуры. М., 2008 ; Ванюков Д. А. Эпоха застоя. М., 2008 ; Костюченко И. Ю. Народное образование в СССР и Российской Федерации в 50-е – 90-е гг. XX века : Теория и практика реформирования. М., 2008 ; Шубин А. В. Золотая осень, или период застоя. СССР в 1975–1985 гг. М., 2008 ; Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1954–1964 гг. М., 2010 ; Орлов И. Б. Советская повседневность. Исторический и социологический аспекты становления. М., 2010 ; Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. М., 2011 ; Хинштейн А. Е. Сказка о потерянном времени. Почему Брежнев не смог стать Путиным. М., 2011.
- <sup>4</sup> См.: Овечкин В. Дороги, нами разведанные. Повести, очерк, рассказы. М., 1967. С. 433–434, 464, 506.



- <sup>5</sup> Здесь имеется в виду проект новой программы ВКП (б), разработанный в 1947 г., но не нашедший поддержки у Сталина. Об этом см.: *Пыжиков А. В.* Советское послевоенное общество и предпосылки хрущевских реформ // *Вопр. истории.* 2002. № 2. С. 41.
- <sup>6</sup> См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. (1898–1988) : в 15 т. Т. 8. 1946–1955. М., 1985. С. 359–360, 468 ; Т. 9. 1956–1960 гг. М., 1986. С. 192, 483 ; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2. С. 490.
- <sup>7</sup> См.: Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. Р-2233. Оп. 9. Д. 223. Л. 194–195, 282–283.
- <sup>8</sup> См.: *Хрущев Н. С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 7. Февраль 1962 г. – март 1963 г. М., 1962. С. 474–477 ; Пленум ЦК КПСС. 10–15 февраля 1964 г. Стенографический отчет. М., 1964. С. 433–436 ; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний : Стенограммы. Постановления. Т. 3. С. 566–568, 573.
- <sup>9</sup> См.: Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 3. Оп. 31. Д. 17. Л. 137 ; *Хрущев С. Н.* Указ. соч. С. 140, 216, 913, 947, 969.
- <sup>10</sup> КПСС в резолюциях ... Т. 9. С. 239–241. Члены Президиума ЦК КПСС на заседании от 12 октября 1962 г. отмечали факт высокого спроса населения на синтетические вещи (коврики, шубы). См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 935. Л. 12.
- <sup>11</sup> См.: Собрание постановлений СССР (далее – СП). 1958. № 4. Ст. 36. № 5. Ст. 45. 1959. № 18. Ст. 147 ; ГААО. Ф. Р-2233. Оп. 9. Д. 223. Л. 253 об. – 255.
- <sup>12</sup> Более подробно об этом см.: *Хрущев С. Н.* Указ соч. С. 553–556, 560–561, 791–792.
- <sup>13</sup> См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 17. Л. 138; Д. 18. Л. 12, 83–83 об.; СП СССР. 1959. № 4. Ст. 24; 1960. № 14. Ст. 114; 1961. № 4. Ст. 14; 1961. № 14. Ст. 53.
- <sup>14</sup> См.: Резолюции XX съезда коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. М., 1956. С. 79–80; Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. М., 1959. С. 238–239; Пленум ЦК КПСС. 24–29 июня 1959 г. Стенографический отчет. М., 1959. С. 525.
- <sup>15</sup> См.: СП РСФСР. 1959. № 13. Ст. 112; 1962. № 6. Ст. 34; 1964. № 20. Ст. 143; 1960. № 26. Ст. 123; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 21. Л. 101–104.
- <sup>16</sup> См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2. С. 174; Резолюции XX съезда коммунистической партии Советского Союза. С. 77; СП СССР. 1957. № 2. Ст. 5.
- <sup>17</sup> См.: Сборник законов СССР и Указов и Президиума Верховного Совета СССР (1938 г. – ноябрь 1958 г.). М., 1959. С. 506; СП СССР. 1957. № 7. Ст. 77; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2. С. 686–688; Т. 3. С. 106–116.
- <sup>18</sup> См.: *Хрущев С. Н.* Указ. соч. С. 209, 411, 708–709, 831–832.
- <sup>19</sup> Подсчитано по данным см.: *История России. XX век : 1939–2007 / под ред. А. Б. Зубова.* М., 2010. С. 336.
- <sup>20</sup> РГАНИ. Ф. 3. Оп. 28. Д. 3. Л. 71.
- <sup>21</sup> Там же. Д. 4. Л. 16–21.
- <sup>22</sup> Там же. Д. 1. Л. 65.
- <sup>23</sup> См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2. С. 273–279 ; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 28. Д. 6. Л. 11–12; Д. 7. Л. 13, 79 ; Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода (1917–1958 гг.). М., 1966. С. 549–552.
- <sup>24</sup> Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 15 т. Т. 5. 1962–1965 гг. М., 1968. С. 473–476, 478.
- <sup>25</sup> См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 26. Л. 124–124 об.
- <sup>26</sup> Там же. Д. 17. Л. 139–139 об.
- <sup>27</sup> Там же. Д. 5. Л. 28–31 об. В развитие этого постановления 24 августа 1954 г. был принят Указ Президиума Верховного совета СССР «Об образовании союзно-республиканского Министерства городского и сельского строительства СССР». Там же. Л. 2.
- <sup>28</sup> РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 30. Л. 79 об.
- <sup>29</sup> КПСС в резолюциях ... Т. 8. С. 528.
- <sup>30</sup> РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 18. Л. 41.
- <sup>31</sup> Там же. Д. 19. Л. 2–23.
- <sup>32</sup> См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2. С. 740–741, 744–751.
- <sup>33</sup> См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 29. Л. 25, 30–31.
- <sup>34</sup> СП СССР. 1958. № 5. Ст. 47.
- <sup>35</sup> См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 29. Л. 117; Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 2. Д. 4830. Л. 91–91 об.; СП РСФСР. 1962. № 21. Ст. 103; Жилищно-бытовая работа профсоюзов : справ. пособие для профсоюзного актива. М., 1985. С. 52.
- <sup>36</sup> *Таубман У.* Хрущев. М., 2008. С. 418.
- <sup>37</sup> См.: *Хрущев С. Н.* Указ. соч. С. 748.
- <sup>38</sup> См.: Резолюции XX съезда коммунистической партии Советского Союза. С. 78; Сборник законов СССР и Указов и Президиума Верховного Совета. М., 1959. С. 428–429; СП СССР. 1957. № 2. Ст. 9; 1960. № 3. Ст. 14; *Хрущев С. Н.* Указ. соч. С. 210–211.
- <sup>39</sup> См.: Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. М., 1976. С. 90–100.
- <sup>40</sup> См.: *Сванидзе М., Сванидзе Н.* Исторические хроники с Николаем Сванидзе : в 27 т. Т. 18. 1963–1964–1965; СПб., 2014. С. 20, 58; КПСС в резолюциях ... Т. 10. 1961–1965 гг. М., 1986. С. 464; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 8. 1970 – февраль 1972 гг. М., 1972. С. 575; Т. 9. Февраль 1972 – сентябрь 1973 гг. М., 1974. С. 254; ГАНИСО. Ф. 6164. Оп. 8-пр. Д. 400, Л. 17–18.
- <sup>41</sup> См.: Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1972. С. 41, 42.
- <sup>42</sup> См.: КПСС в резолюциях ... Т. 10. 1969–1971. М., 1972. С. 324–330; Т. 11. 1966–1970. М., 1986. С. 93, 95, 534.
- <sup>43</sup> См.: СП СССР. 1965. № 3. Ст. 16; 1966. № 12. Ст. 116; Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966. С. 60; Решения партии и правительства по хозяйственным вопро-



- сам. Т. 7. Июнь 1968–1969 гг. М., 1970. С. 305–308, 410; Т. 9. С. 294–295, 329–330; Т. 10. Октябрь 1973 – октябрь 1975 гг. М., 1976. С. 185.
- 44 См.: СП СССР. 1965. № 17. Ст. 130; 1969. № 15. Ст. 84.
- 45 См.: СП РСФСР. 1965. № 23. Ст. 144; 1966. № 15. Ст. 79; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 31. Д. 29. Л. 152–154, 159; Материалы XXIII съезда КПСС. С. 61. Материалы XXIV съезда КПСС. С. 180.
- 46 См.: СП СССР. 1967. № 23. Ст. 161; № 26. Ст. 183; 1973. № 1. Ст. 2; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 9. С. 339.
- 47 См.: Материалы XXIV съезда КПСС. С. 43, 178; СП СССР. 1974. № 21. Ст. 121.
- 48 СП СССР. 1967. № 23. Ст. 161.
- 49 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 8. С. 466–468.
- 50 См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 28. Д. 6. Л. 189; Д. 9. Л. 150, 152, 195; Д. 13. Л. 114, 121, 122, 123; Д. 17. Л. 156; СП РСФСР. 1964. № 21. Ст. 152; 1965. № 14. Ст. 83; № 4. Ст. 22; 1967. № 23. Ст. 161; 1968. № 4. Ст. 18–19; ГАНИСО. Ф. 6164. Оп. 8. Д. 278. Л. 8–10; КПСС о профсоюзах. М., 1967. С. 582–583.
- 51 СП СССР. 1968. № 13. Ст. 82.
- 52 См.: Материалы XXIII съезда КПСС. С. 162; КПСС о профсоюзах. С. 607–609.
- 53 См.: Дневниковые записки Л. И. Брежнева (1957–1982) // *Хинштейн А.* Указ. соч. С. 483–491.
- 54 См.: Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977. С. 11–13.
- 55 Материалы Пленума Центрального комитета КПСС, 23 октября 1984 г. М., 1984. С. 41–63.
- 56 См.: Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 120, 194–195; *Брежнев Л. И.* Выступление на Пленуме Центрального Комитета КПСС 27 ноября 1978 г.; Постановление Центрального Комитета КПСС. М., 1978. С. 12–13; Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 48, 49, 112, 113, 161–162, 163; КПСС в резолюциях... Т. 13. 1976–1980. М., 1987. С. 297; Т. 14. 1980–1981. М., 1982. С. 71–73, 75, 483, 530; СП РСФСР. 1981. № 10. Ст. 62; СП СССР. 1981. № 22. С. 578–581. 1983. № 13. С. 228–230; *Андропов Ю. В.* Ленинизм – неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс. Избранные речи и статьи. М., 1984. С. 377, 477.
- 57 См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 12. Июль 1977 – март 1979 гг. М., 1979. С. 133, 134; СП СССР. 1978. № 27. Ст. 165; 1980. № 9. Ст. 62; 1985. № 9. Ст. 38.
- 58 См.: СП РСФСР. 1978. № 17. Ст. 102; 1981. № 29. Ст. 169.
- 59 См.: КПСС в резолюциях... Т. 13. С. 204–216; Т. 14. 1981–1984. М., 1987. С. 365–367, 523–524; *Андропов Ю. В.* Указ. соч. С. 478, 480.
- 60 См.: СП СССР. 1981. № 13. Ст. 75; № 24. Ст. 139, 141; 1984. № 6. Ст. 32; № 8. Ст. 46; Материалы XXVI съезда КПСС. С. 104–105, 178.
- 61 Товарная продукция, реализованная по договорам минус затрат на ее производство. См.: КПСС в резолюциях... Т. 13. С. 353–396.
- 62 См.: Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и о мерах по ее реализации : материалы майского Пленума ЦК КПСС 1982 г. М., 1984. С. 5, 8–10.
- 63 См.: Материалы Пленума Центрального комитета КПСС, 23 октября 1984 г. С. 7.
- 64 *Андропов Ю. В.* Указ. соч. С. 432.
- 65 Цит. по: *Шубин А. В.* Указ. соч. С. 243.
- 66 *Андропов Ю. В.* Указ. соч. С. 473.
- 67 *Шарапов В. В.* Андропов : совершенствование социализма необходимо и возможно // Андропов в воспоминаниях и оценках соратников и сослуживцев. М., 2011. С. 186.
- 68 См.: КПСС в резолюциях... Т. 14. 1981–1984. М., 1987. С. 448–449; *Шубин А. В.* Указ. соч. С. 257.
- 69 В этом прослеживалась преемственность курса Черненко экономического курса Андропова, который нацеливался на расширение полномочий «... местных советов в отношении предприятий, учреждений и организации, расположенных на их территории». См.: *Андропов Ю. В.* Указ. соч. С. 430.
- 70 См.: *Черненко К. У.* Народ и партия едины. Избранные речи и статьи. М., 1984. С. 418, 438, 458; СП СССР. 1984. № 6. Ст. 30.
- 71 См.: *Андропов Ю. В.* Указ. соч. С. 477; Материалы внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС, 13 февраля 1984 г. М., 1984. С. 13.

# ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(3)+929 Геродот

## ГОРОД ПТЕРИЯ У ГЕРОДОТА И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ГРЕЧЕСКИХ ПОЛИСОВ ЮЖНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Т. Ю. Шашлова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени  
Н. Г. Чернышевского  
E-mail: tatyana.shashlova2014@yandex.ru

В статье исследуется вопрос о том, входили ли греческие полисы Южного Причерноморья в состав Лидийского царства. Поскольку Лидия была завоевана Персией, изучение данного вопроса позволяет прояснить время вхождения этих полисов в состав Персидской державы. Основным источником по проблеме является сообщение Геродота о завоевании лидийским царем Крезом Птерии – крупного укрепленного города, расположенного на южном побережье Черного моря. В работе анализируются данные античной нарративной традиции о Птерии, и рассматриваются современные точки зрения относительно ее локализации. На основании этого анализа делается вывод о северных пределах Лидийского царства на момент завоевания Персией.

**Ключевые слова:** Птерия, Синопа, Геродот, Богазкёй, Керкенес-Даг.

### The City of Pteria in Herodotus' Works and Some Aspects of the History of Greek Polises of the Southern Black Sea Region

T. Ju. Shashlova

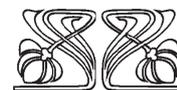
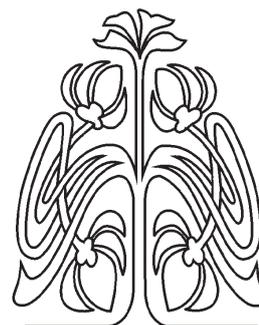
The article investigates the question whether the Greek colonies of the Southern coast of the Black Sea were a part of the Lydian Kingdom. Bearing in mind that Lydia was conquered by Persia, the study of this question allows to clarify the time of entering this polises the Persian empire. The main source on the problem is Herodotus' report about the conquest of Pteria, a large fortified city, situated on the Southern coast of the Black Sea, by the Lydian king Croesus. The article analyzes the ancient narrative traditions about Pteria, and considers the modern views concerning its localization. Based on this analysis, the conclusion is made about the northern limits of the Lydian Kingdom at the time of its conquest by Persia.

**Key words:** Pteria, Sinope, Herodotus, Bogazkoy, Kerkenes-Dag.

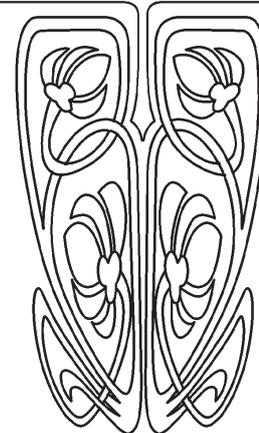
DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-161-165

Греческие полисы Южного Причерноморья в VI–IV вв. до н.э. находились непосредственно на территории Персидской державы. Однако точное время их вхождения в состав Персидской империи неизвестно. В 546 г. до н.э. персами было завоевано крупное по тем временам Лидийское царство, в результате чего все его прежние владения отошли к Персии. Владения Лидии до столкновения с Персией простирались на востоке до р. Галис (Herod. I, 6; I, 28). На этих территориях проживали местные племена, а в прибрежной зоне, выходящей к побережью Черного моря, располагались и греческие полисы. Вхождение местных племен в состав Лидии засвидетельствовано Геродотом и не вызывает сомнений (Herod. I, 28).

Однако мы не знаем о том, распространилось ли лидийское владичество до Галиса и на греческие полисы Южного Причерноморья, расположенные в пределах этих территорий. Здесь есть определенные сомнения, поскольку южное побережье Черного моря отделено от



НАУЧНЫЙ  
ОТДЕЛ





остальной Малой Азии Понтийскими горами высотой до 2000 м<sup>1</sup>.

Этот вопрос не часто становился предметом специального рассмотрения. Эд. Мейер был склонен отвечать на него отрицательно<sup>2</sup>. Аналогичного мнения придерживался и Д. Робинсон, автор первой монографии по истории Синопы<sup>3</sup>. Следует признать, что у нас нет практически никаких прямых указаний источника на этот счет. Интерес представляет лишь одно указание Геродота в его рассказе о последних годах жизни Лидийского царства.

Обеспокоенный ростом могущества Персии Крез отправил послов к Дельфийскому оракулу спросить, стоит ли ему начинать войну против персов. Даже получив двусмысленный ответ («если царь пойдет на персов, то сокрушит великое царство» (Herod. I, 53)), он истолковал его в свою пользу и начал вторжение в Каппадокию. Он перешел Галис и вторгся в Птерию, сильно укрепленное место, которое, согласно Геродоту, лежит приблизительно около Синопы, города на Евксинском Понте (Herod. I, 76). Крез захватил этот город, а его жителей продал в рабство. Он захватил также и все окрестные города и изгнал проживавших в них людей. Именно здесь, на «Птерийской земле», произошла битва персов с мидянами, которая не принесла решающей победы ни одной из сторон. Крез отступил в Сарды, но вскоре он и его столица были взяты персами (Herod. I, 76–81, 84)<sup>4</sup>.

Данное сообщение заслуживает внимания, так как может свидетельствовать о существовании у Креза интереса к северным прибрежным территориям, на которых располагались греческие полисы. Именно как стремление выйти к побережью Черного моря интерпретирует это сообщение Г. А. Стратановский в своем переводе Геродота<sup>5</sup>.

Геродот – не единственный автор, который упоминает о Птерии. Сведения о ней сохранились также в трудах Элия Геродиана, Стефана Византийского и логографа Гелланика Митиленского.

Интересующие нас фрагменты выглядят следующим образом:

Элий Геродиан. De prosodia catholica:  
3.1. P. 299

Πτερία πόλις Σινώπης καὶ Μήδων, ἣ καὶ Πτέριον λέγεται. («Птерия – полис Синопы имидийцев, который также Птерион называется»).

3.1. Pp. 359

Πτέριον πόλις Μήδων. Λέγεται καὶ θηλυκῶς ἢ Πτερία. «Птерион, полис мидийцев. Называется также по женскому роду – Птерия».

Стефан Византийский. Ethnica (epitome):  
P. 538. L. 3:

Πτέριον, πόλις Μήδων. τινὲς δὲ Πτερὰ οὐδετέρως τὴν ἀκρόπολιν Βαβυλῶνος. Λέγεται καὶ θηλυκῶς ἢ Πτερία. ἔστι καὶ Πτερία πόλις Σινώπης. τὸ ἔθνικόν τῆς Μηδικῆς Πτεριηνός, τῆς δ' ἐν τῇ Σινώπῃ Πτέριος.

«Птерион, полис мидийцев». Следующее предложение не совсем понятно, так как там про-

пущен глагол. Речь идет о некоей Птере (возможно, женщина?) и об акрополе Вавилона. В дальнейшем перевод вновь становится ясным: «называется также по женскому роду – Птерия. Есть также Птерия, полис Синопы. Этникон: птериэнцы Мидии и птерийцы в Синопе».

Как видим из этих источников, Элий Геродиан и, вероятно, вторящий ему Стефан Византийский различают два города Птерия. Один из них находился у Синопы, другой же принадлежал мидийцам. Информация о городе Птерии у Синопы могла быть заимствована из Геродота, тогда как данные о Птерии мидийской происходят из какого-то другого, неизвестного нам источника.

Текст Гелланика, вероятно, представляет собой схолии к Симониду и происходит с папирусного фрагмента<sup>6</sup>. Текст очень сильно фрагментирован и общий его смысл остается неясен<sup>7</sup>. В нем упоминаются Афина и афиняне, возможно, идет речь о святилище Геры, присутствует в непонятном нам контексте «святая ветвь». Количество букв в строке определению не поддается. Относительно Птерии же сведения следующие:

αρθιδ[.] ἐ(πι) Πτερί(ην) πρὶν .τ[\*]  
Πτερία δ(ἐ) καλεῖτ(αι) ἢ μη[\*]  
θεν ε(ις) Πτερί[αν \*]  
ε(ις?) Κάρουσαν δ(ἐ) ἔπλευσ[ε \*]  
οἱ ἐν Περσίδι κ(αὶ) οἱ ἄλλ[η \*]

В Птерию прежде...

Птерией же называется ме (ми?)...

Оттуда в Птерию

В Каруссу же уплыл

Те, которые в Персиде, и те, которые в других местах.

Данный фрагмент содержит два важных момента относительно Птерии. Во-первых, здесь, видимо, содержится не дошедшее до нас пояснение о том, что представлял из себя этот город: Птерией же называется ме (ми?). Далее текст обрывается. По предположению Кр. Таплина здесь может быть восстановлено либо ἡ Μήδων πόλις («полис мидийцев»), либо ἡ μητρόπολις («метрополия»)<sup>8</sup>. В данном случае утверждать однозначно, какой из этих вариантов предпочтительнее, мы не можем, однако в контексте других данных о Птерии, нам представляется, что восстановление «мидийский полис» все же более вероятно.

Во-вторых, фрагмент может указывать и на локализацию этого города. Упоминаемая здесь Карусса (Κάρουσα) может быть идентична Каруссе (Κάρουσσα) – греческому городу на южном побережье Черного моря, расположенному недалеко от Синопы. О Каруссе практически никаких исторических сведений не сохранилось. Существующая информация о ней происходит в основном из периплов и другого рода географической литературы, самый ранний из которых – перипл Псевдо-Скилака середины IV в. до н.э. Они содержат только географическую информацию (Ps.–Skyl., 89; Arr. PPE, 21; Anon. PPE, 24; Marc. Heracl. epit. peripl.



Μενίρρ., 10). Мы даже не знаем время основания этого города, т. е. существовал ли он во времена Гелланика. Однако есть предположение, что Карусса упоминается в податных списках афинского морского союза за 425/4 г. до н.э.<sup>9</sup> Поэтому упоминание ее у Гелланика вполне возможно.

Смысл последней строки, касающийся «людей в Персиде и в других местах», не поддается точному определению. Есть предположение, что речь идет о людях, находившихся в Персиде и в других местностях, которым было приказано плыть в Птерию или в Каруссу<sup>10</sup>. Однако подтвердить или опровергнуть его не представляется возможным из-за отсутствия каких-либо дополнительных сведений.

В отечественной науке вопрос о Птерии практически не подвергался специальной разработке. В зарубежной же историографии существует несколько точек зрения относительно локализации этого города. Например, ее предлагалось локализовать на холме Эгрикале, где есть остатки крепости<sup>11</sup>. Однако поселение на этом холме, вероятно, принадлежит к эллинистическому времени<sup>12</sup> и потому не могло быть разрушено Крезом в VI в. до н.э. Птерию также предлагалось локализовать и на холме Ак-Алан в 18 км к юго-западу от Амиса<sup>13</sup>, однако эта гипотеза не получила распространения.

Наиболее популярными оказались две другие точки зрения. Согласно одной из них, Птерию следует отождествить с Богазкёем – поселением, существовавшим на месте Хаттусы, бывшей столицы Хеттского царства. Согласно другой, Птерия находилась на холме Керкенес-Даг, расположенном в 40 км к юго-западу от Богазкёя.

Предположение о том, что Птерия идентична Богазкёю, впервые было высказано еще в XIX в. Ш. Тексье, первооткрывателем Хаттусы<sup>14</sup>. Данная точка зрения была поддержана рядом исследователей<sup>15</sup>. Сторонники этой гипотезы в качестве аргументов указывают на большие размеры городища Богазкёй, наличие мощных укреплений, его расположение к востоку от Галиса на крупном пересечении дорог<sup>16</sup>.

В конце 90-х гг. XX в. была высказана другая гипотеза, согласно которой Птерию следует отождествить с поселением на холме Керкенес-Даг, расположенном в 40 км к юго-западу от Богазкёя<sup>17</sup>. На этом холме было обнаружено городище, датированное второй половиной VII–VI вв. до н.э. Хотя оно было известно еще в первой половине XX в.<sup>18</sup>, полноценные исследования проводились там с 1993 по 2011 г.<sup>19</sup> Первоначально изучение в основном велось методами естественных наук (геофизические методы, аэрофотосъемка) с целью выяснения детальной топографии города. Собственно археологическим исследованиям было уделено меньше внимания.

Предположение о том, что поселение на холме Керкенес-Даг может быть соотносено с разрушенной Крезом Птерией, было разработано руководителем исследований Дж. Саммерсом<sup>20</sup>. Он опирался на ряд формальных критериев: Керкенес-

Даг был сильно укрепленным поселением, географически частично соответствовал описанию Геродота – располагался за Галисом, в Каппадокии. Поселение существовало в период деятельности Креза и погибло одновременно во время крупного пожара в VI в. до н.э.<sup>21</sup> Комбинируя эти данные с сообщениями античных авторов, он предположил, что городище Керкенес-Даг было мидийским центром, своеобразной опорной точкой мидийцев на их западной границе.

Эта гипотеза была встречена в науке неоднозначно. Исследователи нередко указывают на чисто умозрительный характер аргументов Дж. Саммерса. Наиболее ярко критика выражена в работе Р. Роллингера<sup>22</sup>. Он также обращает внимание на теоретический характер рассуждений автора, указывает на недостаточную осведомленность Геродота в географии к востоку от Галиса и на отсутствие мидийских черт в материальной культуре Керкенес-Дага<sup>23</sup>.

Кр. Таплин рассматривает предположение Дж. Саммерса «скорее как повод к серьезному размышлению, нежели как доказанный факт»<sup>24</sup>. Российские исследователи М. А. Дандамаев и И. Н. Медведская не настаивают на таком отождествлении, но предполагают его возможным<sup>25</sup>.

Последующие исследования продемонстрировали шаткость этой гипотезы. Во-первых, согласно датировкам керамики, было установлено, что поселение возникло не в VI, а в середине VII в. до н.э.<sup>26</sup>, т. е. в то время, когда еще не была разгромлена Ассирия. Территории Малой Азии в это время еще не принадлежали мидийцам, и потому они не могли иметь там своего опорного пункта. Во-вторых, и это более важно, в ходе исследований 2003–2004 гг. были обнаружены таблички с фригийским алфавитным письмом, а также статуи фригийских божеств<sup>27</sup>. В ходе изучения также было выявлено, что архитектурные особенности памятника имеют анатолийские, а не восточные черты<sup>28</sup>. Сейчас Керкенес-Даг, вероятнее всего, интерпретируется как местный анатолийский центр<sup>29</sup>. Впрочем, это не исключает того, что он мог находиться под контролем мидийцев в первой половине VI в. до н.э. и быть их своеобразной опорной базой.

Как Богазкёй, так и Керкенес-Даг расположены в Центральной Каппадокии, что противоречит географическому указанию Геродота, который помещал Птерию на севере Малой Азии, у эллинского города Синопы. Впрочем, как уже указывалось, осведомленность Геродота в географии к востоку от Галиса ставится под сомнение<sup>30</sup>. Чтобы согласовать локализацию Птерии в Центральной Каппадокии с данными Геродота, было высказано предположение, что предлог *κατά*, использованный Геродотом, следует переводить не в его наиболее употребительном значении «у», «при», «около», а в значении «напротив», «на одном меридиане с»<sup>31</sup>. В этом случае указание «напротив Синопы» может означать сколь угодно большое расстояние к югу от нее.



Нам представляется, что ни один из этих вариантов не может быть отождествлен с Птерией с достаточной достоверностью. Подтвердить или опровергнуть любую из этих идентификаций могла бы только находка эпиграфического документа, на котором было бы указано название города или этникон его жителей<sup>32</sup>. Однако таких документов пока не было найдено.

Несмотря на отсутствие точных данных о Птерии, нам кажется возможным предположить, что существовал лишь один город с таким названием и был он городом, принадлежавшим мидийцам. В текстах же Элия Геродиана и Стефана Византийского, как нам представляется, имеет место раздвоение данных о Птерии. Из недошедших до нас источников оба этих автора, а также, возможно, Гелланик Митиленский, знали о существовании Птерии – города, принадлежавшего мидийцам. В сообщениях этих авторов не говорится, что город находился в самой Мидии, но лишь указывается, что он принадлежал мидийцам (а значит, мог находиться на любых территориях, которые были им подвластны). В то же время они наверняка были знакомы и с текстом Геродота, который, возможно ошибочно, помещал эту Птерию около Синопы. Комбинация этих двух сведений (данных их собственных источников о мидийской Птерии и Геродота о том, что Птерия располагалась у Синопы) и привела к сообщениям о существовании двух городов с таким названием.

Относительно же локализации Птерии считаем более вероятным, что она все же находилась в Центральной Каппадокии, а не на севере Малой Азии по ряду причин. Во-первых, имеют место противоречия в данных самого Геродота: Птерия, по его словам, находилась за Галисом, в Каппадокии, тогда как Синопа, рядом с которой он ее помещает, располагалась в Пафлагонии и «до Галиса» (в 80 км к западу от него).

Во-вторых, Геродот описывает Птерию как «самый укрепленный город» в этой местности. Наличие укрепленных городов вполне может быть в Каппадокии, где издавна существовали очаги цивилизации. Племена же пафлагонцев, в землях которых находилась Синопа, еще в конце V в. до н.э. находились на этапе разложения родового строя, когда их посетил Ксенофонт<sup>33</sup>. Потому существование у них укрепленных крепостей еще в середине VI в. до н. э. представляется маловероятным<sup>34</sup>.

И наконец, в-третьих, в условиях назревающей войны с Мидией, нам кажется, для Креза было бы более актуальным обезопасить свои восточные границы, откуда мог наступать враг, а не совершать завоевания в отдаленных, пусть и стратегически перспективных областях.

Таким образом, с определенной долей уверенности мы можем констатировать, что захваченная последним лидийским царем Птерия находилась в Центральной Каппадокии, а не у Синопы, как об этом указывает Геродот. Лидийские владения до Галиса, скорее всего, распространялись лишь на территории, населенные местными племенами, и

были ограничены с севера Понтийскими горами. Греческие города Южного Причерноморья в состав Лидии инкорпорированы не были, а их вхождение в Персидскую империю имело место в более позднее время.

#### Список сокращений

БРЭ – Большая российская энциклопедия. М.  
ВДИ – Вестник Древней истории. М.  
AJPh – American Journal of Philology. Baltimore.  
CAH – The Cambridge Ancient History.  
JNES – Journal of Near Eastern Studies. Chicago.

#### Примечания

- <sup>1</sup> Максимова М. И. Античные города юго-восточного Причерноморья. Синопа, Амис, Трапезунт. М.; Л., 1956. С. 13.
- <sup>2</sup> Meyer Ed. Geschichte des Altertums. 1884. Bd. I. P. 487.
- <sup>3</sup> Robinson D. Ancient Sinope // AJPH. 1906. Vol. 27, № 2. P. 150.
- <sup>4</sup> Mellink M. The Lydian Kingdom // CAH. Vol. 3. Part 2. P. 652.
- <sup>5</sup> Геродот. История в девяти книгах / пер. и коммент. Г. А. Стратановского. Л., 1972. Примеч. 62.
- <sup>6</sup> Jacoby F. FGtHist. Leiden; N. Y.; Köln, 1995. Addenda. P. 7. Fr. 4 F 201 bis.
- <sup>7</sup> Отказывается от восстановления его точного смысла и Ф. Якоби. См.: Jacoby F. Op. cit. P. 7. Многократно называет его «темным» и «неясным» и такой крупный зарубежный исследователь античной истории, как К. Таплин: Tuplin C. Medes in Media, Mesopotamia, and Anatolia: Empire, Hegemony, Domination or Illusion? // Ancient West & East. 2004. Vol. 3, № 2. P. 247–248.
- <sup>8</sup> Tuplin C. Op. cit. P. 247.
- <sup>9</sup> Meritt B. D., Wade Gery H. T., Mc Gregor M. F. The Athenian Tribute Lists. Princeton, Vol. 1. P. 500 ff.; М. И. Максимова оценивает такую вероятность, как сомнительную, см.: Максимова М. И. Указ. соч. С. 97.
- <sup>10</sup> Tuplin C. Op. cit. P. 247–248.
- <sup>11</sup> Barrington atlas of the Greek and Roman world. Princeton, 2000. Map 87.
- <sup>12</sup> Johnson P. A. Landscapes of Achaemenid Paphlagonia. PhD Diss. Univ. of Pennsylvania. Philadelphia, 2010. P. 310.
- <sup>13</sup> Macridy Th. Une citadelle Archaique du Pont // Mitteilungen der Vorderasiatischen Gessellschaft. 1907. Vol. 4. P. 167–175; Dönmez Ş. Akalan Hakkinda Yeni Gözlemler // Anadolu araştırmaları. 2004. Vol. 17. S. 67–91.
- <sup>14</sup> Texier Ch. Description de l'Asie Mineure. P., 1839. P. 221–225.
- <sup>15</sup> Ramsay W. M. The Historical Geography of Asia Minor. Amsterdam, 1962 (Unchanged reprint of edition 1890). P. 33–34; How W. W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Oxford, 1912. P. 94–95; Bittel K. Hattusha. The Capital of the Hittites. N. Y., 1970. P. 156; Briant P. From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire. Winona Lake, 2002. P. 35–36; Mellink M. Op. cit. P. 652.



- <sup>16</sup> Ramsay W. M. Op. cit. P. 33.
- <sup>17</sup> Summers G. D. The Identification of the Iron Age City on Kerkenes Dag in Central Anatolia // JNES. 1997. Vol. 56, № 2. P. 81–94.
- <sup>18</sup> Schmidt E. F. Test Excavations in the City on Kerkenes Dag // American Journal of Semitic Languages and Literatures. 1929. Vol. 45. P. 83–92.
- <sup>19</sup> Материалы исследования находятся в свободном доступе на официальном сайте проекта: <http://www.kerkenes.metu.edu.tr/> (дата обращения: 08.12.2015).
- <sup>20</sup> Summers G. D. Op. cit. P. 81–94.
- <sup>21</sup> Draycott K. M., Summers G. D. Kerkenes Special Studies 1 : Sculpture and Inscriptions from the Monumental Entrance to the Palatial Complex at Kerkenes Dag, Turkey. Chicago, 2008. P. 4.
- <sup>22</sup> Rollinger R. Kerkenes Dag and the Median «empire» / eds. G. B. Lanfranchi, M. Roaf, R. Rollinger. Continuity of Empire (?) Assyria, Media, Persia. Padova, 2003. P. 321–326.
- <sup>23</sup> Rollinger R. Op. cit. P. 322–323, 326.
- <sup>24</sup> Tuplin C. Op. cit. P. 241–242.
- <sup>25</sup> Дандамаев М. А., Медведская И. Н. История Мидии в новейшей западной литературе // ВДИ. 2006. № 1. С. 205.
- <sup>26</sup> Summers G. D., Summers F. The Kerkenes Project. A Preliminary Report on the 2003 Season. P. 6. URL: <http://www.kerkenes.metu.edu.tr/kerk2/17downloads/reportPdf/03repengdjet.pdf> (дата обращения: 08.12.2015).
- <sup>27</sup> Summers G. D., Summers F. Op. cit. P. 11–12; Summers G. D., Summers F., Branting S. The Kerkenes Project. A Preliminary Report on the 2004 Season. P. 39–40. URL: <http://www.kerkenes.metu.edu.tr/kerk2/17downloads/reportPdf/04repengdjet.pdf> (дата обращения: 08.12.2015).
- <sup>28</sup> Summers G. D., Summers F. The Kerkenes Project... on the 2003 Season. P. 7.
- <sup>29</sup> Ibid.
- <sup>30</sup> Rollinger R. Op. cit. P. 322.
- <sup>31</sup> How W. W., Wells J. Op. cit. P. 94–95. Powell J. E. Lexicon to Herodotus. Cambridge, 1938. s.v. κατά. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu/powell/#eid=4250&context=lsj&action=from-search> (дата обращения: 08.12.2015); Tuplin C. Op. cit. P. 247.
- <sup>32</sup> Следует отметить, что само название – Птерия – может иметь греческое происхождение. Возможно, оно происходит от слова πτερόν – перо, крыло: Johnson P. A. Op. cit. P. 4. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с греческим названием города или же с передачей на греческом языке какого-то малопонятного им местного топонима.
- <sup>33</sup> Максимова М. И. Указ. соч. С. 103.
- <sup>34</sup> Единственный возможный вариант – если такой крупный город принадлежал какой-либо иностранной державе, например, той же самой Мидии. В таком случае был бы понятен текст Гелланика, который употребляет в какой-то непонятной нам связи Птерию и, вероятно, Каруссу – город Южного Причерноморья. Однако этот текст слишком фрагментирован, чтобы строить на его основе выводы. Количество букв в строке неизвестно, и мы не знаем, имеется ли в тексте смысловая связь между Птерией и Каруссой, и если имеется, то какая. Поэтому в данных условиях мы воздержимся от построения решающих выводов на базе этого источника. К тому же наши данные о северных пределах мидийских владений к востоку от Галиса очень неопределенны. В целом же предполагается, что владения Мидии ограничивались Центральной Каппадокией и не затрагивали более северные области, см.: Медведская И. Н. Мидия // БРЭ. М., 2012. Т. 20. С. 229.

УДК 94(37).05

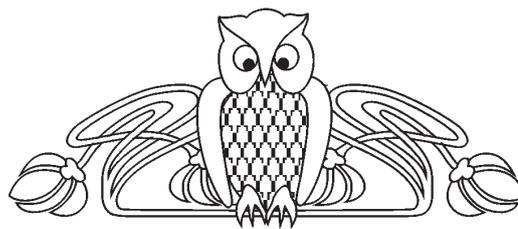
## МАРТОВСКИЕ ИДЫ 44 Г. ДО Н.Э.: ИДЕОЛОГИЯ ЗАГОВОРЩИКОВ

С. Н. Ахиев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского  
E-mail: [responsum@list.ru](mailto:responsum@list.ru)

В статье исследуется вопрос о направлениях пропаганды противников Гая Юлия Цезаря. Автор приходит к выводу, что сенатской оппозиции, лишенной возможности реально направлять политику Рима, удалось объединиться и выдвинуть политический лозунг восстановления государственного строя, освященного обычаями предков. Однако пропаганда заговорщиков затронула только верхние слои общества и оказалась бессильной повредить имидж Цезаря в общественном мнении.

**Ключевые слова:** политическая пропаганда, гражданская война, Римская республика, Юлий Цезарь, общественное мнение.



### The Ides of March of 44 B.C.: the Ideology of the Conspirators

S. N. Akhiev

The article explores the question concerning the directions of propaganda chosen by Gaius Julius Caesar's opponents. The author concludes that the Senate opposition, deprived of the real possibility to guide the policy of Rome, managed to unite and to declare the political slogan of the restoration of the political system, hallowed by their



ancestors. However, the promotion of the conspirators has affected only the upper strata of society, and was powerless to damage the image of Caesar in the public opinion.

**Key words:** political propaganda, Civil War, Roman Republic, Julius Caesar, public opinion.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-165-170

Возвращение Цезаря в Рим в 45 г. до н. э. и получение им чрезвычайных полномочий и огромных почестей (пожизненная диктатура, священная неприкосновенность, статуя в храме Квирина и т. п.) шли вразрез с освященными традициями обычаями римлян. Полномочия Цезаря не могли не вызвать озлобления сенатского нобилитета, ограниченного в своем всевластии. Недовольство таким положением дел привело к появлению политической оппозиции в сенате, главным лозунгом которой стало требование «восстановление республики» в их понимании<sup>1</sup>. Неслучайно Марк Антоний позднее обвинял заговорщиков, что несмотря на громкие слова, они преследовали исключительно личные цели.

Появление открытой оппозиции сопровождалось ростом политической активности в Риме в 45–44 гг. до н. э. и связанной с этим идеологической конфронтацией между сторонниками и противниками нового режима.

Воодушевленный надеждами и полный энтузиазма Цицерон в речи за Марцелла (сентябрь 46 г. до н. э.) призвал Цезаря окончательно «потушить пожар гражданской войны» и «привести в порядок (устроить) республику» (*ut rem publicam constituas – Cic. Pro Marc. IX. 27*). «Восстановление республики», «устройство государства» – это были традиционные лозунги пропаганды политических деятелей последних лет существования Республики в Риме. Достаточно вспомнить формулировку закона Тития от 27 ноября 43 г. до н. э. об образовании второго триумvirата – *tresviri rei publicae constituendae*<sup>2</sup>.

Лозунг устройства республики (государства) в политической терминологии периода гражданских войн означал установление порядка после неурядиц и смут. Именно поэтому, как отметил еще Дж. Дикинсон, он активно использовался не только республиканцами, но и цезарианцами<sup>3</sup>. Однако они понимали его по-разному. Я. Ю. Межеричкий справедливо указал, что самому Цицерону, известному идеологу сенатской республики, вряд ли могла прийти в голову мысль о Цезаре как «восстановителе республики». Скорее, она была заимствована из идеологического арсенала приверженцев Цезаря. В свою очередь, оппоненты Цезаря (и среди них во всех остальных случаях, кроме речи «За Марцелла», – Цицерон) изображали его не иначе, как губителем «республики»<sup>4</sup>. Действительно, уже после битвы при Тапсе в 46 г. до н. э. Цицерон пишет об «утрате свободы в государстве» как о свершившемся факте (*Cic. Ad fam. IX. 20.3. Ср.: Ad fam. IX. 17.1*).

В современной исторической литературе утвердилось представление, что античное понятие *res publica* не означало какой-то определенной формы государственного устройства<sup>5</sup>. Однако подобный подход вызвал критику Г. С. Кнабе, который отметил, что контекст источников позднереспубликанского периода исключает возможность принять понятие «республика» в староримском смысле (как совокупность народных и государственных интересов)<sup>6</sup>. Не вдаваясь в дискуссию, следует все же отметить тот факт, что республиканцы, выдвигая лозунг восстановления Республики, прежде всего имели в виду возврат к прежней форме правления. Главной целью их борьбы было восстановление прежней сенатской республики, управляемой несколькими десятками наиболее знатных родов на основе равенства граждан перед законом, с учетом их социального статуса и преимуществ над негражданским населением провинций. В свою очередь, цезарианцы, выдвинув этот лозунг, имели в виду именно урегулирование общественных отношений. Согласно их пропаганде дела в государстве были упорядочены еще Цезарем, покончившим с братоубийственными войнами в интересах всех сословий. Только амбиции части сенаторов, недовольных ограничением их власти, привели Рим к возобновлению усобиц. Выдвинув лозунг восстановления республики, цезарианцы рассматривали его в качестве требования покончить с гражданской войной и устранить вызвавшие ее причины. Речь не шла о восстановлении прежней формы правления. Подразумевалось политическое и социальное урегулирование на основе возрождения традиционных жизненных ценностей.

Представление о взглядах заговорщиков дают их публичные высказывания на этот счет уже после убийства диктатора<sup>7</sup>. Особенно четко это прослеживается у Цицерона.

Известно, что Цицерон не был посвящен в планы заговорщиков<sup>8</sup>, но идеи, которые он отстаивал в «Катоне», в своих письмах Аттику (*Ad Att. XII.45.3, XIII. 40.1*), были им близки. По словам Кассия Диона, убийцы Цезаря вышли из курии с именем Цицерона на устах<sup>9</sup>. Сам Цицерон совершенно однозначно причислял себя к убийцам, выражая полную солидарность с их действиями<sup>10</sup>. В трактате «Об обязанностях» Цицерон формулирует мысль о гибели республики: «когда господствовал один человек... республики вообще не существовало... мы утратили ее совершенно» – *res publica nullo esset omnino*<sup>11</sup>.

Именно эта идея о гибели республики стала центральным лозунгом политической пропаганды оппозиции Цезарю в 45–44 гг. до н. э. Поэтому главной целью заговорщиков было максимально подорвать репутацию Цезаря, убедить общественность, что он является не восстановителем порядка и спокойствия, но только узурпатором и тираном. И только склонив общественное мнение на свою сторону, убить диктатора. Другими словами, заговорщикам было необходимо обосновать убийство.



Источники приводят многочисленные примеры, свидетельствующие о направлении политической пропаганды врагов Цезаря. Пользуясь его великодушием, милосердием (хотя, как нами уже отмечалось, в его основе лежал точный расчет и желание добиться примирения со знатью<sup>12</sup>), оппозиционеры не упускали случая, чтобы нанести удар по репутации диктатора. В ход шли различные средства: от слухов до политических памфлетов. Первоначально упор делался на стремление опорочить лично Цезаря, его внешность и поведение. Насмехались над его лысиной, открыто распускали сплетни об интимной связи Цезаря с царем Вифинии Никомедом, о его любовных похождениях с женщинами<sup>13</sup>. Светоний говорит о широком распространении стишков, песенок, эпиграмм, памфлетов, порочащих Цезаря<sup>14</sup>.

Все это, безусловно, задевало Цезаря. Он пытался противодействовать сплетням, издал несколько эдиктов, произнес несколько речей (Suet. Jul. 55.3, 75.5). Однако, по мнению современных психологов, доказать невиновность в таких случаях очень трудно, а порой просто невозможно<sup>15</sup>. Можно предполагать, что имидж Цезаря страдал от таких нападков, косвенным подтверждением чему служит огромное число дошедших до нас насмешек над Цезарем.

После возвращения Цезаря из Испании в 45 г. до н. э. он был удостоен чрезвычайных почестей и обременен экстраординарными полномочиями. Плутарх оставил очень интересное замечание, что враги Юлия Цезаря (и в их числе – Цицерон), не меньше простых льстецов наперебой предлагали ему все новые и необычные почести, чтобы «было как можно больше предлогов к недовольству и чтобы их обвинения казались вполне обоснованными» (Plut. Caes. 57). Эта же мысль проводится Николаем Дамасским: чрезмерные почести предоставлялись со злым умыслом, заключавшемся в том, что в народе распространялись слухи об этом с целью «вызвать зависть и подозрительность к Цезарю» (Nic. Dam. 20. 67). В этой информации есть свой резон. Пропаганда противников диктатора стала приобретать отчетливо выраженный политический характер.

Как отметил Ц. Явец, кроме титулов Цезаря<sup>16</sup>, в его деятельности не было ничего, что считалось бы незаконным с точки зрения юриспруденции<sup>17</sup>. Поэтому пропаганда была сосредоточена на событиях, которые могли бы показаться отклонением от старых республиканских традиций. Заговорщики видели в Цезаре тирана; его дела и речи легко позволили им сосредоточить пропаганду на одном пункте, а именно он хотел стать царем.

В историографии существуют различные точки зрения о желании Цезаря короноваться, и этот вопрос остается до сих пор дискуссионным. В стремлении стать царем обвиняли многих политических деятелей эпохи гражданских войн. Как подчеркнул еще Р. Сайм, это обвинение стало обыденным в риторике тех лет<sup>18</sup>. Но тенденциозное

истолкование всех действий Цезаря как стремления к царствованию превысило все, что было до того. Любимый поступок Цезаря немедленно объяснялся оппозиционной пропагандой именно с этой точки зрения. Все мероприятия диктатора становились в глазах врагов доказательством его личных амбиций. Даже давно назревшая реформа календаря стала поводом для обвинений: смена времени года, по словам Цицерона, происходила «по указу» (Plut. Caes. 59).

Правда, действия Цезаря или его сторонников часто давали повод подозревать его в стремлении стать царем. Появление на свет пророчества Сивиллы, что только царь может покорить Парфию, публичные приветствия в качестве царя, увенчивание венками статуй Цезаря – это лишь некоторые действия, когда на глазах общественности демонстрировались претензии (мнимые или реальные) на корону<sup>19</sup>. Все эти сцены разыгрывались на глазах у народа и немедленно подхватывались пропагандой заговорщиков. Особенно однозначно интерпретировались действия Цезаря, нарушавшие римские традиции.

Сравнительный анализ данных источников позволяет выделить несколько поступков Цезаря, вызвавших наибольшее возмущение против него.

1. Оскорбительный прием сенаторов, которых он принял сидя.
2. Публичные угрозы народным трибунам Эпидию Маруллу и Цезетию Флаву.
3. Возложение на голову Цезаря (или головы его статуи) золотой диадемы, свидетельствующей о стремлении к царскому титулу<sup>20</sup>.

Однако интерпретация античными историками одних и тех же фактов существенным образом отличается друг от друга. В. М. Смирин выделил две тенденции: традиционный рассказ (Плутарх, Аппиан, Светоний), восходящий, по мнению исследователя, к «политической агитации противников Цезаря», и цезарианскую версию событий (Николай Дамасский и в меньшей степени – Веллей Патеркул). Целью противников Цезаря было доказательство тиранической сущности власти Цезаря и всех его поступков. В то же время цезарианские авторы рисуют иную картину: Цезарь не стремится к единовластию, его поступки, противоречащие республиканским традициям, – не более чем недоразумение<sup>21</sup>.

Из сообщений источников можно выделить еще одно выигрышное направление пропаганды республиканцев – игра на чувстве патриотизма. Вероятно, по замыслу заговорщиков слух о стремлении Цезаря перенести столицу в Александрию должен был вызвать недовольство диктатором и в среде плебса, и среди италиков (Suet. Caes. 79.3; Nic. Dam. 20. 68).

Каковы же результаты пропагандистской кампании республиканцев? Аппиан, Кассий Дион, Плутарх, Светоний представляют события так, будто недовольство Цезарем охватило широкие общественные слои. По словам Светония, там, где



«раньше встречались два-три человека, теперь все слились воедино. Уже и народ не был рад положению в государстве» (Suet. Caes. 80.1).

Примером того, как вербовались сторонники убийства Цезаря, может служить целая кампания по психологической обработке Марка Брута. Надписи на статуях древнего героя Л. Юния Брута (предполагаемого предка Марка Брута, участвовавшего в низвержении последнего римского царя Тарквиния Гордого), на его судейском кресле, частные письма Цицерона, подметные листовки, задушевные беседы друга и коллеги по должности Гая Кассия – вот тот далеко неполный арсенал средств, использованных для вовлечения его в заговор (Plut. Brut. 9, Caes. 62; App. В.С. II. 113.471; Suet. Iul. 80.3; Dio Cass. XLIV. 12).

Плутарх, Аппиан, Кассий Дион так же, как и Светоний, показывают, будто весь народ выражал недовольство действиями Цезаря и побуждал Брута к убийству диктатора<sup>22</sup>. Вероятно, следуя этой античной традиции, некоторые современные исследователи и отметили факт падения авторитета Цезаря накануне убийства<sup>23</sup>. Однако большинство историков придерживается прямо противоположной точки зрения<sup>24</sup>.

Действительно, что это был за «народ», поддерживавший заговорщиков? Тот же Аппиан, говоря об инициативах со стороны народа, в следующем параграфе приводит слова Г. Кассия, обращенные к М. Бруту: «Кто списывает твое судейское кресло надписями: лавочники, ремесленники или же... благородные римляне?» (App. В.С. II. 113.472), тем самым уточняя, что под понятием «народ» он не имеет в виду плебс. Плутарх в качестве авторов надписей на кресле и статуях Брута называет людей, «стремившихся к государственному перевороту» (Plut. Caes. 62). Веллей Патеркул изображает события не как всеобщее восстание, а как заговор кучки людей, руководствовавшихся личными мотивами (Vell. Pat. II. 56. 3). Но если Аппиан и Плутарх просто противоречиво изображают отношение народа к убийству Цезаря, то Николай Дамасский совершенно однозначно говорит о всенародной поддержке диктатора<sup>25</sup>.

Учитывая вышесказанное, можно согласиться с мнением В. М. Смирин, считавшего, что понятие «народа» в традиционной версии событий не несло конкретного содержания и являлось составной частью двучленной формулы «senatus populusque Romanus»<sup>26</sup>. Заговорщики принадлежали к высшим слоям римского общества, а их пропаганда адресовалась рядовым представителям народа и имела целью убедить население в том, что Цезарь был убит справедливо, т. е. оправдание заговора. Однако сообщения источников все же позволяют заключить, что в период подготовки заговора Цезарь оставался популярен в народной среде.

Античная традиция оставила много объяснений причин убийства Цезаря и мотивов действий заговорщиков. Планы убийц и их республиканская фразеология позволяют выделить главную цель:

восстановление государственного строя, бывшего при предках. Стремление во что бы то ни стало вовлечь в заговор Брута как символ ниспровержения царского строя подтверждает эту мысль<sup>27</sup>. Современная историография, соглашаясь с античными версиями, предложила ряд других. Так, Ф. Гретер писал, что это была борьба фамилий за власть<sup>28</sup>. Н. Хорсфол утверждал, что заговорщиков толкал на убийство страх разоблачения<sup>29</sup>. Г. Ферреро в соответствии со своей теорией о стремлении Цезаря создать империю после победоносного восточного похода утверждал, что заговорщики стремились воспрепятствовать экспедиции против Парфии и тем самым предотвратить введение монархии<sup>30</sup>. Г. Бенгтсон, предостерегая от модернистских интерпретаций, указал, что «планы заговорщиков покрыты густым туманом»<sup>31</sup>.

На то, что заговорщики не имели ясных планов своих действий, указал еще Цицерон – *acta enim illa res est, animo virili, consilio puerili* (Cic. Ad Att. XIV. 21.3. Ср.: Ad fam. XI. 1.3). Они просто уверовали, что положение Цезаря в общественном мнении достигло минимальной отметки и что их поддержат многие сенаторы. Во многом этой ошибке они обязаны себе. Безусловно, у заговорщиков, благодаря шумной пропагандистской кампании были основания надеяться, что их план удастся и они получат поддержку. Ц. Явец в этой связи справедливо отметил, что убийцы пали жертвой собственной пропаганды<sup>32</sup>.

Заключая разбор основных направлений и средств пропаганды оппонентов Цезаря, следует прежде всего отметить, что в период 45–44 гг. до н. э. идеологическая конфронтация достигла небывалых высот. Цезарь, его сторонники, «республиканцы» широко использовали весь спектр средств воздействия на общественное мнение. В ходе борьбы за власть постепенно сформировались две политические группировки, обозначаемые в современной исследовательской литературе как «республиканцы» и «цезарианцы». Победе Цезаря над Помпеем и его сторонниками в 49–45 гг. до н. э. в значительной степени способствовала политическая пропаганда, выдвинувшая более многочисленные, более весомые и значимые для римлян лозунги. Однако разгромленной сенатской оппозиции, лишенной возможности реально направлять политику Рима, удалось объединиться и выдвинуть политический лозунг восстановления государственного строя, освященного обычаями предков. Благодаря целой программе активных действий они смогли получить поддержку большого количества сенаторов и реализовать план убийства диктатора. Методы политической пропаганды, избранные ими, отличались от методов Цезаря. Обратившись к словесной спекуляции, распространению ложных слухов, клеветнических памфлетов, заговорщики способствовали некоторому падению престижа Цезаря, но падение это было временным и незначительным. Затронув только верхние слои общества, пропаганда заговорщиков



оказалась бессильной повредить имиджу Цезаря в глазах широкой общественности. Таким образом, можно заключить, что методы пропаганды, избранные помпеянами, оказались малоэффективными.

### Примечания

- <sup>1</sup> См.: Meyer Ed. *Caesars Monarchie und das Principat des Pompeius*. Berlin, 1922. S. 530 ff.; Моммзен Т. История Рима : в 5 т. М., 1941. Т. 3. С. 389 и сл.; Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1976. С. 324 и сл.
- <sup>2</sup> RG. I.3., XII.1; App. B.C. IV. 2.6; Dio Cass. XLVI. 55.3. Или, как назвал триумвират Веллей Патеркул, «союз во имя власти» (Vell. Pat. II. 65.2).
- <sup>3</sup> Dickinson G. *Death of Republic. Politic and political thought at Rome 59 – 44 B. C.* N. Y. ; L., 1963. P. 257–259.
- <sup>4</sup> Межеричский Я. Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга, 1994. С. 120.
- <sup>5</sup> См.: Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 81; Бартошек М. Римское право. Понятия. Термины. Определения / пер. с чеш. З. М. Черниловской. М., 1989. С. 423. Я. Ю. Межеричский даже утверждает, что современное понятие «республики» утвердилось только со времени Великой французской революции 1789 г. (Межеричский Я. Ю. Указ. соч. С. 11).
- <sup>6</sup> См.: Кнабе Г. С. Метафизика Тесноты. Римская империя и проблемы отчуждения // Вестник древней истории. 1997. № 3. С. 67. По мнению исследователя, понятия «империя» и «республика» (как определенный государственный строй), их соотношение между собой стали сознаваться уже в конце I в. до н. э. Интересны в этой связи слова Цезаря, которые приводит Т. Аттий, что «республика – ничто, пустое имя без тела и облика» (Suet. Iul. 77).
- <sup>7</sup> Cic. Ad fam. X. 3.4; App. B.C. II. 122.513–514. Главным образом отмечается, что свергли тирана, правившего путем насилия, примером чего является изгнание народных трибунов – Цезетия и Маруллы. См.: Meyer Ed. Op. cit. S. 530 ff.
- <sup>8</sup> Он сам говорит об этом: Cic. Ad fam. X. 28.1, XII. 4.1. См.: Мотус А. А. Цицерон и Саллюстий в их отношении к гражданским войнам Древнего Рима (I в. до н.э.) // Античный мир и археология. 1983. Вып. 5. С. 33–46. С. 39.
- <sup>9</sup> Dio Cass. XLIV. 20.4. Об этом писал и Цицерон (Cic. Phil. II. 12. 28).
- <sup>10</sup> Cic. Ad Att. XV. 4.2. См. также: Борухович В. Г. Квинт Гораций Флакк. Поэзия и время. Саратов, 1993. С. 91; Грималь П. Цицерон / пер. с фр. Г. С. Кнабе, Р. Б. Сашиной. М., 1991. С. 424 и сл.
- <sup>11</sup> Cic. Off. II.3. Ср.: Off. II.29. Ad Fam. VI. 2.2, XI. 27.6. См. также: Межеричский Я. Ю. Указ. соч. С. 124.
- <sup>12</sup> Ахиев С. Н. *Clementia Caesaris* : сущность, причины, цели // Античный мир и археология. Саратов, 2002. Вып. 11. С. 71–80.
- <sup>13</sup> Suet. Iul. 45.2, 49.1–4, 52.1. Впрочем, следует отметить, что иногда трудно и даже невозможно судить о времени возникновения этих слухов.
- <sup>14</sup> Suet. Iul. 73.1, 51.1, 49.4, 75.5. Рассказ Светония о «клеветнической книжке» А. Лициния Цецины находит подтверждение в переписке Цицерона. В одном из писем к Цецине упоминается «Книга сетований», в которой содержались нападки на Цезаря (Cic. Ad Fam. VI. 6. 9).
- <sup>15</sup> Allport G. W., Postman L. *The basic Psychology of Rumor in Public Opinion and Propaganda*. N.Y., 1954. P. 194–196.
- <sup>16</sup> Назначение его пожизненным диктатором, предоставление ему 10-летнего консульства (от которого он, впрочем, отказался), золотой трон, переименование месяца квинтилия, статуи среди статуй богов и т. п. См.: App. B.C. II. 106–107.440–448; Plut. Caes. 57; Suet. Caes. 76.1.
- <sup>17</sup> Yavetz Z. *Julius Caesar and his public image*. L., 1983. P. 204. И. В. Нетушил считал, что единственным отступлением Цезаря от старины было право рекомендации части кандидатов на выборные должности (Нетушил И. В. Обзор Римской истории. Харьков, 1916. С. 187).
- <sup>18</sup> Syme R. *The roman revolution*. Oxford, 1939. P. 55. Ср.: Rawson E. *Caesar's Heritage : Hellenistic Kings and their Roman Equals*. // JRS. 1975. Vol. 65. P. 157.
- <sup>19</sup> Dio Cass. XLIV. 15; Plut. Caes. 60; Suet. Caes. 79.1–2. Аппиан уточняет, что Цезарю предлагали называться царем только вне Италии, а в Риме – диктатором и императором (App. B.C. II. 110.461). С. Вайншток считает, что пророчество было подлинным, и Цезарь действительно хотел использовать этот титул в завоевательной политике на Востоке (Weinstock S. *Divus Iulius*. Oxford, 1971. P. 340 f.). Э. Роусон отмечает в этой связи, что нужды в титуле не было, так как римские высшие магистраты в I в. до н. э. в сознании жителей Востока автоматически приравнивались к царям (Rawson E. Op. cit. P. 155–158).
- <sup>20</sup> Suet. Iul. 79.1–2, 80.3; Plut. Caes. 60–61; App. B.C. II. 108.449–453; Liv. ep. 116; Dio Cass. XLIV. 3–11; Vell. Pat. II. 56.3.
- <sup>21</sup> Смирин В. М. К вопросу об освещении в античной историографии событий, предшествовавших заговору против Цезаря // ВДИ. 1957. № 1. С. 123–127. Исследователь, в частности, отметил, что тенденция традиционного рассказа находит подтверждение в переписке Цицерона и в конечном итоге восходит к пропаганде республиканцев, оправдывавшей убийство диктатора.
- <sup>22</sup> Ср.: «Брут был подстрекаем со стороны народа» (App. B.C. II. 112.469); «народ обратил свои надежды на М. Брута» (Plut. Caes. 62); «народ воображал, что Брута можно будет подтолкнуть на подобные деяния» (Dio Cass. XLIV. 12). О стогах всего «народа» во время эпизода на Луперкалиях писал и Цицерон (Cic. Phil. II. 34. 85–86).
- <sup>23</sup> См. например: Игнаткович И. Гай Юлий Цезарь. М., 1940. С. 85; Дуров В. С. Юлий Цезарь : человек и писатель. Л., 1991. С. 129.
- <sup>24</sup> Так, Г. Ферреро писал, что заговорщики были уверены в «верности Цезарю армии и простого народа, воодушевление которого возрастало со дня на день» (Ферреро Г. Величие и падение Рима / пер. с итал. М., 1916–1925. Т. 2. С. 315). О том, что заговор возник безотносительно к мнению народа см.: Момм-



зен Т. Указ. соч. Т. 3. С. 389 и сл.; *Нетушил И. В.* Указ. соч. С. 190; *Ростовцев М. И.* Рождение Римской империи. Пг., 1918. С. 75; *Утченко С. Л.* Древний Рим. С. 178; *Taylor L. R.* Party politics in the Age of Caesar. Berkeley: University of California Press, 1949. P. 175.

<sup>25</sup> Николай Дамасский отмечает, что толпа взирала на Цезаря с восхищением, что было тягостно для «влиятельных людей» (Nic. Dam. 19. 64). Эпизод с возложением диадемы во время Луперкалий в изложении Николая Дамасского существенно отличается от других источников. По его словам, отклонение Цезарем диадемы вызвало аплодисменты лишь «стоявших с краю», а остальные требовали принять ее (21. 72. Ср.: 20.70).

<sup>26</sup> *Смирин В. М.* Указ. соч. С. 125.

<sup>27</sup> *Грималь П.* Указ. соч. С. 411. Римляне вообще придавали огромное значение древним фамильным преданиям. Так, во время Африканской кампании Цезарь, узнав об оракуле, гласящем, что роду Сципионов всегда суждено побеждать в Африке, формально возложил

главнокомандование на некоего Сципиона Саллютиона, ничтожного и бездарного человека (Plut. Caes. 52; Suet. Iul. 59; Dio Cass. XLII. 58). См. также: *Gelzer M.* Der Politiker und Staatsmann. Wiesbaden, 1983. S. 245.

<sup>28</sup> *Grater F. D.* Über Caesars Ermordung und Ciceros Aussicht derselben. Zürich, 1920. S. 13.

<sup>29</sup> *Horsfall N.* The Ides of March. Some new problems // Greece & Rome. 1974. Vol. 21. P. 191.

<sup>30</sup> *Феррепо Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 314.

<sup>31</sup> *Bengtson H.* Zur Geschichte des Marcus Brutus München. 1970. S. 18. Ср.: *Утченко С. Л.* Юлий Цезарь. С. 324–326.

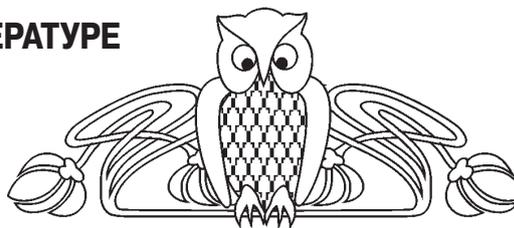
<sup>32</sup> *Yavetz Z.* Op. cit. P. 194–195. Ср.: *Феррепо Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 315; *Шифман И. Ш.* Цезарь Август. Л., 1990. С. 30. Как подчеркнул В. Г. Борухович, «вожди заговора плохо представляли последствия своего террористического акта» (см.: *Борухович В. Г.* После мартовских ид 44 г. до н. э. (ист. очерк) // АМА. Саратов, 1983. Вып. 5. С. 124 и сл.).

УДК 94(44).015+94(44).017+ 94(44).021

## ОБРАЗЫ ВЛАСТИ В КАРОЛИНГСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА IX–X ВЕКОВ

И. Д. Гайворонский

Санкт-Петербургский государственный университет  
E-mail: igorgaiv91@gmail.com



Автор статьи анализирует содержание и истоки представлений об идеальном правителе в период распада каролингского мира на отдельные королевства в конце IX–X веков. На материале повествовательных источников автор рассматривает эволюцию образов власти, доказывая зависимость их происхождения от происшедших в каролингском мире событий и предшествующей письменной традиции.

**Ключевые слова:** образ власти, Каролинги, анналы, Мегинхард, Карл Толстый, Регинон Прюмский, Рихер Реймский.

### Images of Power in the Carolingian Literature of the IX–X Centuries

I. D. Guyvoronskiy

The article offers the analysis of the contents and sources of ideal ruler's images during the disintegration of the Carolingian world into distinct kingdoms at the end of the IX–X centuries. Based on the material of the narrative sources, the author considers the evolution of images of power, proving the dependence of their origin on the events occurring in the Carolingian world and of the previous written tradition.

**Key words:** image of power, Carolingians, annals, Meginhardus, Charles the Gross, Reginon of Prum, Richer of Reims.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-170-176

Эпоха Каролингов – это не только период складывания системы власти, ставшей фундаментом средневековой модели отношений между государем и подданными, но и время конструирования франкскими авторами образов власти. На стра-

ницах различных повествовательных источников каролингские писатели создавали либо портреты современных им монархов, либо абстрактные образы идеальных правителей. Однако в обоих случаях авторы источников отражали актуальные в их время представления о власти.

Примерно до второй половины XX века историки не рассматривали образы власти каролингской эпохи, предпочитая изучение политических и правовых институтов монархии Каролингов (XIX – начало XX в.)<sup>1</sup>, проблемы взаимоотношения короля и знати, а также ритуально-коронационные аспекты (первая половина – середина XX в.)<sup>2</sup>. Первые попытки рассмотрения идей власти в каролингский период были предприняты В. Бергесом и Х. Х. Антоном, однако данные специалисты предпочли сконцентрироваться на изучении источников одного жанра – княжеских зеркал (Fuhrstenspiegel), не затрагивая других нарративных документов<sup>3</sup>. Современный подход к проблеме репрезентации власти в Каролингскую эпоху учел достижения социальной антропологии и новой социальной истории: Д. Козиоль и И. Гарипжанов предложили рассматривать не создаваемый раннесредневековой литературой образ власти как таковой, а описанные в них конкретные ритуалы власти, а также семиотический материал, «символический язык власти»<sup>4</sup>. И. Гарипжанов оказался наиболее радикален в этом вопросе, высказав мысль о «вторичности» повествовательных памятников по отношению к юридическим, актовым и нумизма-



тическим источникам<sup>5</sup>. Тем не менее нынешними исследователями каролингской литературы высказываются обоснованные идеи относительно влияния древней письменной традиции и политического контекста на образы действительности и власти в каролингской литературе<sup>6</sup>.

Однако в рамках предшествующей традиции изучения каролингских представлений о государе, на наш взгляд, имеется два существенных пробела. Во-первых, историки уделяли неоправданно мало внимания сведениям широкого круга повествовательных источников: анналам, историям, биографиям. Не был в достаточной мере использован материал актовых памятников (письма Алкуина)<sup>7</sup> и сочинений «смешанных» жанров (трактаты Хинкмара)<sup>8</sup>. Во-вторых, что еще более важно, исследователи, в том числе современные, основное внимание сосредоточивали на периоде правления первых Каролингов (Карла Великого и Людовика Благочестивого), предпочитая рассматривать вторую половину IX столетия и тем более конец IX–X века как время кризиса и отсутствия каких-либо оформленных представлений о монархе<sup>9</sup>.

Последняя треть IX и X век действительно представляют собой эпоху распада ранее скрепленного единством правящего дома каролингского мира на конгломерат отдельных королевств, распада каролингской семьи на отдельные, часто враждующие между собой ветви<sup>10</sup>. Однако тот факт, что именно в этот период Каролингская династия претерпевает наиболее острые внутренние и внешние трудности, делает рефлексию каролингских интеллектуалов на положение королевской власти в обществе наиболее интересной.

Проследить, как каролингские авторы реагировали на понижение роли королей в системе их взаимоотношений со знатью и церковью, отвечали на вызовы времени – задача данной статьи. Ее целями является не только рассмотрение трансформаций образов власти в литературе конца IX–X веков, но и анализ влияния двух факторов на эти трансформации: 1) политических, социальных и культурных обстоятельств времени; 2) предшествующей письменной традиции, используемой в своих сочинениях теми или иными авторами.

Нами будут рассмотрены следующие источники: Фульдские (*Annales Fuldeisis*)<sup>11</sup> и Вестаинские анналы (*Annales Vedastini*)<sup>12</sup>, трактат Хинкмара Реймского «О дворцовом порядке» (*De ordine palatii*)<sup>13</sup>, «Деяния Карла Великого» (*Gesta Karoli Magni*) Ноткера Заики<sup>14</sup>, а также «Хроника» Регинона Прюмского (*Reginonis Chronicon*)<sup>15</sup> и «История» Рихера Реймского (*Riheri historiarum libri IV*)<sup>16</sup>.

Для того чтобы понять, с чем столкнулись каролингские авторы в интересующий раз период, необходимо кратко охарактеризовать эволюцию образа монарха в конце VIII – первой половине IX века. В этот период, охвативший царствования Карла Великого (768–814 гг.) и Людовика Благочестивого (814–840 гг.), каролингские интеллектуалы, осмысляя деяния своих государей, создают образ

христианского императора, расширяющего Град Божий, защитника церкви и слабых, ответчика за души подданных на грядущем Страшном суде<sup>17</sup>. Создание этой модели идеального правителя было вдохновлено расширившей границы Франкской державы военно-христианизаторской эпохой, во главе которой стоял Карл Великий, и набожной жизнью его преемника Людовика. Нужно отметить, что франкские авторы этого периода – прежде всего безымянные анналисты и Алкуин (ок. 735–804 гг.) – восприняли две традиции изображения монарха – средиземноморскую, центральным звеном которой был образ Константина Великого, и библейско-ирландскую, стержнем которой была концепция «Нового Давида»<sup>18</sup>. В 840–870-е годы исторический фон каролингской политической теологии существенно меняется: империя распадается на отдельные *regna*, положение короля в отношениях со знатью и духовенством становится более шатким. В этих условиях каролингские писатели пытаются переосмыслить ту практику действий, которая ожидается от франкских королей: авторы источников отходят от идеальных схем, не склонны создавать «королевские зеркала»; автор «Четырех книг истории» Нитхард (конец VIII – 845 гг.) и анналисты Хинкмар Реймский (806–882 гг.) и Мегинхард (ум. в 888 г.) предпочитают использовать античные термины и аналогии с персонажами римской истории<sup>19</sup>. Автор «Жизни Карла Великого» Эйнхард построил образ своего патрона как римского императора, подобно цезарям, описанным у Светония<sup>20</sup>. Подобные сдвиги стали возможны, в том числе благодаря роли античной риторики, которая со времени Кассиодора использовалась средневековыми латинскими авторами в качестве инструмента, конструирующего идеи власти<sup>21</sup>.

На исходе IX столетия образ монарха едва ли мог бы осмысливаться в контексте идеи единой христианской империи: несмотря на краткое воссоединение франкских земель в 876–877 гг. под властью Карла Лысого (843–877 гг.), каролингский мир в конце IX века представлял собой конгломерат крупных королевств и княжеств. События 880–890-х годов способствовали этому: в 884 году в Западно-франкском королевстве не осталось взрослых наследников, из-за чего на берега Луары франкской знатью был призван глава восточной ветви рода Каролингов – Карл III Толстый (881–887 гг.), в результате чего во всех франкских землях снова стал править один государь. Реакция каролингских писателей на эти события могли бы пролить свет на то, как видели интеллектуалы того времени образ королевской власти.

Попытку указать Каролингам идеал правителя, основанный на христианских категориях, предпринял архиепископ Реймса Хинкмар (ок. 806–882 гг.) в составленном в 882 году трактате «О дворцовом порядке»<sup>22</sup>. В этом Хинкмар выступает продолжателем концепции Ионы Орлеанского о короле, служащем указаниям церкви<sup>23</sup>. Как и Иона, архиепископ Реймса принимает в качестве отправной точки



идею Геласия о двух властях – власти епископов и власти короля<sup>24</sup>. Высшие прелаты, согласно представлениям Хинкмара, выполняют роль «стражей», которые могут исправлять народ<sup>25</sup>, в то время как король должен «исполнять обязанности правителя по отношению ко всем подданным»<sup>26</sup>. Однако – и это Хинкмар подчеркивает особенно – прежде чем править народом, король должен «привести в порядок» свой собственный нрав, ибо «благочестием короля возвышается престол»<sup>27</sup>.

Тема «богобоязненного короля» лейтмотивом проходит через первые 11 глав трактата Хинкмара. Уже в первой главе автор обозначает главную цель всех монархов – служить Господу так, чтобы Он не разгневался на них<sup>28</sup>. Хинкмар подчеркивает: многие властители нашли свою гибель, не исполняя это предписание Царя царей<sup>29</sup>. Любовь к справедливости, назначение благочестивых епископов, достойных графов и судей – вот залог правления, угодного Богу, когда король будет вызывать у народа три главных чувства – страх, покорность и любовь<sup>30</sup>. И в этом смысле Хинкмар совершенно неоригинален: он лишь возрождает, оттачивает и доводит до совершенства в своем сочинении то, что уже было сформулировано предшествующими авторами (Ионой Орлеанским и Седулием Скоттом). Живучесть традиции зеркал, несмотря на ее явное замирание примерно между 860 и 880 годами, легко объяснима: тяжелое положение Каролингского дома и франкских королевств в этот период как нельзя лучше создавало почву для поиска интеллектуалами ответа на вопрос, какой образ действий должны избирать франкские монархи, чтобы преодолеть навалившиеся на них трудности.

Еще больший интерес вызывает реакция каролингских писателей на конкретные события конца IX столетия. Одним из ключевых пунктов в политическом развитии того времени являлась династическая комбинация 884–885 годов, когда все франкские королевства отошли под власть представителю восточной ветви рода – императора Карла Толстого. Основными фиксаторами этих событий стали каролингские анналисты. Их трудами велись две основные хроники. Фульдские анналы, с 841 года ведшиеся в Майнце и повествующие о событиях 680–901 годов, включают фрагмент за 864–887 гг., написанные монахом Мегинхардом, хорошо образованным книжником, знакомым с античными трудами<sup>31</sup>. Автор же анналов фламандского монастыря святого Вааста (Ведаста), охвативших 874–900 годы, нам неизвестен<sup>32</sup>.

Анналы монастыря Сен-Вааст сообщают в записи за 884 год, что уже само малолетство еще здравствовавшего правителя, Карломана, подтолкнуло аристократию королевства к общему собранию для обсуждения данного вопроса<sup>33</sup>. Однако внезапная гибель короля на охоте от случайно нанесенной его спутником Бертольдом раны во время схватки с вепрем вынудила магнатов послать графа Теодориха в Италию за императором Карлом «для того, чтобы тот прибыл во Франкию»<sup>34</sup>. После

прибытия Карла в Понтьон его власти подчиняются «все, кто были в королевстве Карломана», т. е., очевидно, тот самый нобилитет, призвавший Карла<sup>35</sup>.

Мегинхард же парадоксальным образом не упомянул ни о призвании Карла знатью, ни о его прибытии, ни о присяге нобилей новому правителю<sup>36</sup>. Лишь яркий рассказ о гибели короля Карломана на охоте<sup>37</sup> может подвести читателя к догадке, что в Западной Франкии сменился правитель. Мегинхард сух и лаконичен, и только в неизменном подражании античным текстам узнается его собственный стиль. О неудачах и нерасторопности императора Мегинхард не говорит вовсе: против норманнов, являющихся главными действующими лицами интересующего нас фрагмента, сражается либо граф Хаймрих<sup>38</sup>, либо весьма абстрактные фризы<sup>39</sup>. Сам монарх занят сугубо внутренними делами и налаживанием отношений с папством, поэтому вообще не фигурирует как участник войн с данами<sup>40</sup>. Вероятно, Мегинхарда угнетала безынициативность его патрона, поэтому ученый монах решил вовсе опустить все неприятные моменты, о которых, впрочем, не забыл автор Ведастинской хроники.

Эта лапидарность записей не является лишь чертой жанра: достаточно вспомнить, сколь многословен и полемически задорен на страницах анналов был тот же самый Мегинхард в 877 году, когда его патрон Людовик Немецкий и Карл Лысый боролись за императорский титул<sup>41</sup>. В 880-е годы мы уже не видим этой, основанной на античной риторике тенденции. Равнодушие анналистов к деятельности франкских монархов, скупость в описании их, даже достаточно значимых, деяний объясняется, на наш взгляд, их разочарованием в объединительной политике Каролингов, потерпевших неудачу в конце 870-х – середине 880-х годов. В частности, 877 год, когда распалась ненадолго объединенная Карлом Лысым империя, мог стать в глазах интеллектуальной элиты неким рубежом, «точкой невозврата», после которой события 884–885 годов уже не воспринимались как объединение франкских земель и тем более восстановление универсальной империи.

Крах объединительной политики Карла Лысого и Карла Толстого означал продолжение распада каролингского мира на ряд самостоятельных владений, усиление власти местных князьков и ослабление королевской власти (прежде всего, на западе франкского мира, где правящий дом еще сохранял формальное верховенство). Из-под власти Каролингской династии ушел Прованс, перешедший к Бозонидам, образовалось Итальянское королевство Гвидонидов. В 911 году в Восточно-франкском королевстве прекратится династия Каролингов, а в 915 году дом потомков Карла Великого потеряет императорскую корону, которую до 924 года захватит Ги Сполетский. Что касается Западно-франкского королевства, то после смерти Карла Лысого оно все более превращалось в совокупность земельных владений, влияние Ка-



ролингской фамилии в которых было минимально. К концу IX века оно состояло из 29 таких ленов, а к 987 году – уже из 55<sup>42</sup>.

На этом фоне франкские писатели по-разному реагировали на судьбу правящей династии. Одним из ответов на хаос эпохи стала книжица Ноткера Санкт-Галленского, прозванного Заикой – «Деяния Карла Великого». В этом сочинении, написанном по заказу Карла Толстого<sup>43</sup>, великий монарх прошлого под пером Ноткера предстал идеальным христианским королем, государем, неуклонно заботящемся о подданных<sup>44</sup>. Конструируя такой портрет, монах из Санкт-Галлена, переработал большой пласт устных преданий о Карле Великом, создав, таким образом, первый полноценный миф об этом монархе<sup>45</sup>. Ноткерский Карл, вобрав в себя все возможные добродетели эпохи, соединил в себе два героических типа, присущих трехчленной индоевропейской традиции: героя-воина и монарха-покровителя изобилия<sup>46</sup>. Таким образом, в условиях углублявшегося территориального размежевания каролингского мира у Ноткера возникла потребность в рецепции образа создателя и консолидатора этого мира – Карла Великого, потребность в создании мифа о нем. В форме скрытой ностальгии по временам легендарного уже императора Ноткер отразил противоречия последней трети IX столетия, когда идеал монарха стал связываться с сильной королевской властью, в «Деяниях» персонафицировавшейся в безупречном императоре Карле.

Другой подход к осмыслению реальности и места королей в ней предложил Регинон Прюмский (840–915 гг.). Написав свою «Хронику» в 906 году, этот довольно известный в восточной части франкских земель духовный лидер повествовал о событиях второй половины – конца IX века, как об уже прошедших<sup>47</sup>. И хотя для него, подлинного историка эпохи Средневековья, обработавшего громадный пласт материала, недавнее прошлое сливалось с настоящим, он так же, как Ноткер, смотрел назад, а не вперед. Позиционируя себя, как автора, стремящегося, прежде всего, к сохранению памяти о событиях своего времени, Регинон старался быть беспристрастным рассказчиком. Во многом именно поэтому он четко и скрупулезно зафиксировал сложнейшие и тяжелейшие для франкского мира перипетии 870–890-х годов: возвышение папства во главе с Николаем I, давление Лотаря II на духовенство своего королевства в деле развода с супругой и, тем не менее, его поражение перед авторитетом папы<sup>48</sup>, вторжение норманнов и венгров<sup>49</sup>, могущество советников при дворе западно-франкских королей<sup>50</sup>, благочестие и бессилие Карла Толстого<sup>51</sup>, доблесть Эда из рода Робертинов при обороне Парижа<sup>52</sup> и многое другое. Рельефно описав все это, Регинон открыл перед потомками панораму кризиса Каролингского дома, франкских королевств, всего проекта франкской гегемонии в романо-германской Европе. Понятное дело, что в таких условиях не могло быть и речи о четких

представлениях о власти и уж тем более об идеале монарха. Как и Хинкмар, Регинон понимал, в каком мире он живет – в мире, где власть короля вероятно слаба и не способна уже вершить историю христианства. Лишь одно Регинон знал наверняка: только благочестие, обладание угодными Богу качествами, может помочь королям править достойно, стяжав награду из рук Господа после смерти<sup>53</sup>.

Таким образом, как и Хинкмар, Ноткер и Регинон, ощущая бедствия своего времени, искали ответы на болезненные вопросы в прошлом, пытаясь предложить монархам тот идеальный образ действий, который уже был проверен временем.

Однако реальность существования Каролингской фамилии в конце IX–X веках выдвигала свои условия: территория Каролингского дома сузилась до небольшого домена вокруг города Лан, а подлинным властителем Западной Франкии будет дом Робертинов во главе с Гуго Капетом<sup>54</sup>. Через несколько лет после того, как феодальные князья отстранят от власти Людовика V (985–987 гг.), монах Рихер из Реймса (940–998 гг.) напишет «4 книги историй», в которых расскажет о событиях X века<sup>55</sup>. Это будет взгляд на прошлое и настоящее, сформированный под влиянием реалий конца X века, когда Каролинги уже сойдут с исторической сцены. Концепция Рихера Реймского будет включать уже совершенно иные представления о власти, нежели в IX веке: согласно им правом управлять королевством обладает уже не обязательно представитель рода Каролингов, подлинных, природных королей, *domines naturales*<sup>56</sup>, а такой правитель, который будет выгоден франкской аристократии и церкви<sup>57</sup>. Почему стали возможны такие представления о власти? Следствием кризиса династии Каролингов в конце IX века стали несколько прецедентов избрания на франкский трон представителей других знатных родов. Избрав в 888 году в Западной Франкии Эда Парижского, знать почувствовала, что Каролинги не единственные потенциальные суверены. Ситуацию усугубило неуклюжее правление Карла III Простоватого (898–922 гг.), ознаменовавшееся конфликтом с Робертинами. Следствие этого – престол вновь занимает не Каролинг – Роберт I (922–923 гг.), затем на трон садится откровенно «проходная» фигура – Рауль Бургундский, который, однако сохраняет его за собой вплоть до 936 года. Таким образом, ассамблея 987 года, избравшая королем Гуго Капета, представляет собой неизбежный результат прецедентов 888 и 922–923 годов, когда Каролингам было трижды отказано в троне. Королевский титул, таким образом, становится разменной монетой в играх магнатов, и Каролинги окончательно теряют монополию на него, а вместе с ней и место в идеях власти.

Проследив эволюцию представлений о власти в каролингском мире конца IX–X веков, мы можем подразделить созданные в этот период образы власти и их авторов на две условные группы.

К первой стоит отнести таких авторов и одновременно весьма авторитетных в каролингском мире



духовных лидеров, как Хинкмар, Ноткер и Регинон, которые, признав трудности, постигшие династию, продолжали конструировать идеализированные образы монархов. Причем если Хинкмар и Регинон использовали в качестве ориентира христианское толкование власти и христианские тексты, то Ноткер Заика предпочел построить свой идеальный образ Карла Великого на собранных им устных франкских преданиях, которые, однако, также испытали влияние христианства (либо под пером автора-монаха, либо попав к нему в уже переработанном виде).

Во вторую группу авторов входят анналисты – ведастинский аноним и Мегинхард, а также Рихер Реймский, не оказавшие серьезного влияния на ход дел в королевствах в качестве духовных лидеров. В отличие от авторов первой группы перечисленные писатели не пытались идеализировать Каролингов, косвенно или прямо признавая их слабость в условиях постигших правящий дом трудностей. Анналисты конца IX века, как и гораздо позднее Рихер, лишь фиксируют события жизни королей, при этом используя лексику и приемы, заимствованные из римской античной историографии<sup>58</sup>.

Несмотря на различие в социальном статусе рассмотренных авторов и также традициях изображения власти, на которые они опирались, почвой для создаваемых в IX–X веках образов власти монархов-Каролингов был общий кризис династии и каролингской модели консолидации романо-германского мира. Тем не менее попытки франкских авторов найти место королевской власти в изменяющемся мире привели к большому разнообразию концепций власти, в котором мы убедились, анализируя литературу конца IX–X веков. Именно поэтому при исследовании политической теологии Каролингской эпохи данному периоду стоит уделять большее внимание.

За основу статьи взят текст одноименного доклада, прочитанного на LVII международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Новый век: человек, общество, история глазами молодых» 25–26 апреля 2014 года.

## Примечания

- <sup>1</sup> *Eichhorn K. F.* Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte. Bd. 1. Göttingen, 1843; *Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte. Bd. 3. Kiel, 1860; *Фюстель де Куланж.* История общественного строя древней Франции / пер. с фр. Захарьиной. Т. 6. Пг., 1916; *Below G.* Der deutsche Staat des Mittelalters. Leipzig, 1914.
- <sup>2</sup> *Schramm P. E.* Die Anerkennung Karls des Grossen als Kaiser. Ein Kapitel aus der Geschichte der mittelalterlichen «Staatssymbolik» // Sonderdruck aus Historische Zeitschrift. 1951. H. 172/3. S. 449–515; *Канторович Э. X.* Два тела короля / пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю. Серегиной. М., 2014. С. 153, 157.
- <sup>3</sup> *Berges W.* Die Fürstenspiegel des hohen und späten Mittelalters. Stuttgart, 1992. S. 3–22; *Anton H. H.* Fürstenspiegel des frühen und hohen Mittelalters. Darmstadt, 2006.

- <sup>4</sup> *Kozioł G.* Review article : the dangers of polemic : is ritual still an interesting topic of historical study? // *EME*. 2002. № 11. P. 367–388; *Haripzanov I. H.* The Symbolic Language of Authority in the Carolingian World (751–877). Leiden ; Boston, 2008.
- <sup>5</sup> *Ibidem.* P. 13–27.
- <sup>6</sup> *Innes M.* Teutons or Trojans? The Carolingians and the Germanic Past // *The Uses of the Past in the Early Middle Ages* / ed. Y. Hen and M. Innes. Cambridge, 2000. P. 227–249; *Сидоров А. И.* Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006; *McKitterick R.* History and memory in the Carolingian World. N. Y., 2004.
- <sup>7</sup> *Page R. B.* The Letters of Alcuin. N. Y., 1909; *Bullough D. A.* Alcuin : Achievement and reputation. Leiden, 2004.
- <sup>8</sup> *Prou M.* Introduction // *Bibliothèque de l'école des hautes études*. Paris, 1885. P. XLI; *The Cambridge history of medieval political thought 350 – 1450* / ed. by J. H. Burns. Cambridge, 1988; *Nelson J.* La mort de Charles le Chauve // *Medievales*. 1996. № 31. P. 61–66; *Старостин Д. Н.* Хинкмар Реймский и структура королевства франков в конце IX в. // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История*. 2014. № 2. С. 52–58.
- <sup>9</sup> *Anton H. H.* Fürstenspiegel des frühen und hohen Mittelalters; *Haripzanov I. H.* The Symbolic Language of Authority in the Carolingian World (751–877). P. 305–318.
- <sup>10</sup> *Riche P.* Les Carolingiens: Une famille qui fit l'Europe. P. 160–165; *Теус Л.* История Франции : в 2 т. Т. 2 / пер. с фр. Т. А. Чесноковой. М., 1993. С. 28–31; *Nelson J.* The Frankish kingdoms // *New Cambridge Medieval History*. Vol. 2: C. 700–900 / ed. R. McKitterick. P. 120–121; *Schieffer R.* Die Karolinger. S. 139–145; *Costambeys M., Innes M., MacLean S.* The Carolingian world. P. 379–388; *Busch J. W.* Die Herrschaften der Karolinger 714–911. S. 89–92.
- <sup>11</sup> *Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus* / post editionem G. H. Pertzii, recognovit F. Kurze // *MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi*. Hannover, 1891. S. 1–138.
- <sup>12</sup> *Annales Xantenses et Annales Vedastini* / Recognovit B. de Simson // *MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi*. Hannover et Lipsia, 1909. S. 40–82.
- <sup>13</sup> *Hincmar.* De Ordine Palatii epistola / Texte latin traduit et annoté par M. Prou // *Bibliothèque de l'école des hautes études*. P. 2–97.
- <sup>14</sup> *Notker der Stammler.* Taten Kaiser Karls des Grossen / hrsg. von H. F. Haefele // *MGH. Scriptores rerum Germanicarum, Nova series*. Berlin, 1959. S. 1–93.
- <sup>15</sup> *Reginonis Chronicon* / Recognovit F. Kurze // *MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum*. T. 1. Hannover, 1890. S. 1–153.
- <sup>16</sup> *Riheri historiarum libri IV* // *MGH. Scriptores (in Folio)*. T. XXXXVIII. Hannover, 2000. S. 35–309.
- <sup>17</sup> *Гайворонский И. Д.* Рождение образа власти в эпоху Карла Великого // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*.



- Тамбов : Грамота, 2015. № 5, ч. 2. С. 37–40 ; *Гайворонский И. Д.* Образ государя в каролингской анналистике конца VIII века // Научное мнение. 2015. № 5. С. 83–88.
- 18 *Erkens F.* – R. Herrschersakralität im Mittelalter : von den Anfängen bis zum Investiturstreit. Stuttgart, 2006 ; *Anton H. H.* Königsvorstellungen bei Iren und Franken im Vergleich // Das frühmittelalterliche Königtum : ideelle und religiöse Grundlagen / hrsg. F.-R. Erkens. Berlin, 2005. S. 270–330.
- 19 *Гайворонский И. Д.* Образ власти и истоки его формирования в литературе «каролингского ренессанса» второй половины IX века (далее – *Гайворонский И. Д.* Образ власти и истоки его формирования...) // Вестн. гуманитарного научного образования. 2013. № 5 (31). С. 48–50.
- 20 *Гайворонский И. Д.* Эволюция образа Карла Великого в литературе «каролингского возрождения» и ее истоки (далее – *Гайворонский И. Д.* Эволюция образа Карла Великого...) // Научная перспектива. 2013. № 5 (39). С. 109.
- 21 *Brown P. R. L.* Power and Persuasion in Late Antiquity : Towards a Christian Empire. Madison (Wisconsin), 1992; *Шкаренков П. П.* Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004. С. 14.
- 22 *Prou M.* Introduction // Bibliotheque de l'ecole des hautes etudes. P. I–XLI; *Kirsch J. P.* Hincmar // The Catholic Encyclopedia. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/07356b.htm> (дата обращения: 05.06.2015).
- 23 *Reviron J.* Les Idées politico-religieuses d'un évêque du IXe siècle : Jonas d'Orléans et son *De Institutione regia* : étude et texte critique. Paris, 1930.
- 24 *Hincmar.* De Ordine Palatii epistola / Texte latin traduit et annoté par M. Prou // Bibliotheque de l'ecole des hautes etudes. P. 12–16.
- 25 Ibid. P. 14.
- 26 Ibid. P. 16.
- 27 Ibid.
- 28 Ibid. P. 3.
- 29 Ibid. P. 4.
- 30 Ibid. P. 2–8, 22–29.
- 31 *Kurze F.* Praefatio // Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus / post editionem G. H. Pertzii, recognovit Fridericus Kurtze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum. 1895. S. V–XIII ; *Reuter T.* The Annals of Fulda // Manchester Medieval series. Ninth-Century Histories. V. II. Manchester, 1992. P. 1–14.
- 32 *Simson B.* Praefatio. II. Annales vedastini // Annales Xantenses et Annales Vedastini / Recognovit B. de Simson // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. 1909. S. VIII–XVI ; *Сидоров А. И.* Вестаинские анналы // Библиотека Якова Кротова. URL: <http://krotov.info/acts/09/1/historiki2.htm#111> (дата обращения: 26.03.2015).
- 33 Annales Xantenses et Annales Vedastini / Recognovit B. de Simson // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. S. 55.
- 34 Ibidem.
- 35 Ibidem.
- 36 Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus / post editionem G. H. Pertzii, recognovit F. Kurze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. S. 101–104.
- 37 Ibidem.
- 38 Ibid. S. 103.
- 39 Ibidem.
- 40 Ibid. S. 103–104.
- 41 Ibid. S. 84–85; *Гайворонский И. Д.* Образ власти и истоки его формирования... С. 49.
- 42 *Гизо Ф.* История цивилизации во Франции : в 4 т. Т. 2 / пер. с фр. П. Г. Виноградова. М., 2006. С. 163–165.
- 43 Подробнее см.: *Kampers F., Löffler K.* Notker (1911) // The Catholic Encyclopedia. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/11125b.htm> (дата обращения: 05.06.2015); *Halphen L.* Le moine de Saint-Gall // RH. 1918. № 128. P. 260–298; *Haefele H. F.* Einleitung / *Notker der Stammler.* Taten Kaiser Karls des Grossen / hrsg. von H. F. Haefele // MGH. Scriptores rerum Germanicarum, Nova series. S. VII–XLVI ; *Гаспаров М. Л.* Ноткер Заика // Памятники средневековой латинской литературы VIII–IX века. М., 2006. С. 417–419 ; *Innes M.* Memory, Orality and Literacy in an Early Medieval Society // Past and Present. 1998. № 158. P. 3–36 ; *Сидоров А. И.* Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006. С. 226–228.
- 44 *Notker der Stammler.* Taten Kaiser Karls des Grossen / hrsg. von H. F. Haefele // MGH. Scriptores rerum Germanicarum, Nova series. S. 1–93.
- 45 *Гайворонский И. Д.* Эволюция образа Карла Великого... С. 109.
- 46 *Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев / пер. с фр. Т. Цивьян. М., 1986. С. 140.
- 47 Подробнее о Рeginone и его «Хронике» см.: *Kurze F.* Praefatio // Reginonis Chronicon / Recognovit F. Kurze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. T. 1. S. V–XVII ; *Anton H. H.* Regino von Prüm // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Bd. 7, Herzberg, 1994. S. 1483–1487 ; *Haas J.* Zum Plan einer wikingischen Herrschaft am Mittelrhein und an der Mosel. Ein historischer Kommentar zu Regino, Chronicon ad annum 885 und zu Notker, Gesta Karoli Magni imperatoris II, 13 // Jahrbuch für westdeutsche Landesgeschichte. 2008. № 34. Koblenz, 2010. S. 7–16 ; *MacLean S.* History and politics in late Carolingian and Ottonian Europe : the Chronicle of Regino of Prüm and Adalbert of Magdeburg. Manchester, 2009.
- 48 Речь идет о стремление Лотаря развестись с женой Теутбергой ради ложа наложницы Вальдрады. Прелаты Лотарингии оказали помощь своему монарху, однако против бракоразводного процесса встал сам папа Николай, который в итоге призвал Лотаря к покаянию, пусть, по мнению Рeginона, и лукавому. См.: Reginonis Chronicon / Recognovit F. Kurze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. T. 1. S. 84–94.
- 49 Одно из самых вероломных вторжений – экспедиция Годфрида Датского в союзе с Гуго Бастардом, сыном Лотаря II от Вальдрады, отлученным от наследования



- Николаем I; Ibid. S. 124–125; о венграх см.: Ibid. S. 131.
- <sup>50</sup> Ibid. S. 126.
- <sup>51</sup> Ibid. S. 128–129.
- <sup>52</sup> Ibid. S. 131.
- <sup>53</sup> Регион представляет Карла Толстого как истинно христианского правителя, крах его власти считает испытанием его положительных качеств, которое он успешно с великим терпением преодолевает. Ibid. S. 131.
- <sup>54</sup> Подробнее см.: *Lot F.* La France des origines a la guerre de cent ans. Paris, 1941. P. 122–125; *Лот Ф.* Последние Каролинги. СПб., 2001. С. 151–194; *Дюби Ж.* История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк. 987–1460 / пер. с фр. Г. А. Абрамова, В. А. Павлова. М., 2000. С. 38–39; *Riche P.* Les Carolingiens : Une famille qui fit l'Europe. P. 25–390; *Тейс Л.* История Франции : в 2 т. Т. 2. Paris, 1983. С. 176–200; *Балакин В. Д.* Творцы Священной Римской империи. М., 2004. С. 149.
- <sup>55</sup> Подробнее о Рихере и его сочинении см.: *Тарасова А. В.* Рихер Реймский и его «Четыре книги историй» // Рихер Реймский. История. М., 1997. С. 213–271; *Sot M.* Richer de Reims // Dictionnaire du Moyen Âge / Dir. C. Gauvard, A. de Libera, M. Zink. Paris, 2003. P. 1219; *Glenn J.* Politics and History in the Tenth Century : The Work and World of Richer of Reims. Cambridge, 2004; *Lake J.* Richer of Saint-Remi. Washington, 2013.
- <sup>56</sup> *Сидоров А. И.* Ближний круг франкского короля в первой половине IX века : поведенческие идеалы и культурная практика (по материалам «Хроники» Нитхарда) // Средневековая Европа. Проблемы идеологии и политики : сб. ст. М., 2000. С. 90.
- <sup>57</sup> *Riheri historiarum libri IV* // MGH. Scriptores (in Folio). T. XXXXVIII. S. 239.
- <sup>58</sup> *Гайворонский И. Д.* К вопросу об образах власти в эпоху «каролингского ренессанса» // Молодой ученый. 2013. № 6 (53). С. 608–609.

УДК 94 (44) 023–027

## РЕЦЕПЦИЯ РИМСКОГО ПРАВА В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕРОГАТИВ КОРОЛЕВСКОГО ПОМИЛОВАНИЯ ВО ФРАНЦИИ (XIII–XV вв.)

С. А. Польская

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь  
E-mail: polskaya-sa@yandex.ru

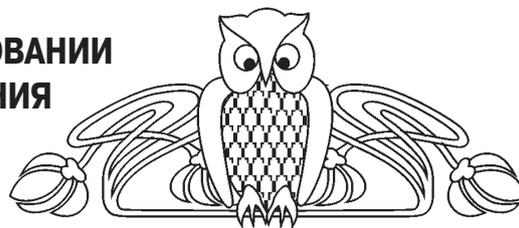
Настоящая статья посвящена проблеме рецепции норм римского права в становления института *le droit de grâce royal* – права королевского помилования как одной из основных потестарных функций французской монархии на протяжении периода, охватывающего правление Людовика IX Святого (1226–1270) до Людовика XI (1461–1483). Кратко рассматриваются основные этапы становления римской системы помилования от царской эпохи до поздней империи. Резюмируется, что христианская (в том числе и августиновская) модель правосудия вступила в определенное противоречие с римской правовой традицией, что усугубилось процессом становления и развития феодального государства.

**Ключевые слова:** право королевского помилования, грамоты о помиловании, амнистия, аболиция, реституция, индульгенция, обрeпция, субрeпция.

### The Reception of the Roman Law in the Formation of the Royal Pardon Prerogatives in France (XIII–XV Centuries)

S. A. Polskaya

This article focuses on the problem of the reception of Roman law rules in the formation of *le droit de grâce royal* Institute – the right of the royal pardon as one of the main potestarian functions of the French monarchy from the reign of Louis IX the Saint (1226–1270) to Louis XI (1461–1483). The main stages of the Roman system of pardon from the tsarist era to the late Empire are briefly characterized. It is presumed that the Christian (including Augustinian) model



of justice entered into a definite contradiction with the Roman legal tradition, exacerbated by the process of becoming and development a feudal state.

**Key words:** right of the royal pardon, charters of pardon, amnesty, abolition, restitution, pardon, obreption, subreption.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-176-181

В 1723 г. увидел свет трактат советника Парламента г. Меца Николя Менана, посвященный инаугурационному церемониалу французской монархии, – явление, типичное для позднего абсолютизма. Среди прочих описаний автор отмечает: «Все эти церемонии заканчиваются актом милосердия, знаменующим величие и могущество наших королей – это отмена приговора суда и помилования, которые они дают преступникам». И далее пускается в следующий временной экскурс: «... (на посвящении Генриха ... главный духовник Франции, по распоряжению Его Величества, доставил всех тех, кто находился в тюрьмах Реймса, между коими произвел отбор убийц, грабителей, фальшивомонетчиков и прочих, числом 455 человек). [...] Императоры Рима, по данным Светония, также придерживались обычая миловать заключенных ...»<sup>1</sup>.

Рефлексия на Светония небезосновательна, в частности, при описании обстоятельств воцарения Нерона и Клавдия: «В той же погоне за народной любовью он (Нерон. – С. II.) помиловал осужденных и сосланных по всем обвинениям, оставшимся от прошлых времен, объявил прощение...»; «Ут-вердившись во власти, он (Клавдий. – С. II.) рань-



ше всего иного позаботился изгладить из памяти те два дня, когда под сомнением была прочность государственного устройства. Поэтому все, что было сказано и сделано в это время, он постановил простить и предать забвению, и постановление это выполнил: казнены были лишь несколько трибунов и центурионов из участников заговора...»<sup>2</sup>

В качестве же потестарной функции французской монархии право королевского помилования – *le droit de grâce royal* – прошло достаточно долгий путь, действительно беря свое начало сразу в нескольких традициях – собственно германской (франкской), христианской и римской, составивших достаточно сложный синтез. Остановимся более подробно на последнем элементе.

Римское правосудие было привнесено в средневековую традицию посредством августиновской концепции. Последняя представляла справедливый суд как опору общества и понимала главу государства как гаранта общественного спокойствия. Эта идея станет главной для обоснования непреложной справедливости королевского суда, основой которого является римская единая правовая норма, публично исходящая от короля. Таков образ христианского монарха, как в подражание Августину, подчеркивает ордонанс Карла VII о судебной реформе 1454 г.: «Полагая, что королевство не сможет долго просуществовать без доброго справедливого порядка, лишённое всякой опоры [...] желаем править нашими подданными как добрый судья...»<sup>3</sup>

Что касается образа «доброго судьи», то на протяжении всего раннего Средневековья он оставался практически единственным средством отправления власти, а начиная с эпохи Людовика IX выступил главной опорой, поддерживающей монархию и связывающей ее и с сакральной (христианской), и с публично-правовой (римско-германской) функциями власти. Начиная от предписаний «*Establissemens*» Людовика Святого с гарантией мира (*l'asseûrement*)<sup>4</sup> до ордонанса Людовика XI, утверждающего, что «управление и охрана общественного блага нашего Королевства [...] главным образом заключается в правосудии...», понимаемом как часть «ремесла короля» («*métier de roi*»)<sup>5</sup>.

Его образ справедливого судьи опирался на принцип эпохи Людовика IX: «всякое правосудие исходит от короля», символическим воплощением которого стала, в том числе и процедура помилования заключенных в дни христианских праздников, рождения принцев или принцесс, королевской свадьбы, инаугурации и первого королевского въезда в город. В дальнейшем это обычное явление станет повсеместным, делегируя право освобождения принципам крови, а его истоки исследователи склонны усматривать как в ветхо- и новозаветных, так и собственно средневековых традициях.

Не останавливаясь на христианской концепции милосердного правления, отметим, что для правового обоснования *le droit de grâce royal* требовалась сугубо юридическая теория, имеющая своей опорой не столько патристику, сколько римские право-

вые достижения. Отличительной чертой последних явилась дифференциация милосердия и помилования – амнистии (*amnestia*). Последняя имела две основные формы: общее прекращение судебного производства (*abolitio generalis*) и освобождение осужденного (*restitutio damnatorum*). В первом случае уже содеянное преступление погасалось, и совершивший его восстанавливался во всех правах (*restitutio interarum*)<sup>6</sup>. Существовало и обладающее высшей юридической силой право императорского помилования – *indulgentia generalis*, основанное на так называемом праве интерцессии – приостановлении судебного производства<sup>7</sup>. Оно не только окончательно погасало расследование, но могло изменять санкцию в сторону ее смягчения или отмены, что неизбежно приводило к разного рода злоупотреблениям. На них прямо указывает тот же Светоний: «...он (Веспасиан. – С. II.) без колебания продавал должности соискателям и оправдания подсудимым, невинным и виновным, без разбору; самых хищных чиновников, как полагают, он нарочно продвигал на все более высокие места, чтобы дать им нажиться, а потом засудить, – говорили, что он пользуется ими, как губками, сухим дает намочнуть, а мокрые выжимает»<sup>8</sup>.

Разумеется, подобная система явилась результатом длительного развития, параметры которого, начиная с правовой мысли XVIII–XIX в., явились предметом не одного исследования<sup>9</sup>. Большинство из них сходились на той мысли, что помилование восходит к эпохе республики, поскольку консулы не имели подобной прерогативы, принадлежащей комициям и сенату, что являлось гарантией *fides publica* от дальнейших преследований. Совершенное преступное деяние приобретало статус *obliviones in perpetuum*, что выступало ярким выражением демократического характера римского государства. Дифференциация форм помилования практически не изменила этой трактовки. Так, *abolitio generalis* могло выступать и в виде вычеркивания из списков обвиняемых либо всех, либо части лиц, а также выступала срочной мерой властей. Со временем она утратила религиозный характер, оценивающий деликт как оскорбление высших сил, и эта секуляризация привела к становлению собственно юридической процедуры, согласно которой новое обвинение в этом же преступлении можно было выдвинуть только через 30 дней и истцом должно быть выступать иное лицо. Процесс становления судебной системы допускал погашение: прежнего обвинения и начало нового преследования. В итоге, по верному заключению П. И. Люблинского, амнистия не стала полноценным институтом уголовного права, оставшись во многом политическим решением<sup>10</sup>. Как мы увидим ниже, подобное положение сохранится и в средневековой практике.

При этом следует обратить внимание на два обстоятельства: то, что *abolitio generalis* постепенно разделились на *abolitio publica* и *abolitio private* и то, что оба вида помилования распространялись



на лиц, по отношению к которым еще не был вынесен приговор суда за деяния, предусматривающие в большинстве случаев высшую санкцию. Как отметил еще Т. Моммзен: «Эти акты предписывали судам прекращать начатые процессы, с отдельными исключениями, к которым обыкновенно относились дела, влекущие смертную казнь. Это прекращение приносило пользу не только обвиняемому, но и обвинителю, находившемуся под угрозой строгой ответственности»<sup>11</sup>. Он же обнаруживает прямую связь *abolitio publica* с государственными праздниками – традиция, переросшая в средневековую эпоху в уже указанный порядок королевского помилования с христианским календарем<sup>12</sup>. С уходом республики функция вотирования *abolitio generalis* перешла к императорам и по-прежнему погашала сам деликт и все вызванные им правоограничения.

Став императорской прерогативой, общее прекращение судебного производства продолжило развиваться в форме *abolitio private*, эволюционировавшего в прекращение обвинения с позволения либо судьи, либо лично главы государства (чаще всего оно имело целью защитить истца, если он опасался преследований со стороны освобожденного подсудимого), и приобрело новую – *abolitio ex lege*, прекращавшего обвинение со стороны судьи на основании трех причины: прощения самого обвиняемого, смерти обвинителя и несоблюденных формальностей обвинения<sup>13</sup>. Первая из них и станет возможностью составления прошений о помиловании на имя короля в средневековой Франции. Что касается последней, то она понималась римским законодательством и была полностью воспринята каноническим правом, а впоследствии – юристами эрудитами раннего нового времени как субрепция (*subreptio*) – т. е. недобросовестная (ошибочная или нечестная) аргументация<sup>14</sup>, конкретизацией которой выступила обрещия (*obreptio*), т. е. доказательство, полученное нелегитимным путем<sup>15</sup>.

Наконец, римское правосудие допускало и восстановление в правах (как освобожденных *abolition*, так и уже осужденных), в первую очередь за политические преступления. Но с утверждением империи *restitution damnatorum* распространилась на все виды деликтов и в большей степени обращала внимание на время события – государственный праздник или радостное известие и волеизъявление милости императора. Результатом стало появление новой прерогативы последнего – *indulgentia generalis*.

Тем не менее *indulgentia* не погашала преступления и не отменяла приговор суда, если он был уже вынесен, как не распространялась на наиболее тяжкие с точки зрения интересов государства преступления: оскорбление императора, измену, казнокрадство и т. п. Однако с усилением кризиса общине помилования становились все более частым явлением, не акцентирующим внимание на сугубо политическом характере проступков, а все более

расширяя сферу действия за счет аннулирования последствий преступлений, восстанавливая совершивших их в имущественных и личных правах.

В итоге в Декрете Грациана 1140 г. предписывалась практика изъятия главой государства норм и санкций из общей юрисдикции, что позволяет расценивать эти полномочия императора уже как суверена<sup>16</sup>. В средневековой Франции указанное изъятие было окончательно обосновано каноническим правом как временное смягчение строгости закона в силу необходимости или полезности для государства в целом, а не только лично монарха<sup>17</sup>.

Постепенно из сложившихся в единую систему параметров сформировалось право королевского помилования. Что касается трактовки соотношения римского и германского компонентов синтеза, то часть исследователей-юристов настаивает на доминанте римского компонента, как и П. И. Люблинский, полагая, что Франция «... явилась воскресительницей тех правовых начал амнистии, которые были выработаны в Риме»<sup>18</sup>. Эта позиция, в свою очередь, восходит к Ж. Бодену, считавшему право помилования не только одним из признаков суверенитета, но имеющим своим источником римское право<sup>19</sup>. Однако большинство современных французских историков права по понятным причинам настаивает на доминанте внутренних потенциалов развития, полагая королевское помилование продуктом собственной эволюции государства, вобравшим в себя и римскую традицию<sup>20</sup>.

Королевское помилование получило свое документальное выражение в форме грамот – *les lettres de rémission*, самые ранние экземпляры которых, зарегистрированные в королевской канцелярии, датируются исследователями либо началом<sup>21</sup>, либо концом XIV в.<sup>22</sup>; в дальнейшем их количество резко возрастет (ок. 54 тыс. на рубеже XIV–XV вв.<sup>23</sup>), что потребует записи по шаблону и отдельного хранения в Сокровищнице хартий (*Le Trésor des Chartes*).

Говоря о рецепции римского наследия, любопытен уже образец их составления и порядок предоставления королю. Он был определен ордонансом дофина Карла 1358 г., вызванным его попыткой монополизировать право помилования в противовес членам королевского совета и позже пролонгированный. Предписывалось, что давшие в том присягу: «Канцлер, мэтр прошений и прочие офисье... должны направлять просителя помилования Его Величества в Большой Совет»<sup>24</sup>; «Король никому не предоставляет помилование за совершенное преступление без обсуждения на Большом Совете и постановления, подписанного тремя его членами»<sup>25</sup>. Вероятно, дофин опирался на предпринятую Филиппом IV еще в 1308 г. попытку монополизировать право помилования как регальное право короля: «Это подвластно только ему (королю. – С. П.), и всякий подлежит испытанию и одобрению всех милостей, прощений и помилований для любых покорных ему людей, даже в случае преступления или злоупотреблений...»<sup>26</sup>



Став королем, Карл V подтвердил эти полномочия, отменив и пошлину<sup>27</sup>, взимаемую с истцов на местах за подаваемое ими прошение о помиловании. В начале XV в. Карл VI делегирует *le droit de grâce royal* ряду высших должностных лиц, в частности, канцлеру<sup>28</sup>, но в специальном постановлении Парижскому парламенту предписывает: «Никакой судья не должен узнавать о помиловании иначе как от короля. Членам Счетной Палаты запрещается утверждать грамоты о помиловании»<sup>29</sup>.

Поскольку последние включали в себя положение, сохранявшее права пострадавшей стороны, и список исключаящих помилование преступлений<sup>30</sup>, то возникает вопрос: нарушали ли указы о помиловании текущее законодательство и не попирали ли они права потерпевшей стороны? Что касается первого, то обычное право достаточно часто санкционировало казнь. Но короли достаточно широко использовали *les lettres de rémission* как средство политической борьбы за усиление собственных потестарных функций. В итоге в государственном законодательстве Французского королевства уже с конца XII в., получает достаточно широкое распространение практика изъятия из общего правила, столь характерная и для императорского Рима.

Нельзя не упомянуть еще об одной черте восприятия. Указ о помиловании представлял собой акт, которым монарх устанавливал отправление правосудия, независимо от решения местного суда, т. е. поддерживал собственную юрисдикцию, придавая ей высший характер. С этой целью круг преступлений, подпадающих под *le droit de grâce royal*, постоянно менялся, периодически ограничиваясь ордонансами, которые пытались определить их перечень. Так, если ордонанс дофина Карла 1359 г. строго предписывал, что «Убийства, похищения и поджоги не подлежат получению помилования»<sup>31</sup>, то жалованные грамоты Людовика XI распространяют последнее на все преступления, влекущие за собой смертную казнь: убийства, кражи, предательство, преступления против морали, детоубийство, самоубийство и т. д. Исключением не являлась даже измена, поскольку, как гласил один из указов, «грамоты помилования могут быть получены лицами, восставшими против правосудия»<sup>32</sup>. В итоге, несмотря на все усилия легистов, ратующих за максимальное ужесточение условий помилования в сторону их ограничения, к началу XVI в. во Франции не осталось ни одного преступления, приговор за совершение которого не мог бы быть отменен королевским милосердием. Сформировался своего рода парадокс, когда помилование оказалось еще и средством монополии монарха на высшую санкцию, а уголовная юстиция стала самой передовой отраслью королевского права.

При этом сам институт прощения не оспаривался, допуская посредничество короля между судом и обвиняемым. При этом право королевского помилования даже в случаях с заслуженно осужденными не ставил под сомнение полномочия

суда (оно оказывается выше их), но посредством *les lettres de rémission* мог исправлять недостатки системы уголовного правосудия.

Последнее же оказалось вынуждено более четко разграничивать случаи, требующие вмешательства короля, и те, которые не могут подлежать его помилованию. Так появились преступления, подлежащие только королевскому суду (*les cas royaux*). Они стали следствием королевских ордонансов, касающихся справедливости и повторяли не только «Установления Людовика Святого», но и нормы права: нарушение гарантии мира (*l'asseïrement*), безопасности (*la sauvegarde*), изготовление фальшивых денег, разбой на дорогах, похищение и изнасилование, ношение оружия, измены, колдовство и богохульство. Начиная с правления Карла V к ним будет добавлено оскорбление величества (*la lèse-majesté*). Процесс в таком случае повторно осуществлялся в королевском суде, а критерием отбора именно указанного перечня выступало явное нарушение социального порядка, идущего в разрез с честью короля (*l'honneur du roi*)<sup>33</sup>. Таким путем будет возрождена римская традиция *abolitio private*, в первую очередь за политические преступления.

Разумеется, на практике *le droit de grâce royal* могло привести ко многим нарушениям, тем более учрежденное королевской же властью, оно было предназначено для подтверждения монарших полномочий и репутации. Отсюда проистекает не только настоятельно предписываемая в ордонансах монополия короны на предоставление *les lettres de rémission*, но и подробные инструкции по их реализации для королевских чиновников и в центре, и в провинциях: «Члены Счетной палаты и Палаты хартий Дофинэ должны контролировать указы о помиловании, а также исполнять их решение в этой провинции»<sup>34</sup>; «Никакой судья не должен узнавать о помиловании иначе как от короля...»<sup>35</sup> После получения грамота должна была быть принята местным судом, который проверял ее содержание, затем доводил его до сведения потерпевшей стороны и обеспечивал мировое соглашение ответчика и истца. Согласие истца выступало общим условием для осуществления королевского помилования. Изначально предоставление официального прощения от потерпевшего или его представителей являлись необходимым пунктом, но начиная с правления Филиппа VI король требует только соглашения сторон: прощение от истца больше не является постулирующей нормой для предоставления *le grâce royal*, а только подтверждением его эффективности. И в этом нельзя не усмотреть достаточно прагматичное использование норм *abolition private* и *abolition ex lege*, практика применения которых позволяла применить их и к французским реалиям XIV в.

Усиление прерогатив права королевского помилования, с одной стороны, и противостояние этому судебной системы, с другой, привело к появлению не только *les cas royaux*, но и возникшей в правлении уже Карла VI новой формы указов – грамот об освобождении (*les lettres d'abolition*



*générale*). Их тождество с *indulgentia generalis* и *abolitio ex lege* очевидно: во-первых, в реализации права исключительного прощения в тех случаях, когда помилование формально не могло быть предоставлено. Во-вторых, индивидуальное или коллективное, оно могло быть предоставлено либо до, либо после осуждения и приговора суда. В-третьих, оно, как правило, приурочивалось ко дню инаугурации нового монарха, приобретая тем самым особую значимость<sup>36</sup>. Но особенную важность приобретает не менее явная рецепция *abolitio ex lege*, согласно которой специальное расследование устанавливало, не имели ли место сокрытие фактов и нечестное доказательство (субрепция) или угроза разглашения сведений (обрепция).

Поскольку *les lettres d'abolition générale*, исходя из самой этимологии понятия «*l'abolition*», предполагали полную отмену наказания и, следовательно, вины осужденного или снятие подозрений, если приговор еще не был вынесен, то это предоставляло королю большую свободу действий, превратив указы об освобождении в средство усиления абсолютизма, в то время как *les lettres de rémission* остались в русле общего уголовного правосудия, распространяясь на подлежащие прощению преступления. Поскольку с особенной нетерпимостью к решениям делегированного королевского правосудия относилось благородное сословие, полагая это вмешательством в свои привилегии, то *les lettres de rémission* во многом распространились на дворянство и аристократию, широко восстанавливая помилованных в имущественных и личных правах, что *de facto* «приручало знать» в условиях становящегося абсолютизма, а *de jure* опиралось на *restitutio damnatorum* и *indulgentio generalis* как средства манипулирования королевским правом с той же целью расширения прерогатив государства, все в большей степени концентрирующихся на фигуре суверена.

## Примечания

- <sup>1</sup> *Menin N.* Traité historique et chronologique du sacre et couronnements des Roys et des Reines de France depuis Clovis I-er jusqu'à présent par Monsieur Menin, Conseiller au Parlement de Metz. Paris, 1723. P. 314, 315.
- <sup>2</sup> *Светоний.* Жизнеописание двенадцати цезарей / пер. и примеч. Д. П. Кончаловского. М. ; Л., 1933. Калигула : 15; Клавдий : 11.
- <sup>3</sup> Charles VII, aux Montils-lès-Tours en Avril 1454 après Pâques. Lettres de Charles VII, pour la réformation de la justice // Ordonnances des rois de France de la troisième race / éd. D.-Fr. Secousse : in 22 vol. Vol. XIV. Paris. 1790; Contenant les ordonnances depuis la vingt-cinquième année du règne de Charles VII, jusqu'à sa mort en 1461 / éd. de Bréquigny L. G. de. Paris, 1790. P. 285.
- <sup>4</sup> Les établissements de Saint Louis : accompagnés des textes primitifs et des textes dérivés / éd. de P. Viollet : 4 vol. Paris, 1881. Vol. 1. P. 511, 518; Vol. 2. P. 46, 56, 57, 58, 423, 424, 456, 478, 495, 496, 514, 519, 533; Vol. 3. P. 17, 179, 96, 307, 308; Vol. 4. P. 276, 312, 313.
- <sup>5</sup> Louis XI, à Paris, Septembre 1463 (6). Lettres de garde pour Saint-Framboust de Senlis // Ordonnances des rois de France de la troisième race ... Vol. XVI. Contenant les ordonnances rendues depuis le mois de juin 1463 jusqu'au mois de juin 1467 / éd. E. Pastoret. Paris, 1814. P. 65.
- <sup>6</sup> *Humbert M.* La peine en droit romain dans le monde antique // La peine. Bruxelles, 1991. LX. P. 133–138.
- <sup>7</sup> *Legoux J.* Du droit de grâce en France comparé avec les législations étrangères, commenté par les lois, ordonnances, décrets, lettres patentes, déclarations, édits royaux, arrêts de parlements, de la Cour de cassation et de cours impériales, avis du conseil d'état, décisions et circulaires ministérielles, instructions de l'administration de l'exregistrement, etc. depuis 1349 jusqu'en 1865. Paris, 1863. P. 11.
- <sup>8</sup> *Светоний.* Указ. соч. Веспасиан : 16.
- <sup>9</sup> *Sege Th.* De abolition veteri et bodierna. Lipsiae, 1778. *Herrmannus A.* De Abolitionibus Criminum Ex Sententia Iuris Romani. Lipsiae, 1894. *Mercel J.* Ueber Begnadigungskompetenz im romischen Reichte. Lipsiae, 1881; etc.
- <sup>10</sup> *Люблинский П. И.* Право амнистии : Историко-догматическое и политическое исследование. СПб., 1907. С. 12.
- <sup>11</sup> *Mommsen Th.* Römisches Strafrecht. Leipzig, 1899. S. 458–459.
- <sup>12</sup> Ibid.
- <sup>13</sup> *Люблинский П. И.* Указ. соч. С. 13.
- <sup>14</sup> Основой термина являются глаголы *peno / reptum* – букв. «проникать», «ползти», т. е. в контексте получать что-либо нечестным путем. *Berger A.* Encyclopedic Dictionary of Roman Law. Vol. 43. Part 2. Philadelphia, 1953 (2 nd ed. 1991). P. 605, 720.
- <sup>15</sup> Термин восходит к синонимичному глаголу *reperere* – букв. «ползти», т. е. в контексте: аналогично вкрадываться в доверие. Ibid.
- <sup>16</sup> *Thomas Y.* Arracher la vérité, la Majesté et inquisition (I<sup>er</sup>–IV<sup>ème</sup> siècles) // Le juge et le jugements dans les traditions juridiques européennes / Sous la dir. de R. Jakob. Paris, 1996. P. 17.
- <sup>17</sup> См. подробнее: *Brys J.* De dispensation in jure canonico. Bruges, 1925.
- <sup>18</sup> *Люблинский П. И.* Указ. соч. С. 37.
- <sup>19</sup> *Bodin J.* Les six livres de la république. Paris, 1580. I:10.
- <sup>20</sup> *Texier P.* La rémission au XIV<sup>ème</sup> siècle : Genèse et développement, thèse droit. Limoges, 1991. *Brissaud Y-B.* Le droit de grâce à la fin du Moyen Âge (XIV<sup>ème</sup> siècle – XV<sup>ème</sup> siècle). Contribution à l'étude de la restauration de la souveraineté monarchique, thèse droit. Poitiers. 1971. *Gauvard C.* «De grâce especial». Crime, état et société en France à la fin du Moyen Âge: 2 vol. Paris, 1991.
- <sup>21</sup> *Gauvard C.* Grâce et exécution capitale : les deux visages de la justice royale française à la fin du Moyen Âge // Bibliothèque de l'École des Chartes (BEC). 1995. № 153(2). P. 277.
- <sup>22</sup> *Francois M.* Note sur les lettres de rémission transcrites dans les registres du Trésor des Chartes // BEC. 1942. № 103. P. 318, 319. *Texier P.* Rémission et évolutions institutionnelles // Le pardon... P. 342. *Francois M.* Note sur les lettres de rémission transcrites dans les registres du Trésor des Chartes // BEC. 1942. № 103. P. 318, 319.



- <sup>23</sup> *Francois M.* Les lettres de rémission du Trésor des Chartes // BEC. 1943. № 104. P. 450.
- <sup>24</sup> Ordonnance du lieutenant général, rendue en conséquence des demandes des États généraux. 3 mars 1356 // Recueil général des anciennes lois françaises... T. IV. Paris, 1824. P. 819.
- <sup>25</sup> Ordonnance en conséquence des États-généraux de Compiègne. Compiègne, 14 mai 1358 // Ibid. T. V. 1357–1380. Paris, 1824. P. 14–15.
- <sup>26</sup> Le grand coutumier de France / éd. E. Laboulaye, R. Dareste. Paris, 1868. P. 100–101.
- <sup>27</sup> Lettres par lesquelles le Roi donne pouvoir au Bouteillier de France, d'accorder des lettres de rémission et de pardon, même pour crime de lèse-majesté, sauf confirmation par le Roi. Melun. 29 août 1366 // Recueil general des anciennes lois francaises... T. V. P. 255–256.
- <sup>28</sup> Mandement portant que le chancelier de France à droit d'accorder en conscit toutes lettres de grâce et de rémission. Paris, 13 mars 1401 // Recueil general des anciennes lois francaises... T. VII. 1401–1415. Paris, 1825. P. 14–16.
- <sup>29</sup> Constitution portant que le parlements et autres juges, n'obteni péreons pas aux ordres verbeaux du Roi, sur l'élargissement des prisonniers en matière civile et criminelle. Paris, avril 1403 // Ibid. P. 17.
- <sup>30</sup> *Sermet E.* Le droit de grâce. Toulouse. 1901. P. 69.
- <sup>31</sup> Ordonnance faisant defenses aux grands officiers du Roi d'accorder des lettres de grâce. 13 mai 1359 // Recueil general des anciennes lois francaises... T. V. P. 54.
- <sup>32</sup> *Louis XI.* Lettres patentes. 1472 // Lettres de Louis XI, de roi de France / éd. J. Vaesen, É. Charavay : in 11 vol. Vol. 6. Paris, 1902. P. 158.
- <sup>33</sup> *Perrot E.* Les cas royaux. Origine et développement de la théorie aux XIII<sup>e</sup> et XIV<sup>e</sup> siècles. Paris, 1910; *Cheyette F.* La justice et le pouvoir royal à la fin du Moyen Âge français // Revue historique de droit français et étranger. 1962. № 40. P. 373–394.
- <sup>34</sup> Lettres de Charles VI par les quelles il défend d'obéir aux commandemens que les Chambellans, Haissiers, Sergens-d'armes ou Officiers, pourroient faire au nom du Roi, pour l'élargissement des prisonniers, si les dits Officiers, n'ont Lettres patentes à cet effet. Charles VI, à Paris, en Avril 1410 // Ordonnances des rois de France de la troisième race... Vol. XII. Contenant un supplément depuis l'an 1187, jusqu'à la fin du règne de Charles VI / éd. L.-G. de Villeval, L. G. de Bréquigny. Paris, 1777. P. 234.
- <sup>35</sup> Constitution portant que le parlements et autres juges... P. 16.
- <sup>36</sup> Lettres d'abolition стали частью судебной реформы Карла VII 1454 г. См.: Ordonnances ou Établissements pour la reformation de la justice. Montile-les-Tours, avrile 1453, avant Pâques // Recueil general des anciennes lois francaises... T. IX. P. 227–228.

УДК 94(437)12/13

## УЧАСТИЕ КУТНОГОРСКИХ ПАТРИЦИЕВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ В ЧЕХИИ В НАЧАЛЕ XIV ВЕКА

П. Н. Лапшов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского  
E-mail: pav9204@yandex.ru

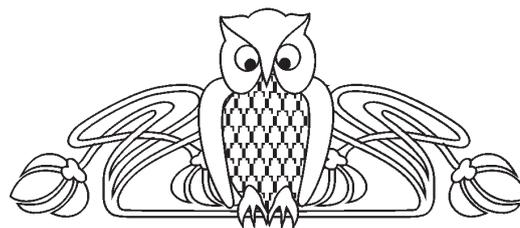
В статье анализируется участие кутногорского патрициата в споре вокруг престола Чешского королевства в начале XIV в. В качестве источника используется «Збраславская хроника» Петра Житавского. В статье определяются причины выступления кутногорских патрициев против чешского панства, рассматриваются противоречия внутри патрицианских группировок, связанные с выбором кандидатов на чешский престол.

**Ключевые слова:** горное дело, Збраславская хроника, Кутна Гора, серебро, Генрих Хорутанский.

### The Participation of Kutna Hora's Patricians in the Political Struggle in Bohemia at the Beginning of the XIV Century

P. N. Lapshov

The article analyzes the participation of Kutna Hora's patricians in the dispute over the throne of the Kingdom of Bohemia at the beginning of the XIV century. As a source, the «Zbraslavskaya Chronicle» of Peter Zhitavsky is used. The article analyzes the causes of Kutna Hora's patricians' speech against Bohemian nobility, considers the contra-



dictions within the patrician groupings connected with the selection of candidates for the Bohemian throne.

**Key words:** mining, Zbraslavskaya chronicle, Kutna Hora, silver, Henry Horutansky.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-181-183

Экономическое развитие Чехии в XIV в. характеризуется поступательной восходящей динамикой, устойчивым ростом ремесла и торговли, товарности сельского хозяйства и неразрывно связанным с этим увеличением объемов добычи полиметаллических руд и драгоценных металлов.

Чехия располагала богатейшими в Европе месторождениями серебра. Разработкой этих залежей первоначально занимались горняки-кустари, а с XIII в. добыча стала вестись главным образом силами горнодобывающих товариществ, в рамках которых горные предприниматели объединяли капитал и делили получаемую прибыль<sup>1</sup>. Особенно богатыми залежами серебра располагал город Кутна Гора.

Горное дело, которое являлось главным фактором успешного развития города, создало из



Кутной Горы привилегированный королевский город. Управление городом было сосредоточено в руках предпринимательского слоя – кверков<sup>2</sup>. Они опирались на высокие доходы от добычи и транзитной торговли нечekanнным серебром и извлекали выгоды из значительных экономических и правовых привилегий. Кутногорская патрицианская верхушка, представленная кверками преимущественно немецкого происхождения, становится на рубеже XIII–XIV вв. ведущей силой в разработке богатейших во всей Европе серебряных копей.

Кутногорские патриции (а также часть пражского патрициата) обладали монопольным правом добычи серебряной руды согласно данной им королевской привилегии. Добыча серебра имела огромный по меркам XIV в. объем – ежегодно недра богемских земель давали от 25 до 30 тыс. кг серебра, или 100 тыс. марок<sup>3</sup>. Опираясь на огромные денежные средства, кутногорский патрициат принимал активное участие в политической борьбе. Своим богатством кутногорские патриции соперничали с земскими панами, которым они нередко давали огромные деньги под проценты, а свой возрастающий капитал вкладывали в земельные владения, а именно в покупку усадеб, строительство и укрепление замков. Об этом прямо сообщает Збраславская хроника: «Кутногорец Бертольд по прозвищу Пирхнер, которого вознесло над уровнем бюргерского сословия множество денег, приобретенных из подземных рудников, построил себе между Кутной Горой и Седлецким монастырем с южной стороны в долине замок, который стали называть Перштейнец, и часто там задерживался, скорее из-за стремления возвыситься, чем из-за необходимости»<sup>4</sup>. Это не единичный пример: подобным образом замок в Малешове принадлежал знатному патрицианскому роду Рудгардов, замок в Суходоле принадлежал Томмину Вольфлину, а впоследствии минцмистру<sup>5</sup> Петру Пискову, замок в Нешкадрицах был во владении рихтержа Йиндржиха Плюмлины и т. д.<sup>6</sup>

В первом десятилетии XIV в. в Чехии разгорелась борьба за королевский престол. В 1306 г. со смертью Вацлава III пресеклась династия Пржемысловичей. После смерти первого из претендентов на чешский престол – Рудольфа, избранного чешской знатью сына герцога Альбрехта Австрийского, в 1306 г. наиболее предпочтительные шансы на корону имел другой сын Альбрехта Фридрих Красивый. Фридриха поддерживали немецкое население Праги, часть панов и патрициат других городов страны. Противники австрийской партии выдвинули кандидатуру Генриха Каринтийского (Хорутанского), который приходил к своему покойному Вацлаву III. Борьба за престол была ожесточенной и завершилась победой Генриха Каринтийского. Фридрих Красивый получил немалую сумму в 45 тыс. марок в качестве отступного и отказался от престола. Новоиспеченный король был связан обязательствами с поддержавшими его панами и начал раздачу пожалований. Так,

например, пан Йиндржих из Липе получил право пользоваться доходами с кутногорских рудников, которыми прежде распоряжались немецкие патриции и крепко держали доходы в своих руках. Расточительность нового короля стала притчей во языцех. По свидетельствам хрониста, герцог Хорутанский осмелился лишить Седлецкий монастырь тех доходов, которые принадлежали конвенту монастыря в Кутной Горе<sup>7</sup>.

Однако патрициат Кутной Горы не согласился с потерей своих богатств и активно включился в борьбу вокруг престола Чешского королевства. Об этих тяжких временах рассказывает один из самых осведомленных и ярких источников той поры – Збраславская хроника аббата Петра Житавского<sup>8</sup>. Если вполне очевидны причины данного выступления кутногорского патрициата, то следует разобраться и оценить роль патрициев-горняков в дальнейшей борьбе и их влиянии на исход борьбы за чешский трон. По словам автора хроники, в Кутной Горе существовал «многочисленный род Рудгардовичей, ведший свое происхождение от некоего горняка Рудгарда»<sup>9</sup>, а также другие знатные роды патрициев, которые «...считали себя не меньшими, чем паны». Отмечая баснословные богатства кутногорских патрициев (которые после прихода Генриха Хорутанского вынуждены были делиться доходами с добычи серебра с панами), автор хроники утверждает, что знатные бюргеры Кутной Горы «...стали себя вести наподобие жаб в реке и начали высказывать дерзкие мысли». Политическая активность кутногорского патрициата была обусловлена его экономическим могуществом, как видно из источника, далеко превосходившим обычную для городского сословия меру. Отдельные патрицианские группировки Кутной Горы были связаны как родством, так и капиталом с пражским патрициатом, что в дальнейшем привело к более широкому размаху споров. Главными участниками споров выступили представители семейства Рудгардов, которые являлись сторонниками Габсбургов, и Пирхнеров, которые поддерживали Генриха Хорутанского.

Особенно выразительно патрициат Кутной Горы проявил себя во время решительного столкновения с панством во время правления Генриха Хорутанского в 1309 г.

Как сообщает «Збраславская хроника», в апреле 1309 г. Перегрин Пуш, Микулаш, Конрад, Альбрехт, сын Рудгарда во главе вооруженной толпы вышли из Кутной Горы и в первом часу дня вошли в Седлецкий монастырь и схватили Йиндржиха из Липе, коморника Чешского королевства, Яна из Вартемберга и Яна из Клингенберга, а рихтарж Кутной Горы Ян был ими убит. Под руководством Рудгардов Йиндржих из Липе и оба Яна были заточены в Седлецкий монастырь. В этой первой попытке захвата власти кутногорским патрициатом лежала «новая сила денег, движимого капитала»<sup>10</sup>. Открытое выступление патрициата, о котором повествует хронист, представляло собой попытку бо-



гатеишего слоя горожан стать главным сословием в стране или, по крайней мере, уравняться в правах с чешскими панам. При этом они опирались на огромные доходы от серебряных рудников.

Однако в лагере заговорщиков вспыхнули противоречия: одни предлагали перебить всех панов, другие склонялись к компромиссному варианту развития событий: вернуть панам свободу в обмен на предоставление патрициям тех же прав, которыми пользовались феодалы. В ходе ожесточенной борьбы победила та группировка горожан, которая считала необходимым пойти на уступки феодалам.

Это позволило панам освободиться, что имело далеко идущие последствия: по словам хрониста, освобожденные «Йиндржих из Липе и Ян из Вартемберга стали ещё более сильными и знаменитыми, чем прежде». Паны, возмущённые попустительством Генриха Хорутанского, из-за бездействия которого они оказались в руках кутногорских патрициев, захватили власть в стране. Начался следующий этап борьбы за чешский престол. В конце концов, победу одержал Иоанн (по-чешски – Ян) Люксембургский, коронация которого состоялась в 1310 г. Последнему довелось стать основателем новой династии, а Генрих Хорутанский был вынужден спешно и навсегда покинуть Чехию.

Подводя итог, следует сказать, что данная попытка захватить власть в стране стала ярким выражением силы денежного капитала кутногорского патрициата, самоуверенного и дерзкого в своих претензиях. Кутногорский патрициат, благодаря богатству серебряных копей, сумел увековечить свое величие в постройке монументального собора Св. Варвары. Только кутногорские патриции могли позволить себе столь «масштабное строительство, превосходившее по размаху и значению пражское зодчество...»<sup>11</sup> Новая сила, сила денег, двигала богатейших горожан Кутной Горы в стремлении если не потеснить панов Чехии и стать самым влиятельным сословием в стране, то, по крайней мере, сравняться с панством в правах.

Таким образом, начало XIV в. стало вершиной попыток городского патрициата занять возможно более важное место в структуре политической власти и более высокую роль в Чешском королевстве, а их активное участие в политической борьбе оказало значительное влияние на исход ожесточённой

схватки за обладание наследством Пржемысловичей и утверждение в Чешском королевстве новой династии – Люксембургов.

## Примечания

- <sup>1</sup> См. подробнее о горном деле и технологии добычи: Бакс К. Богатства земных недр. М., 1986. С. 175–180.
- <sup>2</sup> Кверками называли членов горнодобывающих товариществ. Они составляли слой свободных горных предпринимателей, распоряжавшихся добытым серебром и плативших в королевскую казну урбуру – 1/7 часть добытого. Подробнее о кверках см.: Matejková E. Kutná Hora. Praha, 1962. S. 19–21.
- <sup>3</sup> Пичета В. История Чехии. М., 1947. С. 52.
- <sup>4</sup> Zbraslavská kronika / ed. Z. Fiala. Praha, 1976. S. 288.
- <sup>5</sup> Минцимистр – представитель королевской администрации, в функции которого входил контроль за добычей серебра и чеканкой монеты.
- <sup>6</sup> Этот список можно продолжить: замок Горжаны держал Ян Альдер, крепость в Рапштайне была собственностью Иржи Ротлева, Пржитоки и Умонин принадлежали кутногорским бюргерам.
- <sup>7</sup> См. подробнее: Zbraslavská kronika / ed. Z. Fiala. Praha, 1976. S. 284. По сведениям хрониста Збраславской хроники Генрих Хорутанский захватил принадлежащую монастырю урбуру, а также просьбами и угрозами требовал от аббата монастыря денежных займов, которые герцог Хорутанский по-видимому не собирался возвращать. В данной части хроники автор в стихах рассказывает о вышеупомянутом эпизоде: «Много дано гривен, мало долгов возвращено, Лист писанный дан, и ничего не подтверждено».
- <sup>8</sup> Zbraslavská kronika / ed. Z. Fiala. Praha, 1976.
- <sup>9</sup> Ibid. S. 201.
- <sup>10</sup> Matejková E. Kutná Hora. Praha, 1962. S. 22.
- <sup>11</sup> Пон. И. Искусство Чехии и Моравии. М., 1978. С. 215. Наиболее удачными в данном вопросе стали слова В. Бирнбаума, которого цитирует И. И. Поп в своей работе: «Кутна Гора как будто решила все свое рудное богатство обратить в художественные ценности. Она сделала это таким широким жестом, что не только сравнилась с Прагой, но и превзошла ее». Таким образом, не сумев утвердиться на политическом поприще, кутногорский патрициат решил «отыгаться», вложив звонкий серебряный грош в монументальное строительство готического собора, который и по сей день радует глаз и чехов, и зарубежных туристов.



УДК 261.6

## РАЗВИТИЕ СВЕТСКОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ ВО ФРАНЦИИ (1802–1832 гг.)

А. Г. Шестакова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского  
E-mail: ashestakova@mail.ru

В статье исследуются знаковые светские произведения, посвященные католицизму, изданные во Франции в первой четверти XIX столетия. В центре внимания автора – феноменология повседневности, отражающая преодоление постреволюционного мировоззренческого коллапса.

**Ключевые слова:** де Шатобриан, де Местр, де Бональд, де Ламенне, католическая идеология, либерализм.

### The Development of the Secular Catholic Ideology in France (1802–1832)

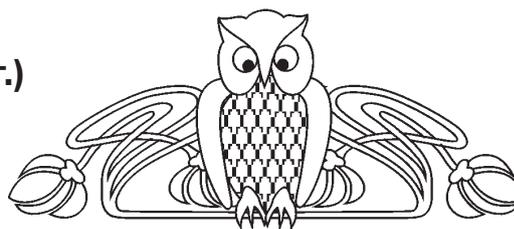
A. G. Shestakova

The article examines the iconic secular works, devoted to Catholicism, published in France in the first quarter of the nineteenth century. In the spotlight there is the phenomenology of everyday life, reflecting the post-revolutionary overcoming of the ideological collapse.

**Key words:** de Chateaubriand, de Maistre, de Lamennais, de Bonald, Catholic ideology, liberalism.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-184-188

Светские произведения на религиозную тему – ценный источник, по-своему незаменимый в процессе изучения и осмысления глобальных мировоззренческих коллизий. Однако следует видеть полезность и важность такой литературы не только в смысловой стилистике или в подборке комментируемых фактов. По примеру «школы «Анналов» современные специалисты всё чаще сосредотачивают внимание на содержащихся в них деталях – «обрывках мыслей» и «осколках чувств» – которые надолго и без конъюнктурных изъятий сохраняются именно в таких письменных памятниках минувшего времени. Несмотря на субъективный характер, их достоверность гарантирована, прежде всего, тем, что сами авторы зачастую также не подозревали о потаенных смыслах проделанной работы. С точки зрения философии всё – отражение хабиутализации пространства и времени: для автора его эпоха – это его дом, часть его личной биографии, его интимных переживаний<sup>1</sup>. Как следствие, личный опыт писателя как бы расщепляется: «привычное» мышление, базис повседневной безопасности не позволяют ему «подняться на вершину горы», оторваться от контекста происходящего. Столь сложное переплетение «субъективного» и «объективного» в интеллектуальном творчестве, без сомнения, решающим образом влияет на предлагаемую интерпретацию



событий. «В повседневной жизни, – справедливо отмечал Альфред Шюц, – человек лишь частично и избирательно заинтересован в ясности своего знания, то есть в полном понимании связей между элементами своего мира и тех общих принципов, которые этими связями управляют»<sup>2</sup>. Таким образом, светские произведения начальных десятилетий XIX в., посвященные судьбам католицизма, могут быть представлены в качестве обязательного для анализа нарративного ресурса, отображающего подлинные масштабы влияния и авторитета Римской католической церкви (далее – РКЦ).

XIX столетие – время расцвета гуманитарного знания в Европе. В этом бурном творческом процессе по-прежнему лидировала «старушка» философия, переживавшая очередной подъём в связи с рождением ницшеанства, марксизма, позитивизма и утилитаризма. Однако наряду с этим следует отметить появление и новых дисциплин гуманитарно-мировоззренческого цикла, например социологии. Очередные подвижки в сторону доминирования научной прагматики в сфере миропознания до основания потрясли традиционные духовно-нравственные и конфессиональные основы европейского мира. Поскольку Римско-католическая церковь по-прежнему претендовала на роль доминирующей системы убеждений, она также оставалась активным действующим лицом – «положение обязывает» – явно активизировавшегося процесса трансформации социального мировоззрения. Всё это помогло Риму и его светским сторонникам не только сохранить, но и упрочить собственные идейные позиции.

Наиболее активно и убедительно защитники критикуемой церкви заявили о себе во Франции, которая к тому времени прочно воспринималась как законодательница мод в политике и в общественной жизни. Видный политический деятель революционной эпохи, генерал Шарль Франсуа Дюмурье (1739–1823), справедливо отмечал: «Франция, несмотря на многочисленные свои ошибки, – всегда очаг света Европы»<sup>3</sup>. Показателен тот факт, что наиболее яркие произведения, посвященные в это бурное время РКЦ, были написаны именно литераторами-французами. Вне всяких сомнений, появившиеся тогда светские религиозные сочинения, ясно обозначившие подъем христианской идеологии, нуждаются во внимательном прочтении и специальном анализе. На наш взгляд, он мог бы существенно дополнить историю като-



лицизма и РКЦ, тем более что Ватикан оперативно и официально отреагировал на их публикацию.

В самом начале XIX в. в богословском мире царил настоящий шок. В 1805 году папа Пий VII писал нунцию в Вене: «К сожалению, церковь находится в такой большой беде, в таком глубоком унижении, что она не в состоянии использовать свои самые священные максимы... против восставших врагов веры»<sup>4</sup>. Такая констатация отражала невозможность осуществления привычной миссии Католической церкви, связанной с организацией влияния на социально-политическую и духовную жизнь Европы; миссии, которая на протяжении веков воспринималась ею как нечто само собой разумеющееся. При этом иерархам Церкви было трудно осознать и принять те масштабные перемены, которые произошли за считанные годы. По этой причине совершенно не удивителен тот факт, что глашатаем возрождения католического богословия ультрамонтанского толка стал не богослов, как можно было бы ожидать, а светский философ и писатель – Франсуа Рене, виконт де Шатобриан (1768–1848). Таким образом, апологетом католичества стал уроженец той страны, которая несколькими годами ранее нанесла Церкви наиболее сокрушительные удары. Однако, как писал позже английский кардинал Мэннинг (1808–1892), «французы всегда были католиками по духу», а «традиции католической веры пронизывали все население»<sup>5</sup>. Впоследствии к объяснению из разряда «коллективного бессознательного» был добавлен и ситуативный аргумент. Так, «Энциклопедия Британника» вполне справедливо связала описываемый «парадокс» со стремлением вернуться к закону и порядку после периода хаоса. Авторитетное издание констатирует: «ни в какой другой стране враждебное отношение к религии не достигало таких высот и не принимало столь гротескные формы; и, следовательно, никакая другая страна столь явственно не чувствовала свою тоску по религии, так как ее горький опыт продемонстрировал необходимость возвращения к закону и порядку»<sup>6</sup>.

Разумеется, потребность в религии была вызвана к жизни не только усталостью французов от революционных бурь, но и объективной необходимостью строительства нового государства, которое бы учитывало интересы всех социальных групп. В силу своей внутренней цельности и стройности, долгой истории, а также «вкрапления» в национальную культуру и мышление, католицизм стал, по сути дела, единственной точкой соприкосновения между противоборствующими силами в обществе.

Под воздействием всех этих факторов «Гений христианства» Шатобриана, вышедший в 1802 году, сразу же приобрел небывалую популярность: в течение только первого года издателям пришлось дважды допечатывать тираж, но и этого оказалось мало – по всей Европе стали появляться контрабандные тиражи популярной книги, и так продолжалось на протяжении после-

дующих двадцати лет. Современники называли это сочинение «блистательным». Заметим, что и до сего времени «Гений христианства» является одной из самых знаменитых апологий христианства. Сам Шатобриан объяснял, что создать эту поэму в прозе его подвигло стремление доказать, какой «всеобъемлющей, благородной, простой, божественной и драматичной»<sup>7</sup> может быть религия, многократно осмеянная до этого. Философ обосновывал преимущество христианства перед языческими религиями Древнего мира тем, что они «не имели никакого отношения собственно к человеку, и представляли собой, самое большее, темы для размышлений философов или для песен поэтов. Наши [христианские] таинства, напротив, адресованы именно нам; они содержат в себе тайны нашей природы. И речь здесь идет не о тривиальной комбинации чисел, но о спасении и счастье рода человеческого»<sup>8</sup>.

Среди главных достоинств христианства Шатобриан называет человечность, а также разработанные правила чести и морали. Размышления философа приводят его к выводу, что вследствие своих очевидных преимуществ, христианство не может быть создано людьми, следовательно, оно – от Бога и воздействует посредством благодати. Следовательно, подвергать сомнению обоснованность его существования есть тяжкий грех, вызванный человеческой глупостью, замешанной на самом обычном тщеславии.

Поразительно, но, желая обосновать истинность христианства как единственной боговдохновенной религии Р. де Шатобриан на деле и в огромной степени способствовал секуляризации христианства. Неслучайно «Гений христианства» специалисты называют произведением, в котором христианство приобрело статус некоего отвлеченного мифа, мифа без догм, открытого для интерпретаций. Например, литературоведы обращают внимание на то, что автор в своих рассуждениях отталкивался не «от божественного», т. е. не от догматических постулатов, как было ранее до него, а «от человеческого», пытаясь оперировать «земными» аргументами<sup>9</sup>. Фактически, речь идет об изобретении Шатобрианом новой методологии исследования религии. Это означало, что в философском осмыслении христианства произошел грандиозный переворот, по своим масштабам и последствиям сравнимый с Французской революцией.

В то время как современники и сам Шатобриан считал «Гений христианства» восхвалением религии, в истории XX столетия родилась другая точка зрения. Ее суть: согласно генезису философии религии, сочинение французского мыслителя – не более чем предтеча культового труда британца Джеймса Джорджа Фрэзера «Золотая ветвь» (1890), в котором был впервые артикулирован тезис, ставший непреложной истиной на Западе: любая религия – не более чем культурный феномен. Таким образом, в условиях существования общества



модерна, как никогда важным стало не только то, *что* говорится, но и то, *как* это говорится, а также умение читать между строк – для читателей, и предполагать такое умение – для писателей, поскольку сам Шатобриан, думается, меньше всего рассчитывал на подобный эффект восприятия.

Через 17 лет после публикации «Гения христианства» другой француз, Жозеф Мари де Местр (1753–1821), издал не менее знаменитое произведение ультрамонтанского толка – трактат «О папе» (1819)<sup>10</sup>. Это было первое популярное светское произведение, в котором затрагивалась идея о непогрешимости папы римского, обсуждаемая до этого только в кулуарах Ватикана и в кругу католических богословов. Более того – эта идея последовательно защищалась. Зерна, брошенные де Местром, дали бурные всходы через пятьдесят лет, когда непогрешимость папы римского *ex cathedra* стала догматом. Важно отметить: Ж. М. де Местр раскритиковал галликанизм, назвав действия его последователей «странным спектаклем докторов галликанства, попытавшихся возвеличить свою нацию и через это пришедших к унижению, опровергнутых протестантскими теологами»<sup>11</sup>.

В другом антигалликанском произведении, изданном двумя годами позже, де Местр сетует, что эта церковь забыла свое истинное место. По мысли писателя, она является вовсе не национальной церковью, а «провинцией католической империи»<sup>12</sup>. Такая оценка галликанизма, высказанная французом, верующим католиком и влиятельным общественным деятелем, является беспрецедентной, тем более в контексте предыдущего развития взаимоотношений между Францией и Ватиканом, так как галликанизм всегда был не только богословским течением, но находил чрезвычайно сочувственный отклик во всем французском обществе и в особенности у образованной, прогрессивной его части. Галликанизм расценивался во Франции практически как синоним патриотизма. Столь внезапная смена настроений элиты свидетельствует о том, что галликанизм явно утратил свои прежние, харизматические флюиды. Неслучайно римский куриальный кардинал Пакка (1756–1844) констатировал в своих мемуарах (1835), что французский клир наконец-то, спустя века, вернулся под сень Святого престола. По его словам, такой поворот случился «благодаря» революции: «многие представители самых прославленных семей Парижа и Франции, до революции известные населению как неверующие философы, чей образ мышления казался совершенно нерелигиозным, пораженные страшным уроком этих событий, проявили добрую волю к возврату в религию, и не только жили, как добрые христиане, но все их усилия были в пользу религии и церкви»<sup>13</sup>.

Критикуя галликанизм, де Местр обличал также практику проведения церковных соборов, столь популярных в современной ему Франции. По его мнению, на заре христианства периодический созыв соборов был обоснован по причине малого

количества верующих и церковных общин. Исходя из этого, он констатировал, что в новое время такие соборы «превратились в химеру», созывать их чрезвычайно сложно и в этом нет необходимости. «Церковные соборы, – писал автор, – не решают ничего категорично ... они создают столь большие неудобства, что не могут являться орудием Провидения»<sup>14</sup>.

В контексте анализа трактата Ж. М. де Местр следует особо отметить, что автор обосновывал необходимость и законность светской власти римского первосвященника тем, что власть папы римского, как любая власть, не должна оспариваться, в противном случае это чревато социальными и политическими катастрофами, которые не выгодны ни одному из участников общественного процесса. Основываясь на этом, де Местр считал необходимым признать непогрешимость папы римского, причем не только как первосвященника и духовного лидера, а в первую очередь, как светского владыки. «Когда мы говорим, – утверждал автор трактата, – что Церковь является непогрешимой, мы, важно отметить, не имеем в виду какие-либо особые привилегии; мы говорим только, что она имеет право пользоваться общим правом всех возможных суверенитетов, которые обязательно выступают в качестве непогрешимых; потому что любое правительство является абсолютным; если же ему можно противостоять под предлогом ошибки или несправедливости, такое правительство более не может существовать»<sup>15</sup>. Иными словами, Ж. М. де Местр толкует «непогрешимость» не в теологическом, богословском смысле, как некое качество, дарованное Господом через посредство Святого Духа, а в «земном», утилитарном и юридическом. Сама идея обоснования религии не духовными потребностями, а общественной пользой не являлась новаторством Ж. М. де Местра. Его современник, популярный философ и политический деятель виконт Луи Габриэль Амбруаз де Бональд (1754–1840), также констатировал: «До сих пор религия рассматривалась как [духовная] потребность человека; время взглянуть на нее, как на общественную пользу»<sup>16</sup>. Подобная методология в сфере религиоведения вскоре получила широкое признание и надолго стала определяющей в литературе, науке и общественной мысли Европы.

Одним из немногих современников, кому изначально удалось ухватить глубинную суть сочинений Шатобриана и де Местра, является ещё один француз – Фелисите де Ламенне (1782–1854). Важно подчеркнуть, что из-за светского духа своих сочинений он был лишен сана аббата и даже отлучен от церкви.

Судьба Ламенне привлекает внимание своей неординарностью: вплоть до пятидесяти лет он оставался бескомпромиссным ультрароялистом и ультрамонтаном, т. е. являлся «большим папистом, чем сам папа». В одном из своих произведений он с восхищением писал, характеризуя заключение конкордата Наполеона Бонапарта и папы Пия VII



(1801), «...преемник св. Петра был единственным судьей в том, чего требовала польза церкви. Как верховный глава папской и источник юрисдикции, он открыл новые каналы для того, чтобы оплодотворить древнюю церковь Галлии, основанную его предшественниками. Никогда еще наместники Иисуса Христа не проявляли своей власти с таким блеском, никогда еще они не выказывали столь великого и блестящего авторитета»<sup>17</sup>. В эпоху Реставрации папа Лев XII (1760–1829) намеревался даже включить Ламенне в состав коллегии кардиналов, а французское государство, напротив, подвергло его судебному преследованию за антиправительственные и ультраклерикальные взгляды.

В 1817–1823 гг. Ламенне издал «Эссе о безразличии в отношении религии» (в 4 частях), которое вызвало широкий общественный резонанс. Автор утверждал: бедой современного общества является индифферентизм, т. е. безразличие к религии. Он полагал, что новейшие литературные произведения также проникнуты духом безверия. По мнению Ламенне, именно индифферентизм, захвативший не только общество, но и клир, стал причиной разложения умов и социально-политического хаоса. Впрочем, говоря об этом, Ламенне опровергает самого себя, доказывая истинность католической веры и христианства с помощью обычных, «земных» аргументов. Например, тем, что истинная церковь является универсальной и, следовательно, поскольку ни одна другая церковная организация универсальностью «похвалиться» не может, только Католическая церковь является истинной. Другие, не менее убедительные аргументы для автора – это длительность существования и славная история РКЦ, а так же, как и у Ж. М. де Местра, – общественная польза религии<sup>18</sup>.

В 1830 году Ламенне основывает журнал «L'Avenir» («Будущее»), на страницах которого выступает за свободу совести, печати и союзов, отделение церкви от государства, а также за отказ церкви от государственного содержания. Столь резкая перемена во «вчерашнем ультрамонтане» была воспринята в Ватикане практически как личное оскорбление. 15 августа 1832 года папа Григорий XVI выпустил энциклику «Mirari vos» («Вы удивляетесь»). В этом послании он осудил саму доктрину либерализма: «Сие – триумф безудержной злобы, бесстыдной учености и безграничной распущенности. Святыя вещи презренны, и величие Божественного культа, столь же могущественное, как и необходимое, подвержено хуле, профанации и насмешкам порочных людей. Отсюда извращение здравого учения и дерзновенное распространение заблуждений всякого рода»<sup>19</sup>. В своей энциклике, надеясь на раскаяние аббата, папа не называет имени Ламенне, хотя сам мятежный священник и либерал по духу даже получил персональный экземпляр послания с приложенным к нему сопроводительным письмом. Однако примирения не состоялось. Более того, в 1834 г. в «Индекс запрещенных книг» Ватиканом

была включена брошюра «Слово верующего» того же автора.

В целом папская энциклика «Mirari vos» явилась знаковой для первой половины XIX века. В ней Католическая церковь отразила свое видение реальности и определенно высказалась по всем насущным на тот момент вопросам. Этот документ на несколько десятилетий определил политику церкви по отношению к идеям модерна. Григорий XVI предавал анафеме всех, кто выступал за свободу слова и печати. Он утверждал: «Опыт с глубокой древности показывает, что государства, блиставшие своими богатством, могуществом, славой, погибли через одно сие зло, чрезмерную свободу мнений, распущенность речей и любовь к новшествам»<sup>20</sup>. Негативно высказался папа и об отделении церкви от государства. По его мнению, этого желают лишь враги общественного порядка, так как сращение религии и государственной власти помогает обрести стране благополучие. Одной из основных мыслей энциклики «Mirari vos» является напоминание о приоритете церковной власти, под которой подразумевалась власть римского первосвященника, над светской. Таким образом, антилиберальная энциклика стала важной вехой в развитии отношений между РКЦ и общественностью европейских стран на протяжении нескольких десятилетий XIX столетия.

В конце жизненного пути Ламенне становится защитником радикально-социалистических идей. При этом он опровергает иерархичность церкви, являющуюся существенной чертой римско-католического христианства, и защищает свободу совести, против которой так горячо выступал в молодые годы будучи священнослужителем. Небезынтересно, что сам Ламенне никогда не считал себя «перебежчиком», и к либерализму как философской концепции относился резко отрицательно, считая христианство основой основ и истиной. По его утверждению, «крутой разворот» объяснялся тем, что вследствие приобретенного жизненного опыта он сам лишь несколько «уточнил» курс, не меняя при этом направления. Одним из таких «уточнений» у Ламенне являлась трансформация прежнего отношения к светской власти пап. В 1841 году он писал о своей поездке в Ватикан: «...одно обстоятельство меня поразило в Риме. Когда дело идет об общих принципах христианства, о богословских или философских мнениях, здесь обдумывают всё, рассуждают обо всем с полным спокойствием, с беспристрастной холодностью, которая несколько походит на индифферентизм. Но раз дело идет о правах папы, об его авторитете, особенно о светских интересах понтификата, эти люди, столь бесстрашные, внезапно оживляются: их лица покрываются краской, их речи воспламеняются страстью – словом, это совсем другие люди»<sup>21</sup>. Впоследствии в письме к другу и единомышленнику Монталамберу (с которым позже они все же разошлись во взглядах на католицизм) Ламенне назвал современную ему церковь «политической системой под маской религии»<sup>22</sup>. В конце



концов, Ламенне был сурово наказан за свои взгляды отлучением, что, однако, не помешало ему создать нечто вроде философского кружка, имевшего определенный авторитет в обществе, и до последнего вздоха считать себя истинно верующим. И вновь нельзя не отметить парадокса: идеи, за которые Ламенне отлучили от церкви, спустя полвека будут использовать сама Католическая церковь<sup>23</sup>, так как именно «мятежный» аббат, сам того не подозревая, предстал основоположником католического социализма – идейно-философского учения, взятого на вооружение Ватиканом в конце XIX столетия.

Итак, появившиеся в первые десятилетия XIX столетия светские религиозные трактаты (Шатобриан, де Местр, де Бональд, Ламенне) сыграли важнейшую и даже определяющую роль в последующей судьбе РКЦ. Наполненные по содержанию преклонением перед христианством и Католической церковью, а также призванные, как полагали их авторы, способствовать восхищению католицизмом, в реалии, данные сочинения пробудили настроения секуляризма. Уж слишком далёкой оказалась подлинная суть этих произведений от ортодоксальных церковных догм и так называемого «церковного духа».

#### Примечания

- 1 Шюц А. Возвращающийся домой // Избранное : мир, святящийся смыслом. М., 2004. С. 550.
- 2 Шюц А. Чужак // Избранное : мир, святящийся смыслом. М., 2004. С. 536.
- 3 Memoires et correspondance inedites du general Dumouriez : in 2 т. Т. 1. Paris : Eugene Renduel, 1834. P. 239.
- 4 Cit by: Müller. Die Entwicklung des Ultramontanismus und seine Stellung in Deutschland. Kiel : Universitäts Buchhandlung, 1902. S. 48.
- 5 Archbishop Manning. Inaugural Address, Session 1866–7 // Essays Religion And Literature by Various Writers / ed. by Archbishop Manning. London : Longmans, Green And Co, 1867. P. 8.
- 6 Ultramontanism // Encyclopedia Britannica. (11th ed.) 1911 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thefullwiki.org> (дата обращения: 14.11.2015).
- 7 De Chateaubriand. Genie du christianisme. Tome troisieme. Paris : Imprimerie de Beaule et Jubin, 1837. P. 261.
- 8 De Chateaubriand. Genie du christianisme. Tome premier. Paris : Imprimerie de Beaule et Jubin, 1837. P. 15.
- 9 Симонова Л. А. «Гений христианства» Ф. Р. де Шатобриана – первый манифест французского романтизма // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. 2012. № 3. С. 108.
- 10 Ультрамонтанизм – идеологическое течение в католицизме, выступающее за примат Папы перед Соборами и обосновывающее непреложность верховной светской власти римского первосвященника. Часто употребляется также для характеристики литературных произведений ярко выраженного клерикального характера.
- 11 Maistre J. de. Du Pape. Tome premier. Lyon : Chez Rusand, Libraire, Imprimeur Du Roi; Paris : Chez Beaucé-Busand, Libraires, 1819. P. 9.
- 12 Maistre, J. de. De L'église Gallicane dans son rapport avec le Souverain Pontife // Oeuvres. Tournai de J. Casterman et Fils, Libraires-Éditeurs. P. 84.
- 13 Cardinal Pacca. Mémoires. Tome premier. Paris : Ladvocat, Libraire, 1835. P. 329.
- 14 Maistre J. de. Du Pape... P. 16.
- 15 Ibid. P. 2.
- 16 Bonald, M. de. Theorie du pouvoir politique et religieux dans la societe civile, demontree par le raisonnement et par l'histoire // Oeuvres completes de M. de Bonald. Tome premier. Paris : S'imprime et se vend chez J.-P. Migne editeur, 1859. P. 294.
- 17 Цит. по: Арсеньев И. Ультрамонтанское движение в XIX столетии, до Ватиканского собора (1869–70) включительно. Харьков : Типография Губернского Правления, 1895. С. 54.
- 18 Lamennais, F. de. Essai sur l'indifférence en matière de religion. Tome premier. Paris : Carnier Frères, Libuaiues-Éditeurs. P. 157–158.
- 19 Папа Григорий XVI. Окружное послание «Mirari vos» // Официальный ресурс Священнического Братства Святого Пия X [Электронный ресурс]. URL: <http://fsspx.of.by.ru> (дата обращения: 14.11.2015).
- 20 Папа Григорий XVI. Окружное послание «Mirari vos».
- 21 Цит. по: Котляревский С. А. Ламенне и новейший католицизм. М. : Товарищество скоропечатника А. А. Левенсона, 1904. С. 299.
- 22 Котляревский С. А. Ламенне и новейший католицизм... С. 322.
- 23 Archambault J. – P. La question sociale et nos devoirs de catholiques. Montreal : École Sociale Populaire, 1917. P. 15.

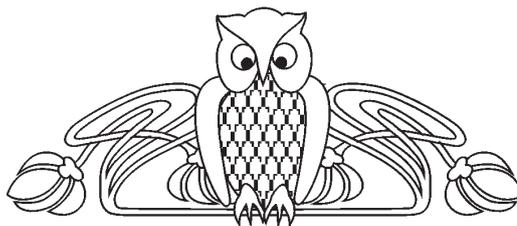


УДК 008(410)(09)18|

## ПРЕРАФАЭЛИТЫ О СВЯЗИ ИСКУССТВА И НАУКИ

А. К. Костина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского  
E-mail: sandrine.kostina@gmail.com



Братство прерафаэлитов было основано в 1848 г., когда промышленный переворот подходил к своему завершению. Используя публикации участников братства прерафаэлитов и их круга, автор показывает отношение художников к развивающимся наукам и акцентирует внимание на том, как связь между искусством и науками воплощалась в живописных произведениях прерафаэлитов.

**Ключевые слова:** Англия, XIX век, Викторианская эра, искусство, науки, Братство Прерафаэлитов, журнал «Росток».

### The Pre-raphaelites on the Connection between Art and Science

А. К. Kostina

The Pre-raphaelite brotherhood was founded in 1848, when the industrial revolution was coming to its end. Using the publications of the pre-raphaelite brothers and their circle, the author shows the painters' attitude to the developing science and focuses the attention on how the connection between arts and sciences was embodied in pre-raphaelite paintings.

**Key words:** England, XIX century, Victorian era, art, sciences, Pre-raphaelite Brotherhood, «Germ» magazine.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-189-191

К середине XIX в. в Англии завершился промышленный переворот: менялся образ жизни, восприятие духовных ценностей и сами ценности. Менялись отношения человека и природы, все больше людей обитали в пределах «рукотворного», созданного человеком городского пространства. Показательно, что уже в 1851 г. большинство населения Великобритании проживало в городах<sup>1</sup>.

Многие мыслители и общественные деятели, прославляя индустриализацию, видели в ней доказательство национального прогресса. Характерной и примечательной фигурой среди них должен быть признан супруг королевы Виктории, принц-консорт, Альберт Саксен-Кобург Готский, поощрявший науки и искусства и выступивший покровителем первой всемирной выставки – Великой выставки промышленных работ всех народов. Выставка действительно продемонстрировала современные достижения: от необычной конструкции здания, в котором были размещены экспонаты, так называемого Хрустального дворца, невиданной прежде огромной конструкции из железа и стекла, до экспонатов: швейных машинок, электрического телеграфа, жатки Маккормика и револьвера Кольта<sup>2</sup>.

Тем не менее индустриальная революция и урбанизация общественной жизни имели и драматические последствия, из которых бросались в глаза растущая бедность огромной части населения, скученность проживания людей в городах, утрата веры в ценностные ориентиры, в частности очевидный кризис веры. Художественный критик Джон Рескин (1819–1900) к концу века писал о «грозовой туче XIX столетия»<sup>3</sup> и «густом производственном тумане»<sup>4</sup>, которые в буквальном и переносном смысле бросили тень на всю Англию и души английского общества. Рескин считал, что уничтожение природы и социальные проблемы новых городов – слишком большая цена для экономического процветания.

На фоне всестороннего обновления наблюдался застой в искусстве. В свое время президент академии сэра Дж. Рейнолдс провозгласил целью нового учебного заведения развитие художественного вкуса общества и формирование коллекции самобытного английского искусства<sup>5</sup>. За основу Рейнолдс взял «классическую гармоничную красоту» позднего итальянского Возрождения. Художники следовали этим предписаниям настолько ревностно, что в итоге каждая картина превратилась в следование канонам, и именно умение следовать этим канонам считалось признаком мастерства художника.

Молодое поколение художников, выросшее в условиях меняющегося общества, где все обновлялось, отказывалось работать в старых традициях. «Почему части композиции всегда должны быть вписаны в пирамиды? Почему больше всего света падает на главную фигуру? Почему один из углов картины всегда в тени? По какой причине небеса на картине, действие которой происходит днем, черны словно ночью?»<sup>6</sup> – спрашивал вольный слушатель академии У. Х. Хант в 1849 г.

Уильям Холман Хант (1827–1910) вместе с другими студентами королевской академии, среди которых были Джон Эверетт Миллес (1829–1896) и Данте Габриэль Россетти (1828–1882), в 1848 г. основал братство прерафаэлитов, поставившее целью возродить английское искусство.

В предисловии к изданию «Журнала Братства Прерафаэлитов» – заметок о деятельности братства – Уильям Майкл Россетти обошел стороной тему появления названия группы – «прерафаэлиты», однако заметил, что в таком наименовании со-



единились и непокорность, и беззлобная усмешка, и широкое поле для догадок и кривотолков.

Прерафаэлиты не выработали ни манифеста, ни деклараций, в которых были бы выражены их идеи. Позднее Уильям Майкл Россетти свел их к четырем пунктам:

- 1) иметь оригинальные идеи;
- 2) изучать природу, чтобы уметь ее выразить;
- 3) любить в искусстве прошлого все серьезное, прямое и искреннее и, наоборот, отбрасывать все банальное, самодовольное и рутинное;

4) самое главное – создавать абсолютно прекрасные картины и скульптуры<sup>7</sup>.

В основу идей прерафаэлитов легли идеи, сформулированные в сочинении Дж. Рескина «Современные художники». В заключении этой книги автор оставил наставление, обращенное ко всем читателям, но преимущественно к художникам: «нет смысла подражать исполнению мастеров... их долгом было не выбирать, не компоновать, не экспериментировать, но быть скромными и серьезными и, следуя персту Господа, ... следовать природе со всей искренностью сердца, ... не имея иных мыслей, кроме того, как постичь ее значение, ... ничего не отвергая, ничего не выбирая и ничего не презирая и всегда наслаждаясь природой»<sup>8</sup>.

Вдохновленные этим пассажем, Хант, а затем Миллес, отказались от техники старых мастеров и обратились к стилю, основанному на близком изучении природы. Хотя прерафаэлиты встретились с критиком лично только спустя несколько лет, рескинианский натурализм художники и их круг начали практиковать с первых дней существования, с точностью исследователя воспроизводя пейзаж или растения на своих картинах – прерафаэлиты отказались писать фон по наброскам или изображать абстрактный пейзаж.

Прерафаэлиты часто обращались к ботанике, вводя в изображение цветы и растения, объединяя их символическое значение с максимальной реалистичностью. Так, Джон Рескин отозвался о картине «Монастырские мысли» Чарльза Коллинза: «Я никогда не видел [растение *Alisma plantago*] столь совершенно или столь хорошо написанного»<sup>9</sup>, а критики из «Художественного журнала» насчитали не менее 20 видов растений на полотне «Ариэль завлекает Фердинанда»<sup>10</sup>.

Негласными манифестами братства стали эссе Уильяма Майкла Россетти «Прерафаэлитизм», появившееся в журнале «Spectator» в 1851 г., и эссе в журнале «Росток», в которых художники, скульпторы, писатели рассуждали о путях обновления искусства и целях, которые должен преследовать современный художник.

Дж. Рескин в «Современных художниках» настаивал, что искусство должно «служить справедливости и правде», в то время как современные полотна, скорее, продолжали традицию «мебели для стен». Позднее он отметил в эдинбургских лекциях 1853 г.: «все древнее искусство было религиозным, а все современное искусство – мирское ... Для

всего современного искусства ... личная роскошь и удовольствие есть первая цель, религия – вторая»<sup>11</sup>. Братство прерафаэлитов и их круг также считали необходимым привнести в живопись критический взгляд на современность, показать людям, как они живут и как могли бы жить.

Джон Рескин принадлежал к преарвинистскому поколению, когда господствовало мнение о том, что можно объединить Библию и науку: «Ботаника – духовная наука»<sup>12</sup>, заметил однажды критик. Рескиным были написаны руководства по рисунку, в которых было указано, что прежде чем изображать предмет, например, дерево или камень, нужно узнать его структуру. При этом он видел в пейзаже, в природе, прежде всего, творение Господне, а «следовать природе со всей искренностью сердца»<sup>13</sup> – призыв, который переняли из его сочинений прерафаэлиты – было для критика столь же значимо, сколько следовать персту Бога.

Стивенс в своей статье развил эту мысль критика: «современный художник не удаляется в монастырь и не придерживается дисциплины, но он может показать свое участие в том же высшем чувстве посредством преданности истине в каждом аспекте изображения... давая себе возможность воспроизвести, насколько это возможно, саму природу, художник будет наилучшим образом проявлять свою долю веры»<sup>14</sup>.

При этом возвращение прерафаэлитов к «искренности», следованию природе, присущей, как им казалось, мастерам треченто и кватроченто, не являлось возрождением старой традиции в полном смысле слова: молодые художники готовы были воспринять некоторые достижения современной им науки. Они стали использовать новые пигменты (лимонный, розовый, сиреневый), которые были призваны придать полотнам большую реалистичность и отразить оптические эффекты. Так, Хант писал свою картину «Светоч мира» при лунном свете, изменив время действия с дневного на ночное, Фред Мэддокс Браун работал под палящим солнцем с целью создать «эскиз света и жары»<sup>15</sup>.

Прерафаэлиты увидели тесную связь между научным знанием, «которое стало почти точным в нынешнем веке», и прогрессом в искусстве: «Если эта приверженность факту, эксперименту, а не теории... добавила так много к знанию людей науки, почему она не может поспособствовать моральным целям искусства?»<sup>16</sup>.

В эссе «Прерафаэлитизм» Уильям Майкл Россетти также настаивает на том, что художник, подобно ученому, должен изучать те аспекты живописи и те детали, «которые до сих пор были основаны на примерах или недоказанных приемах и непоколебимом признании результатов такого исследования»<sup>17</sup>.

Художник, как и ученый, не должен ориентироваться исключительно на авторитеты, его деяния должны быть связаны с точностью и самоотдачей. В отличие от ученого, живописца должна интересовать не только подлинность явлений и образов ре-



ального мира, но и моральные ценности. Используя научные методы, тщательно изучая природу и создавая картину – полноценное исследование, художник готовит себя к восприятию не только «физической», но и «человеческой» природы. «Природа и человек – две половины каждого подлинного произведения искусства»<sup>18</sup>, как писал Уильям Майкл Россетти, потому прерафаэлиты предпочитали чистому пейзажу темы на религиозные сюжеты либо посвященные обсуждаемым проблемам современности.

Собратья-прерафаэлиты в журнале «Росток» настаивали на том, что художник должен писать картины из повседневной жизни: «художник должен осознать, что лучшие идеи, связанные с благочестием, щедростью, благородством, свершаются в его время»: «зачем переносить их в далекие времена и делать их не достоянием сегодняшнего дня?... Зачем учить нас почитать святых древности, а не наших прихожан? Зачем учить нас восхищаться рыцарем, вооруженным копьем, а не героем, вооруженным терпением, на которого обрушились невзгоды? Зачем рисовать меч, который мы не носим, чтобы помочь угнетенной девице, а не кошелек, который мы носим, чтобы спасти заблудшего? ...Зачем учить нас ненавидеть Нерона и Аппия, а не продажного притеснителя рабочих и предателя детей и женщин?»<sup>19</sup>.

Многие картины прерафаэлитов были связаны с самыми обсуждаемыми темами Викторианской эпохи: трудом, эмиграцией, положением в обществе мужчин и женщин, проституцией. Связь творчества прерафаэлитов и наук, развивающихся в Викторианской Англии, мало изучена, и трудно сказать, обращались ли прерафаэлиты к такой науке, как психология. Тем не менее можно усмотреть определенную связь между учением о психике человека и чертами искусства прерафаэлитов. Во-первых, прерафаэлиты с такой же точностью подходили к изображению эмоций персонажей своих картин, с какой воссоздавали растения. Показательная история развернулась вокруг картины У. Х. Ханта «Пробуждение души», которая была выставлена в 1854 г. и затем куплена коллекционером Томасом Фэйрберном. Художник изобразил на лице девушки-содержанки такое выражение боли и ужаса, что в итоге даже впечатленный покупатель оказался не в состоянии каждый день видеть страдания изображенной женщины и потребовал смягчить их<sup>20</sup>.

Сами художники писали комментарии к картинам, в которых обращались к эмоциям, характеру, биографиям персонажей. Так, зритель узнавал о персонажах картины «Пробуждение души», что этот джентльмен навещает свою любовницу в специально снятой для нее комнате. Пара музичировала, но строки из песни «О слезы бесполезные...», напомнили девушке о беззаботном детстве, и ее нынешнем двусмысленном положении. Она пережила духовное прозрение, в то время как раздосадованный любовник, способствовавший ее падению, в итоге оказался причиной пробуждения души и нравственности. Подобные истории о геро-

ях картины были призваны усилить переживания при изучении картины, превратить изображение в факт из реальной жизни.

Искренние работы, созданные рукой художника, способны вызвать у зрителя те же эмоции, что и реальные ситуации из жизни. Именно этот аспект можно считать основополагающим при определении ценности картины. При этом, в отличие от работ современников, это не только иллюстрация современной жизни, но в соответствии с заимствованной у Джона Рескина идеей это тщательное изучение жизни вокруг, которое благодаря детальному, можно сказать, «научному реализму» видятся тревожащими, будоражащими чувства по сей день.

### Примечания

- <sup>1</sup> См.: *Пикард Л.* Викторианский Лондон. М., 2011. С. 101.
- <sup>2</sup> Ibidem. С. 329.
- <sup>3</sup> *Ruskin J.* The Storm Cloud of the XIX-th century. URL: [http://www.wwnorton.com/college/english/nael/noa/pdf/27636\\_Vict\\_U08\\_Ruskin.pdf](http://www.wwnorton.com/college/english/nael/noa/pdf/27636_Vict_U08_Ruskin.pdf) (дата обращения: 2.11.2015).
- <sup>4</sup> Там же.
- <sup>5</sup> См.: *Мосин И. Г.* Прерафаэлизм : иллюстрированная энцикл. М., 2006. С. 101.
- <sup>6</sup> Цит. по: *Marsh J.* The pre-raphaelites : their lives in letters and diaries. L., 1996. P. 12.
- <sup>7</sup> См.: *Rossetti D. G.* Dante Gabriel Rossetti : his family-letters with a memoir of William Michael Rossetti. L., 1895. P. 133.
- <sup>8</sup> *Ruskin J.* Modern Painters. Vol. 1. L., 1907. P. 458.
- <sup>9</sup> Цит. по: *Barringer T.* Reading the pre-raphaelites. L., 2012. P. 63.
- <sup>10</sup> Цит. по: *Prettejohn E.* The Art of the pre-raphaelites. L., 2010. P. 251.
- <sup>11</sup> *Ruskin J.* Lectures on architecture and painting delivered at Edinburgh in November 1853. L., 1855. P. 204.
- <sup>12</sup> Цит. по: *Barringer T.* Reading the pre-raphaelites. L., 2011. P. 58.
- <sup>13</sup> *Ruskin J.* Op. cit. Vol. 1. P. 458.
- <sup>14</sup> *Seward J.* The Purpose and Tendency of Early Italian Art. URL: <http://www.gutenberg.org/files/17649/17649-h/17649-h.htm> (дата обращения: 12.10.2015).
- <sup>15</sup> *Hueffer F. M.* Life of Ford Madox Brown: a record of his life and work. L., 1896. P. 84.
- <sup>16</sup> *Seward J.* Op. cit.
- <sup>17</sup> *Rossetti W. M.* Preraphaelitism. URL: [http://www.engl.duq.edu/servus/PR\\_Critic/SP4oct51.html](http://www.engl.duq.edu/servus/PR_Critic/SP4oct51.html) (дата обращения: 23.11.2015).
- <sup>18</sup> Ibidem.
- <sup>19</sup> *Tupper L.* The subject in Art No. II. URL: <http://www.gutenberg.org/files/17649/17649-h/17649-h.htm> (дата обращения: 12.10.2015).
- <sup>20</sup> URL: <http://www.tate.org.uk/art/artworks/hunt-the-awakening-conscience-t02075/text-catalogue-entry> (дата обращения: 03.11.2015).



УДК 327(091)

## ЕВРОПЕЙСКАЯ ПЛАТФОРМА МЕЖДУНАРОДНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК АКТОР ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Б. Р. Асадов

Санкт-Петербургский государственный экономический университет  
E-mail: asadovspb@mail.ru

Статья посвящена одной из малоизученных тем в современной отечественной научной школе – роли международных молодежных зонтичных структур на примере Европейского молодежного форума как субъекта гуманитарной деятельности. Дано описание исторической практики становления международных молодежных организаций на территории Европы в рамках единой платформы. Несмотря на определенные отличия во взглядах, рассматриваемая модель взаимодействия международных молодежных акторов трактуется в качестве объединяющего пространства. Его формирование вписывается в общую логику расширения границ внешней культурной политики ЕС, открывающей новые просторы для широкого спектра идей и ценностных ориентаций в международной организованной молодежной среде.

**Ключевые слова:** международные молодежные организации, гуманитарное сотрудничество, молодежные акторы, зонтичные структуры, международная молодежная платформа, международная организованная молодежная среда.

### The European Platform of International Youth Organizations as an Actor of Humanitarian Cooperation

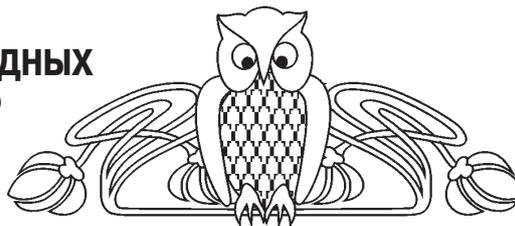
B. R. Asadov

This article is dedicated to one of the scarcely explored items in the modern domestic science school – the role of international youth umbrella structures by the example of European Youth Forum, as the subject of humanitarian action. The description of historical practice of establishing international youth organizations in Europe in the context of integrated platform is given. In spite of certain differences in views, the studied interaction model of international youth actors is considered as a unifying space. Its creation fits the overall logic of broadening the boundaries of foreign cultural policy of the EU, opening up new spaces for a wide range of ideas and values in the international organized youth environment.

**Key words:** international youth organizations, humanitarian cooperation, youth actors, umbrella structures, international youth platform, international organized youth environment.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-192-198

За последние десятилетия на фоне тенденции к усилению универсализации деятельности международных молодежных организаций происходит более активное включение их в основные сферы развития и функционирования международного сообщества. Многие из них, трансформируясь в активные акторы международного гуманитарного сотрудничества, ныне фактически действуют на



территории многих стран с разветвленной структурой.

Уровень развития современных международных молодежных организаций, учитывая влияние социально-исторических условий на этот процесс, весьма отличается от первых организаций молодежи, действующих в ряде стран мира, как по характеру, так и по наличию права субъектности, компетенции, организационных структур, функций, а также с точки зрения их географии распространения, места и роли в сфере современных международных гуманитарных связей.

Безусловно, эти организации непосредственно испытывали на себе последствия изменений международной политики, особый смысл это приобрело в переломные моменты истории на фоне активной вовлеченности молодежи в общественно-политические и гуманитарные процессы. По мере развития общества совершенствовались институциональные основы международных молодежных организаций. В этой области целенаправленная молодежная политика стран Европейского региона, с некоторыми особенностями англосаксонской модели, характеризуется наиболее развитой практикой, как на уровне отдельных государств, так и на национальном уровне, открывающем новые возможности для усиления ее институциональной роли. При этом важным элементом создания единой институциональной платформы стал фактор качественного развития формы международного взаимодействия участников организованной молодежной среды.

Отметим, что сегодня понятие «платформа» имеет широкий смысл и используется в разных контекстах. В переносном смысле, например, в Англии еще с начала XIX в. так называли всякую речь, произнесенную на народных собраниях. Платформой называется преимущественно политическая речь, а в США обозначается не речь, а программа партии, обсуждаемая на партийном конгрессе и принятая ввиду предстоящей избирательной борьбы<sup>1</sup>. Между тем с целью демонстрации коллективных действий термин «платформа» стал часто использоваться в организованной молодежной среде, причем активизировалась роль самой молодежи в деятельности специфических неправительственных акторов – «зонтичных» структур (African Union Youth Council, Asian Youth Council, Caribbean Federation of Youth, Latin American Youth Forum, Pacific Youth Council, Y8 and Y20 Youth Summits, International Coordination Meeting of Youth Organizations и



др.)<sup>2</sup>, что свидетельствует о растущей тенденции стремления молодежи к самоорганизации, а также к процессу принятия решений на наднациональном уровне.

Как показывает современная практика европейской молодежной политики, которая наиболее институционально развита, она все чаще охватывает основной круг проблем социально-гуманитарной сферы общеевропейского пространства, в том числе посредством разносторонней деятельности многочисленных международных молодежных организаций, затрагивая широкий спектр интересов молодежной среды. Важным адресатом этой политики выступает Европейский молодежный форум – ЕМФ (European Youth Forum – YFJ), который в 1996 г. после четырехлетних интенсивных дебатов объединился с двумя другими молодежными представительствами (платформами) – Советом Европейского национального комитета по делам молодежи (CENYC) и Европейским координационным бюро по международным молодежным организациям (ECB) – в общую организацию<sup>3</sup>. Сегодня Форум для миллионов молодых людей является крупной общеевропейской международной молодежной платформой, представляющей 99 национальных молодежных советов и международных молодежных организаций<sup>4</sup>. Европейская молодежная платформа – это совокупность взаимодействующих вышеназванных молодежных объединений и структур региона под единой зонтичной структурой.

По сути, в условиях нынешней нестабильной политической и социально-экономической ситуации, которая все активнее воздействует на молодых людей, данный актор посредством «структурированного диалога» расширяет свою представительскую функцию в качестве признанного партнера Европейского Союза (ЕС), Совета Европы (СЕ), Организации Объединённых Наций (ООН). Консультативный статус дает возможность при принятии решений в области молодежной политики заслушивать позиции Форума на заседаниях Европейской комиссии (ЕК) и Европейского парламента (ЕП). Выстраивая горизонтальные связи, направленные на установление партнерства и поиск решения актуальных проблем международной жизни не только крупными организациями общеевропейского пространства, субрегиональными молодежными платформами (структурами) из стран – партнеров ЕС, но и региональными молодежными организациями из других регионов мира<sup>5</sup>, развивает вектор солидарности молодежи и оказывает все большее влияние на развитие межкультурного сотрудничества, распространение демократических ценностей, принципов уважения прав, гражданственности и солидарности в молодежной среде. Такая практика демонстрируется в связи с растущей избирательностью Форума в плане выбора приоритетов и действий, удовлетворяющих запросы организованной молодежной среды в целом.

Преследуя основные цели, направленные на преодоление проблем, с которыми сталкиваются представители подрастающего поколения (широкое участие молодежи, сильные молодежные организации, рост самостоятельности молодежи и вовлеченности), в качестве регионального центра притяжения молодежи Форум способствует расширению границ распространения ценностей европейской культуры, европейской модели развития молодежной среды как универсальный коллективный способ решения проблем общества. Одной из приоритетных целей Форума – работой над углублением европейской интеграции, а также развитием молодежной работы в других регионах мира – явно демонстрируются масштабы деятельности самой крупной региональной молодежной платформы, выходящей за рамки общеевропейского пространства.

Поводом для изучения многоаспектной роли такого актора, как Европейская платформа международных молодежных организаций (с учетом исторической практики создания аналогичных структур), послужила возрастающая роль зонтичных неправительственных организаций, которые стремятся сыграть немаловажную роль в качестве значимых субъектов международного гуманитарного сотрудничества. Новый взгляд на историческую практику форм коллективного взаимодействия международных молодежных организаций, и особенно на их современную гуманитарную деятельность, явно недостаточно находит отражение в исследованиях отечественных ученых и специалистов. При этом существующие модели и формы самоорганизации международных молодежных организаций, как на региональном, так и на глобальном уровне, направленные на коллективное взаимодействие, не подвержены подробному анализу. Следовательно, в новых условиях весьма актуальным является осмысление роли этих акторов в качестве востребованной площадки для обмена идеями и опытом, создающих равноправные возможности координации действий для молодежи в рамках общеевропейского пространства.

Становление и развитие международных молодежных организаций и институтов в общеевропейском пространстве прошли исторический путь развития. Международные организации в качестве правового феномена возникли на рубеже XIX – начала XX в. в условиях растущих потребностей международного общения и взаимодействия, во многом обуславливавшие необходимость создания постоянно действующих механизмов и институтов, а прообразы современных международных молодежных организаций стали возникать еще в первой половине XIX в.

К исторически первым международным форумам объединения молодежи на территории Европы, создаваемым в порядке самоорганизации, можно отнести «Молодую Европу», стремящуюся превратить идеи патриотизма в европеизм среди молодежи. Идея создания «Молодой Европы» среди



приверженцев европейской идеи, которая начала формироваться еще в раннем средневековье, прослеживается и на страницах первого национального литературного журнала в итальянской истории «Анталогии». Для одного из вождей итальянского национально-освободительного движения, Джузеппе Маццини (22.6.1805 – 10.3.1872), журнал стал своего рода площадкой распространения европейских концепций, в частности, идей духовной общности Европы и в дальнейшем – стремлений к политическому единству. Все это обрело содержательные формы и способствовало возникновению 15 апреля 1834 г. такой организации, как «Молодая Европа». Важным объединяющим началом выступает Договор о «братстве», который был подписан представителями трех стран Европы – «Молодой Италии», «Молодой Германии» и «Молодой Польши». Цель первого европейского объединения была проиллюстрирована Маццини в обращении «к швейцарским патриотам», это был первый акт «Молодой Европы»: «Куда идет европейский мир в XIX веке? Что несет нам будущее? Настоящее работает на создание, а будущее нам принесет Молодую Европу. Это – Молодая Европа народов, которая поставит себя выше Старой Европы Королей. Это борьба Молодого равенства против старых привилегий, победа молодых идей над старыми верованиями»<sup>6</sup>.

Многие социально-исторические условия способствовали возрастанию роли общественных молодежных организаций, деятельность которых была направлена на создание панъевропейских молодежных структур. Заметным явлением стал рост тенденции интернационализации, в том числе в молодежной среде, который благоприятствовал возникновению консервативных международных молодежных объединений, имевших не только конфессиональный, но и политический принцип самоорганизации. Институциональные формы выражений интересов молодежи в обществе (в том числе возникшие на основе стихийных и инициативных действий самой молодежи) были необходимы при наличии не только местных, национальных, но и международных организаций молодежи. В качестве международных организаций молодежи активно выступали конфессиональные организации и союзы молодежи.

Между тем основы нового содержательного этапа их деятельности были заложены именно на рубеже XIX и XX веков. На территории Европы стали активно развиваться известные молодежные организации: Молодая гвардия (1886, Бельгия), Социалистический интернационал молодежи (СИМ, 1907, Германия), Коммунистический интернационал молодежи (КИМ, 1919, Германия)<sup>7</sup>. Благодаря международной деятельности действующих молодежных организаций, в особенности организации рабочей молодежи, вырисовывались разнонаправленные векторы развития международного молодежного взаимодействия. Несмотря на то что сложившаяся международная картина

молодежных объединений и движений была очень пестрой, последние, выступая в качестве активного выразителя интересов молодежи, способствовали расширению пространства их взаимодействия, что, в свою очередь, свидетельствовало о росте стремления к объединительным процессам в международной молодежной среде.

Заслуживают внимания некоторые аспекты объединительных тенденций с участием молодежи Европы. Представляется необходимым отметить одну из наиболее значительных тенденций – начало расширения границ международной деятельности молодежи после Первой мировой войны, это создавало почву для институциональной консолидации, которая происходила во многом по политическим признакам. Значительное влияние на это произвели события, происходившие в начале XX в., в частности, изменения на политической карте Европы и России, оказавшие существенное влияние на этот процесс.

Известно, что в 20-х гг. XX в. широкое распространение получила идея панъевропейского единства, выдвинутая австрийским графом Р. Н. Куденхове-Калерги (1894–1972 гг.). Он являлся известным представителем зарождающегося нового типа Европы и еще в 1922 г. высказался об этом в своей книге «Пан-Европа», где идея европейского объединения получила дальнейшее развитие и обоснование<sup>8</sup>.

В условиях исторических реалий того периода степень политизированности молодежных организаций была очевидна. В международной сфере все чаще активизировалась деятельность организаций левого толка, оказавшихся под влиянием политических сил, зачастую стремящихся не только формировать у рабочей молодежи социалистическое мировоззрение, но и предпринимать организационные шаги к объединению в рамках крупных международных молодежных организаций. В дальнейшем значительную, если не преобладающую, роль в развитии международных молодежных организаций левого толка на территории Европы сыграло молодежное движение России. С момента своего становления оно выступало активным выразителем идеи интернационализма в международной молодежной среде.

Необходимо отметить, что важную роль в создании крупной коммунистической платформы молодежи сыграл Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ). В 1919 г. Центральный комитет РКСМ обратился к пролетарской молодежи мира с воззванием «Стройте коммунистические союзы молодежи». В результате усилий рабочих и социалистических союзов молодежи в Берлине был создан КИМ, который в 1919–1943 гг., действуя в качестве крупного института, стал важной площадкой для тесного взаимодействия молодежи на международной арене.

Как свидетельствует история международного молодежного движения, КИМ, ВЛКСМ и другие организации в рамках единой платформы часто



выступали инициаторами многочисленных кампаний в молодежной среде. Это было нацелено на развитие идеи антиимпериалистической солидарности и антивоенных политических движений, в том числе для создания единого фронта молодежи и студентов против угрозы войны, а также наполнения новым содержанием международного взаимодействия молодежи. Международная деятельность молодежи в Европе в первой половине XX в. во многом определялась существующими социально-экономическими и политическими условиями, и большинство крупнейших международных молодежных организаций координировало свои действия в борьбе против фашизма за мир и свободу.

На фоне политизированности международного молодежного движения значимым фактором эффективной деятельности организаций и институтов молодежи в международной среде все чаще становится их гуманитарная деятельность. Несмотря на то что в условиях войны гуманитарное взаимодействие между странами происходило ограниченно, в сложной политической обстановке молодёжь Европы в послевоенный период оказывается более адекватной к новым условиям за счёт свойственного ей стремления к самореализации и демонстрации тенденции к коллективным действиям на международной арене. На общественно-политическую арену вступают новые международные организации молодежи, возникшие на территории Европы. В организованной молодежной среде все активнее выступает Всемирная федерация демократической молодёжи (ВФДМ, 1945, Лондон) и Международный союз студентов (МСС, 1946, Прага), Всемирная ассамблея молодежи (ВАМ, 1949, Брюссель), Международный союз молодых социалистов (МСМС, 1946, Париж), Международная федерация либеральной молодёжи (МФЛМ, 1947, Кембридж), Международная молодежная федерация по изучению и сохранению природы (1956, Зальцбург, Австрия) и другие. Они стали играть значимую роль в развитии международного молодежного движения, представляющего организации разных политических и идеологических направлений. В частности, в международной молодежной среде доминирующая роль отводится двум противоборствующим коалициям: с одной стороны, ВФДМ и МСС с единой позицией, а с другой – ВАМ и Международной студенческой конференции (МСК), выражающей интересы молодежи западных стран<sup>10</sup>. ВФДМ на основе общедемократической платформы устанавливает контакты и развивает тесное сотрудничество с различными международными молодежными организациями. Эти связи охватывают молодежные организации европейских стран (организации социалистов, профсоюзов, добровольных служб, молодых коммунистов). Последние, в частности, коммунистические организации молодежи из ряда стран Европы (Франции, Италии, Финляндии, Испании) выступают единой позицией на между-

народной арене. Подобная коалиционная позиция молодежи характерна для нынешнего периода международной жизни.

Тем не менее наряду с противостоянием эпохи холодной войны объединительные тенденции европейских государств привели к определенным изменениям в молодежной среде. В становление и дальнейшее осуществление политики молодежного развития весомый вклад внесли крупные региональные институты, например, Совет Европы, который начал свою работу в организованной молодежной среде еще в 1960-е гг., и с тех пор его роль в этой сфере постоянно усиливается. Необходимость такой «координации» деятельности участников этой среды во многом была связана с ростом каналов влияния «молодежного фактора» на различные сферы общества.

Благоприятные условия для деятельности международных молодежных организаций в гуманитарной сфере были заложены на рубеже 80–90-х гг. XX в., Международная организованная молодежная среда на фоне усиления тенденции взаимосвязи и взаимозависимости переживает новый этап становления. В современном европейском обществе осуществляются обозначенные цели и задачи наднациональной молодежной политики с тем, чтобы наилучшим образом содействовать не только успешной социализации и самореализации молодежи, но и стимулировать ее к активному международному гуманитарному сотрудничеству.

Усиление роли международных молодежных организаций и институтов в этой области объясняется растущим вниманием со стороны ключевых наднациональных институтов Европы к их деятельности, особенно в пространстве, где гуманитарное присутствие ЕС имеет динамику расширения. Некоторые из них, обладая богатой практикой гуманитарной политики, способствуют не только формированию новой идеологии партнёрства, но и предлагают эффективные механизмы четкой и выстроенной системы горизонтальных связей и взаимодействий молодежных объединений. Тем не менее здесь следует учесть некоторые особенности большинства международных молодежных организаций региона. Они выступают не только в качестве проводника «европейских ценностей» в молодежной среде, но и как эффективная площадка вносят свой вклад в формирование будущей европейской политической и деловой элиты.

Отметим, что сегодня важность ЕМФ в гуманитарной сфере подчеркивают те проблемы, которые входят в сферу его деятельности. Будучи коммуникационной платформой, Форум, взаимодействуя с членскими организациями, направляет свою деятельность на расширение роли молодежи в решении таких актуальных гуманитарных проблем общества, как вопросы в области здоровья, экологии, образования, равенства прав человека. В частности, в контексте последней проблемы Форум признает, что сегодня не все молодые люди имеют равные возможности для участия в жизни



общества, в результате чего многие страдают от дискриминации и нарушений прав человека. В связи с этим в 2006 г. в рамках ЕМФ были разработаны руководящие принципы для участия в молодежных организациях и обеспечения в них равных возможностей для молодежи. Немало внимания уделяется информационно-пропагандистской деятельности. Принимая активное участие в кампаниях СЕ «Все различны, все равны», Форум выступал за развитие и полную реализацию планов, которые были направлены на обеспечение равного представительства всех групп в обществе, во всех государственных органах. С этой целью был разработан «Манифест по вопросам равенства и разнообразия».

ЕМФ делает особый акцент на усилении роли молодежных объединений, что позволит получить широкое признание молодежных НПО. С целью обеспечения устойчивого развития молодежных организаций в Европе на местном, национальном и общеевропейском уровнях Форум продолжает работать с экспертно-научным сообществом и другими представителями молодежных организаций, управленцами и политиками, вовлеченными в молодежную сферу. Такая практика была успешно продемонстрирована еще в рамках создания «Белой книги», которая появилась в результате интенсивного общеевропейского диалога и обмена мнениями, в частности, в рамках парламентских слушаний в Брюсселе (2001 г.) с участием более 60 молодежных организаций, и встречи правительства с представителями национальных молодежных советов и т. д. Форум как площадка позволяет международным молодежным организациям участвовать в формировании политики ЕС. В развитии данной тенденции особый акцент делается на использовании дополнительных механизмов в сфере занятости и образования<sup>11</sup>. ЕМФ предлагает к 2030 г. обеспечить равный устойчивый и достойный труд для всех молодых людей<sup>12</sup>.

Вместе с тем важным компонентом гуманитарной деятельности ЕМФ выступает новая модель регионального и глобального партнерства с региональными организациями из Азии, Африки, Латинской Америки, стран Карибского бассейна, региона Средиземного моря и Тихого океана. Это рассматривалось как важное направление в реализации видения миссии и приоритетных областей работы Форума в 2007–2012 гг. и в последующие годы (2013–2014 гг.). Значимым аспектом его деятельности на глобальном уровне является участие в работе Международного координационного совещания молодежных организаций (ICMYO), которое как неформальная сеть объединяет крупные международные молодежные организации и региональные молодежные платформы<sup>13</sup>.

В реалиях международной жизни гуманитарные связи, находясь на перекрестке конкурентоспособности, геополитики и крупных мировых политических центров имеют все предпосылки приобрести особую актуальность для организован-

ной молодежной среды. В связи с этим необходимо рассмотреть некоторые аспекты этой проблемы, в частности, как возможные негативные последствия этих явлений могут сказываться на характере и перспективах гуманитарного сотрудничества с участием крупных региональных молодежных структур?

Как показывает практика, многообразие организованной молодежной среды общеевропейского пространства не всегда сопровождалось сплоченностью и качественным сотрудничеством между отдельными ее участниками. Например, рассматривая уровень развития молодежных связей России и стран ЕС, как в рамках Форума, так и других общеевропейских молодежных структур, можно отметить, что они развивались ровно и во многом были ориентированы на динамику отношений между этими центрами мировой политики. Конечно, важной составляющей отношений молодежи России и ЕС в гуманитарной сфере выступали российско-германские молодежные связи, динамика которых в значительной степени зависела от характера многогранного межгосударственного сотрудничества.

Однако в условиях сложившейся политической конъюнктуры в мире, особенно на фоне попытки развить модель надцивилизационной интеграции за счет включения других пространств в этот процесс, на передний план выдвигаются пересмотр и сужение границ сложившихся отношений России и ЕС. События вокруг Украины и других неразрешенных международных проблем, где наметились расхождения позиций последних, оказывают негативное влияние на состояние межгосударственных отношений и, вероятно, в будущем скажутся на характере развития гуманитарных связей. Это создает некоторые предпосылки появления определенного настроения и позиций в организованной молодежной среде, которые не «вписываются» в сложившиеся российско-европейские отношения в формате Россия – ЕС. С другой стороны, это дает основание полагать, что отдельные представители из числа членских организаций, представляющих структуры крупных политических организаций Европы, могут использовать эти площадки для отстаивания позиций своих стран по актуальным проблемам международной жизни.

Практика последних лет свидетельствует о том, что некоторые члены ЕМФ часто выступали с отдельными (в том числе совместно с ЕМФ) заявлениями по вопросам нарушения прав человека, особенно в странах постсоветского пространства. В частности, Молодые европейские федералисты (JEF), Молодые либералы Европы (LYMEC), Европейские демократические студенты (EDS), Федерация молодых европейских зеленых (FYEG), Международная федерация молодых либералов (IFLRY), Молодежь Европейской народной партии (YEPP), Молодые европейские социалисты (YES) требовали от лидеров ЕС усилить давление на белорусских чиновников<sup>14</sup>. Было также и обращение



в адрес Международной федерации хоккея – не проводить Чемпионат мира 2014 года в Минске.

Отношение ЕМФ к положению на территории Украины, где в арсенале украинских евроинтеграторов используется традиционный аргумент – молодёжь тянется к Европе, европейским ценностям и европейскому уровню, отражается в позиции Форума. В частности, в разгар событий на Майдане, выражая свою поддержку и солидарность с молодыми украинцами, чьи права грубо нарушаются и чьи голоса игнорируются, Форум поддерживал право украинцев на выбор более тесного сотрудничества с Европой<sup>15</sup>.

Позиция Форума носит последовательный характер, о чем свидетельствует организация в рамках Генеральной Ассамблеи тематической площадки «Мир: молодёжь, скажи свое слово! Как последние события повлияют на Европу». Согласованная деятельность членских организаций Форума по содействию выхода из кризисной ситуации молодёжи Украины через поддержку со стороны СЕ и открытия окна пилотных проектов Европейского молодежного фонда (нового направления посредством программы «Erasmus +»), а также другие действия по организации совместной делегации для поездки в данный регион свидетельствуют о растущем стремлении молодёжи выступить в роли «миротворца».

Вместе с тем существующие формы сотрудничества с молодёжными платформами восточного партнерства, стран ГУАМ и субрегиональных структур дают повод отметить, что международный сегмент молодёжной политики ЕС становится все более значимым элементом в процессе реализации активной внешней культурной политики. Определенную динамику этому процессу дает деятельность международных молодежных организаций и наднациональных структур общеевропейского пространства. Стратегические приоритеты Форума на 2013–2018 гг. нацелены на повышение роли молодежных организаций в решении актуальных проблем общества, как в Европе, так и за ее пределами<sup>16</sup>.

Анализ развития организованной молодежной среды последних десятилетий свидетельствует о том, что на фоне возрастающей роли наднациональных молодежных акторов Европейского региона на постсоветском пространстве не был сформирован качественный институт международных молодежных организаций, способный своевременно отвечать запросам современной молодёжи, стать эффективным субъектом внешней культурной политики. В практической плоскости существуют проблемы повышения результативности участия молодежных организаций в процессе выработки, принятия и реализации крупных международных гуманитарных проектов, в том числе посредством «хрупких» наднациональных молодежных площадок (например, в рамках СНГ, ЕАЭС, ШОС). Отчасти молодежные акторы из России и других стран постсоветского пространства, несмотря

на их участие в рамках ЕМФ, представлены незначительными международными молодежными структурами, как в региональном, так и глобальном масштабе. Подобные действующие объединения не обладают достаточными ресурсами и потенциалом, охват их деятельности в качестве объединяющего пространства в международной молодежной среде оставляет желать лучшего. Вместе с тем можно полагать, что через некоторое время многие участники этих организаций станут частью национальной и общеевропейской элиты. Конечно, существует вероятность того, что, обладая навыками общественно-политической деятельности, полученными в том числе в рамках международных молодежных площадок, они будут заниматься и развитием межгосударственных отношений. В связи с этим проблемы эффективного использования потенциала организованной молодежной позиции как значимого ресурса внешней культурной политики требуют не только должного внимания научно-экспертного сообщества к вопросам качественного развития института международного молодежного сотрудничества, но и последовательного осуществления практических действий, направленных на усиление роли молодежных акторов и их вовлечение в практику гуманитарного сотрудничества в рамках наднациональных структур.

Таким образом, изучение некоторых аспектов многообразия европейской платформы международных молодежных организаций в целом позволяет отметить, что участие в деятельности ЕМФ создает его участникам необходимые условия с целью расширения границ своего участия и влияния в процессе европейского объединения и жизни современной Европы. Данная модель наднационального взаимодействия молодёжи в рамках общеевропейского пространства, обладая весомым общественным и организационно-творческим потенциалом, являясь специфическим элементом внешней культурной политики, способна формировать не только современные подходы, направленные на удовлетворение потребностей подрастающего поколения, но и оказать определенное влияние на актуальные гуманитарные проблемы международной жизни.

Важная миссия этой структуры заключается в повышении степени осознанности и причастности молодёжи, особенно из стран, интересующихся в общеевропейское пространство, где целенаправленно реализованные социально-гуманитарные мероприятия, все активнее вовлекая молодёжь в свою орбиту, способствуют формированию новой европейской идентичности в организованной молодёжной среде. Выступая в качестве специфических субъектов международных отношений, эти акторы оказывают все большее влияние на этот процесс, в особенности развития гуманитарной составляющей. Именно благодаря институциональному взаимодействию в рамках существующей модели взаимодействия международные молодежные организации и институты в состоянии формировать



конструктивные требования и идеи («молодежный взгляд») как на региональном (ЕС, СЕ), так и на глобальном уровне (ООН, ЮНЕСКО и других международных площадках).

### Примечания

- 1 См.: Джефсон Г. Платформа, ее возникновение и развитие. История публичных митингов в Англии / пер. с англ. Н. Н. Мордвиновой; под ред. проф. В. Ф. Дерюжинского. СПб.: Тип. М. Акинфиева и И. Леонтьева, 1901. Т. 1 – [2] V, 597, IX с.
- 2 Информационный ресурс British Youth Council. URL: <http://www.youthpolicy.org/participation/structures/> (дата обращения: 27.10.2015).
- 3 European Youth Forum – YFJ. Веб сайт ЕМФ. URL: <http://www.youthforum.org/european-youth-form> (дата обращения: 07.11.2015).
- 4 International member organisations URL: <http://www.youthforum.org/about/member-organisations> (дата обращения: 05.11.2015).
- 5 Беттина Шварцмайр. Европейский молодежный форум: голос молодых людей в формулировании Европейской молодежной политики. URL: [http://www.coe.int/t/dg4/youth/Source/Resources/Forum21/Issue\\_No10/N10\\_Eur\\_youth\\_forum\\_ru.pdf](http://www.coe.int/t/dg4/youth/Source/Resources/Forum21/Issue_No10/N10_Eur_youth_forum_ru.pdf) (дата обращения: 30.10.2015).
- 6 Спадолини Дж. Европейская идея в период между Просвещением и Романтизмом / пер. с итал. СПб.: Петербург-XXI век, 1993. С. 51.
- 7 См.: Привалов В. Коммунистический интернационал молодежи. Страницы истории. М.: Молодая гвардия, 1973. С. 8.
- 8 См.: Кораблева А. Панъевропейский проект Р. Куденхове-Калерги и международные отношения в Европе в 20–30-е гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук. Арзамас, 2009. 220 с.
- 9 См.: Интернациональные связи ВЛКСМ и Советской молодежи (1918–1978 гг.). Хроника. Ч. I, II: Высшая комсомольская школа / сост. А. П. Зиновьев и В. П. Мошняга. М.: ВКШ при ЦК ВЛКСМ, 1978. С. 6.
- 10 См.: Тихонов А. В. Международное молодежное движение на постсоветском пространстве: структурно-функциональный анализ: дис. ... канд. полит. наук. Н. Новгород, 2010. 203 с.
- 11 Shadow report on youth policy. A youth perspective. Brussels: YFJ, 2015. 59 p.
- 12 Position paper on the new global agenda (post-2015/sustainable development goals). URL: <http://www.youthforum.org/assets/2014/09/0061-14-Board-Position-Paper-Post2015-FINAL-0.pdf> (дата обращения: 14.11.2015).
- 13 Международное координационное совещание молодежных организаций (ICMYO). URL: <http://icmyo.org/> (дата обращения: 10.11.2015).
- 14 Молодежные организации ЕС требуют отмены виз для белорусов. URL: <http://eastbook.eu/ru/2013/03/topic-ru/politics-ru/molodezhnye-organizacii-trebuiut-otmes-otmeny-viz/> (дата обращения: 25.10.2015).
- 15 European Youth Forum supports young Ukrainians in their struggle. URL: <http://www.youthforum.org/pressrelease/european-youth-forum-supports-young-ukrainians-in-their-struggle/> (дата обращения: 04.11.2015).
- 16 Strategic priorities 2013–2018 (Adopted by the extraordinary General Assembly Brussels, Belgium 22 april 2012). URL: [http://www.youthforum.org/assets/2013/05/0233-12-SP2013-18\\_FINAL2.pdf](http://www.youthforum.org/assets/2013/05/0233-12-SP2013-18_FINAL2.pdf) (дата обращения: 11.11.2015).

УДК [94(479.24)+94(55)]:327

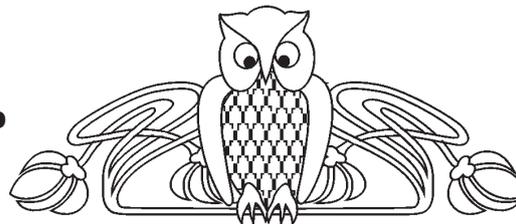
## ИРАНСКОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО В КАРАБАХСКОМ КОНФЛИКТЕ КАК ФАКТОР ИРАНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

И. Е. Сидоров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского  
E-mail: isidorov1991@gmail.com

В статье изучается влияние иранского посредничества в карабахском конфликте на ирано-азербайджанские отношения. Анализируя мотивы Ирана, побудившие его принять на себя посреднические функции, и его непосредственные действия, автор отвечает на вопрос, каков оказался вклад Тегерана в урегулирование карабахского конфликта и как это сказалось на ирано-азербайджанских отношениях. Особое внимание уделяется роли Армении в рассматриваемых событиях.

**Ключевые слова:** карабахский конфликт, конфликтное урегулирование, иранское посредничество, ирано-азербайджанские отношения, армяно-азербайджанские отношения.



### Iranian Mediation in the Karabakh Conflict as a Factor of the Iran-Azerbaijan Relations

I. Ye. Sidorov

The article examines the influence of Iran's mediation in the Karabakh conflict on the Iran-Azerbaijan relations. Analyzing Iran's motives which prompted it to undertake mediation and his actual actions, the author shows Tehran's contribution to the settlement of the Karabakh conflict and how it affected the Iran-Azerbaijan relations. Particular attention is focused on the role of Armenia in those events.

**Key words:** Karabkh conflict, conflict settlement, Iran's mediation, Iran-Azerbaijan relations, Armenia-Azerbaijan relations.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-198-201



Проблема иранского посредничества в карабахском конфликте изучалась рядом авторов, однако немногие рассматривали его в контексте ирано-азербайджанских отношений. Так, иранские авторы, анализируя этот сюжет, в основном пытались продемонстрировать успехи иранской дипломатии, которая эффективно воздействовала на острый этнический конфликт и только под воздействием внешних факторов не смогла добиться окончательного урегулирования<sup>1</sup>.

Азербайджанские авторы склонны винить Иран либо за излишние симпатии к Армении, либо за сугубо прагматический подход к карабахскому конфликту, предпочитая делать акцент на роли западных стран и России<sup>2</sup>. Армянские исследователи в рамках рассматриваемой проблематики большее внимание уделяли системной деятельности крупных международных организаций, таких как ООН и ОБСЕ, а не отдельным инициативам, каковым являлось посредничество Ирана<sup>3</sup>. Западные<sup>4</sup> и российские<sup>5</sup> исследователи, как правило, фокусировали внимание на собственных усилиях и деятельности международных организаций, оставляя без должной оценки иранское посредничество.

Исходя из вышесказанного, целью данной статьи является анализ иранского посредничества в карабахском конфликте в контексте ирано-азербайджанских отношений, а также выявление причин и последствий данной деятельности иранской стороны.

Начиная с первых прямых контактов между Баку и Тегераном в 1989 г. и до конца президентства Аяза Муталлибова (март 1992 г.) ирано-азербайджанские отношения развивались благоприятно и конструктивно. В момент обретения Азербайджаном суверенитета в 1991 г. и в первые месяцы его самостоятельного существования Иран всячески покровительствовал своему «младшему брату», оказывая Баку дипломатическую и экономическую поддержку<sup>6</sup>.

После того как в 1992 г. армяно-азербайджанское противостояние из-за статуса Нагорно-Карабахской республики (НКР)<sup>7</sup> достигло формы военного конфликта и стало угрожать дестабилизацией близлежащим странам, Тегеран решил, что его вмешательство не только отвечает внешнеполитическим задачам, но и жизненно необходимо для обеспечения национальной безопасности. Во-первых, это помогло бы укрепить международные позиции Ирана. Карабахский конфликт был центральной проблемой не только для Азербайджана или Армении, но и для всего Южного Кавказа, поэтому любой актор, получивший возможность влиять на его ход, автоматически повысил бы свой региональный статус. Кроме того, после присоединения Азербайджана к Совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ)<sup>8</sup> проблема Нагорного Карабаха интернационализировалась. Значительно возростала конкуренция за влияние на Южном Кавказе, причем как со стороны старых центров силы (Россия и Турция), так и новых

(СБСЕ, страны Запада). Данные обстоятельства подталкивали Иран не просто действовать, но действовать как можно быстрее. Во-вторых, армяно-азербайджанский конфликт из-за статуса НКР создавал прямую угрозу иранской безопасности. Война между азербайджанцами и армянами вблизи иранских провинций, населенных этническими азербайджанцами, легко могла перекинуться на территорию Ирана. В-третьих, вовлечению Ирана в карабахский конфликт способствовал религиозный фактор. Шиитское иранское население не простило бы собственному правительству пассивность в вопросе о помощи братьям-шиитам, проживающим в Азербайджане. В-четвертых, нестабильность и военные действия препятствовали воплощению в жизнь совместных с Азербайджаном энергетических и транспортных проектов<sup>9</sup>.

Соответственно, намереваясь сыграть роль посредника в карабахском конфликте, Тегеран надеялся, во-первых, обезопасить себя от угроз, возникших в контексте карабахского конфликта, а во-вторых, усилить свои позиции в регионе (прежде всего в Азербайджане) и обогнать политических конкурентов в лице Турции и России, также активно участвовавших в соперничестве за региональное лидерство. Стоит отметить, что форма вмешательства в конфликт была выбрана иранским руководством крайне удачно, потому как, с одной стороны, она соответствовала международным стандартам и сложившейся практике, а с другой – помогала сохранить его нейтральный статус и не саботировала отношения с одной из конфликтующих сторон.

Реализуя данный план Тегерана, 25 февраля 1992 г. в Баку прибыл министр иностранных дел Ирана Али Акбар Велаяти. Намереваясь использовать в карабахских реалиях опыт урегулирования ирано-иракского противостояния, иранский посланник предложил конфликтующим сторонам договориться о прекращении огня хотя бы на короткий срок. Так, уже 26 февраля состоялась беседа между председателем Верховного Совета НКР Артуром Мкртчяном и азербайджанским министром Эйбатом Аббасовым, по результатам которой стороны договорились прекратить огонь с 27 февраля до 9 часов 1 марта. После данного разговора Велаяти отправился в Гянджу, где намеревался подождать вступления договоренности в силу<sup>10</sup>.

Однако армянское военное командование уже спланировало военную операцию по захвату города Ходжалы, обладавшего важным стратегическим значением, как для Азербайджана, так и для Армении. Ходжалы являлся своего рода воротами в Степанакерт, столицу НКР, а кроме того, он находился посередине между северной и южной частью Нагорного Карабаха, ввиду чего он использовался азербайджанцами для ведения артиллерийского огня по армянским населенным пунктам<sup>11</sup>. Наконец, в Ходжалы находился единственный в НКР аэропорт. Все эти факторы обеспечили исключи-



тельную стратегическую важность города для воюющих сторон. Причина же, по которой Армения торопилась с операцией, заключалась еще и в том, что в Ходжалы размещались азербайджанские беженцы из Армении, что расценивалось армянской стороной как умышленное изменение демографической ситуации в городе<sup>12</sup>.

В результате мирные инициативы Тегерана не достигли своей цели, и 25–26 февраля 1992 г. армянские вооруженные силы начали штурм Ходжалы, который сопровождался неизбежными жертвами среди гражданского населения.

Прямой вины Ирана в ходжалинских событиях, конечно же, не было. Конфликт между Арменией и Азербайджаном перешел в сферу идеологической борьбы за жизненное пространство и историческую справедливость, где не могло быть легких компромиссов и однозначных решений. Тем не менее имиджу Ирана, особенно среди азербайджанского населения, несомненно, был нанесен значительный ущерб. Поэтому, не теряя времени, особенно учитывая возрастающую активность Турции, России и многочисленных международных организаций в регионе, Тегеран предпринял вторую попытку посредничества.

Тегеран предложил Азербайджану и Армении вернуться к переговорам и предоставил для этих целей свою территорию. В марте 1992 г. состоялась встреча на высшем уровне представителей Азербайджана, Армении и Ирана в Тегеране, по результатам которой было достигнуто соглашение о временном прекращении огня, обсуждалась возможность снятия азербайджанцами блокады Армении, размещения военных наблюдателей, а также обмена пленными. 15 марта азербайджанская и армянская стороны подписали декларацию о разрешении конфликта. 19 марта генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали выразил в послании иранскому министру иностранных дел признательность за прилагаемые Ираном усилия для предотвращения эскалации карабахского конфликта<sup>13</sup>.

После небольшой дипломатической подготовки Иран снова пригласил представителей Азербайджана и Армении в Тегеран для нового раунда переговоров. 8 мая 1992 г. исполняющий обязанности президента Азербайджанской Республики Якуб Мамедов и президент Республики Армения Левон Тер-Петросян при посредничестве президента ИРИ Али Акбара Хашеми Рафсанджани подписали «Совместное заявление глав государств в Тегеране», по которому стороны договаривались регулярно организовывать встречи на высшем уровне для обсуждения всех проблемных вопросов в двусторонних отношениях, регулировать конфликт исключительно мирными методами с опорой на документы международного права. Также стороны договорились, что в зону конфликта должен был отправиться специальный представитель президента Исламской Республики Иран М. Вази, после проведения переговоров с которым стороны

инициируют прекращение огня и одновременно разблокируют линии коммуникаций и дороги<sup>14</sup>.

Тем не менее в очередной раз договоренности не сработали. Спустя 5 часов после завершения переговоров в Тегеране армянские вооруженные силы начали военную операцию, в ходе которой были захвачены населенные пункты Шуша и Лачин<sup>15</sup>.

Это позволило Армении создать коридор для прямого сообщения с ранее изолированной территорией НКР, что, в свою очередь, привело к переходу общей стратегической инициативы в руки армянского командования<sup>16</sup>. Все призывы министра иностранных дел Ирана следовать достигнутым договоренностям сторонами игнорировались<sup>17</sup>. Посредническая политика Тегерана не оберегла Азербайджан от очередной катастрофы. Разумеется, о третьей попытке не могло быть и речи.

Таким образом, можно сделать вывод, что посредничество Тегерана в карабахском конфликте являлось очень серьезным фактором, как для регионального баланса сил, так и для ирано-азербайджанских отношений. Прежде всего стоит отметить, что карабахский конфликт находился в такой острой фазе, что политического веса Ирана было недостаточно для его урегулирования. Кроме того, у каждой из сторон конфликта были свои первоочередные цели и задачи, а переговорный процесс, инициированный Тегераном, воспринимался как второстепенный. В конечном итоге, все это не позволило в долгосрочной перспективе использовать неудачные результаты иранского посредничества для радикального ухудшения отношений между Тегераном, с одной стороны, и Баку или Ереваном – с другой.

Тем не менее данные события имели серьезные последствия для двухсторонних отношений. Хотя, как уже указывалось, прямой вины Ирана в произошедшем не было, однако бои за Ходжалы, Шушу и Лачин затмили очевидные посреднические заслуги Тегерана. Как результат, влияние Ирана на Азербайджан заметно ослабло, а доверие к нему как к серьезной силе, ориентируясь на которую можно было преодолеть стоявшие перед Азербайджаном проблемы, исчезло<sup>18</sup>. Помимо этого, внутри азербайджанской правящей элиты произошли кардинальные перемены, и лояльного по отношению к Ирану А. Муталлибова сменил жесткий националист А. Эльчибей. Последний развернул политику Азербайджана в сторону Турции и западных государств, а Иран стал рассматривать в качестве одного из врагов независимого азербайджанского государства. Для того чтобы не позволить воплотить Эльчибею его националистические планы, важным пунктом которых являлось объединение иранских земель, населенных азербайджанцами, с Республикой Азербайджан в единое государство, Тегеран был вынужден начать оказывать поддержку Армении в карабахском конфликте, что, в свою очередь, привело к дальнейшему ухудшению ирано-азербайджанских отношений.



## Примечания

- 1 См.: Ramezanzadeh A. Iran's Role as Mediator in the Nagorno-Karabakh Crisis / Contested borders in the Caucasus. М., 1996. [Electronic resource]. URL: <http://poli.vub.ac.be/publi/ContBorders/eng/ch0701.htm> (дата обращения: 18.02.2015); Vaezy M. Karabakh's Crisis : Iran's Mediation and the Aftermath / Center for strategic research. [Electronic resource]. December 2008. URL: <http://www.csr.ir/departments.aspx?lng=en&abtid=07&&depid=74&semid=1387> (дата обращения: 18.02.2015).
- 2 См.: Nassibu N. Azerbaijan-Iranian relations: past and present // J. of Azerbaijani studies. 1999. № 1. [Electronic resource]. URL: <http://dspace.khazar.org/jspui/bitstream/123456789/172/3/N.%20Nasibli.pdf> (дата обращения: 18.02.2015); Юнусов А. Азербайджано-иранские отношения и проблема региональной безопасности на Кавказе // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях : материалы 4 Конвента РАМИ : в 10 т. / под ред. А. Ю. Мельвиля. М.: Изд-во МГИМО-Университет, 2007. Т. 8. С. 83–118.
- 3 См.: Минасян А. Карабахский конфликт : ключевые понятия и хроника. Ереван : НОФ «Нораванк», 2005. 216 с.; Кочарян Ш. Почему пока не урегулирован Нагорно-Карабахский конфликт / Мин-во иностранных дел Республики Армения. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.mfa.am/u\\_files/file/Article\\_nkr\\_ru.pdf](http://www.mfa.am/u_files/file/Article_nkr_ru.pdf) (дата обращения: 18.02.2015).
- 4 См.: Cornet S. The Nagorno-Karabakh Conflict. Uppsala: Uppsala University, 1999. [Electronic resource]. URL: [http://edoc.bibliothek.uni-halle.de/servlets/MCRFileNodeServlet/HALCoRe\\_derivate\\_00003079/Nagorno-Karabakh%20Conflict.pdf](http://edoc.bibliothek.uni-halle.de/servlets/MCRFileNodeServlet/HALCoRe_derivate_00003079/Nagorno-Karabakh%20Conflict.pdf) (дата обращения: 18.02.2015).
- 5 См.: Чернявский С. И. Новый путь Азербайджана. М.: Азер-Медиа, 2002. 352 с.
- 6 См.: Бикдели А. Обзор отношений между Исламской Республикой Иран и Республикой Азербайджан // Аму-Дарья. 1999. № 2. С. 17–18.
- 7 Нагорно-Карабахская республика была провозглашена карабахским национальным советом 2 сентября 1991 г. и помимо территорий НКАО включила в свой состав территории Шаумяновского района Азербайджана. Подробнее см. Чернявский С. И. Указ. соч. С. 66–68.
- 8 См.: Гасанов А. Политика национального развития и безопасности Азербайджанской Республики. Баку : «Zardabi LTD» ММС, 2014. С. 500.
- 9 См.: Ramezanzadeh A. Op.cit.
- 10 Глебов Р. Персидские инициативы в Нагорном Карабахе // Коммерсантъ. Март 2, 1992. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3333> (дата обращения: 18.02.2015).
- 11 Кочарян Ш. Указ. соч.
- 12 Доклад правозащитного центра «Мемориал» о массовых нарушениях прав человека, связанных с занятием населенного пункта Ходжалы в ночь с 25 на 26 февраля 1992 г. вооруженными формированиями / Официальный сайт правозащитного центра «Мемориал». URL: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/karabah/Hojaly/index.htm> (дата обращения: 18.02.2015).
- 13 См.: Ramezanzadeh A. Op. cit.
- 14 Совместное заявление глав государств в Тегеране от 7 мая 1992 / Личный сайт Владимира Казиминова. URL: <http://www.vn.kazimirov.ru/doc3.htm> (дата обращения: 18.02.2015).
- 15 Azerbaijan's Last Stronghold in Mountainous Karabagh Fell Under Armenian Attacks on May 8, 1992 // Azerireport.com. May 8, 2013. [Electronic resource]. URL: [http://azerireport.com/index2.php?option=com\\_content&do\\_pdf=1&id=3973](http://azerireport.com/index2.php?option=com_content&do_pdf=1&id=3973).
- 16 См.: Востриков С. В. Карабахский кризис и политика России на Кавказе // Общественные науки и современность. 1999. № 3. С. 79.
- 17 См.: Vaezy M. Op. cit.
- 18 См.: Юнусов А. Указ. соч. С. 92.

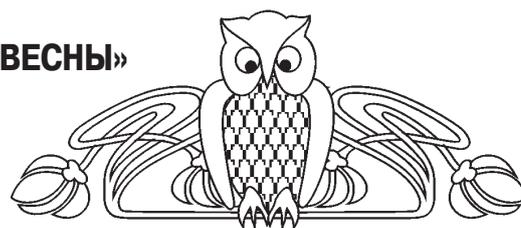
## РОДП «ЯБЛОКО» И РАЗВИТИЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» В ЛИВИИ И СИРИИ В 2011–2013 гг.

Д. В. Редченко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского  
E-mail: engels-volga@yandex.ru

Статья продолжает цикл публикаций автора, посвященных внешнеполитическим взглядам современной российской оппозиции. В этот раз речь пойдет об одной из самых крупных отечественных либеральных партий – РОДП «Яблоко». В статье анализируется видение этой частью оппозиционных либералов основных причин, важнейших событий и результатов первых трех лет «Арабской весны». Особое место отводится оценкам партии «Яблоко» места и роли России в попытках разрешения международным сообществом ливийского и сирийского кризисов.

**Ключевые слова:** международные отношения, внешняя политика России, российская либеральная оппозиция, партия «Ябло-



ко», «Арабская весна», гражданская война в Ливии, сирийский кризис.

### RODP «Yabloko» and the Development of the Arab Spring in Libya and Syria in 2011–2013s

D. V. Redchenko

The article continues the series of publications devoted to the views of modern Russian opposition on foreign policy. This time it will be about one of the largest Russian liberal parties – RODP «Yabloko».



The article analyzes the vision of the main reasons of the most important events and results of the first three years of the Arab Spring by this part of the oppositional liberals. Special attention is paid to the estimates of the party «Yabloko» concerning the place and role of Russia in the attempts of the international community to resolve the Libyan and Syrian crises.

**Key words:** international relations, Russian foreign policy, Russian liberal opposition, the party «Yabloko», the Arab Spring, the civil war in Libya, the Syrian crisis.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-201-205

Появившись более двадцати лет назад в качестве ведущей проевропейской либерально-демократической оппозиционной силы, ныне существующая Российская объединенная демократическая партия «Яблоко» вплоть до настоящего времени смогла сохранить этот статус, пусть и на фоне общей слабости либеральной оппозиции в России. При этом, позиционируя себя в качестве конструктивной оппозиции, готовой заменить существующую власть, «яблочники» стараются не упускать из вида ключевые события внутри страны и в мире.

Серия революций в Северной Африке и на Ближнем Востоке, начавшаяся в 2011 г. и получившая общее название – «Арабская весна», российской либеральной оппозицией была встречена с воодушевлением. Партия «Яблоко» не стала исключением, видя происходившие события в черно-белых тонах: черными (темными) силами были правившие не один десяток лет диктаторские и полудиктаторские режимы, белыми (светлыми) силами выступали оппозиционные народные массы, потребовавшие демократических перемен. Наиболее одиозные и преступные из этих режимов ответили жестокими репрессиями, после чего народ взялся за оружие.

Наибольшую антипатию в «Яблоке» испытывали к ливийскому лидеру Муаммару Каддафи. Оценивая причины гражданской войны в Ливии и личность её руководителя, создатель «Яблока» Г. А. Явлинский отмечал: «Я считаю, что всякий человек, который издевается над своими гражданами, заслуживает того, чтобы его гнали в шею. ... Каддафи – это такой тип, который долгое время мучил и издевался над гражданами своей страны ... И потом я ему еще не забуду взрыв пассажирского самолета над Шотландией, когда взяли и просто убили чуть ли не двести совершенно невинных людей. А потом он это признал и выплатил компенсацию. За что компенсацию? Бандит он и есть бандит»<sup>1</sup>.

Поэтому и ответ Каддафи на сопротивление ливийского народа, по мнению Явлинского, был бандитским и преступным: «нанял наемников, которые с помощью тяжелой военной техники давили граждан собственной страны»<sup>2</sup>.

Точно таких же оценок придерживался и председатель партии «Яблоко» С. С. Митрохин: «То, что делает Каддафи со своим народом – пре-

ступление. Бомбардировки городов, применение тяжёлого вооружения, использование наёмников – всё это не просто «гражданская война», это террор. Такой же геноцид собственного народа, как и тот, который после октябрьского переворота развязали большевики»<sup>3</sup>.

При этом, по мнению Митрохина, ливийские события стали уроком для других стран с авторитарным правлением: «Ситуация показывает, насколько агрессивны люди, стремящиеся любой ценой сохранить свою власть, которые не останавливаются ни перед кровопролитием, ни перед уничтожением страны. Это урок народам, которые все время терпят над собой диктатуры. Для них все может закончиться таким же финалом, так что лучше задуматься об этом заранее и не допустить длительных диктаторских правлений»<sup>4</sup>.

Для самих диктаторов также все обычно заканчивается самым печальным образом. 20 октября 2011 г. Каддафи был убит без суда и следствия захватившими его в плен повстанцами. Сергей Митрохин прокомментировал это событие следующим образом: «... конечно, всегда лучше, чтобы был суд. Даже, если это суд восточного государства и приговаривает к смертной казни в ходе судебного процесса, многое что выясняется. ... Но в данном случае речь идет о войне, которую он сам развязал. Ну, чем-то его судьба напоминает судьбу Гитлера того же. Если более свежие примеры брать – судьбу Бен Ладена. Его же тоже без суда уничтожило американское руководство. Но он и не скрывал, что он является инициатором терактов ... А Каддафи тоже был террористом»<sup>5</sup>.

К сожалению, – указывал Митрохин, – западные страны последние годы закрывали на это глаза: «сначала справедливо обвиняли его в терроризме, потом, когда он с ними примирился и откупился, стали принимать его как лидера. На равных, это тоже вот такие не просто двойные стандарты, но и сильно колеблющиеся стандарты. ...»<sup>6</sup> Однако после начала кровопролития в Ливии Запад, и прежде всего США, выступил против Каддафи. При этом председатель «Яблока» проводил любопытные аналогии с российско-грузинской войной 2008 г.: «Массовое кровопролитие – это повод для вмешательства. Что и сделала Россия в Южной Осетии, и, в принципе, это было правильно. Точно так же и США имеют право вмешаться с целью остановки массового кровопролития. Кстати, в этом случае нашему руководству будет нечего возразить, потому что наша страна так же поступила в Осетии»<sup>7</sup>.

Однако российский премьер-министр В. В. Путин осудил иностранное вмешательство в дела Ливии, в частности Резолюцию № 1973, принятую 18 марта 2011 г. Советом Безопасности ООН, на основе которой объявлялась бесполетная зона в небе над страной. Вмешательство Запада он сравнил со средневековым крестовым походом, а резолюцию назвал неполноценной и ущербной<sup>8</sup>.

Эти слова вызвали у лидера «Яблока» негодование: «Осуждать спасение людей от тер-



рористической диктатуры – значит оправдывать диктатуру и террор. ... Забыл что ли о том, как Россия вторглась в суверенную страну в августе 2008 года. Причем без всяких резолюций ООН. Мог бы сейчас подчеркнуть тогдашнюю правоту. Сказать, что тогда нас все осуждали, а теперь делают то же самое. Но даже такой соблазн не оказался достаточно сильным, чтобы отказаться от интернациональной солидарности диктаторов»<sup>9</sup>.

По мнению Митрохина, «лицо России» спасла позиция президента Д. А. Медведева, заявившего о недопустимости использования таких выражений, как «крестовый поход» и, по сути, поддержавшего резолюцию Совбеза № 1973<sup>10</sup>. При этом председатель «Яблока» подозревал, что этот возникший между Путиным и Медведевым спор – всего лишь «блестяще разыгранный спектакль»: «Думаю, что и сам Путин, будучи президентом, не осмелился бы пойти против воли мирового сообщества и наложить вето. Так что на резкость Медведева он, скорее всего, совсем не обидится. Решение по голосованию они наверняка принимали вместе»<sup>11</sup>.

Подход партии «Яблоко» к гражданской войне, развернувшейся в Сирии, поначалу был аналогичным. Местная оппозиция пользовалась симпатией «яблочников», противостоявший ей президент страны Башар Асад был объявлен диктатором и международно угрозой. Лидер партии «Яблоко» Сергей Митрохин, открывший 1 апреля 2012 г. в Барселоне заседание исполнительного комитета Либерального интернационала, на котором обсуждалась тема: «Влияние «Арабской весны» на ситуацию в мире: факты и вымыслы», дал свое видение по вопросу о том, почему Россия и Китай 4 февраля вновь заблокировали предложенный Западом и Лигой арабских государств проект резолюции ООН по Сирии, направленный против Асада. По словам председателя «Яблока», «в мире существуют не только либеральный, социалистический и другие интернационалы, существует еще и интернационал диктаторов. ... Диктаторы будут поддерживать друг друга, даже если это противоречит интересам их стран». Митрохин выразил уверенность, что, с точки зрения интересов России, это была очередная внешнеполитическая ошибка Кремля, поскольку «очевидно, что новый режим, который неизбежно придет к власти в Сирии, оплатит России за эту позицию крайней враждебностью, но для Путина важнее поддержать Асада в такой ситуации, в которой он не исключает для себя, что может сам оказаться». В итоге лидер «Яблока» проголосовал «за» резолюцию Либерального интернационала, осуждающую сирийский режим и требующую более жестких форм давления с целью прекращения геноцида сирийского народа<sup>12</sup>.

По мнению другого лидера «Яблока» Г. Явлинского, «сохранение режима Асада в Сирии и его союз с Ираном – ситуация крайне опасная, учитывая стремление Ирана к гегемонии в регионе и заявления его руководителей об уничтожении Израиля как приоритетной военно-политической

цели. Если этот союз сложится, никто не будет знать, что с ним делать»<sup>13</sup>.

Однако, учитывая опыт Ливии, где на смену диктатору к власти пришли банды исламистов, и наблюдая за происходившими событиями в самой Сирии, «Яблоко» к 2013 г. уже не выступало за немедленный уход Башара Асада. Как указывал Явлинский, «период, когда те, кого сегодня называют «повстанцами», еще были похожи на политическую оппозицию, а не на отъявленных и крайне опасных головорезов», остался в прошлом. По словам основателя «Яблока», «происходящее в Сирии – это давно уже не столько борьба «за демократию и свободу», с которой, возможно, все начиналось, сколько жестокий религиозно-общинный конфликт алавитов и суннитов, в том числе близких к «Аль-Кайде» и склонных к анархии. ... На стороне антиправительственных войск и даже во главе их выступают международные террористические исламистские организации и, прежде всего, «Аль-Кайда». Эти организации уже давно поставили себя вне современной цивилизации, вне мирового сообщества и вообще вне человечества. По своей идеологии и уровню совершенных преступлений «Аль-Кайда» и ее союзники находятся в одном ряду с наиболее серьезными военными преступниками. Поэтому любое сотрудничество с ними, любая поддержка их действий является абсолютно недопустимой». В связи с этим Явлинский приходил к выводу, что «при всей отвратительности диктаторских и радикально авторитарных режимов типа режима Башара Асада возглавляемое им государство все-таки является частью мировой цивилизации, входит в ООН, остается субъектом международного права. Противостоящая ему «Аль-Кайда» находится вне цивилизации, она противостоит цивилизации и вообще всему человечеству. Религиозные фанатики, прибегающие к террористическим методам, организации типа «Аль-Кайды» – несут хаос и разрушение всего, что составляет культуру человечества»<sup>14</sup>.

В силу этого произведенная 21 августа 2013 г. химическая атака в пригородах Дамаска в «Яблоке» была встречена с настороженностью. В отличие от Запада и своих сородичей по российской либеральной оппозиции, «яблочники» не были уверены, что это дело рук войск или спецслужб Асада. Явлинский указывал: «Эксперты пытаются установить, кто применил химическое оружие – правительство Асада или это провокация «повстанцев». Достаточно убедительно доказать ничего не удастся. ... Серьезность вопроса о применении химического оружия требует самого тщательного, подробного и широкого расследования ... Обеспечить выяснение правды о химической атаке 21 августа, добиться наказания виновных и не допустить при этом даже возможности извлечения выгоды террористами – задача всего международного сообщества и особая задача США, Евросоюза, России. Однако сегодня в достижение такого результата, чтобы с ним были согласны почти все, мало кто верит»<sup>15</sup>.



Таким образом, ситуация в Сирии, по мнению основателя «Яблока», выглядела неразрешимой: «Применение химического оружия, безусловно, требует вмешательства, но какого, как и каковы будут последствия – на этот счет в мире царит полная растерянность. ... Низкое качество мировой политики, отсутствие общих ценностей и принципов, «реалполитик» и политический постмодернизм ... – все это главные причины депрессии в мировой политике и неспособности решить ни одну проблему». В итоге, по словам Явлинского, мировое сообщество в Сирии столкнулось с тем, что «ни плана политического урегулирования, ни плана дальнейших действий, ни какой-либо уверенности в том, что военное вмешательство не усилит позиции той или иной стороны и, прежде всего, террористических группировок, на сегодняшний день нет»<sup>16</sup>.

Между тем США и их союзники, прежде всего в лице Франции и Турции, готовились к проведению военной операции против сирийского режима. Это вызывало серьезную обеспокоенность в «Яблоке». Как указывал Явлинский: «Если в результате американского обстрела правительственных позиций, оружейные арсеналы Асада, включая химическое оружие, попадут к той значительной части «повстанцев», которая представляет собой исламистов-экстремистов, и «Аль-Кайде», присутствующей там во всех форматах, будет очень плохо. Из этого следует, что Запад должен предпринимать только такие действия, которые ни при каких обстоятельствах не усилят позиции религиозных фанатиков, исламистов и террористов»<sup>17</sup>. Поскольку таких гарантий Запад дать не мог, то «Яблоко» выступило с призывом к США и их союзникам отказаться от «скоропалительных ракетных ударов» и «примитивных» силовых подходов и, таким образом, воздержаться от «военного вмешательства с очевидными крайне опасными последствиями»<sup>18</sup>.

Главными критериями при принятии решений по Сирии, по мнению основателя «Яблока», должны были стать предотвращение гибели гражданского населения и недопущение применения и распространения химического оружия, в том числе и оставление его запасов без контроля<sup>19</sup>. Именно поэтому партия «Яблоко», несмотря на свою оппозиционность к Кремлю, позитивно отнеслась к предложению российского руководства о ненападении США военных ударов по позициям сирийских правительственных войск в обмен на вывоз химического оружия из Сирии и его уничтожение под международным контролем. В «Яблоке» понимали, что Запад, согласившийся с данным планом, оказался в «щекотливой» ситуации, вынужденно сотрудничая с официальным Дамаском в его реализации<sup>20</sup>. Однако иного, более предпочтительного, пути решения проблемы сирийского химического оружия «яблочники» не видели.

Подводя итоги уходящего 2013 г., Григорий Явлинский отметил «положительный эффект от

инициативы по Сирии, где, похоже, удалось отойти от опасной черты»<sup>21</sup>. Новый же 2014 г. полностью переключил внимание «Яблока» на украинские события, оказавшиеся в международной повестке темой № 1.

Тем не менее за прошедшие первые три года «Арабской весны» (с 2011 по 2013 г.) руководство партии окончательно сформулировало свое отношение к революциям вообще и возможным революциям в России в частности. Уже в апреле 2011 г. Г. А. Явлинский высказал общее для «Яблока» отношение к революциям: «революция – вещь очень опасная, плохая, не дай бог желать ее кому-нибудь»<sup>22</sup>.

Практическую значимость эта позиция обрела менее чем через год во время так называемой «белоленточной революции» уже в самой России зимой 2011/12 г. Здесь как нельзя более уместными оказались сопоставления параллельно развивающихся революционных событий в России и на Арабском Востоке.

На уже упомянутом заседании исполнительного комитета Либерального интернационала в апреле 2012 г. глава «Яблока» Сергей Митрохин сравнил российскую власть с режимами арабских диктаторов. По его мнению, у них много общего – это монополия на власть, стремление главы государства править пожизненно, а также коррупция и олигархия. Есть, правда, и отличия. Как заметил глава «Яблока», российская власть все-таки «допускает больше свободы СМИ, больше пространства для деятельности оппозиции». При этом, сравнивая протесты в арабском мире и в России, Митрохин отметил, что у них разная социальная база. В арабских странах это бедные молодые люди, которым нечего терять, и потому они готовы на радикальные действия. В России это новый средний класс, которому, напротив, есть, что терять. Эти люди концентрируются в основном в Москве и они не готовы к массовому радикальному протесту<sup>23</sup>.

Таким образом, в «Яблоке» не верили в возможность силового «арабского» сценария развития протестов в России и считали это благом для страны. Как указывал Митрохин, «революционный сценарий неприемлем для России потому, что Россия – самая большая страна мира по территории, с самыми большими границами, большим этническим и конфессиональным разнообразием. ... По этой причине любая революция может привести к дезинтеграции нашей страны»<sup>24</sup>.

Подводя итог, необходимо отметить, что РОДП «Яблоко», несмотря на свою оппозиционность к российской власти и первоначальные симпатии к событиям «Арабской весны», якобы несущей демократию и права человека в страны Востока, в дальнейшем скорректировала свою позицию. Хаос и продолжающееся кровопролитие в Ливии уже после свержения Каддафи, быстрое превращение сирийской оппозиции в банды радикальных исламистов укрепили «яблочников» в традиционном



для них мнению, что любое революционное насилие недопустимо, в том числе в такой этнически и конфессионально сложной стране, как Россия.

### Примечания

- <sup>1</sup> Явлинский о Каддафи. 31.10.2011. URL: [http://www.youtube.com/watch?v=vs\\_FU1qcVII](http://www.youtube.com/watch?v=vs_FU1qcVII) (дата обращения: 09.12.2015).
- <sup>2</sup> Там же.
- <sup>3</sup> Блестящий спектакль тандема. 23.03.2011. URL: <http://mitrokhin.livejournal.com/24685.html> (дата обращения: 09.12.2015).
- <sup>4</sup> Битва за нефть. 03.03.2011. URL: <http://rusproekt.org/2011/03/03/bitva-za-neft/> (дата обращения: 09.12.2015).
- <sup>5</sup> Сергей Митрохин в программе «В круге света» (Эхо Москвы). 20.10.2011. URL: <http://echo.msk.ru/programs/sorokina/821848-echo/> (дата обращения: 09.12.2015).
- <sup>6</sup> Там же.
- <sup>7</sup> Битва за нефть. 03.03.2011.
- <sup>8</sup> Путин назвал операцию в Ливии крестовым походом. 21.03.2011. URL: <http://obozrevatel.com/abroad/rezolyutsiya-oon-po-livii-ponomnila-putinu-krestovyyj-rohod.htm> (дата обращения: 09.12.2015).
- <sup>9</sup> Блестящий спектакль тандема. 23.03.2011.
- <sup>10</sup> Тандем поспорил о крестовом походе. 21.03.2011. <http://www.infox.ru/authority/state/2011/03/21/Myedvyedyev.phtml> (дата обращения: 09.12.2015).
- <sup>11</sup> Блестящий спектакль тандема. 23.03.2011.
- <sup>12</sup> Митрохин в Барселоне: «Революционный сценарий неприемлем для России» // Пресс-релиз. 01.04.2012. URL: <http://www.yabloko.ru/news/2012/04/01> (дата обращения: 09.12.2015).
- <sup>13</sup> Ракетный удар в свои ворота: Статья Григория Явлинского для Газеты.ру. 04.09.2013. URL: [http://www.yavlinsky.ru/theme\\_of\\_day/index.phtml?id=4423](http://www.yavlinsky.ru/theme_of_day/index.phtml?id=4423) (дата обращения: 09.12.2015).
- <sup>14</sup> Там же.
- <sup>15</sup> Там же.
- <sup>16</sup> Там же.
- <sup>17</sup> Там же.
- <sup>18</sup> Там же.
- <sup>19</sup> Там же.
- <sup>20</sup> Член Политического комитета «ЯБЛОКА» Алексей Арбатов: США идут на вынужденный компромисс с Сирией // «Вести ФМ». 18.09.2013. URL: [http://www.yabloko.ru/publikatsii/2013/09/18\\_0](http://www.yabloko.ru/publikatsii/2013/09/18_0) (дата обращения: 09.12.2015).
- <sup>21</sup> Как оценить уходящий 2013 год: итоги года от Григория Явлинского. 29.12.2013. URL: [http://www.yabloko.ru/news/2013/12/29\\_1](http://www.yabloko.ru/news/2013/12/29_1) (дата обращения: 09.12.2015).
- <sup>22</sup> Как предотвратить революцию, но ответить на требования народа? 19.04.2011. URL: <http://www.yabloko.ru/video/2011/04/19> (дата обращения: 09.12.2015).
- <sup>23</sup> Митрохин в Барселоне: «Революционный сценарий неприемлем для России».
- <sup>24</sup> Там же.



## РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 904 (470)

### ПОСЕЛКИ ГОРОДЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ В ГЛУБИННЫХ РАЙОНАХ ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Ю. Д. Разуваев

Воронежский государственный педагогический университет  
E-mail: razuvaevyd@mail.ru

Рассматривается проблема интерпретации поселений середины I тыс. до н. э., находящихся вне основного ареала городецкой археологической культуры, на территории обитания лесостепных племен Скифии. Анализируются материалы девяти изучавшихся раскопками поселений, расположенных на реках Дон, Воронеж, Битюг, Северский Донец. Обосновывается ранняя датировка этих памятников, которые в качестве промысловых стоянок или сезонных поселков земледельцев, видимо, предшествовали расселению в донской лесостепи носителей культуры скифского облика.

**Ключевые слова:** лесостепное Подонье, скифская эпоха, городецкая археологическая культура, поселения.

**Settlements of Gorodetz Culture in the Remote Districts of the Don Forest-steppe**

Yu. D. Razuvaev

The problem of the interpretation of the settlements dating back to the middle of the I millennium BC which are situated out of the main area of Gorodetz' archaeological culture, in the area of dwelling of the forest-steppe tribes of Scythia is considered. The materials of nine archeological sites located on the rivers Don, Voronezh, Bitjug, Seversky Donets are analyzed. Early dating of these monuments, which as dwelling sites or seasonal settlements of farmers, probably, preceded the movement of the Scythian culture-bearers to the the Don forest-steppe, is being grounded.

**Key words:** forest-steppe Don region, Scythian era, Gorodetz' archaeological culture, settlements.

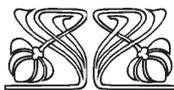
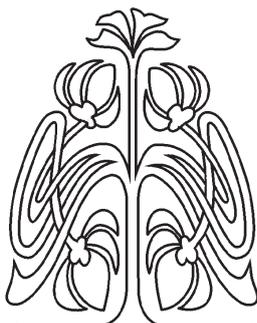
DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-206-211

В середине I тыс. до н. э. носители городецкой археологической культуры заселили обширные лесостепные пространства от Саратовского Поволжья на востоке до Верхнего Подонья на западе. В донском регионе их основной миграционный маршрут пролегал вдоль реки Воронеж, чьи берега практически сплошь усеяны кратковременными и стационарными поселениями (рис. 1), среди которых есть и несколько городищ<sup>1</sup>.

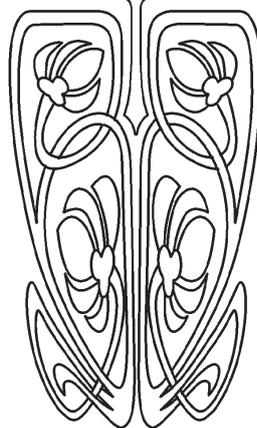
В низовьях Воронежа, а также в смежной части долины Дона эти памятники соседствуют с многочисленными поселениями, принадлежавшими к среднедонской (скифоидной) культуре, синхронной в целом раннему этапу городецкой. Более того, материалы обеих культур в разной пропорции нередко одновременно встречаются на памятниках пограничной зоны. Отдельные местонахождения характерной «рогожной» и «сетчатой» керамики известны и гораздо южнее, в бассейне Среднего Дона (см. рис. 1).

Эти находки, безусловно, свидетельствуют о присутствии в глубине скифоидного ареала переселенцев с севера. Сложно представить, что для племен лесостепной Скифии с их уровнем материально-культурного развития городецкая посуда была предметом импорта или репликации.

Историческая подоплека отмеченного картографического явления представляет несомненный интерес в плане изучения взаимодействия донских этносов скифской эпохи. Между тем проблема городецких древ-



НАУЧНЫЙ  
ОТДЕЛ



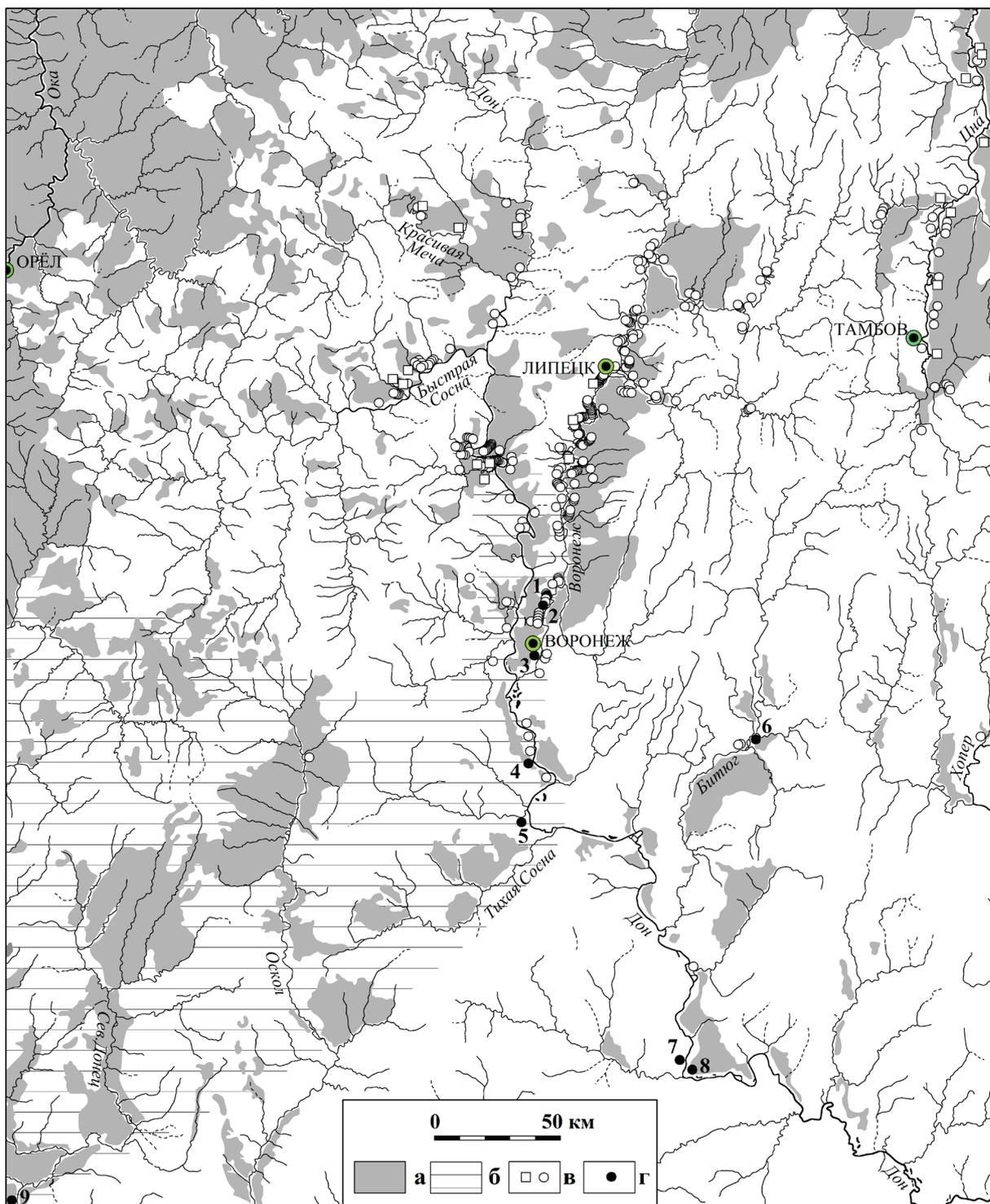


Рис. 1. Поселения городецкой культуры в донской лесостепи: а – почвы лесных типов; б – территория распространения скифоидных памятников; в – городища и поселения городецкой культуры; г – рассматриваемые в статье поселения; 1 – Чертовиковое VI; 2 – Чертовицкая; 3 – Стрельбище IV; 4 – Нижнесторожевская; 5 – Мостище; 6 – Дрониха; 7 – Кулаковка; 8 – Ольховатка; 9 – Коробовы Хутора



ностей в инокультурной среде стала исследоваться совсем недавно. Состояние же археологических источников пока таково, что до ее исчерпывающего разрешения еще далеко.

Первым обратился к сопоставлению соседствующих в Подонье культурных комплексов А. П. Медведев. Он считает, что на Верхнем Дону «возникло этнокультурное новообразование, в котором органично соединялись элементы лесостепной скифоидной и лесной городецкой культуры»<sup>2</sup>. Смешение этносов, как полагает исследователь, привело к распространению в городецкой среде, изначально охотничье-рыболовецкой, элементов производящего хозяйства (земледелие) и традиций скифоидного керамического производства. Сочетание же на поселениях разнотипной керамики свидетельствует о совместном проживании носителей двух культурных традиций<sup>3</sup>. Впрочем, А. П. Медведев допускает, что отдельные группы выходцев из лесной зоны могли периодически спускаться по рекам далеко на юг и заниматься промыслами в экологических нишах, не освоенных лесостепными земледельцами и скотоводами<sup>4</sup>.

По существу на тот же экономический фактор ссылается И. Е. Бирюков, объясняя местоположение раскопанного им поселения Чертовицкое VI в гуще скифоидных памятников<sup>5</sup>.

Автор настоящей статьи в свое время объяснял появление городецкой керамики среднедонских поселений либо этнокультурными контактами, либо хронологическими различиями<sup>6</sup>.

Недавно Т. В. Сарапулкина, придерживаясь в целом концепции А. П. Медведева об этнической ситуации в Подонье, предположила, что обломки «рогожной» посуды косвенно доказывают присутствие на скифоидных городищах рабов с северных территорий<sup>7</sup>.

Если признать, что морфологические особенности городецкой посуды являются следствием дуализма верхнедонского населения, то логично будет поискать следы этнической миксации и в керамическом комплексе среднедонских памятников. Вне процессов этнокультурной конвергенции не могли остаться прежде всего поселения пограничной зоны, но и более отдаленные заслуживают самого пристального внимания с точки зрения определения «родства» представленных на них материалов.

Именно эта задача несколько лет назад побудила автора статьи проанализировать керамические серии шести скифоидных городищ, расположенных в верхнем течении Дона, в непосредственном соседстве с массивом городецких памятников<sup>8</sup>. В результате этой работы, а также по стратиграфическим наблюдениям удалось определить, что городецкие материалы отложились в почве еще до возникновения укрепленных поселений иной культуры.

Отталкиваясь от этого опыта определения относительной хронологии, целесообразно рассмотреть и другие городецкие памятники, удаленные

от основного ареала культуры. Речь идет о девяти многослойных поселениях, на которых соответствующие материалы получены в результате более-менее значительных раскопок (см. рис. 1).

Три поселения находятся в низовьях Воронежа на правом берегу реки. Одно из них, получившее наименование Чертовицкое VI, расположено на пойменной террасе<sup>9</sup>. В раскопе площадью 72 кв. м удалось найти более 200 фрагментов «рогожных» и «сетчатых» сосудов, в том числе 43 венчика (рис. 2, 1–3). Памятник следует относить к числу наиболее древних в регионе на основании высокого процента «рогожной» керамики и доминирования слабопрофилированных форм сосудов<sup>10</sup>. Ранним временем, приблизительно VI в. до н. э., датируют поселение и авторы публикации.

Неподалеку от этого памятника, на дюне рядом с тем же с. Чертовицы, располагалась ныне затопленная водохранилищем стоянка, раскопанная на площади 347 кв. м<sup>11</sup>. Отсюда происходит около 20 обломков кухонных сосудов, как баночных (см. рис. 2, 4, 5), так и профилированных (см. рис. 2, 5).

Гораздо ниже по течению Воронежа на надпойменной террасе находится поселение Стельбище IV<sup>12</sup>. В раскопе площадью 654 кв. м найдено всего три венчика сосудов с «рогожной» поверхностью: двух горшков с профилированной шейкой и одной банки (см. рис. 2, 6, 7).

На правом берегу Дона, на первой надпойменной террасе, раскопом площадью 240 кв. м была практически полностью исследована Нижнесторожьевская стоянка, на которой обнаружены восемь «рогожных» черепков<sup>13</sup>.

На городище, расположенном у хут. Мостище на р. Потудань, близ ее впадения в Дон, и исследованном на площади 3747 кв. м, было найдено до десятка «рогожных» черепков<sup>14</sup>. В их числе три венчика баночных сосудов (см. рис. 2, 9). Сразу отметим, что такая форма совершенно не характерна для керамического комплекса этого скифоидного городища.

Поселение в урочище Дрониха, расположенное на надпойменной террасе левого берега р. Битюг у с. Старая Тишанка, раскопано на площади около 900 кв. м<sup>15</sup>. Коллекция городецкой керамики насчитывает 110 черепков, среди них семь небольших венчиков от горшков (рис. 2, 10, 12). В раскопе был найден бронзовый трехлопастной наконечник стрелы. По классификации А. И. Мелюковой, он относится к 4-му варианту 4-го типа, датирующемуся второй половиной V–IV вв. до н. э.<sup>16</sup> К V в. до н. э. относятся три обнаруженные в поселенческом слое ручки протофасосских амфор (определение С. Ю. Монахова, которому автор выражает признательность).

На надпойменном участке правого берега Дона около с. Кулаковка располагается поселение эпохи бронзы, на территории которого обнаружены два погребения скифского времени<sup>17</sup>. В раскопе площадью 232 кв. м найдены три фрагмента скифоидных сосудов и венчик неорнаментированного

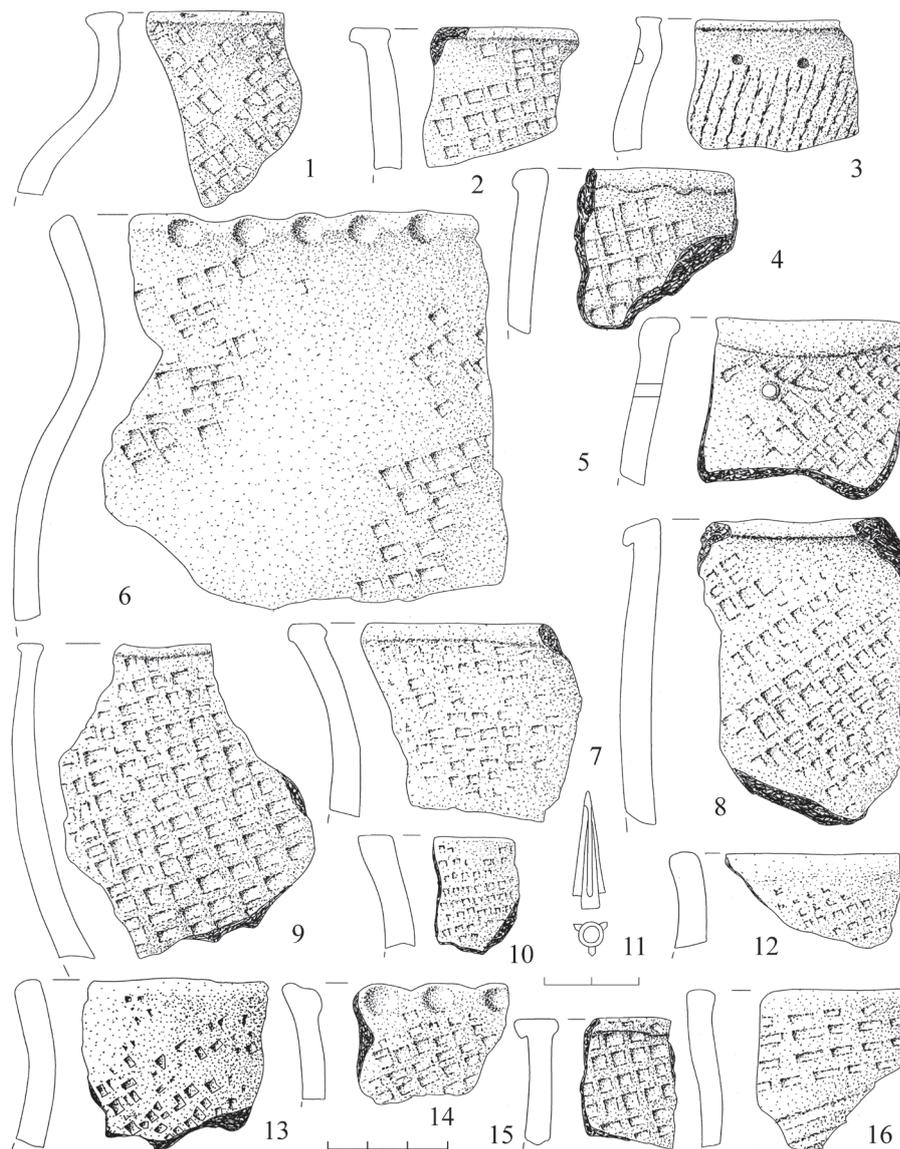


Рис. 2. Фрагменты лепных глиняных сосудов и бронзовый наконечник стрелы (11) с городецких поселений: 1–3 – Чертовицкое VI (по И. Е. Бирюкову); 4–6 – Чертовицкая; 7, 8 – Стрельбище IV; 9 – Мостище; 10–12 – Дрениха (11 – по А. Т. Синюку); 13 – Кулаковка; 14, 15 – Ольховатка; 16 – Коробовы Хутора (по В. В. Колоде)

«рогожного» горшка, отличающийся более плотной структурой и цветом поверхности (см. рис. 2, 13).

Еще одно поселение на Дону, но на левобережной надпойменной террасе, было исследовано у с. Ольховатка<sup>18</sup>. В раскопе площадью 172 кв. м обнаружено чуть более 20 фрагментов, в числе которых есть венчики слабопрофилированных сосудов (см. рис. 2, 14, 15).

Самым удаленным из рассматриваемых поселений является городище Коробовы Хутора, расположенное на правом берегу р. Северский Донец<sup>19</sup>. Среди найденных на нем керамических материалов скифского времени есть и единичные «рогожные» черепки, в том числе венчик баночного сосуда (см. рис. 2, 16).

Как следует из нашего обзора, выдвинутые в южную лесостепь городецкие поселения, как правило, не обладают насыщенным слоем, лишены каких-либо строительных сооружений и представлены исключительно фрагментированной керамикой. Они размещаются вдоль водных путей сообщения, каковыми, несомненно, служили основные реки региона, и тяготеют к лесам, местоположение которых прослеживается по соответствующим типам почв (см. рис. 1). Тем самым есть основания интерпретировать большинство южных памятников в качестве кратковременных стоянок промыслового назначения.

Вместе с тем на поселениях Чертовицкое VI и Дрениха найдено относительно много обломков со-



судов. Правда, и там нет жилых или хозяйственных сооружений. Однако ясно, что хозяйственная деятельность здешних обитателей была сравнительно более интенсивной.

Сейчас получены доказательства широкого распространения в городецкой среде земледелия<sup>20</sup>. Прежде всего, это отпечатки зерновок культурных растений, выявленные на керамике ряда донских поселений, в том числе и Дроники. Ведущую роль в этой сельскохозяйственной отрасли следует отводить подсеке. В связи с этим вполне логично полагать, что среди городецких поселений были и места сезонного проживания людей, занимавшихся расчисткой и обработкой полей в лесных массивах.

Относительно хронологии рассмотренных памятников данных, к сожалению, мало. Судя по датирующим материалам, поселение Дроники было синхронным скифоидным поселениям Подонья. Впрочем, оно находится на Битюге – реке, значительно удаленной от основной территории среднедонской культуры. Другие же поселки, расположенные в низовьях Воронежа и южнее, существовали, скорее всего, до широкого расселения в регионе скифоидных племен. Неслучайно в их керамических комплексах преобладают сосуды баночных или слабопрофилированных форм, которые характерны для раннегородецких поселений, для скифоидных же, наоборот, не типичны.

Таким образом, продвинутые на юг городецкие поселки обязаны своим появлением первой волне расселения в донской лесостепи носителей культуры, в дальнейшем закрепившихся лишь на верхнедонских территориях.

*Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-01-00103).*

## Примечания

- 1 См.: *Разуваев Ю. Д.* Городецкие поселения на р. Воронеж : структура размещения и топография // Тамбовские древности. Археология Окско-Донской равнины / под ред. С. И. Андреева. Тамбов, 2012. Вып. 3. С. 145–165.
- 2 *Медведев А. П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. М. : Наука, 1999. С. 45.
- 3 См.: *Медведев А. П.* Поселение раннего железного века Студеновка 3 // Археология Доно-Волжского бассейна / под ред. А. Т. Синюка. Воронеж, 1993. С. 90 ; *Медведев А. П., Цыбин М. В.* Охранные исследования памятников раннего железного века у северной окраины города Воронежа в 2010 г. // Археология и охрана археологического наследия Центральной России / под ред. А. П. Медведева. Воронеж, 2014. С. 77.
- 4 См.: *Медведев А. П.* Будины и тиссагеты на Верхнем Дону (проблемы этнокультурных и военно-политических контактов) // Елец и его окрестности : тез. науч. конф. / под ред. А. Т. Синюка. Елец, 1991. С. 96.
- 5 См.: *Бирюков И. Е.* Поселение раннего железного века Чертовицкое VI на р. Воронеж // Елец и его окрестности. С. 103.
- 6 См.: *Разуваев Ю. Д.* Городецкие поселения в лесостепи (по материалам Верхнего Подонья) // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон восточно-европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке : тез. докл. науч. конф. / под ред. А. Д. Пряхина Тула, 1993. С. 64.
- 7 См.: *Сарапулкина Т. В.* Городецкая культура на Верхнем и Среднем Дону : дис. ... канд. ист. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2010. С. 119.
- 8 См.: *Разуваев Ю. Д.* Городецкая керамика на скифоидных городищах Верхнего Дона // Верхнедонской археологический сборник / под ред. А. Н. Бессуднова. Липецк, 2009. Вып. 4. С. 126–131.
- 9 См.: *Бирюков И. Е., Голотвин А. Н.* Поселение Чертовицкое VI на р. Воронеж (бассейн Верхнего Дона) // Верхнедонской археологический сборник. С. 162–185.
- 10 См.: *Разуваев Ю. Д.* Поселения скифского времени в правобережье Верхнего Дона : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 1997. С. 17–18.
- 11 См.: *Синюк А. Т.* Отчет о работе неолитического отряда археологической экспедиции Воронежского государственного университета за 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 3846.
- 12 См.: *Пряхин А. Д.* Отчет археологической экспедиции Воронежского госуниверситета по обследованию памятников эпохи бронзы в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3674 ; *Он же.* Отчет археологической экспедиции Воронежского государственного университета и университетского отряда Воронежской новостроечной лесостепной экспедиции о работах в 1969 г. по обследованию памятников неолита – поздней бронзы // Архив ИА РАН. Р-1. № 4302.
- 13 См.: *Синюк А. Т.* Нижнесторожевская стоянка и некоторые вопросы изучения воронежской культуры // Археология Доно-Волжского бассейна / под ред. А. Т. Синюка. Воронеж, 1993. С. 30.
- 14 См.: *Синюк А. Т., Березуцкий В. Д.* Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж, 2001. С. 131.
- 15 См.: *Синюк А. Т.* Отчет о работе 1-го отряда Воронежской лесостепной скифской экспедиции ИА АН СССР в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5689 ; *Он же.* Отчет о работе 1-го отряда археологической экспедиции Воронежского государственного университета за 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5816 ; *Он же.* Отчет к открытому листу № 584 о раскопках поселения «Дроники» Таловского района Воронежской области в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8537.
- 16 См.: *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов // Свод археологических источников. М., 1964. Вып. Д1–4. С. 23, 25.
- 17 См.: *Разуваев Ю. Д.* Грунтовые погребения скифского времени у с. Кулаковка на Среднем Дону // Вестн. Острогского историко-художественного музея им. И. Н. Крамского. Вып. 2 : Восточноевропейские древности / под ред. Ю. Д. Разуваева. Воронеж, 2012. С. 165–169.



<sup>18</sup> См.: Погорелов В. И. Отчет к открытому листу № 147 об археологических исследованиях Толучеевского отряда на территории Среднего Дона в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11784.

<sup>19</sup> См.: Колода В. В. Работы 2003 г. на городище Коробовы Хутора и в его округе // Археологічні відкриття в

Україні 2002–2003 рр. / ред. Н. О. Гаврилук. Київ, 2004. С. 167–169.

<sup>20</sup> См.: Разуваев Ю. Д., Горбаненко С. А. К характеристике земледельческого хозяйства населения городищ культуры бассейна Дона и Цны // Российская археология. 2015. № 3. С. 17–28.

УДК 94(47)

## САРАТОВСКИЙ УЧИТЕЛЬ А. И. ШЕСТАКОВ – ПЕРВЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ В РОССИИ И ЕГО ОБЩЕСТВЕННО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВЕКОВ



Л. М. Артамонова

Самарский государственный институт культуры  
E-mail: artamonovo@mail.ru

В статье показано, что важную роль в развитии школьного образования в России конца XVIII – начала XIX в. сыграл учитель Саратовского главного народного училища А. И. Шестаков. Он многое сделал для повышения социального статуса учителя. Шестаков стал первым профессиональным педагогом, которого назначили директором народных училищ одной из русских губерний. По своим общественным и педагогическим взглядам он был сторонником сословного образования и возражал против либеральной направленности школьных реформ Екатерины II и Александра I.

**Ключевые слова:** «просвещенный абсолютизм» в России, история русской культуры, образование, школьные реформы, гимназии, пансионы, общественная мысль.

### Saratov Teacher A. I. Shestakov as the First Professional Director of Public Schools in Russia and his Socio-educational Views at the End of the XVIII and in the Beginning of the XIX Century

L. M. Artamonova

The article shows that Saratov teacher Shestakov played an important role in the development of school education in Russia in the late XVIII – early XIX centuries. He has done much to improve the social status of a teacher. Shestakov became the first professional teacher, who was appointed principal of public schools in one of the Russian provinces. As for his public and pedagogical views, he was the supporter of class education and objected to the liberal orientation of school reforms of Catherine II and Alexander I.

**Key words:** «enlightened absolutism» in Russia, history of Russian culture, education, school reforms, gymnasiums, boarding-schools, public thought.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-211-217

Имя Андрея Ивановича Шестакова не забыто в истории российского просвещения. Оно уже давно оказалось связанным, прежде всего, с открытием саратовской гимназии<sup>1</sup>. Вполне понятно, почему о нем писали и пишут преимущественно саратовские краеведы<sup>2</sup> и те из ученых, кто занимается вопро-

сами истории культуры и народного образования этого края<sup>3</sup>.

Вместе с тем история создания гимназии – лишь заключительный эпизод трудов А. И. Шестакова на ниве просвещения. Основная часть его биографии и характеристика взглядов как общественного деятеля и организатора народного образования требует специального рассмотрения. Такую возможность представляют дела, связанные с его службой по училищному ведомству и собственноручные записки, а также другие документы, которые были обнаружены в Российском государственном историческом архиве (РГИА), Национальном архиве Республики Татарстан (НАРТ) и в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА).

Жизненный путь А. И. Шестакова относится не только к эпохе Александра I, о чем преимущественно его биографы писали прежде. Значительная часть этого пути была пройдена в предыдущие царствования, особенно во времена Екатерины II. Характерная биография Шестакова, прекрасное знание им проблем отечественного образования и наличие собственной точки зрения на пути их решения рассмотрены в настоящей работе. За ее рамками остались достаточно известные детали открытия гимназии в Саратове.

А. И. Шестаков являлся уроженцем Казани и там же в 1772 г. поступил в местную семинарию. В 1783 г. он был переведен в учительскую гимназию в Петербурге, где удостоился чести держать публичный экзамен в присутствии Екатерины Великой, что подтверждает его послужной список, составленный в 1820 г. К предметам, изученным в духовной семинарии, а именно к «грамматике, закону Божию, латинскому языку, поэзии и философии», в Петербурге добавлено было обучение «русской грамматике, риторике, логике, арифметике, алгебре, геометрии, плоской и сферической тригонометрии, физике, механике, архитектуре, географии, истории гражданской и естественной, частью химии, немецкому языку и рисовать»<sup>4</sup>.

В числе других самых первых преподавателей провинциальных общеобразовательных школ



России Шестаков был определен учителем «математических наук» старших классов Саратовского главного народного училища в 1786 г. Вопреки бытующему в литературе мнению А. И. Шестаков не являлся «первым директором главного народного училища» в Саратове, возглавившим его более 20 лет<sup>5</sup>, а был поначалу рядовым учителем.

Впрочем в регионоведческой литературе есть и другие неточности, например, о первоначальном нахождении Саратовского главного народного училища в подчинении «симбирской дирекции». Неверно и то, что А. И. Шестаков был назначен директором в это народное училище в 1800 г.<sup>6</sup>

Собственно должности директора конкретного училища не существовало. Руководил работой учителей в главном народном училище в губернском центре и в малых народных училищах в уездных городах директор народных училищ губернии. Эту должность повсеместно с начала реализации школьной реформы Екатерины II заняли отнюдь не педагоги, а чиновники местной администрации, причем достаточно высокого ранга.

При подготовке школьной реформы Комиссия народных училищ настояла на том, чтобы, вверив «главное на месте об училищах попечение губернаторам, яко председателям Приказов общественного призрения», все же ввести специальное должностное лицо по школьной части. Она предложила поручить «особливое над училищами смотрение директорам народных училищ, бессменно в Приказах заседать имеющим»<sup>7</sup>.

О высоком статусе директора училищ свидетельствовало то, что назначался он генерал-губернатором. Это обеспечивало ему некоторую независимость положения в губернской администрации. Должность директора была достаточно привлекательной для чиновников, являлась штатной и оплачиваемой. Кроме того, не запрещалось совмещать эту должность с другими видами службы, это открывало возможность занимать ее по совместительству, не покидая ради нее более престижных и доходных мест.

Сложилась довольно непростая ситуация, когда над школами губернии начальствовал, с одной стороны, сам губернатор в качестве председателя местного Приказа общественного призрения и попечителя училищ, а с другой – не подчиненный ему напрямую директор училищ. В Саратове ее сначала разрешили очень просто. Правитель наместничества (губернатор) И. И. Поливанов, «желая употребить все меры возвысить училище, принял на себя звание директора». Эта ситуация была временной и закончилась в 1787 г., когда генерал-губернатор В. А. Чертков поручил исполнение должности директора училищ «на время» губернскому землемеру Ханыкову<sup>8</sup>.

Однако уже 3 августа 1788 г. на эту должность был назначен «царицынской расправной судья Захар Острожский». На назначение 34-летнего малороссийского шляхтича директором училищ губернии повлияло хорошее образование, которое

тот получил сначала в Петропавловской немецкой школе Петербурга, затем в Большой школе г. Дерпта в Прибалтике, а затем в одном из германских университетов, где изучал медицину, юриспруденцию и философию. Именно его преемником на указанной должности предстояло стать Шестакову в 1803 г. Начало службы самого Шестакова считалось с 22 сентября 1786 г., когда открылось одно из первых в провинции Саратовское главное народное училище. Тогда ему было около 22 лет от роду. Можно уверенно сказать, что родился Шестаков в 1764 г., на эту дату указывают сведения о его возрасте во всех известных документах о его службе. Дата кончины известна точнее – 28 февраля 1820 г.<sup>9</sup>

Упомянутые документы выделяют несколько ключевых событий служебной карьеры А. И. Шестакова. Вернее надо сказать, что сама его служба прокладывала для будущих поколений русских учителей возможности повышения своего социального положения. Статус службы по новому для России училищному ведомству был определен не сразу. В стратификации русского общества XVIII в. важнейшую роль играли сословные признаки: принадлежность к служилому или податному состоянию, привилегированное или непривилегированное положение, наличие чина по Табели о рангах и класс этого чина. Учителство народных училищ рассматривалось как служилое состояние, наряду с военными и гражданскими чиновниками. Однако до 1794 г. вопрос о чинопроизводстве преподавателей народных училищ в классные чины Табели о рангах не ставился. Статус учителей выглядел приниженным даже по сравнению с теми канцелярскими служащими, которые имели младшие офицерские чины, не говоря уже о гражданских администраторах более высокого ранга. В результате просьбы и жалобы учителей оставались без движения, поскольку, «не имевши сперва офицерских чинов, они не имели голосу и прав офицерских»<sup>10</sup>.

В § 54 Устава народных училищ Екатерины II говорилось, что все учителя, обучающие в народных училищах, считаются в действительной службе и могут ожидать «тех же воздаяний, которые рачительною службою в других званиях приобретаются». Поскольку ближайшей аналогией новому виду службы по школьному ведомству рассматривалась служба по ученой части, то в 1794 г. Комиссия народных училищ предложила чинить учителям производство тем же порядком, что был предусмотрен для профессоров, магистров и студентов. За 6–8 лет выслуги и беспорочной службы учитель, работавший в младших классах училища, мог быть произведен в 14-й класс Табели о рангах, который соответствовал первому армейскому офицерскому чину прапорщика и давал право на личное дворянство, а учитель, занимавшийся со старшими школьниками, – сразу в 12 класс (соответствует армейскому чину поручика). Общепринятые наименования гражданских чиновников 14-го класса (коллежский регистратор), а также



12 класса (губернский секретарь) были признаны неприличными для учителей. Поэтому Комиссия положила просто считать произведенных учителей в 12-м или 14-м классах без употребления канцелярских названий чинов<sup>11</sup>.

Следующей ступенью в чинопроизводстве учителей после 14-го и 12-го класса следовал чин 9-го класса, на который педагог, если работал со старшеклассниками, мог претендовать за 10 лет выслуги. Начиная с этого класса учитель именовался полным названием гражданского чина, в данном случае титулярным советником, что соответствовало капитану в армии.

Впервые производство учителей в классные чины Табели о рангах было осуществлено в июле 1797 г. в царствование Павла I. Это говорит о надуманности обвинений императора в безусловной враждебности просветительским намерениям матери. Среди первых производства удостоились учителя Саратовского главного народного училища А. И. Шестаков и В. И. Скворцов, получившие чин 12-го класса. Через два года было осуществлено новое повышение учителей в чине. В 1799 г. во всей России были произведены в чин титулярного советника 23 учителя, в числе которых были опять Шестаков и Скворцов, в чин 12-го класса – 56 учителей, 14-го класса – 169 человек<sup>12</sup>.

Вместе с тем возникала опасность оттока учителей, получивших классные чины Табели о рангах, с педагогической на другие виды государственной службы. Тогда Сенат по просьбе Комиссии народных училищ подтвердил указом во все присутственные места норму, которая впервые появилась в 1783 г. Согласно ей учителя, подготовленные за счет казны, не увольнялись и не принимались на другую службу без ведома Комиссии<sup>13</sup>.

В том же 1799 г. симбирский губернатор, хорошо знавший о педагогических и административных способностях А. И. Шестакова, выразил желание назначить его директором училищ своей губернии. Чин его по Табели о рангах теперь вполне соответствовал требованиям к этой должности.

Это предложение и его обсуждение имели большое значение для русской общеобразовательной школы. Комиссия народных училищ, куда предложение поступило, должна была принять решение не столько персональное, сколько принципиальное. Впервые в истории страны руководителем школьного дела в масштабах губернии мог стать профессиональный педагог, а не карьерный чиновник. С учетом этого Комиссия решила удовлетворить просьбу симбирского губернатора. Перемещение Шестакова с учительского на директорское место, сочла она, «может служить и прочим достальным учителям одобрением в прохождении их должностей»<sup>14</sup>. Возможности роста для служащих по училищному ведомству заметно расширились, а управление школами становилось более квалифицированным.

В начале XX в. составители описания архива Министерства народного просвещения сделали

ошибку, когда отнесли первые случаи определения учителей директорами народных училищ к 1801 г. (6 мая – в Тверской и 15 мая – в Вятской губерниях)<sup>15</sup>. Шестаков же вступил в эту должность 16 января 1800 г., его назначение произошло более чем на год раньше. Следовательно, именно он стал первым в России профессиональным педагогом, занявшим должность директора народных училищ целой губернии.

А. И. Шестакова тянуло назад в Саратов, причем его желание совпало с намерениями З. Л. Острожского. В марте 1803 г. был осуществлен взаимный перевод Шестакова из Симбирской губернии на должность директора саратовских училищ, а Острожского – на это же место в Симбирск<sup>16</sup>.

По возвращении на службу в Саратов в 1803 г. А. И. Шестаков оформил свои взгляды на русскую школу в особой записке. Удалось обнаружить две редакции его сочинения. Первый вариант, хранящийся сейчас среди дел Главного правления училищ в Петербурге, был представлен под заголовком «Нечто о просвещении в России» 27 апреля 1803 г. попечителю Казанского учебного округа А. А. Мантейфелю<sup>17</sup>. Тот передал записку в Главное правление училищ, где она была рассмотрена весьма формально. В журнале правления записано постановление оставить записку без какого-либо действия, поскольку уже приняты решения по осуществлению новой образовательной реформы, которые и следует исполнять.

Не получив никакого известия о судьбе своей записки, Шестаков 26 октября пишет новому попечителю Казанского округа С. Я. Румовскому и просит разрешения представить ее вторично. Румовский согласился ознакомиться с мнением саратовского директора. Так появился второй вариант записки Шестакова, который сейчас находится в архиве в Казани<sup>18</sup>. Этот вариант отличается от первого рядом добавлений к тексту, которые автор посчитал нужным сделать, чтобы усилить аргументацию своей позиции.

А. И. Шестаков настойчиво пытался донести свой взгляд, основанный на многолетнем опыте. Автор записки требовал «сильного и деятельнейшего ... внимания особенно на дворянство: ибо знание изящных наук, для выгод государственных, нужно сему классу людей паче, нежели прочим состояниям; и кажется, чтоб достигнуть всеобщего просвещения России надобно начать со всеобщего просвещения дворянства, которое при всех усилиях своих и поныне к тому не имеет достаточных способов». Важным средством привлечения дворянства в публичные школы должно было стать устройство при них пансионеров, но не за счет индивидуальной платы: «Надобно при учреждении сих заведений положить за непременное, чтоб обучающиеся в них дворянское юношество, без различия чинов или богатства родителей, содержалось на казенном иждивении»<sup>19</sup>.

Именно на устройство в первую очередь пансионеров, а не средних учебных заведений нового



типа – гимназий, оказались направлены основные усилия директора саратовских училищ в царствование Александра I. Авторы подчеркивают обычно техническую сторону вопроса – стремление Шестакова сначала подготовить в пансионе будущих учеников гимназии, а также финансовые трудности ее открытия, не зависящие от директора<sup>20</sup>.

Думается, нельзя не учитывать и социальную сторону этого вопроса. Симпатии директора училищ были отданы пансионам именно как дворянским сословным учебным заведениям в отличие от гимназий, оставшихся всеобщими, несмотря на возражения в его «Записке». О поддержке частных пансионов со стороны А. И. Шестакова прямо и в один голос говорили их содержатели М. Ронцевич, С. Троппе, Н. С. Квятковский. Они официально открыли свои заведения в 1812–1818 гг., но начали эту деятельность без препятствий со стороны училищного начальства еще раньше<sup>21</sup>. Распространение закрытого частного образования стало следствием роста культурного влияния дворянства в Саратове<sup>22</sup>.

Еще одним средством привлечения дворян к учебе должен был стать обязательный срок обучения. Просвещение иначе «не достигнет своего совершенства». Шестаков обращал внимание на то, что «дворянское юношество наше, даже разночинцы, всемерно спешат, чтоб не опоздать в службу, не от излишней к ней ревности, а дабы скорее получить только чинь». Если на обучение дворян не отвести «урочного времени», то учебные заведения «всегда будут наполнены одними малолетними, начинающими только и тотчас прекращающими свое учение»<sup>23</sup>.

Хорошо организованная и привлекательная для дворян публичная школа, по мысли Шестакова, должна составить конкуренцию домашним воспитателям и учителям. Он не возражает, чтобы богатые дворяне давали маленьким детям «в облегчение гимназий» первоначальное образование дома, «но с крайнею осторожностью ничему больше, как языкам, дабы какой-нибудь иностранный бродяга не испортил детского понятия». Настаивая на раннем предваряющем основном образовании изучения иностранных языков как дома, так и в школе, Шестаков, видимо, исходил и из своего опыта. Как свидетельствуют документы, во время обучения в Учительской гимназии Шестаков «ходил в немецкий класс». Однако он признавался, что не овладел никакими иностранными языками, кроме латинского, который изучил еще в духовной семинарии<sup>24</sup>.

В записке есть предложения, которые выглядят привлекательными для любого учебного заведения безотносительно его сословной направленности. Для привлечения детей в школы, как считал А. И. Шестаков, надо строить такие здания, которые отличались бы архитектурой и внутренним удобством. Они должны быть достойными цели обучения юношества России – «славного в свете государства», устраиваться «для свежести воздуха

на открытом месте, для забав, укрепляющих силы телесные, довольно обширные; для избежания развлечений и соблазнов, отделены от жительства, но не слишком в дальном от города расстоянии; и нужно стараться, чтоб при них были сады или рощи»<sup>25</sup>.

Эта идеальная картина заметно отличалась от реалий конца XVIII – начала XIX в. Только с 1830-х гг. сады и скверы становятся одним из атрибутов окультуренного пространства поволжских городов<sup>26</sup>. Сами же образовательные учреждения здесь первоначально «представляли собой печальное зрелище»<sup>27</sup>, пока не стали получать приличествующие им здания. Так, во многом стараниями Шестакова было выстроено к 1 января 1801 г. добротное каменное здание Саратовского главного народного училища<sup>28</sup>.

Расходы на образование, по мнению Шестакова, следовало увеличить, предварительно повысив доходы Приказов общественного призрения, на чьем содержании находились школы. Шестаков также выражал недовольство хозяйственным управлением училищ со стороны Приказов. «Недостаток усердия Приказов вникнуть во все подробности» не исправлялся ни губернаторами, которые слишком «многими делами озабочены», ни более высоким начальством. Так, в инструкции сенаторам для ревизии Саратовской губернии в 1802 г. предписывалось «особенное внимание» обратить на «Приказ общественного призрения, количество его капиталов, их употребление, состояние всех его заведений, как то, училищ, госпиталей и прочих»<sup>29</sup>. Однако существенных улучшений деятельности Приказа и подведомственных ему учреждений в результате ревизии не произошло.

Шестаков специально оговаривал необходимость улучшения жилищных условий учителей, поскольку «в помещении надобно им доставить всякое спокойствие и одного от другого независимость; в противном случае заведутся неприимимые и стыд делающие ученому месту раздоры, а паче между семейными». Он ссылался на собственный директорский опыт, испытал «на себе всю тягость разбирать беспрестанные споры учителей, мирить их и никогда в том не успевать»<sup>30</sup>.

Также Шестаков настаивал на повышении социального статуса учителя: «Должность его есть не последняя государственная обязанность. ... Но одни слова не произведут скоро такого самолюбия; тут не надобно щадить ни денег, ни почестей. Как звания сего есть цель важнейшая, и оно само по себе ... претрудное; то и выгоды от него должны быть не только равны тем, кои в других службах получают, но и превосходили бы их». Повышение общественного значения учительства ставило главной целью привлечь к педагогической деятельности дворян<sup>31</sup>.

Опытный педагог, попович по происхождению, чиновник невысокого ранга настаивал, как ни кажется это странным, на усилении сословного начала в образовании. Он выступал за обучение в



средних и высших учебных заведениях преимущественно дворян, за улучшение качества обучения, прежде всего, выходцев из благородного сословия. Шестаков считал необходимым ограничить доступ к среднему и высшему образованию, к чиновной, военной, даже научной карьере разночинцам, был бы рад и специальное образование, например медицинское, переложить на дворян.

Ограничение возможности получения высокого уровня образования сословным цензом не означало полного запрета. Хотя, по мнению Шестакова, для недворян «довольно и одних уездных училищ...», однако же и в гимназиях и университетах не возбранят учиться всякому, кроме крестьян, но только своекоштно, и не ограничивая урочным временем». При этом желательность прохождения детьми рядовых горожан полного курса уездного училища также ставилась Шестаковым под сомнение: «В народных училищах мещанин или небогатый купец старается, чтоб сын его кое-как выучился бы только читать и писать, а там поскорее и к делу»<sup>32</sup>. Заметим, не только в начале, но и в середине XIX в. среди учителей и директоров народных училищ в Поволжье было распространено мнение, что «главный недостаток» местных купцов и мещан – это застарелая «нелюбовь к общественному образованию», то есть к светской общеобразовательной школе<sup>33</sup>. Такой же «антиобразовательный стереотип поведения городских семей» отмечен исследователями в школах на Урале<sup>34</sup>.

Уездные училища Шестаков хотел бы заключить в более узкие сословные рамки и призывал обучать в них преимущественно сыновей офицеров и чиновников не из потомственных дворян. Шестаков утверждал, что «самое человеколюбивое, и для государства было бы преполезное дело, ежели бы Приказы общественного призрения взяли на себя воспитывать при уездных училищах ... подьяческих и офицерских детей, не имеющих права на дворянство; где бы они, обучаясь также урочные годы, приобрели больше всего искусство в чистом и правильном письме, и что касается до приказного порядка». Подобное назначение уездных училищ «доставляло бы для всех присутственных мест хороших приказных, а излишние поступали бы в военную службу». Для большинства населения оставались, по Шестакову, элементарные приходские школы без профессиональных учителей, вместо которых занятия бы вели священники и церковнослужители. От них и должна исходить «благочестивая мысль об учреждении приходских училищ». Вместе с тем сам Шестаков вынужден был признать, что, несмотря на наличие семинарий, далеко не все духовенство может считаться достаточно образованным для занятия школьным делом<sup>35</sup>.

Все эти мысли звучали в самую либеральную эпоху начала александровского царствования. Они заставляют задуматься об источниках будущего усиления консервативных настроений у самого

царя и в его окружении, в том числе по вопросам образования. Встает вопрос: не является ли односторонним распространенное мнение о том, что охранительные идеи насаждались в первой половине XIX в. исключительно сверху? К своим выводам Шестаков пришел не под влиянием, а вопреки тогдашней правительственной политике в области образования. В его записке преломились настроения значительной части провинциального общества, в том числе его непривилегированных слоев: «Предлагаемые мысли почерпал я из свойства нашего дворянства и прочих состояний, утверждаясь на опытах, чрез семнадцать лет мною дознанных, которое время имел я счастье быть главным народного училища учителем и, наконец, директором»<sup>36</sup>.

Не думается, что Шестаков кривил душой и был движим корыстью при составлении своей записки. Правда, в письме А. А. Мантейфелю он представлял эту записку в обоснование просьбы оставить его в должности директора народных училищ. Однако такой цели он скорее бы достиг, выражая полное согласие с позицией правительства по школьному делу, носившей либеральный характер, а не предложениями по ее изменению.

Не двигала Шестаковым и корпоративная солидарность. Саратовский директор специально подчеркивал, что он «не дворянин, нельзя подозревать тут в пристрастии» его к благородному сословию, а руководствовался он «единым чистым желанием блага своему Отечеству»<sup>37</sup>.

Выслуженные чины и дворянство не принесли никаких богатств человеку, который «всевозможное попечение прилагал к отправлению своей должности, оставляя личные выгоды, и чужд был корысти». Так, Шестаков «десять лет не пользовался казенною квартирою, на которую директорам, как известно по прочим губерниям, выдаётся до 300 руб. ежегодно, не получал до основания гимназии дров, коих положено отпускать директорам». Взяв, как поступали для заработка многие учителя, к себе на постой учеников-пансионеров, он делал это себе в убыток. Плата с них не оправдывала тех расходов, которые Шестаков понес на их содержание. Хотя новым школьным уставом Александра I директорский оклад равнялся 800 руб., однако до 1817 г. саратовский директор получал только по 500 руб. в год. Не улучшила его состояния и женитьба на дворянке. Его вдова писала после смерти мужа: «Я, выходя замуж, принесла в приданое 60 душ, которые, хотя и остались за мною, однако все заложены в банк и землёю весьма недостаточны. По сему залогу и по частным займам всех долгов составилось до 12 тысяч рублей, но казенная сумма гимназии осталась неприкосновенною. Долги сии суть необходимое следствие бескорыстия покойного, и ограниченного в пятистах рублях заключавшегося жалованья его, которое, для поддержания в обществе носимого им звания, было крайне недостаточно». Средств не доставало не только на представительство, но и на сколь-



нибудь сносное содержание семьи, в которой было 5 детей, в том числе старший сын – слабоумный инвалид<sup>38</sup>.

Несомненно, Шестаков исходил из интересов «успешнейшего в России просвещения» в широком смысле этого слова, но в собственном понимании. Долгий опыт учительской службы настраивал саратовского директора на критический лад к либеральным мечтам. Пока необразованной остается значительная часть дворянства – господствующего сословия, пока социальные роли учащихся и учащих кажутся непривлекательными, пока общеобразовательная школа не вызывает симпатий у людей благородного происхождения, до тех пор в России идеи просвещения не смогут в полной мере расширять влияние и приводиться в действие. Профессионального педагога также разочаровало отсутствие пользы давать полный курс обучения детям из низших сословий, составлявших подавляющее большинство учеников и не имевших за редким исключением перспектив приложить полученные знания на государственной службе или развить их в учебных заведениях более высокого уровня.

В рассуждения Шестакова вкрались ошибки, поскольку он исходил из представления об утилитарной ценности образования и предположения о незыблемости строя русской жизни, сложившегося к рубежу XVIII–XIX вв. Педагогическая утопия консервативного плана, созданная представителем зарождающейся разночинной интеллигенции, была определенной реакцией на некоторые неудачи образовательной реформы Екатерины II. Неудачи эти, в свою очередь, говорили о том, что русская самодержица также строила утопию, но весьма либеральную, полагая возможным создать одну из самых современных и модернизированных систем образования в мире, игнорируя крепостной и абсолютистский характер России того времени.

Вместо высокой, хотя малореальной мечты с помощью просвещения изменить к лучшему все общество<sup>39</sup>, предлагалась в духе «века просвещения», который именуют также «веком разума»<sup>40</sup>, рациональная с виду мысль приспособить школу к существующему социальному строю, не допускавшая каких-либо его преобразований даже в будущем. Несомненно, в этом споре правы оказались российские «философы на троне», Екатерина II и Александр I, которые при некотором идеализме все же вывели со своими сподвижниками российское просвещение на магистральную дорогу предстоящих, пусть и отдаленных успехов. Однако уже на начальном этапе введения массового школьного образования не все русское общество приняло стратегические цели «просвещенного абсолютизма».

Странная коллизия русской мысли и реальности. С одной стороны, аристократическая среда выдвигала либералов, реформаторов, «просвещенных бюрократов»<sup>41</sup>, а то и радикальных вольнодумцев. С другой стороны, некоторые провинциальные разночинцы – первые представители педагогической

интеллигенции призывали не торопить перемены, к которым страна не была готова, свернуть в области образования на путь школьного строительства по сословному признаку.

Речь шла о двух принципиальных подходах к развитию общеобразовательной школы, реально сложившихся в разное время верховной властью. В 1803–1804 гг. при Александре I, продолжавшем либеральную образовательную политику своей бабки, мысли А. И. Шестакова на четверть века предвосхищали идеи школьного Устава 1828 г., определившего усиление сословного фактора в просвещении при Николае I. Преобладающее воплощение каждого из подходов в дальнейшем обуславливалось общим ходом социально-политического развития страны и эффективностью самого школьного дела. Это воплощение также зависело от отношения властей и различных групп российского общества, включая его провинциальную часть, к целям, методам, результатам народного образования.

Рядовые деятели просвещения в силу своего общественного положения не имели возможности реально влиять на разработку правительственной политики в области образования. Если их идеи оказывались воплощенными в практику, то это свидетельствовало об адекватном отражении и осознании в провинциальной интеллектуальной среде взглядов, широко распространенных во всем русском обществе. Вероятно, именно в этом заключено основное значение идей, изложенных в записке Шестакова.

Шестаков связал в своей судьбе два этапа русского «просвещенного абсолютизма», две школьные реформы, предпринятые Екатериной Великой и Александром I. Более того, он во многом предугадал дальнейшую эволюцию российской школы, которая происходила при Николае I, хотя до этого царствования он не дожил. Шестаков также показал себя опытным профессиональным педагогом. Без сомнения положительный опыт директорства Шестакова и его тесного сотрудничества с губернскими администрациями Симбирска и Саратова послужил одним из источников курса на постепенную передачу управления школьным делом в руки специалистов.

## Примечания

- 1 См.: *Арнольдов М.* К материалам для истории просвещения в России в эпоху Александра I. Учреждение в Саратове гимназии и первые ее директора : Шестаков и Ченькаев. Тифлис, 1870.
- 2 См.: *Семенов В. Н., Семенов Н. Н.* Саратов дворянский // *Волга.* 1998. № 11–12. С. 36.
- 3 См.: *Майорова А. С.* История культуры Саратовского края. Культура Саратовского края до начала XX века. Ч. 1 (Конец XVIII – первая половина XIX века). Саратов, 2013. С. 152–154.
- 4 НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 257. Л. 20; Д. 1054. Л. 14 и об.



- <sup>5</sup> См.: *Духовников Ф. В.* Первые страницы саратовской мужской гимназии. (По делам Саратовского депутатского собрания и другим источникам) // Труды СУАК. Саратов, 1893. Т. 4, вып. 2. С. 43.
- <sup>6</sup> См.: Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов, 1893. С. 51, 54.
- <sup>7</sup> РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 76. Л. 98 об.–99.
- <sup>8</sup> НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 769. Л. 60 об.–61.
- <sup>9</sup> РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1564. Л. 2 об., 5, 25 об.–26; НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1054. Л. 1.
- <sup>10</sup> НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 306. Л. 4.
- <sup>11</sup> См.: *Рождественский С. В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. СПб., 1912. Т. 1. С. 583.
- <sup>12</sup> См.: Описание дел архива Министерства народного просвещения. Пг., 1917. Т. 1. С. 50.
- <sup>13</sup> См.: *Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 584.
- <sup>14</sup> РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1248. Л. 8.
- <sup>15</sup> См.: Описание дел архива Министерства народного просвещения. С. 63.
- <sup>16</sup> НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 26. Л. 1а.; Д. 769. Л. 63.
- <sup>17</sup> РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 109.
- <sup>18</sup> НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 26. Л. 21–36 об.
- <sup>19</sup> РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 109. Л. 2–3.
- <sup>20</sup> См.: *Майорова А. С.* История культуры. С. 152–154.
- <sup>21</sup> См.: «Позволено... учредить в городе... пансион». Документы Национального архива Республики Татарстан по истории частных учебных заведений в Поволжье. Конец XVIII – начало XIX в. // Отечественные архивы. 2006. № 4. С. 82–102.
- <sup>22</sup> См.: *Майорова А. С.* Культура и повседневная жизнь дворянства Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века // Российская история. 2010. № 4. С. 118–134.
- <sup>23</sup> РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 109. Л. 3 об.–4 об.
- <sup>24</sup> НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 26. Л. 3, 18 об., 28.
- <sup>25</sup> РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 109. Л. 5 об.–6.
- <sup>26</sup> См.: *Бирюкова А. Б.* Социокультурные аспекты градостроительной деятельности в конце XVIII – середине XIX в. (по материалам Среднего Поволжья) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6–2 (44). С. 34, 36.
- <sup>27</sup> См.: *Бирюкова А. Б.* Социокультурный облик образовательных учреждений провинциальных городов дореформенной России (по материалам Среднего Поволжья) // Наука и культура России : материалы VIII междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2011. С. 17.
- <sup>28</sup> НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 769. Л. 62 об.–63.
- <sup>29</sup> Там же. Д. 26. Л. 35; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 111. Д. 57910. Л. 3 об.
- <sup>30</sup> НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 26. Л. 30 об.
- <sup>31</sup> РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 109. Л. 7 об.–8.
- <sup>32</sup> Там же. Л. 12.
- <sup>33</sup> См.: *Смирнов Ю. Н.* Жители провинциального города. Самарские рукописи РГО // Центр и периферия. 2014. № 1. С. 12–21.
- <sup>34</sup> См.: *Дашкевич Л. А.* Школа в социокультурной среде уральского города конца XVIII – первой половины XIX века // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2006. Т. 45, № 20. С. 221.
- <sup>35</sup> РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 109. Л. 12 об., 13 об.
- <sup>36</sup> Там же. Л. 4 об.
- <sup>37</sup> Там же. Л. 36.
- <sup>38</sup> НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1054. Л. 9 об. – 10.
- <sup>39</sup> См.: *Артамонова Л. М.* Взаимосвязь крестьянского вопроса и школьной реформы в правление Екатерины II // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2011. № 2. С. 205–209.
- <sup>40</sup> См.: *Орлов А. С., Смирнов Ю. Н.* Жажда познания. Век XVIII. М., 1986. С. 11.
- <sup>41</sup> *Акульшин П. В.* П. А. Вяземский. Власть и общество в дореформенной России. М., 2001. С. 6.

УДК 821. 161. 1. 09+398(47)+94(470.44)+929 Шевырев

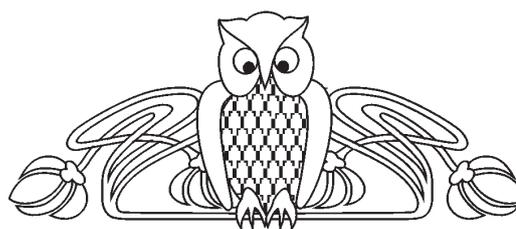
## С. П. ШЕВЫРЕВ И ЕГО СВЯЗИ С САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИЕЙ

А. С. Майорова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского  
E-mail: majorova-as@mail.ru

С. П. Шевырев был уроженцем Саратовской губернии, но его имя до последнего времени редко встречалось в трудах саратовских историков. В статье показано, каково было влияние культурной среды Саратова на формирование его личности и творческих устремлений. Связи с родной губернией оказались важными для Шевырева и в период, когда определились его научные интересы, и когда он занимался собиранием фольклора на ее территории.

**Ключевые слова:** культурная среда Саратова, саратовский театр, саратовские дворяне, собрание П. В. Киреевского, народные песни.



S. P. Shevryyov and his Ties with Saratov Province

A. S. Mayorova

S. P. Shevryyov was a native of Saratov province, but until recently his name was not often mentioned in the works of Saratov historians. The article explains the impact of Saratov culture on the development of his personality and creative pursuits. The connections with his native province were important for Shevryyov both when he was defining his academic interest and when he was collecting folklore there.

**Key words:** Saratov culture, Saratov theatre, Saratov noblemen, Kireevsky's collection, folk songs.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-217-223



Личность Степана Петровича Шевырева (1806–1864) и его деятельность вызвали противоречивые оценки современников, а затем – историков. В. М. Маркович характеризует его вклад в развитие русской литературы и в ее изучение следующим образом: «Степан Петрович Шевырев принадлежит к числу основоположников отечественной литературной критики и науки о литературе. Он ... едва ли не первым сумел претворить новые эстетические идеи и новый критический метод. Не менее важная заслуга Шевырева заключалась в том, что он одним из первых в России поставил изучение литературы и эстетики на историческую почву, одним из первых стал рассматривать эволюцию художественной мысли как отражение духовной и общественной жизни народа»<sup>1</sup>. В период его активной публицистической деятельности (1840-е гг.) Шевырев часто оказывался в центре литературно-философских споров. Однако в последние годы его жизни, которые он провел в Европе, среди его коллег в России уже фактически отсутствовал интерес к его творчеству, к его оригинальным суждениям.

В начале XX в. Н. П. Барсуков писал: «Известие о кончине Шевырева было принято у нас с возмутительным равнодушием. Краткое упоминание в “Дне” Аксакова об его кончине, два-три слова в “Московских ведомостях” об его заслугах, и только»<sup>2</sup>. В связи с этим Барсуков приводит высказывание Я. К. Грота: «В последние годы жизни Шевырева обстоятельства его приняли особенно неблагоприятный для него оборот. Вследствие разных прискорбных случайностей его прежние заслуги были забыты – что едва ли послужит к чести нашей эпохи – не раздался ни один голос в защиту человека, оказавшего существенную пользу науке. Пусть Шевырев имел свои человеческие слабости ... в глазах потомства ничто не должно заслонять его значения как ученого и как писателя»<sup>3</sup>.

Неблагоприятный оборот жизненных обстоятельств и «прискорбные случайности», о которых говорит Барсуков, были связаны как с его позицией в области литературной критики, так и со служебной и общественной деятельностью. Шевырев считал успехи «натуральной школы» (т. е. реализма) в русской литературе признаком ее глубокого упадка, чем приобрел репутацию ретрограда и педанта со стороны критиков демократического направления.

Празднование столетнего юбилея Московского университета в 1855 г., в подготовке которого Шевырев будучи деканом историко-филологического факультета сыграл одну из главных ролей, не прибавило ему популярности ни в среде либерального круга профессуры, ни в среде студентов. В 1856 г. он начал хлопотать об уходе на пенсию из университета по выслуге лет, желая остаться «деятельным академиком» (он имел звание ординарного академика). Попечитель университета в то время просил его не торопиться с отставкой<sup>4</sup>. Однако в следующем году он был уволен от долж-

ности профессора не по собственному желанию, а вследствие неприятного инцидента.

Шевырев на заседании совета Московского художественного общества затеял ссору с графом Бобринским. Граф высказался «против некоторых русских порядков», а профессор выступил в защиту «чести русского имени». Спорщики вначале ругались, затем дошло до рукоприкладства. В результате Шевырев был не только уволен, ему было предписано покинуть Москву и выехать в Ярославль. Ввиду болезни Шевыреву все-таки разрешили остаться в Москве для лечения<sup>5</sup>. Эти события, а также ухудшение здоровья привели его к решению об отъезде за границу. В августе 1860 г. он писал П. А. Вяземскому: «Чувствую потребность другой атмосферы. Здесь боюсь впасть в материализм и умереть духом»<sup>6</sup>. В том же году он уехал из России и уже на родину не возвращался.

В «Русском биографическом словаре» имеется обширная статья, посвященная Шевыреву. Ее автор стремился показать причины противоречивых оценок его деятельности со стороны современников<sup>7</sup>. В XX в. по отношению к творчеству Шевырева, как пишет Маркович, длительное время господствовал предвзятый подход. Его «чаще всего воспринимали лишь как одного из ярких поборников “официальной народности”»<sup>8</sup>. Тем не менее, несмотря на сложившуюся традицию негативного отношения к наследию Шевырева, можно отметить стремление ряда авторов «преодолеть инерцию» такого одностороннего подхода и «оценить его деятельность объективно». В связи с этим Маркович называет имена М. И. Аронсона, Ю. В. Манна, Е. А. Маймина<sup>9</sup>. Следует также указать на позицию М. К. Азадовского, который в своем труде по истории русской фольклористики, опубликованном в конце 50-х гг. XX в., неоднократно упоминает о деятельности Шевырева в этой сфере<sup>10</sup>.

В начале XXI в. в связи с двухсотлетием Шевырева появились посвященные ему статьи<sup>11</sup>. Вполне закономерно то, что в них его жизнь и творчество в большинстве случаев рассматриваются в контексте истории Московского университета либо в связи с ней. Ведь Шевырев преподавал в университете свыше двадцати лет. Можно сказать, что интерес к его личности и деятельности не ослабевает и в настоящее время<sup>12</sup>. Особого внимания заслуживает публикация работ Шевырева о проблемах развития русской литературы, которая была осуществлена в 2004 г. Марковичем<sup>13</sup>. В статье, написанной составителем, сделана попытка осветить заслуги Шевырева в области литературной критики и показать истоки и эволюцию его взглядов на развитие русской литературы в свете его общефилософских представлений<sup>14</sup>.

Для историков Саратовского края биография этого выдающегося деятеля русской культуры представляет большой интерес. Шевырев был уроженцем Саратова, его отец был землевладельцем Саратовской губернии. Об этом можно узнать из его автобиографии, помещенной в «Биографи-



ческом словаре профессоров и преподавателей императорского Московского университета»<sup>15</sup>. В ней сказано, что Шевырев родился в Саратове 18 октября 1806 г. и что он происходил от потомственных дворян Саратовской губернии<sup>16</sup>. Этот факт хорошо известен, он неоднократно повторялся в биографических справках и в исследованиях. Вполне закономерным представляется вопрос о том, каким образом Шевырев поддерживал связи с родной губернией. Однако он стал предметом исследования саратовских регионоведов сравнительно недавно, в начале XXI века.

До этого в их трудах имя Шевырева встречалось редко. Из числа местных дореволюционных историков только Н. Ф. Хованский поместил его биографию в одном из разделов своей книги, посвященной истории Саратовской губернии<sup>17</sup>. Хованский использовал не только материал статьи, помещенной в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей императорского Московского университета», он привлек также другие источники и исследования. При этом он уточнил сведения о сроках пребывания отца Шевырева в должности предводителя дворянства Саратовской губернии на основании публикации местных источников<sup>18</sup>. Никаких данных о связях Шевырева с Саратовом и со своими родственниками в губернии Хованский не приводит. В 1923 г. А. А. Гераклитов упомянул Шевырева как уроженца Саратова в своем очерке по истории губернского города<sup>19</sup>.

В начале XXI в. в местной историографии проявился интерес к жизни и творчеству этого широко известного деятеля русской культуры. Саратовские исследователи откликнулись на двухсотлетний юбилей Шевырева интересными публикациями. В 2005 и 2006 гг. в журнале «Волга XXI век» вышли статьи, посвященные Шевыреву. В 2006 г. саратовский историк литературы Ю. С. Воронов опубликовал свою работу, в которой он называет Шевырева выдающимся поэтом и мыслителем<sup>20</sup>. Основное внимание автор статьи уделил взаимоотношениям нашего земляка с Пушкиным и Гоголем. Иной характер имеет совместная статья М. А. Чернышева и А. Н. Юматова, которая появилась в печати на год раньше. Эта статья – первый опыт изучения вопроса о связях Шевырева с родной губернией<sup>21</sup>. В ней использованы материалы дела о дворянском достоинстве рода Шевыревых, которое хранится в Государственном архиве Саратовской области. Главное внимание авторы уделили именно тем эпизодам биографии Шевырева, которые показывают его связи со своей малой родиной. Одним из аспектов этих связей, как выяснили авторы статьи, была его деятельность по собиранию фольклора на территории Саратовской губернии.

Дополнительное изучение обстоятельств жизни Шевырева может уточнить наши представления о том, какое влияние оказала на формирование его личности и творческих интересов культурная среда Саратова. Рассмотрение материала о его практической работе в качестве собирателя фольклора

в родной губернии необходимо для понимания характера связей с ней Шевырева в период его творческой зрелости.

В статье Чернышева и Юматова в качестве источников использованы, помимо документов дела о дворянском достоинстве, поэтические произведения Шевырева и его публицистические работы. К сожалению, внимание авторов статьи не привлек материал «Биографического словаря профессоров и преподавателей императорского Московского университета». Одним из наиболее интересных опубликованных источников, в которых имеются прямые указания на связи С. П. Шевырева с Саратовской губернией, являются также воспоминания о нем М. П. Погодина, который был ближайшим другом и единомышленником Шевырева<sup>22</sup>.

В названной выше статье Чернышева и Юматова присутствуют неточности – авторы допустили некоторые предположения, построенные на основании документов дела о дворянском достоинстве Шевыревых без учета сведений из автобиографии знаменитого представителя этого рода и воспоминаний Погодина. Так, Чернышев и Юматов полагают, что семья родителей будущего профессора университета переехала из Саратова в Москву. Они подробно описывают конфликт между отцом С. П. Шевырева Петром Сергеевичем и одним из его племянников. Этот конфликт стал предметом разбирательства в саратовском дворянском обществе в 1806 году. Результатом разбирательства было столкновение П. С. Шевырева со статским советником Есиповым, который исполнял в то время должность губернского предводителя дворянства. Авторы статьи подчеркивают, что эти события произошли в год рождения С. П. Шевырева. Обида, которую пережил его отец, как сказано в статье, «привела его позднее к мысли покинуть с семьей город». Отъезд семейства описан следующим образом: «И поднялась через несколько лет с отеческой земли большая семья Шевыревых. Отправилась она, правда, в Москву, но ведь так больно было рубить корни, связывающие их с Волгой, с родными местами...»<sup>23</sup>

Однако в «Биографическом словаре» имеются недвусмысленные указания на то, что семья родителей С. П. Шевырева в Москве не проживала. Здесь говорится, что на двенадцатом году жизни он был привезен матерью в Москву и был принят в университетский благородный пансион<sup>24</sup>. И далее приводится следующая подробность о жизни мальчика в Москве: «Из пансиона он часто ездил в дом А. В. Евреинова, которого семейство заменяло ему на чужбине семью родную»<sup>25</sup>. Чернышев и Юматов, высказав предположение о том, что семья Шевыревых переселилась в Москву, полагают, что младшие братья Степана Петровича Авенир и Фрументий родились в Москве<sup>26</sup>. Однако в деле о дворянском достоинстве Шевыревых нет документов, которые могли бы подтвердить этот факт. Близкие родственники Шевырева продолжали оставаться жителями Саратовской губернии.



Данное обстоятельство не исключает того, что его братья Александр и Ерминигельд будучи на военной службе находились за пределами губернии. К 1852 г. первый из них был поручиком, а второй – штабс-ротмистром<sup>27</sup>. И семья, и «родовое гнездо» в селе Ивановском («Адоевщина Шевырево тож») Саратовского уезда<sup>28</sup> связывали молодого человека с саратовской землей.

В детские годы Шевырева, проведенные в Саратовской губернии, как свидетельствует «Биографический словарь», сложились его пристрастия и увлечения, которые в дальнейшем определили направления его творческих интересов. Как сказано в словаре, уже в детстве его любимыми занятиями были «занятия словесности» – чтение Евангелия по-славянски, работа над переводами детских пьес иностранных авторов<sup>29</sup>. Здесь мы встречаем очень важное замечание: «Саратовский театр доставлял ему большое удовольствие и содействовал развитию вкуса в литературе»<sup>30</sup>. Речь идет о публичном театре, владельцем которого был саратовский губернатор А. Д. Панчулидзе. Как считают саратовские историки, он существовал примерно с 1810 г., когда для него было построено специальное здание<sup>31</sup>.

Детские впечатления от театра имели глубокое влияние на формирование талантов Шевырева и подтолкнули его к драматическому творчеству. Несомненно, переводы детских пьес, о которых говорится в его биографии, были данью его увлечению театром. Его близкий друг Погодин приводит в своих воспоминаниях интересный факт – в детстве Шевырев сочинил драму, «которая была им разыграна вместе с братьями и сестрами»<sup>32</sup>. Очевидно, об этом ему рассказал сам Шевырев. Уже будучи взрослым молодым человеком, он продолжал увлекаться драматическим творчеством. Во время своей первой поездки в Италию в 1829–1830 гг. он написал трагедию «Ромул» и хотел поставить ее на сцене. Об этом он сообщал в письме к Погодину, которое последний цитирует в своих воспоминаниях. В том же письме от 23 ноября 1830 г. Шевырев напоминает своему другу о том, что ему удавалось успешно переводить Шиллера<sup>33</sup>. Увлечение театром было для него настолько серьезным, что, решая вопрос о своей будущей карьере, он раздумывал, посвятить жизнь театру или преподаванию, и даже мечтал о соединении этих двух возможностей, встав на путь преподавания «в школе театральной для актеров»<sup>34</sup>.

В своей автобиографии Шевырев с благодарностью вспоминал наставников, которые учили его в родительском доме. Он называет имена священника Ф. А. Вязовского, француженки А. Н. Латомбель и учителя рисования П. М. Сарнацкого. Причем Сарнацкий, по словам мемуариста, «снабжал его книгами из своей и театральной библиотеки»<sup>35</sup>. Возможно, в доме родителей Шевырева было не слишком много книг. Во всяком случае он не упоминал об их домашней библиотеке. В то же время саратовский учитель рисования имел свою библи-

отеку, может, и совсем небольшую. Он мог принести своему ученику книги из нее и из театральной библиотеки Саратова. К сожалению, у историков пока нет сведений о том, что представляла собой театральная библиотека, была ли она частным собранием книг или была в подчинении губернской администрации. В автобиографии Шевырева сказано, что в детстве он прочел произведения Сумарокова, Хераскова и повести Карамзина<sup>36</sup>. Произведения драматургов, вероятно, Сарнацкий приносил ученику из театральной библиотеки, а повести Карамзина – из своей. Автобиографические заметки петербургского профессора, как видим, содержат интересные сведения о культурной среде Саратова первых десятилетий XIX века. В 1818 г., согласно его собственным воспоминаниям, Шевырев уже уехал из родного города и поступил в пансион при Московском университете<sup>37</sup>.

В автобиографии Шевырева ничего не сказано о его поездках в Саратовскую губернию, которые он совершал, уже будучи взрослым человеком. Упоминания о них встречаем в биографии М. П. Погодина, составленной Н. П. Барсуковым по материалам его архива<sup>38</sup>. Чернышев и Юматов рассматривают события в жизни Шевырева, связанные с Саратовом и с Саратовской губернией, как значительные вехи его биографии: «В Саратове он родился, в Саратов наезжал на светлые дни жизни своей. В Саратове испытал он тягостные житейские и нравственные потрясения»<sup>39</sup>. Первый эпизод, который произошел в год рождения Шевырева и который был связан с конфликтом его отца со своими родственниками, как уже было сказано, истолкован авторами статьи в качестве причины отъезда семьи в Москву. (На самом деле отъезда не было). Второй эпизод – посещение Шевыревым Саратовской губернии в 1827 году<sup>40</sup>. На основании писем Шевырева к Погодину, написанных в марте и в июне этого года, Чернышев и Юматов восстанавливают события его жизни – пребывание в Саратове, поездку в деревню к родным, болезнь и еще одну поездку – на богомолье.

В письме к Погодину Шевырев писал: «Я теперь такой веры, что со всяким из нас бывает перелом в жизни, который должен непременно явиться в какой-нибудь болезни. Горячку свою считаю важною эпохой в своей жизни»<sup>41</sup>. Рассмотрев поэтические произведения Шевырева, написанные после его поездки в Саратовскую губернию в 1827 г., авторы названной статьи сделали вывод о том, что в то время он пережил «преображение души. ... С этих пор он принял веру не только сердцем, но и умом»<sup>42</sup>. Чернышев и Юматов полагают, что на богомолье Шевырев ездил в один из иргизских монастырей<sup>43</sup>. Однако это предположение не может соответствовать реалиям того времени. Следует заметить, что авторы на нем не настаивают. Православный дворянин, к тому же очень религиозный, не мог стремиться в старообрядческий монастырь как к святым местам. Скорее всего, Шевырев и его близкие (судя по письму, он ездил не один) побы-



вали в Воронеже, куда направлялись саратовцы на поклонение мощам угодника Митрофания.

К 1827 г. авторы статьи относят записи народных песен, которые были сделаны Шевыревым в Саратовской губернии<sup>44</sup>. Эта датировка имеет предположительный характер. О том, что Шевырев занимался сбором фольклора, нам известно благодаря его участию в формировании фонда песен, былин и духовных стихов, который вошел в историю как собрание П. В. Киреевского. Азадовский называет его «первым и важнейшим монументальным собранием русского фольклора»<sup>45</sup>. История его создания имеет непосредственное отношение к деятельности Шевырева и его общественной позиции. Будущий профессор Московского университета и его друзья Погодин и М. А. Максимович были близки к кружку Любимудров, который существовал в 1823–1825 годах. Участники кружка Д. В. Венивитинов, В. Ф. Одоевский, И. В. Киреевский, А. И. Кошелев, Н. М. Рожалин увлекались немецкой романтической литературой и немецкой философией. Младший брат Киреевского П. В. Киреевский, по выражению Азадовского, «был в орбите кружка»<sup>46</sup>.

Воззрения Любимудров сыграли большую роль в формировании теоретических основ науки о фольклоре. Кроме того, участники кружка и их единомышленники активно пропагандировали изучение и собирание произведений народной словесности на страницах журнала «Московский вестник». Среди статей такого содержания Азадовский особо выделяет рецензию Шевырева на «Малороссийские песни Максимовича», опубликованную в этом журнале в 1827 году<sup>47</sup>. Чернышев и Юматов также обратили внимание на эту рецензию, в которой автор указывает на издание Максимовича как на пример, на который должны ориентироваться филологи. Шевырев, обращаясь к читателям, восклицает: «Как мы до сих пор не спешим уловить русские песни, столь родные нашему сердцу, которые, может быть, скоро унесет с собою старое поколение!»<sup>48</sup>

Вероятно, эта эмоциональная рецензия Шевырева подтолкнула саратовских исследователей к предположению о том, что именно в 1827 г. в родной губернии им были сделаны записи народных песен. Не исключено, что данное предположение справедливо. Идея собирания фольклора в то время, можно сказать, витала в воздухе. Азадовский писал о том, что на протяжении первой трети XIX в. «перед русской общественной мыслью стояла задача издания полного собрания памятников народного творчества, и главным образом народных песен». Исследователь подчеркивает, что эта задача воспринималась как «важнейшее национальное дело, как предприятие огромного исторического и историко-филологического значения»<sup>49</sup>.

Достигнуть решения этой задачи удалось только в 30-е гг. П. В. Киреевскому. «Начальной датой предприятия Киреевского» Азадовский называет 1831 год<sup>50</sup>. Ему удалось «объединить все прежние

разрозненные попытки, создать своеобразный собирательский центр и привлечь к делу собирания фольклора выдающихся современников – до Пушкина и Гоголя включительно»<sup>51</sup>. Шевырев был в числе литераторов, которые передавали Киреевскому свои фольклорные записи<sup>52</sup>.

П. Д. Ухов, который изучал материалы собрания Киреевского в XX в., полагал, что вклад Шевырева в это собрание был «весьма скудным». Тем не менее он обратил внимание на замечание Киреевского о передаче ему Шевыревым «собрания песен, записанных в Саратовской губернии»<sup>53</sup>. Ухов называет тексты, которые были записаны Шевыревым и вошли в публикацию «Песни, собранные П. В. Киреевским» (изданы в 1860–74 гг., так наз. «Старая серия» из десяти выпусков), – «Мастрюк», «Степан Разин», «Поездка Петра I в Шлиссельбург», «Илья Муромец на Соколорабле». В названной публикации есть указания относительно первых трех песен о том, что они записаны Шевыревым в селе Даниловке Петровского уезда Саратовской губернии. Четвертая из названных песен опубликована без упоминания автора записи, однако место записи – та же Даниловка – дает основание предполагать, что ее также фиксировал Шевырев<sup>54</sup>.

В середине XX в. Ухов обнаружил и изучил обширные и не известные ранее части собрания Киреевского<sup>55</sup>. Тексты песен из этого комплекса вошли в 79-й том «Литературного наследства», который увидел свет в 1968 году<sup>56</sup>. Составители данного сборника включили в него песни собирателей-литераторов. Шевыреву принадлежит в нем только один текст – запись песни «Не шуми, мати зеленая дубрава». Ухов подготовил его к публикации и составил к ней вступительную заметку<sup>57</sup>. Вопрос о том, был ли вклад Шевырева в собрание Киреевского «весьма скудным», требует дальнейшего рассмотрения. Дело в том, что исследователи, изучавшие вопрос о составе этого собрания, в том числе и сам Ухов, пришли к выводам о неполноте его сохранности.

Киреевский умер, не завершив труда всей своей жизни. В «старую серию» «Песен, собранных П. В. Киреевским» вошли далеко не все материалы его замечательного собрания. Издание «новой серии» в первые десятилетия XX в. также не выполнило этой задачи, как указывает А. Д. Соймонов. Большая часть собрания оказалась рассредоточенной и не избежала расхищения<sup>58</sup>. В статье А. И. Баландина и П. Д. Ухова, которая опубликована в названном томе «Литературного наследства», приведены данные том, что его части находятся ныне в различных архивах.

Мало того, исследователям удалось выяснить, что утрачена довольно значительная часть записей, первоначально находившихся в собрании. Остаются не найденными рукописи, переданные Киреевскому Пушкиным, И. М. Снегиревым, М. А. Максимовичем и еще целым рядом лиц. В числе не обнаруженных значатся и рукописи Ше-



вырева<sup>59</sup>. По этой причине вывод Ухова о степени его участия в формировании собрания Киреевского не может быть принят как окончательный. Ухов сделал также предположение о времени, когда Шевырев осуществлял фольклорные записи. Он полагал, что записи были сделаны между 1830 и 1848 годами. Проверить эти данные у него не было возможности, поскольку автографы Шевырева в изученных им рукописных комплексах собрания Киреевского не сохранились. Никаких помет о времени записей ему найти не удалось<sup>60</sup>.

Заслуживает внимания вопрос о том, почему Шевырев занимался собиранием фольклора именно в селе Даниловке Петровского уезда. Ухов считал, что село Даниловка было его родным селом<sup>61</sup>. Это неверно – сам Шевырев называл местом своего рождения Саратов. Чернышев и Юматов более осторожно писали о том, что Даниловка принадлежала Шевыревым<sup>62</sup>. Однако в материалах дела о дворянском достоинстве рода Шевыревых нет подтверждения этой версии. В нем сохранилась копия с отдельного акта наследников Петра Сергеевича Шевырева, отца Степана Петровича, в котором указано все его недвижимое имущество и поименно названы крепостные крестьяне<sup>63</sup>. Копия была составлена в 1832 году. Село Даниловка Петровского уезда в этом акте не значится.

Можно было бы предположить, что С. П. Шевырев либо один из его братьев купили в данном селе хотя бы несколько крестьянских дворов. Однако сведения из «Списков населенных мест Российской империи» по Саратовской губернии<sup>64</sup> не дают возможности подтвердить это предположение. В названном издании списков, осуществленном в начале XX в., помещены данные о том, каким помещикам принадлежали крестьяне владельческих сел до реформы 1861 года. В Петровском уезде к тому времени были две Даниловки – село и деревня. В сведениях о них Шевыревы не показаны в качестве прежних владельцев<sup>65</sup>. Однако делать категорический вывод о том, что у Шевырева или у его родственников никогда не было во владении небольшого числа крестьян в этих двух населенных пунктах, пока невозможно. Кроме того, Шевырев мог приезжать в село Даниловку к своим друзьям или знакомым.

Таким образом, к настоящему времени трудно сказать, когда именно Шевырев сделал фольклорные записи в Саратовской губернии. Нам не известно также, каков был объем собранного им материала и где он занимался собиранием песенного фольклора. Неоспоримым остается факт участия Шевырева в формировании собрания Киреевского. Существенно то, что он был одним из теоретиков, подтолкнувших своих современников к осознанию необходимости этой работы. С точки зрения изучения истории культуры Саратовского Поволжья, деятельность Шевырева по собиранию фольклора на ее территории свидетельствует о том, насколько важными для него оказались связи с родной губернией в период его творческой зрелости. Сведения о

детских годах, которые нам известны на основании его автобиографии, позволяют судить о влиянии культурной среды Саратова на формирование творческих устремлений и научных интересов Шевырева.

#### Примечания

- 1 Маркович В. М. От составителя // Шевырев С. П. Об отечественной словесности. М., 2014. С. 5.
- 2 Барсуков Н. П. [Предисловие] Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому // Старина и новизна : Исторический сборник. СПб., 1901. Кн. 4. С. 15.
- 3 Барсуков Н. П. Указ. соч. С. 15.
- 4 См.: Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому. С. 158–159.
- 5 См.: Шевырев // Энциклопедический словарь : в 82 т. / под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. СПб. : Издатель Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. 1903. Т. 39. С. 363.
- 6 Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича... С. 173.
- 7 См.: Н. Ч. Шевырев Степан Петрович // Русский биографический словарь.: Шебанов – Шютц. СПб., 1911. Репринт. воспроизвед. М. : Аспект-пресс, 1999. С. 19–29.
- 8 Маркович В. М. От составителя... С. 5.
- 9 Там же. С. 8.
- 10 См.: Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958.
- 11 См.: Алексеева Е. Д. С. П. Шевырев и столетний юбилей Московского университета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2004. № 2. С. 106–120 ; Зыкова Г. В. «Наша ярославская филология» и журналистика середины XIX века (Споры о книге С. П. Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2004. № 1. С. 209–212.
- 12 См.: Рамазанова Г. Г. Некоторые штрихи к портрету С. П. Шевырева (Новые документальные свидетельства о нем) // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2009. № 34 (172). Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 86–90; Ильина К. А. Защита диссертации С. П. Шевырева, или Рождение «русского профессора» // Российская история. 2015. № 1. С. 74–80 ; Парсамов В. С. «История императорского Московского университета» С. П. Шевырева : от скандала к юбилею // Там же. С. 89–112.
- 13 См.: Шевырев С. П. Об отечественной словесности. М., 2014.
- 14 См.: Маркович В. М. Уроки Шевырева // Шевырев С. П. Об отечественной словесности. С. 7–56.
- 15 Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. М., 1855. Ч. 2. С. 603–624.
- 16 Там же. С. 603.



- <sup>17</sup> [Хованский Н. Ф.] Очерки истории г. Саратова и Саратовской губернии Н. Ф. Хованского. Саратов, 1884. Вып. 1. С. 82–89.
- <sup>18</sup> Там же. С. 82.
- <sup>19</sup> См.: Герасимов А. А. Саратов. Краткий исторический очерк. Саратов, 1923. С. 33.
- <sup>20</sup> См.: Воронов Ю. С. Патриарх русской «поэзии мысли» // Волга XXI век. 2006. № 9–10. С. 172.
- <sup>21</sup> См.: Чернышев М. А., Юматов А. Н. Если коснуться сердцем : три страницы саратовской биографии Степана Петровича Шевырева // Волга XXI век. 2005. № 9–10. С. 158–172.
- <sup>22</sup> См.: [Погодин М. П.] Воспоминания о Степане Петровиче Шевыреве М. П. Погодина. СПб., 1869.
- <sup>23</sup> Чернышев М. А., Юматов А. Н. Указ. соч. С. 160–161.
- <sup>24</sup> См.: Биографический словарь ... С. 603.
- <sup>25</sup> Там же. С. 604.
- <sup>26</sup> См.: Чернышев М. А., Юматов А. Н. Указ. соч. С. 161.
- <sup>27</sup> Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 402. Л. 204.
- <sup>28</sup> Там же. Л. 143.
- <sup>29</sup> См.: Биографический словарь... С. 603.
- <sup>30</sup> Там же.
- <sup>31</sup> Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1 : Саратовское Поволжье с древнейших времен до отмены крепостного права. Саратов, 1993. С. 248.
- <sup>32</sup> [Погодин М. П.] Воспоминания о Степане Петровиче Шевыреве М. П. Погодина. СПб., 1869. С. 4.
- <sup>33</sup> Там же. С. 19.
- <sup>34</sup> Там же.
- <sup>35</sup> Биографический словарь... С. 603.
- <sup>36</sup> Там же.
- <sup>37</sup> Там же.
- <sup>38</sup> См.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1889. Кн. 2.
- <sup>39</sup> Чернышев М. А., Юматов А. Н. Указ. соч. С. 158.
- <sup>40</sup> Там же. С. 165–168.
- <sup>41</sup> Барсуков Н. П. Жизнь и труды... С. 93.
- <sup>42</sup> Чернышев М. А., Юматов А. Н. Указ. соч. С. 163.
- <sup>43</sup> Там же.
- <sup>44</sup> Там же. С. 165.
- <sup>45</sup> Азадовский М. К. Указ. соч. С. 328.
- <sup>46</sup> Там же. С. 215.
- <sup>47</sup> Там же. С. 222.
- <sup>48</sup> См.: Чернышев М. А., Юматов А. Н. Указ. соч. С. 166.
- <sup>49</sup> Азадовский М. К. Указ. соч. С. 328.
- <sup>50</sup> Там же. С. 334.
- <sup>51</sup> Там же. С. 328.
- <sup>52</sup> Там же. С. 335.
- <sup>53</sup> Ухов П. Д. С. П. Шевырев // Литературное наследство : в 104 т. Т. 79. Песни, собранные писателями : новые материалы из архива П. В. Киреевского. М. : Наука, 1968. С. 511.
- <sup>54</sup> Там же. С. 511.
- <sup>55</sup> См.: Баландин А. И., Ухов П. Д. Судьба песен, собранных Киреевским // Литературное наследство. Т. 79. ... С. 77.
- <sup>56</sup> См.: Литературное наследство. Т. 79.
- <sup>57</sup> См.: Ухов П. Д. Указ. соч. С. 511–512.
- <sup>58</sup> См.: Соимонов А. Д. Фольклорное собрание П. В. Киреевского и русские писатели // Литературное наследство. Т. 79. ... С. 162.
- <sup>59</sup> Там же. С. 115.
- <sup>60</sup> См.: Ухов П. Д. Указ. соч. С. 511.
- <sup>61</sup> Там же.
- <sup>62</sup> См.: Чернышев М. А., Юматов А. Н. Указ. соч. С. 162.
- <sup>63</sup> ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 402 Л. 139–144.
- <sup>64</sup> См.: Списки населенных мест Российской империи. Т. 38 : Саратовская губерния. Саратов, [1912].
- <sup>65</sup> Там же. Петровский уезд. Саратов, [1912]. С. 36–37.

УДК 314(470.44/47)19]

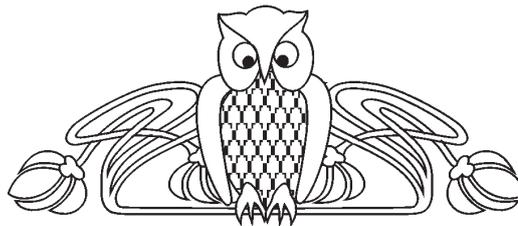
## ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В 1920–1930-е годы

В. А. Чолахян

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского  
E-mail: vcholakhyan@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности демографического перехода в Нижнем Поволжье в 1920 – 1930-е гг. как составной части модернизации региона. Автор анализирует миграционное движение, динамику численности и половозрастной состав городского и сельского населения, а также административно-правовую роль государства в регулировании этих процессов.

**Ключевые слова:** демографический переход, модернизация, индустриализация, урбанизация.



### The Peculiarities of the Demographic Transition in the Lower Volga Region in the 1920–1930s

V. A. Cholakhian

This article considers the peculiarities of the demographic transition in the Lower Volga region in 1920–1930s as a part of the region's modernization. The author analyzes the migratory movement, the dynamics of the number and demographic composition of the urban and rural population, as well as the legal and administrative role of the state in the regulation of these processes.

**Key words:** demographic transition, modernization, industrialization, urbanization.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-223-230



В результате бурных политических событий в России в начале XX в. произошли радикальные сдвиги в демографических процессах, представляющие собой изменения в составе и воспроизводстве населения, его естественного движения, а также в развитии семейно-брачных отношений. В XX в. «демографические перемены... охватили матримониальное, прокреативное, сексуальное, семейное, жизнеохранительное, миграционное поведение людей, чрезвычайно сильно повлияли на становление нового типа личности человека, его интеллектуального и эмоционального мира, на его индивидуальный жизненный путь. Совокупность этих перемен и составляет содержание демографической модернизации России»<sup>1</sup>. Демографические изменения в стадии их качественных трансформаций привели к демографическому переходу, т. е. смене моделей рождаемости и воспроизводства, иному балансу рождаемости и смертности, чем в традиционном обществе.

При всём своеобразии исторического пути России в начале XX в. и влиянии приводящих факторов (огромные людские потери в Первой мировой и Гражданской войнах) демографический переход явился отражением общемировых демографических тенденций в контексте перехода от традиционного к современному обществу, прежде всего под влиянием индустриальной модернизации и урбанизации<sup>2</sup>. Экономическая реконструкция в корне изменила условия повседневной деятельности людей, а урбанизация – условия их социального поведения. Связанная и с тем, и с другим демографическая революция изменила условия частной, интимной жизни людей, затронула глубинные, экзистенциальные стороны человеческой личности. Главными количественными индикаторами демографической революции служат показатели снижения смертности и рождаемости<sup>3</sup>.

В дореволюционной России, хотя и наметились новые тенденции в области естественного движения населения, в структуре расселения и в сфере его занятости в целом сохранялась традиционная модель воспроизводства с высокой смертностью и рождаемостью. По этой причине основные процессы демографического перехода в России происходили в советское время, в условиях формирования новой общественно-политической и экономической системы. Именно советская общественная система оказала огромное влияние на все стороны демографического процесса, определила его специфику, сохраняя при этом неизбежную преемственность в силу географических, геополитических, социокультурных и иных условий.

В царской России в 1917 г. насчитывалось 175 134 400 чел. постоянного населения<sup>4</sup>. Уже 1 января 1918 эта цифра равнялась 142,6 млн человек<sup>5</sup>. По подсчётам исследователей, с 1917 г. до 1920 г. население России сократилось на 7,1 млн, а в 1921 г. – на 10,9 млн человек<sup>6</sup>. Причиной тому являлись потери в Гражданской войне, эмиграция, недостаток продовольствия, болезни, голод.

Всё это отразилось и на положении российского города. На 1 января 1917 г. на территории СССР насчитывалось 25,8 млн чел. городского населения, на 1 января 1920 г. – 21,5 млн, на 28 августа 1920 г. – 20,9 млн человек<sup>7</sup>.

Революция и Гражданская война катастрофическим образом отразились на численности населения страны. За короткий промежуток времени исчезли сословия: дворяне, купцы, мещане. Значительно сократилась численность рабочего класса – если до Первой мировой войны во всех отраслях народного хозяйства России насчитывалось 11 млн рабочих, то в 1922 г. – лишь 4,6 млн<sup>8</sup>. Многие рабочие, спасаясь от голода и нужды, уходили в деревню, что приводило к «ситуационной дезурбанизации» и сокращению численности городского населения. За период с 1913 г. по 1920 г. оно уменьшилось в РСФСР с 15,7 до 12,6 млн чел., то есть почти на 20 %, а доля городских жителей в составе населения соответственно снизилась с 17,9 до 15,3 %<sup>9</sup>.

Убыль населения в 1917–1920 гг. наблюдалась как в городе, так и в деревне. Однако динамика городского и сельского населения не была полностью идентичной. В годы Гражданской войны и хозяйственной разрухи, отмеченные крайним упадком промышленности и натурализацией крестьянского хозяйства, наиболее заметно уменьшилось население в городах. В 1917–1920 гг. городское население сократилось с 25,8 млн до 20,9 млн чел., т. е. на 4,9 млн, а сельское население – с 117,7 млн до 115,9 млн, т. е. на 1,8 млн<sup>10</sup>. Эти цифры отнюдь не свидетельствуют о том, что сильнее пострадали города. Гражданская война в деревне была не менее жесткой и кровопролитной, чем в городе. Резкое сокращение городского населения связано было, прежде всего, с уходом в деревню всех тех, кто утратил средства к существованию, в связи с остановкой промышленных предприятий, с прекращением строительства и т. п.

В Нижнем Поволжье городское население также значительно уменьшилось: в Саратове с 228 518 в 1914 г. до 191 996 чел. в 1920 г., в Царицыне – с 117 675 до 88 871 чел., в Астрахани – с 166 517 до 116,1 тыс. чел., а доля городских жителей – с 15,8 до 12,7%<sup>11</sup>. Основными причинами потерь городского населения региона стали хозяйственная разруха, падение жизненного уровня, эпидемии, а также военно-коммунистические методы руководства, приведшие к голоду 1921–1922 гг.

Кульминацией смертности населения Саратовской губернии стал 1922 г., когда в результате голода естественная убыль населения составила 43,37. Накопившиеся в течение предшествовавших лет неблагоприятные социальные факторы получили мощный «разряд» в демографической катастрофе 1922 г. Из других губерний отрицательный прирост населения имели Екатеринбургская – 22,07, Чувашская область – 12,84, Москва – 6,6, Ленинград – 4,73 на тысячу<sup>12</sup>. Последующие годы



оказались переломными в жизни страны и Нижнего Поволжья. Стали более отчётливо вырисовываться контуры новой экономической политики, способствовавшие возрождению хозяйства и улучшению социально-бытовых условий жизни людей, что вело к постепенному увеличению численности населения. Позитивные тенденции в демографической ситуации в регионе и стране в целом нашли отражение в итогах Всесоюзной переписи населения, проведённой 17 декабря 1926 г. Перепись показала, что в СССР проживало 147 млн человек<sup>13</sup>. В Нижнем Поволжье численность населения представлялась следующим образом (табл. 1)<sup>14</sup>.

Как видно из приведённых данных, в 1926 г. в регионе проживало 4 283 762 чел., в том числе в городах Саратовской губернии 18,8 %, а Сталинградской – 22,2 %, что несколько превышало всеобщие показатели (17,9 %)<sup>15</sup>. В Саратове проживало 219 554 чел., Сталинграде – 151 490 чел., в Астрахани – 184 301 человек<sup>16</sup>. Доля женщин в общей численности населения Нижнего Поволжья составляла 52,5 %<sup>17</sup>.

Можно констатировать, что короткий отрезок времени, вошедший в историю как период новой экономической политики, знаменовался переменами не только в хозяйственной, но и в социальной сферах. Однако изменившаяся внутриэкономическая ситуация в стране в конце 1920-х гг. постепенно привела к свёртыванию нэпа. Это было продиктовано господствовавшими в советском обществе утопическими представлениями о построении справедливого «коммунистического будущего» и интересами укрепляющейся номенклатуры. На смену рыночным отношениям пришли форсированная индустриализация и сплошная коллективизация сельского хозяйства. Большевики превратили индустриализацию в главную задачу построения социализма, в самоцель, а человек стал рассматриваться как средство для её достижения. Демографические последствия подобных политических решений сказались достаточно скоро.

Политика сверхиндустриализации и реализация разного рода гигантских промышленных проектов привели к пертурбационному развитию народонаселения страны. Результатом политики сплошной коллективизации стал быстрый рост населения городов за счёт убогавших из деревень крестьян. Миграционные потоки населения в Нижнем Поволжье в 1929–1930 гг., поощрявшиеся государством до середины 1931 г., приняли широкомасштабный характер<sup>18</sup> (табл. 2)<sup>19</sup>.

Таким образом, по данным официальной статистики, в крупные города Нижнего Поволжья в течение 1929–1930 гг. прибыло 369126 мигрантов, при этом выбыло из городов 196 114 чел., т. е. было совершено более полумиллиона переселений. Всего же в СССР за 1929–1931 гг. в города прибыло 27,3 млн чел. и выбыло 19,2 млн человек<sup>20</sup>. Большое количество перемещений людей не учитывалось статистикой.

Анализ миграционных потоков показывает, что приток населения в города осуществлялся главным образом из сельской местности. Из прибывших в Саратов в 1930 г. 79963 чел. 69,2 % были выходцами из своих районов и 30,8 % составляли мигранты из других краёв и областей страны. В Сталинграде соотношение внутренних и внешних мигрантов составляло соответственно 54,9 и 45,1 %, а в Астрахани – 48,9 и 51,1 %<sup>21</sup>.

Форсированная индустриализация привела к быстрому росту городского населения страны. Власти рассматривали этот факт как один из главных показателей «грандиозных успехов» страны в области индустриализации. В связи с индустриализацией миллионные массы людей поднимались с насиженных мест и отправлялись на поиски новой жизни, туда, где закладывались основы будущей экономической мощи страны – в города и совсем необжитые места, т. е. опять-таки в новые, часто в будущие города.

Конечным результатом миграции был рост городов за счёт сёл и деревень. В 1928 г. механи-

Таблица 1

Численность населения Саратовской и Сталинградской губерний по переписи населения 1926 г.

Губерния	Мужчины	Женщины	Всего	Население	
				городское	сельское
Саратовская	1 005 287	1 113 435	2 118 722	400 313	1 718 409
Сталинградская	1 024 979	1 140 068	2 165 040	481 047	1 683 993

Таблица 2

Миграционные потоки населения Нижнего Поволжья в 1929–1930 гг.

Город	Год	Прибыло	Выбыло
Саратов	1929	49 554	33 389
	1930	79 963	44 273
Сталинград	1929	54 180	23 055
	1930	105 504	49 754
Астрахань	1929	34 693	21 328
	1930	45 232	24 313



ческий прирост городского населения составил 1 062 тыс. чел., а в 1929 г. – 1 392 тыс. человек. За 5-летний период (1925–1929) в города переселилось примерно 5,2 млн чел. сельских жителей, причём интенсивность процесса удвоилась<sup>22</sup>. В 1930-е гг. при резком сокращении сельского населения в СССР наблюдался устойчивый рост городского. Это объясняется миграцией людей в города в поисках лучшей жизни, что приводило к механическому приросту городского населения.

В конце первой пятилетки правительство перешло к жёстким административно-полицейским методам по отношению к мигрантам. В декабре 1932 г. в СССР были введены паспорта и организована система прописки, при этом крестьянам паспорта не выдавались<sup>23</sup>. Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 17 марта 1933 г. выход из колхоза допускался теперь с разрешения администрации на основе оргнабора рабочей силы<sup>24</sup>. В итоге в 1933 г. правительству удалось несколько снизить масштабы перемещения населения. В целом в 1933 г. в города СССР прибыло 7,4 млн чел., выбыло 6,6 млн человек (89,1%)<sup>25</sup>.

Подсчёты показывают, что в 1933 г. в города региона прибыло 141392 чел., выбыло 119 179 (84,2%), а механический прирост населения составил 22 213 чел. По-прежнему оставалось высоким миграционное движение среди служащих: прибыло 18 716 и выбыло 17 899 человек. Обращает на себя внимание большая текучесть рабочих-металлистов: в Сталинграде прибыло 3 622, а выбыло 4 054 чел., а в Саратове соответственно 1 020 и 1 066 человек. Несколько снизился приток деревенских жителей в города: если в 1931 г. 74,2% пополнения рабочих в городах исходило из сельской местности, то в 1933 г. – 57,9%<sup>26</sup>.

Последствия социально-экономической политики властей в городе и деревне в полной мере сказались в 1932–1933 гг., когда в СССР разразился страшный голод, унесший жизни миллионов людей. Голод носил локальный характер и охватил в первую очередь хлебопроизводящие районы: Украину, Северный Кавказ, Западную Сибирь, Центральную-Чернозёмную область, Поволжье. Считается, что это был искусственно организованный голод, порождённый принудительными хлебозаготовками. Он поразил не только деревню, но и город – недоедание охватило всю страну. Голод стал ещё одной причиной массового бегства крестьян в города. «Голодомор» 1932–1933 гг. привёл к «демографической катастрофе», оказал глубокое негативное влияние на последующие годы. В 1933 г. впервые в демографической истории страны в мирное время смертность превысила рождаемость. По данным В. А. Исупова, основанным на оценках Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковской, в 1933 г. по отношению к 1932 г. число родившихся уменьшилось на 292 тыс., тогда как число умерших увеличилось на 6 664 тыс. и превысило 11 млн человек. Соответственно

естественная убыль населения СССР в 1933 г. составила около 6 млн человек<sup>27</sup>.

Среди наиболее неблагополучных в демографическом плане регионов выделялось Нижнее Поволжье. По подсчётам В. Б. Жиромской, в Саратовском крае в 1933 г. число умерших на 84,2 тыс. чел. превысило число родившихся (118 тыс. против 34,7 тыс.); в Республике Немцев Поволжья – на 36,2 тыс. (50,1 тыс. против 13,9 тыс.), в Сталинградском крае (без Калмыкии) – на 36,7 тыс. (81,8 тыс. против 45,1 тыс.)<sup>28</sup>. По данным Е. А. Осокиной, естественная убыль населения Нижне-Волжского края в 1933 г. составила 277,8 тыс. чел. (63,8 тыс. в городах и 214,0 тыс. на селе)<sup>29</sup>. В городах региона показатели естественного прироста населения понижались вплоть до 1933 г. включительно.

Тяжёлый труд и полуголодное существование укорачивали жизнь городских рабочих. К тому же мужчины как физиологически менее устойчивая, но социально более активная группа населения сильнее, чем женщины, были подвержены негативному воздействию среды. Главными причинами массовой гибели людей были болезни экзогенного происхождения, обусловленные негативными факторами внешней среды: острые и хронические инфекции, желудочно-кишечные, сердечно-сосудистые заболевания, а также туберкулёз, малярия, энтерит, колит, бронхит, диарея и т. д.<sup>30</sup> Как правило, смерти людей непосредственно от голода не фиксировались и соответственно не попадали в статистические сводки. Между тем массовые смерти от различных заболеваний являлись прямым следствием голода, употребления населением суррогатов и некачественных продуктов, проживания в антисанитарных, сырых и холодных помещениях.

О голоде свидетельствовал нараставший поток жалоб и письменных обращений к руководству страны. Так, в связи с повышением цен с 1 января 1933 г. на продукты питания на предприятиях Саратова поднялась волна недовольства рабочих. Работница швейной фабрики Эйснер на собрании заявила следующее: «На что нам колдоговор, когда рабочие с голодухи пухнут». Рабочий, член партии Алексеев отметил факты несправедливого распределения хлеба: «Рабочий на заводе комбайнов получает 400 г, а на швейной фабрике – 100 г»<sup>31</sup>. В Вольске рабочие цементных заводов при норме 800 г хлеба, получали всего 200 г. В Балашове из-за отсутствия продовольственного пайка уволилась большая группа квалифицированных рабочих<sup>32</sup>.

В особенно тяжёлом положении оказались учителя в Саратовском крае, где с марта по июнь 1934 г. они не получали полного продовольственного пайка. ЦК профсоюза Раброс в своём письме просил ВЦСПС «в срочном порядке оказать помощь в снабжении хлебом учителей»<sup>33</sup>. Централизованные фонды снабжения хлебом снизились с 17100 т в IV квартале 1933 г. до 1400 т в I квартале 1934 г. В ряде регионов Саратовского края бюджетные работники так же, как и инвалиды, были полностью сняты со снабжения. В Саратовском



и Сталинградском краях были сильно урезаны нормы обеспечения хлебом, а все без исключения инвалиды полностью сняты со снабжения<sup>34</sup>.

Председатель Оргбюро ВЦСПС по Саратовскому краю в секретном письме просил Н. М. Шверника «оставить в соответствующих органах вопрос об увеличении отпуска муки на общее снабжение Саратовского края по 500 тонн в месяц»<sup>35</sup>. Секретарь крайкома ВКП (б) В. В. Птуха был вынужден обратиться в Политбюро с просьбой увеличить план хлебоснабжения края на январь 1933 г. на 1900 т, но получил отказ. Политбюро приняло решение «отпустить Нижне-Волжскому краю 1000 тонн хлеба авансом, в счёт отчислений на местные нужды от закупки хлеба, которая будет производиться после выполнения полностью годового плана хлебозаготовок»<sup>36</sup>.

Для выполнения плана хлебозаготовок в Поволжье была направлена комиссия во главе с В. М. Молотовым, Л. М. Кагановичем и П. П. Постышевым. Результатом работы комиссии, требовавшей любой ценой выполнить план, стало освобождение от занимаемых должностей 9 секретарей райкомов, 3 председателей исполкомов районных Советов. Нижне-Волжский крайком ВКП (б) потребовал от «райисполкомов и райкомов районов, сорвавших план, безусловного выполнения плана хлебозаготовок к 5 января, не останавливаясь перед дополнительными заготовками в колхозах, выполнивших план»<sup>37</sup>.

Весна и лето 1932 и 1933 гг. были обычными, и погода оценивалась как благоприятная для урожая всех полевых культур. В целом урожай по подсчётам В. В. Кабанова, был средним (примерно 62,7 млн т в 1932 г. и 63 млн т в 1933 г.)<sup>38</sup> и его вполне хватило бы, чтобы не только не допустить массового голода, но и определённую часть сдать государству. Однако действия властей по экспор-

тации зерна на нужды форсированной индустриализации породили голод, всячески скрывавшийся средствами массовой информации.

Лишь в середине 1930-х гг. произошла стабилизация аграрного сектора экономики, а рост капиталовложений в легкую и пищевую промышленность позволил увеличить производство предметов потребления. Сдвиги в социальной структуре общества определялись, с одной стороны, ростом культурного и образовательного уровня населения, а с другой – продолжал сохраняться остаточный принцип финансирования социальных нужд. Рост прагматических начал в экономической и социальной политике сталинского руководства привёл к общей разрядке напряжённости в стране в середине 1930-х гг. и обусловил улучшение демографической ситуации. В 1934 г. показатель смертности населения заметно снизился: по отношению к 1932 г. – на 32,3%, к 1933 г. – на 65,6%<sup>39</sup>. В 1935 г. началось повышение в городах абсолютного показателя естественного прироста населения. Основные тенденции демографического развития населения на протяжении 1930-х гг. позволяют проследить данные переписей населения 1926 и 1939 гг. (табл. 3).

В соответствии с данными, приведёнными в табл. 3, численность населения крупных городов Нижнего Поволжья за 1920–1930-е гг. удвоилась. Особенно высокие темпы прироста были зафиксированы в Сталинграде – в 2,9 раза. В Саратове численность населения увеличилась в 1,7 раза, в Астрахани – в 1,4 раза. Материалы переписей показывают отрицательный демографический баланс населения Саратовской области в 1939 г. по сравнению с 1926 г. (– 320 208 чел.), а в Сталинградской области за годы между переписями население увеличилось лишь на 23 099 чел. Объясняется это тем, что регион оказался в самом эпицентре голода,

Таблица 3

Численность городского и сельского населения в Нижнем Поволжье в 1920–1930-х гг.<sup>40</sup>

Область, город	Население					
	городское	сельское	всего	мужчины	женщины	% городского населения
1926 г.						
Саратовская	400 313	1 718 409	2 118 722	1 005 287	1 113 435	18,9
Сталинградская	481 047	1 683 993	2 165 040	1 024 972	1 140 068	22,2
1939 г.						
Саратовская	665 510	1 133 004	1 798 514	834 602	963 912	37,0
Сталинградская	892 648	1 395 491	2 188 139	1 069 375	1 218 764	39,0
1939 г. в % к 1926 г.						
Саратовская	166,2	65,9	84,9	83,0	86,6	
Сталинградская	185,6	82,9	105,7	104,3	106,9	
		1926 г.	1939 г.		1939 г. в % к 1926 г.	
Сталинград		151 490		445 312		294,0
Саратов		219 547		372 002		169,4
Астрахань		184 301		253 595		137,6



а смертность в сельской местности была значительно выше, чем в городах: убыль сельского населения Саратовской области составила 584405 человек. Ещё сильнее, чем в городах, на селе была выражена мужская сверхсмертность: на каждые 100 умерших женщин в 1933 г. приходилось 140 мужчин<sup>41</sup>.

Продолжая анализ табл. 3, следует обратить внимание на значительную убыль мужского населения Саратовской области (– 170685) по сравнению с женской (– 149523). Наметилась диспропорция в соотношении полов, корни которой уходят в 1920-е гг.: женщины в 1926 г. составляли 52,5 %, в 1939 г. – 53,5 % (по РСФСР – 52,6 %). Это нарушение начинается уже в возрастной группе 15–19 лет. Если в младенчестве и детском возрасте мальчики преобладали числом над девочками, соответственно 52,3 и 47,7 %, то начиная с 15 лет и старше они уступали в численности девочкам. В возрастной группе 15–29 лет соотношение между полами составляло уже 49,6 против 50,4 %. Диспропорция в пользу женщин; соответственно 47,1 и 52,9 %, после 50 лет – 42,6 и 57,4 % и старше 60 лет – 39,7 и 60,3 %<sup>42</sup>. Эта диспропорция объясняется повышенной смертностью мужчин, вызванной интенсивными миграциями, последствиями форсированной индустриализации, репрессивной политики государства.

В переписи 1939 г. выделены возрастные группы, в том числе и по городам Нижнего Поволжья (табл. 4)<sup>43</sup>.

Судя по данным таблицы, лица молодого возраста до 30 лет составляли 60,3 %, доля средних возрастов (от 20 до 50 лет) составляла 49,0 %, а пожилые (свыше 60 лет) – всего 6 %, что примерно совпадало с общероссийскими показателями. В целом население городов Нижнего Поволжья в 1930-е гг. продолжало оставаться молодым по своему возрастному составу, главным образом за счёт притока сельской молодёжи.

Административно-правовая роль государства в регулировании демографических процессов наиболее активно проявлялась в отношении городской семьи, её формирования и развития. После 1917 г. кардинальные изменения претерпели правовые основы семейно-брачных отношений: если до революции юридическую силу имел только церковный брак, то в соответствии с декретом от 18 октября 1917 г. единственно законным стал считаться гражданский брак, оформленный в органах ЗАГСа. Декрет положил начало подрыва не только религиозных, но и моральных основ семьи. Попытки

разрушить традиционные отношения полов, продолжавшиеся в первой половине 1920-х гг., получили своё юридическое оформление в принятом в 1926 г. законе о браке, семье и опеке. Кодекс 1926 г. максимально упростил юридические основы брака и явился реализацией пропагандистских установок на свободу брачных отношений: для расторжения брака достаточно было заявления одного из супругов, причём представления какого-либо объяснения не требовалось<sup>44</sup>.

Моральные и материальные последствия для страны нового закона сказались довольно быстро: число разводов росло катастрофически (данные на 1 тыс. человек): 1920 г. – 1,9; 1923 г. – 3,4; 1927 г. – 9,8; 1929 г. – 11,3<sup>45</sup>. В Саратове в 1927 г. было совершено 2 859 браков и 1344 разводов, в Сталинграде соответственно – 2 356 и 1 158, в Астрахани – 1 723 и 693, то есть расторгался каждый второй брак<sup>46</sup>.

Смена экономического курса в конце 1920-х гг. заложила материальный и социальный фундамент ускоренной урбанизации, затронувшей и сферу семейно-брачных отношений. Начался постепенный отход государственной политики от теории свободной любви к практике укрепления семьи, как необходимого условия физического и духовного воспроизводства населения. В качестве новой добродетели выдвигается антисексуализм. Партийные и общественные организации на основе провозглашённых доктором Залкиндом вульгарных установок стали активно вмешиваться в сферу личных отношений<sup>47</sup>.

Форсированная индустриализация требовала огромного количества рабочих рук, нехватка которых восполнялась за счёт женщин. Теория социальной эмансипации женщины и уравнивания её в правах с мужчинами стала удобным основанием для использования женского труда на тяжёлых производствах. В массовое сознание людей внедрилась идея стирания внешних различий между полами как в сфере производства, так и эстетики, быта, моды. Основной производственной одеждой «периода реконструкции» стал чёрный или серый сатиновый ватник или юнгштурмовка для молодёжи, особенностью которой был её универсальный характер: она одинакова как для мужчин, так и для женщин<sup>48</sup>.

Во второй половине 1930-х гг. в стране прочно утвердились традиционные ценности частной жизни – брак, семья, домашний уют, но под социальным контролем государства. Заметно сократилось количество разводов (табл. 5)<sup>49</sup>.

Таблица 4

Возрастной состав городского населения

Город	До 7 лет	8–11 лет	12–14 лет	15–19 лет	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше	Всего, %
Саратов	13,5	7,7	7,3	9,8	20,0	17,6	10,6	7,5	6,0	100
Сталинград	14,7	7,3	6,7	8,6	21,6	18,1	10,0	7,1	5,9	100
РСФСР	15,2	7,5	6,6	10,0	22,1	17,3	9,7	6,4	5,2	100



Таблица 5

## Количество браков и разводов в городах Нижнего Поволжья

Город	1927 г.			1939 г.		
	Число браков	Число разводов	%	Число браков	Число разводов	%
Астрахань	1 723	693	40,2	2 419	376	15,5
Саратов	2 859	1 344	47,0	3 935	651	16,5
Сталинград	2 356	1 158	49,1	4 325	608	14,0
Итого	6 938	3 195	46,0	10 679	1 635	15,3

Таким образом, несмотря на все тяготы жизни, в 1930-х гг. в обществе продолжало укрепляться традиционное отношение к семье, увеличивалось количество браков, а число разводов с 1927 г. по 1939 г. сократилось почти в два раза; в 1939 г. расторгался каждый шестой брак.

Вместе с тем на первый план стали выдвигаться социальные ценности престижа и статуса, тогда как дети, семья оказывались не просто дополнением, но чем-то второстепенным для многих женщин. Кроме того, в условиях резкого падения уровня жизни многие семьи сознательно отказывались от рождения детей, откладывая до лучших времён.

Демографический переход способствовал изменению традиционных брачно-семейных отношений. Они в значительной степени были связаны с новыми условиями жизни и работы, интересами и потребностями городского населения. В середине 1920-х гг. в России получили распространение три типа семей: простая семья (супружеская пара с детьми или без детей); неполная семья (один из родителей с детьми); сложная семья с супружеским ядром (супружеская пара с детьми или без детей с одним из родителей супругов и другими родственниками). В 1930-е гг. в российских городах численно преобладали простые семьи, состоявшие из супругов и детей. Значительно сократилось проживание в семье родственников со стороны мужа или жены. Простые семьи были малочисленны и состояли из 3–4 человек<sup>50</sup>.

Согласно данным Всесоюзной переписи 1939 г., величина городской семьи в РСФСР в среднем составила 3,6 чел., в городах Саратовской, Сталинградской областей – из 3 человек<sup>51</sup>. Среди городского населения Саратовской области преобладали семьи, состоящие из 3 человек (29,6%). Немного меньше было семей, состоявших из 2 человек (25,8%). Далее по распространенности следовали семьи из 4 человек (23,3%), 5 человек (12,6%). Наряду с ними существовали и семьи из 10 и более человек – это наименее распространенная группа семей – 179 (0,7%)<sup>52</sup>. В целом в городах региона в 1939 г. 78,7 % семей имели не более 1–2 детей, а такое понятие, как многодетность уходило в прошлое.

Таким образом, модернизационные процессы в Нижнем Поволжье в 1920–1930-е гг. ускорили демографический переход, который характеризовался переходом от традиционной, патриархальной модели семьи к современной, более демократичной

и малодетной. Коренным образом изменилось демографическое поведение людей, семейные роли и ценности. К концу 1930-х гг. средняя продолжительность жизни в СССР по сравнению с началом века увеличилась, снизилась и рождаемость, установился баланс рождаемости и смертности, характерный для экономически развитых стран.

## Примечания

- 1 См.: Демографическая модернизация России. 1900 – 2000. М., 2005. С. 9.
- 2 См.: Сенявский А. С. Урбанизация России в XX в. в экономическом измерении: взаимосвязь с демографическими процессами // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Вып. 8. М., 2006. С. 302.
- 3 См.: Вишневецкий А. Г. Русский или Прусский. Размышления переходного состояния. М., 2005. С. 34–35.
- 4 См.: Труды ЦСУ. Т. 1, вып. 1. Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Население 25 губерний Европейской России. М., 1920. С. 4.
- 5 См.: Данилов В. П. Динамика населения СССР за 1917–1929 гг. (Опыт археографического и источниковедческого отбора данных для реконструкции демографического процесса) // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 244.
- 6 См.: Жиромская В. Б. После революционных бурь: население России в первой половине 20-х годов. М., 1996. С. 6–7.
- 7 См.: Данилов В. П. Указ. соч. С. 245.
- 8 См.: Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. М., 1972. С. 345.
- 9 См.: Население СССР. 1987: стат. сб. М., 1988. С. 8.
- 10 См.: Данилов В. П. Указ. соч. С. 247.
- 11 Подсчитано по: Мальков А. А. Естественное движение населения Саратовской губернии за период 1914–1925 гг. Саратов, 1926. С. 72; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914. Саратов, 1915. С. 7; *Водолагин М. А.* Очерки истории Волгограда. 1589–1967. М., 1968. С. 224; *Корноухова Г. Г.* Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920-е – 1930-е гг. (на материалах Астраханской области): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 24.
- 12 См.: Мальков А. А. Указ. соч. С. 19.
- 13 Население СССР. 1987: стат. сб. М., 1988. С. 8.
- 14 См.: Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 140. Л. 4, 8; Д. 322. Л. 1.



- <sup>15</sup> См.: Население СССР. 1987. М., 1988. С. 8.
- <sup>16</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 140. Л. 10.
- <sup>17</sup> Там же. Л. 4.
- <sup>18</sup> См.: Постановление СНК СССР от 16 марта 1930 г. «Об устранении препятствий отходу крестьян на отхожие промыслы и сезонные работы» // Известия. 1930. 17 марта.
- <sup>19</sup> Сост. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 29. Л. 6; Д. 25. Л. 10, 11.
- <sup>20</sup> См.: Труд в СССР : стат. справочник. М., 1936. С. 7.
- <sup>21</sup> Подсчитано по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 25. Л. 10, 11.
- <sup>22</sup> См.: Данилов В. П. Указ. соч. С. 252, 253.
- <sup>23</sup> Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства СССР. 1932. № 37. Отд. 1. С. 516–517.
- <sup>24</sup> См.: Известия. 1933. 18 марта.
- <sup>25</sup> См.: СССР в цифрах. М., 1935. С. 205.
- <sup>26</sup> См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 30. Л. 60–62.
- <sup>27</sup> Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века : Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 92.
- <sup>28</sup> См.: Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 13.
- <sup>29</sup> См.: Осокина Е. А. Жертвы голода 1933 года: Сколько их // История СССР. 1991. № 5. С. 19.
- <sup>30</sup> Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5451. Оп. 43. Д. 67. Л. 245.
- <sup>31</sup> Там же. Л. 62.
- <sup>32</sup> Там же. Л. 245.
- <sup>33</sup> Там же. Л. 142.
- <sup>34</sup> ГАРФ. Л. 143.
- <sup>35</sup> Там же. Л. 151.
- <sup>36</sup> Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 913. Л. 7.
- <sup>37</sup> Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов в деревнях Поволжья // Вопр. истории. 1991. № 6. С. 176–178.
- <sup>38</sup> См.: Кабанов В. В. Исторические источники советского периода // Источниковедение : Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 2000. С. 592.
- <sup>39</sup> ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 8. Л. 31; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 33. Л. 4, 38.
- <sup>40</sup> Сост. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 140. Л. 4, 8–10.
- <sup>41</sup> ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 226. Л. 31–31 об.
- <sup>42</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 327. Л. 2–3; Д. 328. Л. 3.
- <sup>43</sup> Сост. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 140. Л. 19, 23.
- <sup>44</sup> См.: Ростовский И. А. Новый закон о браке, семье и опеке. 3-е изд. М., 1927. С. 30.
- <sup>45</sup> См.: Черных А. И. Становление России советской. 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998. С. 176.
- <sup>46</sup> См.: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 8. Л. 31.
- <sup>47</sup> См.: Залкинд А. Б. Половой вопрос в условиях советской общности. Л., 1926. С. 57–58.
- <sup>48</sup> См.: Черных А. И. Указ. соч. С. 182.
- <sup>49</sup> Сост. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 152. Л. 129–130; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 8. Л. 31.
- <sup>50</sup> См.: Араловец Н. А. Городская семья в России 1927–1959 гг. Тула, 2009. С. 75.
- <sup>51</sup> См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 327. Л. 3; Д. 328. Л. 3.
- <sup>52</sup> Там же.

УДК 94(47).084.8

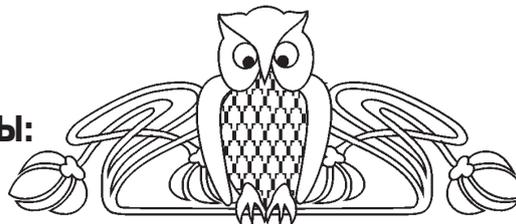
## ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АДРЕСНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОПЫТ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В. Н. Данилов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского  
E-mail: danilovvik@yandex.ru

В статье на примере Саратовской области рассматривается важная составляющая социальной политики Советского государства в годы Великой Отечественной войны – оказание адресной поддержки слабо защищенным слоям населения. Анализируются характер и масштабы мер материальной помощи семьям военнослужащих, инвалидам войны, матерям и детям, людям, пострадавшим от авиационных бомбардировок. Показывается, что патерналистская социальная политика государства сочеталась с общественной взаимопомощью.

**Ключевые слова:** Великая Отечественная война, Саратовская область, социальная политика, адресная поддержка.



The Main Directions of the Targeted Social Assistance during the Great Patriotic War: the Experience of the Saratov Region

V. N. Danilov

In the article, an important component of the social policy of the Soviet state during the Great Patriotic War – providing targeted support for poorly protected sectors is considered by the example of the Saratov region. The nature and scale of the financial assistance to the families of the military, disabled veterans, mothers and children, people affected by air bombardments are analyzed. It is shown that the paternalistic social policy was combined with social and mutual assistance.  
**Key words:** Great Patriotic War, Saratov region, social policy, targeted support.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-230-239



Социальная политика, проводимая государством, зависит от множества факторов, в том числе: от характера экономики и преобладающих в ней форм собственности; от социального состава общества и взаимоотношений его отдельных групп; от официальных идеологических установок и ментальных особенностей общественного сознания; ситуации, в которой та или иная страна находится в данный конкретный исторический момент. Во всех трех моделях государственной социальной политики, сложившихся в XX в. под влиянием вышеназванных и иных факторов – монетаристской, патерналистской и в рамках социальных государств с рыночной экономикой, – составным ее элементом является так называемая адресная поддержка слабо защищенных слоев населения. Особое значение она приобретает в экстремальных ситуациях, когда существует реальная угроза жизни целым группам населения. Для советской социальной политики таким особым периодом развития была Великая Отечественная война, когда государство взяло на себя ответственность за минимизацию последствий социальной катастрофы. Проводимая в годы войны политика по отношению к наиболее нуждающимся категориям населения (семьи военнослужащих, инвалиды войны, многодетные матери, дети, потерявшие родителей и др.), безусловно, носила черты преемственности с предшествующим периодом, а эффективность решения их проблем во многом зависела от достигнутых в то время результатов в различных секторах социальной сферы (жилье, медицина, образование и др.), но в то же время характер адресной помощи, способы ее реализации и объемы определялись возможностями и условиями 1941–1945 гг.

### **Помощь семьям фронтовиков**

Масштабная мобилизация в армию привела к тому, что семьи военнослужащих стали одной из самых многочисленных и, вместе с тем, слабозащищенных категорий населения, требовавшей государственной и общественной поддержки. По состоянию на июнь 1944 г. в Саратовской области насчитывалось более 290 тыс. семей военнослужащих<sup>1</sup>. Отношение к данной проблеме со стороны советского руководства уже с первых месяцев войны выражалось в лозунге: «Забота о семьях фронтовиков – половина заботы о Красной Армии». Газета «Правда» в передовой статье «Семья советского воина» отмечала, что в этой заботе будет проявляться неразрывная связь армии с народом, несокрушимое единство фронта и тыла<sup>2</sup>. Эта политика, безусловно, исходила из соображений обеспечения боеспособности действующей армии, поскольку моральное состояние солдат во многом зависело от уверенности в благополучии их родных и близких. Как известно, материальные пособия семьям военнослужащих выдавались и царским правительством в годы Первой мировой войны, размер которых в связи с ростом цен на

продовольствие увеличился с 2 руб. в 1914 г. до 4 руб. в 1917 г.

Основным документом, регламентировавшим взаимоотношения органов власти и семей фронтовиков в годы Великой Отечественной войны, являлся Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособия семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время». Для его реализации в каждом городе и каждом районе страны создавались комиссии, обязанные рассматривать в трехдневный срок заявления о назначении пособий. Пособия семьям фронтовиков должны были выплачиваться ежемесячно по месту жительства в сумме от 100 до 250 руб. в зависимости от количества нетрудоспособных в семье (для сравнения среднемесячная зарплата рабочих и служащих в Саратове в 1943 г. составляла 414 руб.). В сельской местности размер пособия уменьшался на 50%. Тогда же органы государственной власти приступили к назначению и выплате пенсий семьям погибших на фронте воинов<sup>3</sup>. Семьям лиц, награжденных орденами и медалями, производились дополнительные денежные выплаты. Кроме пенсий и пособий, семьям военнослужащих полагались значительные льготы по налогам<sup>4</sup>, по оплате за квартиру, им должны были оказывать содействие при устройстве на временное место жительства, при определении детей в ясли и детские учреждения и т. д.

Сразу же после опубликования указа в крае развернулась работа по его реализации. Уже 28 июня 1941 г. решением Саратовского облисполкома вводилась практика систематической проверки правильности назначения и выдачи денежных средств семьям начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА). Этим же решением определялось первоочередное обеспечение семей военных топливом и ремонт их жилья<sup>5</sup>. Но своевременно и в достаточной мере выполнить все это не удалось. К тому же местные органы власти обязаны были обеспечить выполнение указа не только для коренных жителей, но и для семей военнослужащих, вновь прибывающих по эвакуации, численность которых постоянно увеличивалась и к концу 1943 г. составила более 54 тыс. человек<sup>6</sup> 20 сентября 1941 г. облисполком предписал завезти товары в торгующие организации районов для реализации среди эвакуированных семей военнослужащих, причём не допускалась реализация данной продукции среди других контингентов<sup>7</sup>.

Как видим, эвакуированные семьи фронтовиков практически сразу были выделены в особую категорию. В силу своего наиболее уязвимо материального положения именно они особенно остро реагировали на имевшиеся факты бездушного, бюрократического отношения к их нуждам со стороны руководителей местных госучреждений, предприятий и колхозов, чаще других обращались с жалобами не только в местные советские органы,



но и в вышестоящие партийные инстанции. Главным образом по этой причине бюро Саратовского обкома ВКП (б) 28 октября 1941 г. вынуждено было признать, что «состояние дел с приемом и рассмотрением жалоб трудящихся и семей призванных в ряды РККА в отдельных исполкомах местных Советов находится в неудовлетворительном состоянии... Прием посетителей не организован... Многие жалобы лежат без движения и не рассматривались с июля и августа месяцев»<sup>8</sup>. Для того чтобы «с исключительной чуткостью реагировать на каждую жалобу» и «окружить особым вниманием и заботой семьи военнослужащих, точно соблюдая Указ Президиума Верховного Совета СССР о назначении пособия», бюро обкома потребовало привлечь к этой работе депутатов и актив, результаты работы по рассмотрению жалоб заслушать на заседаниях райкомов и горкомов ВКП (б)<sup>9</sup>.

В последующем неоднократно принимались решения по улучшению материального положения родных и близких фронтовиков. Так, 9 сентября 1942 г. Саратовский обком ВКП (б) вынес специальное решение «Об эвакуированных семьях начальствующего состава Красной Армии», согласно которому исполкомы райгорсоветов при посредничестве облторготдела и облпотребсоюза должны были обеспечить продуктивное снабжение указанных семей<sup>10</sup>. 17 ноября 1942 г. Саратовский горсовет распорядился израсходовать за счёт экономии средств 5 тыс. руб. на оказание помощи семьям начсостава РККА и эвакуированным<sup>11</sup>. Судя по докладной записке, отправленной из обкома в Москву в сентябре 1942 г., их материально-бытовое положение было действительно улучшено. В Энгельсе была организована специальная столовая, в Терновском районе ремонтно-пошивочная мастерская, а в Саратове – касса взаимопомощи. Более 7 550 детей были охвачены яслями и детсадами, было засеяно 754 га индивидуальных огородов<sup>12</sup>. В Аркадакском районе всех трудоспособных семей обеспечили работой, также был организован коллективный огород райвоенкомата, с которого снабжалось значительное число граждан<sup>13</sup>. Деньги, получаемые по аттестату за служащего в армии, и собственные заработки могли обеспечить относительно достойное существование и в условиях войны. Ежемесячно органы соцобеспечения выдавали по области пособий на сумму 10 млн рублей<sup>14</sup>. В 1943 г. правительство для эвакуированных семей военных выделило 55 тыс. пайков<sup>15</sup>.

Однако долгое время работа по социальной поддержке семей военнослужащих не имела необходимой четкости, не были в должной мере объединены усилия государства и общества. Поэтому 22 января 1943 г. ЦК ВКП (б) вынужден был принять постановление «О мерах улучшения работы советских органов и местных парторганизаций по оказанию помощи семьям военнослужащих». Согласно ему при исполкомах Советов были созданы специальные отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей во-

еннослужащих. К концу 1943 г. в Саратовской области численность сотрудников этих отделов составляла 587 человек<sup>16</sup>. Они должны были следить за правильным и своевременным назначением и выплатой пособий и пенсий семьям фронтовиков и инвалидам войны, контролировать реализацию предоставленных им льгот, трудоустраивать членов семей военнослужащих, разбирать заявления, жалобы последних и др. Прямую ответственность за это стали нести также работники военных отделов горрайпарткомов. В своем отчете военный отдел Балашовского горкома ВКП (б) в июле 1944 г. отметил, что 50 % рабочего времени он тратил на разбор заявлений и жалоб семей военнослужащих<sup>17</sup>.

Со времени выхода постановления ЦК ВКП (б) вопросы оказания помощи семьям фронтовиков, по сути дела, не сходили с повесток заседаний горкомов и райкомов ВКП (б), исполкомов Советов. Представители местной власти обсуждали проблемы выдачи пенсий и пособий семьям военнослужащих, обеспечения продуктами питания и промтоварами, создания для них необходимых жилищных условий. Саратовский облсовет дважды выносил данный вопрос на сессии – в июле 1943 г. (восьмая) и в марте 1945 г. (двенадцатая). Работники, допускавшие, как тогда говорили, «формально-бюрократическое отношение» к семьям фронтовиков, строго наказывались. Так, в феврале 1943 г. за незаконное выселение из квартиры семьи военнослужащего был снят с должности и исключен из партии заместитель председателя Саратовского горисполкома А. П. Дорохов<sup>18</sup>. Постоянно выявлялись семьи военнослужащих, которые незаконно облагались различными видами налогов. Так, в результате проверки по решению облисполкома от 26 декабря 1944 г. в 20 районах области таковых было выявлено 453 семьи. Даже в марте – апреле 1945 г. контролирующие органы обнаружили 2 тыс. семей военнослужащих, незаконно обложенных налогами и натуральными поставками, и 259 семей, незаконно обложенных финансовыми платежами<sup>19</sup>.

По имеющимся данным, по области, без учета города Саратова, в годы Великой Отечественной войны государственная помощь оказывалась почти 109 тыс. семьям фронтовиков, которым было выплачено пособий и пенсий на сумму более 277 млн рублей. Свыше 292,5 млн руб. им было выдано в порядке единовременной помощи<sup>20</sup>. Чтобы судить о масштабах этих выплат можно привести следующее сравнение: весь фонд зарплаты рабочих и служащих города Саратова составлял в 1943 г. 385 млн рублей<sup>21</sup>. Кроме того, в конце войны почти 24,5 тыс. семей, потерявших на фронте кормильцев, получали пенсии и им было выдано 3 млн руб. единовременных пособий. Важным фактом государственной поддержки было то, что за время войны органы гособеспечения трудоустроили по области более 170 тыс. членов семей военнослужащих, а в детские учреждения только в Саратове



определили более 12 тыс. детей военных<sup>22</sup>. В школах дети фронтовиков получали бесплатные завтраки, остро нуждающиеся обеспечивались одеждой и обувью.

Для семей военнослужащих наряду с государственной большое значение имела общественная помощь. С этой целью был создан специальный фонд, в который в 1943–1945 гг. от населения Саратовской области поступило почти 13 млн рублей. Для пополнения этого фонда по инициативе тружеников Аткарского района в колхозах стали засеиваться специальные поля, площадь которых в 1944 г. составила 1,5 тыс. га, и было получено более 6 тыс. ц урожая зерновых<sup>23</sup>. Сами семьи военнослужащих в первоочередном порядке получали земли под огороды и обеспечивались семенами.

Несколько раз в военные годы и даже после ее окончания в области проводились декадни и месячники помощи семьям фронтовиков. В частности, во время одного такого месячника в октябре – ноябре 1944 г. было собрано 400 тыс. пудов сельскохозяйственных продуктов, более 2 млн руб. денег, предоставлено 1 390 квартир, свыше 150 голов крупного рогатого скота и завезено 286 тыс. кубометров дров<sup>24</sup>. Материальное и морально-политическое значение такой формы опосредованной помощи фронту было оценено советским руководством. В декабре 1944 г. на имя первого секретаря обкома ВКП (б) Комарова и председателя облисполкома Кузьмина пришло письмо от Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, которое гласило: «Передайте трудящимся Саратовской области, собравшим два миллиона сто семьдесят тысяч сто девяносто пять рублей деньгами, продовольственные продукты и вещи в фонд помощи семьям фронтовиков, мой братский привет и благодарность Красной Армии»<sup>25</sup>. Но не менее важным было то, что в такого рода делах проявлялась людская солидарность, столь необходимая в трудное время военного лихолетья.

### **Забота об инвалидах войны**

Чем дольше шла война, тем больше становилось тех, кто получил увечье в результате ранения или тяжелое заболевание на фронте. Уже через год в области насчитывалось до 10 тыс. инвалидов Великой Отечественной войны, а в 1945 г. – почти 31 тыс.<sup>26</sup> Основным способом социальной реабилитации инвалидов стало предоставление им возможности трудиться. В этих целях 6 мая 1942 г. СНК СССР принял специальное постановление о трудоустройстве воинов, потерявших на войне здоровье. Руководители предприятий и учреждений обязывались в кратчайший срок и без задержки предоставлять инвалидам войны посильную для них работу. Для приобретения ими специальности создавались курсы и учебно-производственные мастерские. В соответствии с этим правительственным решением в Саратовской области было трудоустроено к концу войны 85 %

инвалидов. Кроме того, 1625 человек проходили производственное обучение<sup>27</sup>.

Значительное число инвалидов войны после возвращения домой стали трудиться на руководящих должностях, в немалой степени потому, что имелся острый недостаток мужчин, прежде всего, на селе. Из 16 587 инвалидов, проживавших в начале мая 1944 г. на территории Саратовской области, свыше 300 человек работали директорами предприятий, около 300 – председателями колхозов, 260 – председателями сельсоветов, более 700 – бригадирами. Но было немало тех, кто смог устроиться только на неквалифицированную работу. В Аткарске, например, на это время свыше 70 % трудоустроенных инвалидов войны работали сторожами и чернорабочими<sup>28</sup>.

Тот, кто не мог обеспечить себя и семью своим трудом, получал пенсию. По данным на 1 января 1945 г., в городах и селах края насчитывалось 18 тыс. инвалидов войны – пенсионеров. Им ежемесячно выплачивалось 3 млн руб. пенсий в порядке социального обеспечения и, помимо пенсий в виде единовременных пособий, выдавалось ежегодно 700 тыс. рублей<sup>29</sup>. Материальная помощь инвалидам шла также от общественных организаций – профсоюзов и комсомола, которые для этой цели проводили различные мероприятия. В 1945 г., например, инвалидам войны по общественной линии в области было выдано: 503 ц муки (крупы), 208 тыс. руб. денег, отремонтировано 907 домов и квартир, передано 133 головы скота<sup>30</sup>. Коллектив саратовского протезного завода в первом квартале 1945 г. изготовил 1 600 протезов и 1 220 пар протезно-ортопедических устройств. На территории края для инвалидов войны было создано 2 интерната общего типа на 250 мест каждый и интернат на 120 коек для больных туберкулезом, открыт дом отдыха<sup>31</sup>. Все это, безусловно, позволяло воинам, отдавшим свое здоровье в боях с врагом, ощущать себя не забытыми со стороны государства и общества. Но помощь, к сожалению, была недостаточной, поскольку страна, испытывавшая колоссальное напряжение в войне, не могла выделить больших средств. Не все инвалиды войны смогли безболезненно адаптироваться к новым для себя условиям жизни, попадая затем в категорию социально неблагополучного населения.

### **Охрана материнства и детства**

Трудности военного времени значительно сузили финансовые и материальные возможности осуществления и социальной политики в отношении материнства и детства. В первые годы войны были снижены государственные расходы на пособия по беременности и родам: в 1942–1943 гг. они составляли четверть довоенного уровня, что, учитывая даже сокращение уровня рождаемости, было весьма скромным. Положение стало меняться после выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении



государственной помощи беременным женщинам, многодетным матерям, усилении охраны материнства и детства», который преследовал, прежде всего, цель преодоления кризисной демографической ситуации путем различных видов материального и морального поощрения рождаемости. Указ вводил почетные награды многодетным матерям, предусматривал рост государственной помощи одиноким и многодетным матерям, увеличение отпуска по беременности и родам, запрещение с 4 месяцев беременности сверхурочных работ, а также устанавливал дополнительные нормы продовольственного снабжения беременных и кормящих матерей.

Согласно изданному 8 июля 1944 г. указу в Саратове и области дополнительные материальные льготы получило 12 тыс. женщин. К весне 1945 г. было выплачено государственных пособий многодетным и одиноким матерям на сумму почти 3,5 млн руб., в том числе более 1,6 млн единовременной помощи одиноким матерям. До конца войны свыше 2,5 тыс. женщин было награждено орденами «Материнская слава» и «Медалью материнства», 23 многодетные матери отмечены почетным званием «Мать-героиня» (всего подлежало награждению по области около 25 тыс. женщин-матерей)<sup>32</sup>. Поскольку война отрицательно сказалась на лактационной способности многих матерей и увеличилось число новорожденных, нуждавшихся в прикармливании, то в Саратове и других городах области при женских консультациях организовывались пункты сбора грудного молока. Перестраивалась работа молочных кухонь: они превращались в своеобразные «пищевые станции», где готовилось полное дневное питание детей, их персонал переводился на график работы в 2–3 смены. Разумеется, в сельской местности таких возможностей для помощи молодым матерям не было.

Советское государство в военное время отчетливо осознавало необходимость для полноценного выполнения женщинами-матерями производственных задач усиления роли общественного призрения малолетних детей. Саратов и область имели достаточно хорошие количественные показатели развития сети детских дошкольных учреждений в

1940–1945 гг., что можно видеть из статистических данных, приведенных в таблице.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что за военный период количество самих детских дошкольных учреждений и число воспитывавшихся в них детей в регионе значительно увеличилось. По детским садам это увеличение составило 1,5 и 2 раза соответственно. Сокращение контингента детей в садах, произошедшее в последний военный год, можно объяснить падением до этого рождаемости, поскольку при снижении платы за посещение по указу от 8 июля 1944 г. число самих детских садов выросло. Следует учесть, что самостоятельно местный бюджет не мог справиться с возложенным на него бременем расходов по обеспечению всем необходимым детских яслей и садов, поэтому местные власти часть расходов переложили на предприятия, колхозы и совхозы. Само же расширение сети дошкольных учреждений происходило с неизбежными при таком деле издержками: постоянно возникали проблемы с обеспечением помещениями, оборудованием и продовольствием. Но, несмотря на сложности, большая часть детей дошкольного возраста в течение рабочего дня находилась на попечении государственных органов, что позволяло матерям выполнять производственные задания, внося свой вклад в достижение Победы.

Общее тяжелое положение в стране не могло не привести к ухудшению медицинского обслуживания детей, ослаблению контроля за соблюдением ими санитарно-гигиенических норм. Если сеть специальных детских медицинских учреждений в Саратове и области практически не сократилась, то уже с 1942 г. регион постоянно испытывал острый дефицит педиатрических кадров, поэтому оставшимся медикам приходилось трудиться вдвойне и втройне, чтобы следить за здоровьем детей. С началом войны среди детей стало прогрессировать число простудных и инфекционных заболеваний, в том числе туберкулезных. Причины этого крылись в ухудшении санитарно-гигиенических условий и питания детей. В саратовских детских садах, например, даже до сокращения пайковых норм в ноябре 1943 г. выделяемые фонды питания

#### Развитие сети детских дошкольных учреждений в Саратовской области в годы Великой Отечественной войны

	Год					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Постоянные детские ясли, в т. ч. в Саратове	225 41	231 45	237 45	242 45	237 40	248 н.д.
Места в детяслях, в т. ч. в Саратове	8403 2902	10124 3942	10558 3926	10843 3653	10540 33160	11048 н.д.
Число детских садов, в т. ч. в Саратове	269 67	259 72	н.д. н.д.	299 74	376 90	414 91
Количество в них детей, в т. ч. в Саратове	11139 4153	14867 6272	н.д. н.д.	20579 7280	24508 7387	23794 6676
Число воспитателей детсадов, в т. ч. в Саратове	818 287	934 366	н.д. н.д.	1390 480	1533 519	1576 484

Примечание. Сост. по: ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 13. Д. 4. Л. 13, 34.



позволяли получать в день только 740 калорий вместо положенных 1200<sup>33</sup>. Поэтому государство вынуждено было искать компенсирующие способы охраны здоровья детей. Наркомторг предписал торгующим организациям бронировать для детей такие важные продукты, как манная крупа и рис, а детям до 12 лет отпускать молоко. В школах всех городов и поселков были введены завтраки, для школьников дополнительно отпускалось по 50 г хлеба и 10 г сахара в день. Горячие завтраки из колхозных средств выдавались и в большинстве сельских школ. Для детей, особо нуждавшихся в усиленном и диетическом питании, были организованы специальные столовые. В Саратове уже в 1942 г. к ним было прикреплено 2 тыс. школьников, а в 1944 г. в специальных столовых питалось 6 тыс. ребят<sup>34</sup>.

Великая Отечественная оставила по разным причинам (гибель на фронте, эвакуация и беженство, тяжелое заболевание) тысячи детей без родителей, заботу о которых взяло на себя государство. В данном случае стояла задача обеспечить не только их физическое существование, но и воспитание в качестве полноценных членов советского общества. Власть стремилась также не допустить разрастания такого негативного социального явления, как детская беспризорность, опасность которого наглядно проявилась в годы Гражданской войны и сразу после ее окончания<sup>35</sup>. Основные направления политики в этой области были определены постановлением СНК СССР от 22 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». На различных уровнях создавались комиссии по устройству детей-сирот, куда входили представители органов народного образования, здравоохранения и общественных организаций, а также органов милиции, при которых организовывались приемники-распределители. Практически ежемесячно в Саратове проводились с участием комсомольцев милицейские рейды по вокзалам и улицам, отдельным районам с целью выявления беспризорных детей. Дети, достигшие 14-летнего возраста, трудоустроивались, те, кто имел начальное образование, направлялись для обучения в школы фабрично-заводского обучения, ремесленные и железнодорожные училища. Возрождались институт усыновления, опеки и патронаж. Новой формой устройства детей, родители которых погибли на фронте, являлись суворовские военные училища с семилетним сроком обучения. В 1944 г. суворовское училище было создано и в Саратове.

Конечно, работа по социальному признанию детей, лишившихся родителей или потерявших с ними связь, была далека от идеальной, в ней имелись и сбои, в том числе в работе по учету беспризорных детей. Выросла преступность со стороны беспризорных и безнадзорных детей. Однако это не должно умалить значения того, что было сделано в годы Великой Отечественной войны по устройству и воспитанию детей-сирот. Уже к середине февраля 1942 г. различными семьями в

Саратове было усыновлено 124 ребенка<sup>36</sup>. Детей, потерявших родителей, стали брать на воспитание колхозы и совхозы области. К 1943 г. 16 колхозов воспитывало по 10–25 человек осиротевших детей каждый. Всего за годы войны в Саратовской области из 9 917 учтенных детей-сирот было усыновлено 369, находились на патронате 3 487 детей, но большинство из них – 6 061 человек – как и ранее, размещались в детских домах<sup>37</sup>.

### Помощь детским домам

К началу войны на территории Саратовской области располагался 31 детский дом, в которых находилось 3655 воспитанников. В основном это были дети, чьи родители умерли в голодные 1932–1933 гг. или были репрессированы. Во второй половине 1941 г. в область были эвакуированы детские дома из Минска, Москвы, Одессы, Евпатории, из Гомельской, Могилевской, Житомирской, Ворошиловградской, Полтавской, Запорожской и других западных областей СССР (всего более 20)<sup>38</sup>. Кроме того, в октябре–ноябре 1941 г. в область прибыло по эвакуации почти 3,5 тыс. детей, учеников московских школ, которые были размещены в 31 интернате, ставших в сущности такими же детскими домами<sup>39</sup>. Они располагались преимущественно в районах бывшей Немреспублики. В декабре 1941 г. в Саратовской области насчитывалось 96 детских учреждений (школьных, дошкольных и смешанных детдомов, детских домов с особым режимом, специальных школ, школьных и дошкольных интернатов) с количеством детей 14013 человек<sup>40</sup>. Количество воспитанников в детских домах постоянно пополнялось до 1944 г. Только за июнь 1943 г. область приняла из Смоленска и Курска 840 человек. Ежедневно из приемников НКВД в детские дома прибывало по 50–60 человек<sup>41</sup>. Детские дома были размещены практически по всем районам области, четыре из них находились в городе Саратове.

Если «старые» детские дома, несмотря на ухудшение общего материального положения, продолжали работать в прежнем режиме: многие из них имели свои приусадебные участки и запас овощей был достаточным, чтобы прокормить себя, то прибывшие в назначенные районы размещения детские учреждения испытывали острую нехватку в продуктах питания, а также в оборудовании, постельных принадлежностях, топливе, одежде и обуви. Все эти проблемы предстояло решить местным властям в течение первых месяцев. Из местного бюджета выкраивались сотни тысяч рублей для приобретения белья, теплой обуви и одежды. Новым детским домам и интернатам было передано имущество расформированных педучилищ, оборудование местных детдомов, на предприятиях изготавливалась мебель<sup>42</sup>. С 1 января 1942 г. облисполком установил норму выдачи хлеба в детских домах по норме снабжения рабочих – 600 грамм на одного воспитанника<sup>43</sup>. Но отпуск продуктов



с баз торгующих организаций зачастую должным образом не был организован, со стороны недобросовестных работников снабженческих учреждений имелись злоупотребления: недодача, замена одних продуктов другими. Проверяющие органы еще долго констатировали недостатки в организации питания детдомовцев. Да и ограниченность самих продовольственных ресурсов не позволяла поднять уровень снабжения до должного. Так, по детским домам области только за 1942 г. было недорасходовано на питание более 4,8 млн руб. бюджетных средств<sup>44</sup>.

Из-за недостатка времени многие детские дома были организованы на «скорую руку», помещения плохо отапливались и не всегда отвечали санитарным требованиям, находились в селах, удаленных от районных врачебных пунктов. Штатным расписанием некоторых интернатов медицинские работники вообще не предусматривались. Участковые врачи были просто не в состоянии охватить медицинской помощью все детские дома. Поэтому в детских домах и интернатах зимой – весной 1942 г. имелись массовые заболевания не только гриппом, но и туберкулезом, корью, скарлатиной, болезнями желудочно-кишечного тракта. Специально врачебно-медицинский персонал стал прикрепляться к каждому детскому дому и интернату после выхода постановления СНК СССР от 1 сентября 1943 г. «Об улучшении работы детских домов».

Тем не менее постепенно жизнь в детских домах налаживалась. Ряд из них были переведены в другие более просторные помещения, они пополнялись инвентарем, мебелью, оборудованием, выделялись дополнительные наряды на одежду и обувь. Начиная с января 1942 г. комсомольцы стали собирать среди населения вещи, отрабатывали в пользу детдомовцев сверхурочные часы. Так, молодые работницы фабрики имени Крупской в апреле 1942 г. изготовили 100 трикотажных костюмов, отправленных затем в детские дома<sup>45</sup>. Многие колхозы и совхозы брали шефство над детскими домами, главной целью которой являлась помощь в оборудовании, снабжении продуктами и проведении культурно-массовых мероприятий. Саратовский пединститут, например, в порядке шефства выделил детскому дому № 3 недостающее количество кроватей, матрасов, укомплектовал библиотеку. Коллектив завода № 446 оборудовал для детского дома кинозал, снабдил топливом, отремонтировал мебель<sup>46</sup>. Без особых директив и указов народ старался из своих запасов поддерживать силы детей, выдавая им завтраки в школах, муку и другие продукты, помогая организовать работу в подсобных хозяйствах. Все это позволило тысячам детей, которых взяло на воспитание государство, сохранить здоровье, дать школьное образование. Немало бывших детдомовцев уже в годы войны были зачислены в ремесленные училища и школы ФЗО и стали работать на производстве. Среди воспи-

танников саратовских детдомов военного периода есть известные всей стране люди – заслуженный учитель РСФСР Н. С. Войцеховская, писатель В. Б. Разин, по книге которого о жизни детского дома в Хвалынске «Подранки» снят известный кинофильм, крупный советский и российский государственный деятель А. И. Вольский.

Из всех детских домов, находившихся все время на территории Саратовской области, самым известным, пожалуй, являлся детский дом № 1, который носил еще название «Красный городок». Он был организован задолго до войны, а в 1941–1945 гг. там жили преимущественно дети дошкольного и школьного возрастов из Могилева, Минска, Киева, Смоленска, Сталинграда, всего 465 воспитанников<sup>47</sup>. В детском доме подобрался очень хороший коллектив педагогов. Все воспитанники занимались в кружках: хоровом, драматическом и других, организованных талантливыми руководителями. В детдоме существовал оркестр, которым руководил бывший директор театра имени Чернышевского В. Широков. Духовой оркестр выступал на различных площадках города Саратова, зарабатывал деньги, которые шли в общую кассу, и на них приобретали необходимые детдому вещи. В «Красном городке» воспитанники многое делали сами: заготавливали топливо, работали на приусадебном участке и в мастерских (трикотажной, слесарной, столярной). Детдомовские мастерские работали и по заказам предприятий. Так, в токарной мастерской выполняли заказы авиационного завода, а в механической – пригородных колхозов. Кроме того, детский дом имел свою свиноферму, лошадей, кроликов<sup>48</sup>. Но, главное, что все военные годы дети школьного возраста напряженно и успешно учились.

Значительную часть эвакуированных в Саратовскую область детдомовцев составляли испанские дети, попавшие в СССР в результате гражданской войны в этой стране. С сентября 1941 г. по январь 1942 г. на территорию края прибыли четыре испанских детских дома, насчитывавших более 1400 детей, что составляло треть всех испанских детей, находившихся к тому времени в СССР, 248 из них вскоре были в ФЗО и РУ<sup>49</sup>. Два детских дома № 1 и № 5, прибывшие из Московской области, размещались соответственно в селе Куккус (Приволжское) и селе Базеле (Васильевское), детский дом № 3 из Краснодарского края был направлен в Саратов, а № 6 из Евпатории – в село Орловское Марковского района. Так как большинство воспитанников детдома № 6 было направлено учиться в ремесленные училища и школы ФЗО, то в сентябре 1942 г. в село Орловское перевели 215 детей из саратовского детдома № 3, который вскоре был упразднен. Таким образом, к осени второго года войны все испанские детдома разместились в сельской местности, в большинстве случаев в малоприспособленных для жилья и учебы помещениях, что вызывало серьезные трудности. Трудности пребывания испанских детских



домов в Саратовской области усугублялись тем, что среди детей было очень много больных, особенно туберкулезом (до 1/3 в отдельных детдомах), были случаи смертельного исхода болезни<sup>50</sup>.

В письме, отправленном в ЦК ВКП (б) в мае 1942 г., Саратовский обком указал, что испанские детские дома взяты местными властями на особый контроль и им была оказана дополнительная помощь. В частности, детдомам была выделена земля, предоставлены семена для посева, передано несколько голов крупного рогатого скота и свиней, чтобы улучшить снабжение продуктами питания. С целью налаживания более калорийного питания детдомам выделялось свыше 1 т муки в месяц, столько же круп, 1 т мяса, более 3 т рыбы, 740 кг животного и 1 т растительного масла, 10 тыс. яиц, около 12 т молока и свыше 1,5 т сахара в квартал<sup>51</sup>. Учитывая трудности снабжения продуктами населения тыла в военный период, питание испанских детей, даже если не все эти продукты получались своевременно и полностью, выглядело очень калорийным. В целях улучшения медицинского обслуживания в испанские детские дома были направлены врачи, проведено тщательное обследование всех детей, решено было открыть детский санаторий на 11-й Дачной остановке в Саратове и санаторный лагерь на Шумейке для больных детей. Принимались меры к снабжению одеждой и обувью, поскольку эвакуация прошла в спешке, ничего с собой не успели взять: не было летней одежды, только четверть детей имели обувь<sup>52</sup>.

В 1942–1944 гг. Саратовский обком ВКП (б) и облисполком по результатам периодических проверок принял несколько постановлений, направленных на улучшение состояния испанских детдомов, на улучшение снабжения их продуктами и одеждой, на поднятие уровня воспитательной работы. В связи с сокращением числа испанских детей, оставшихся в детдомах, и открытием санаторного детского дома в селе Алексеевка летом 1943 г. было принято решение закрыть детский дом № 5 в селе Васильевское. Осенью 1943 г. по письму Генерального секретаря компартии Испании Долорес Ибаррури осуществлялись мероприятия по улучшению условий жизни испанских юношей и девушек, бывших детдомовцев, которые обучались в учебных заведениях Саратова<sup>53</sup>.

Летом 1944 г. на основании постановления СНК СССР от 25 апреля 1944 г. «Об улучшении условий работы детских домов для испанских детей, находящихся в СССР» оставшиеся к тому времени в детских домах Саратовской области испанские дети были реэвакуированы. Пребывание в Саратовской области в течение почти трех лет явилось важным этапом в жизни более тысячи испанских детей и подростков; многие из них полюбили новую страну, она для них стала второй родиной. Не случайно, что не все испанцы, воспитывавшиеся в советских детских домах, захотели вернуться в Испанию, когда это стало возможным.

### Оказание помощи пострадавшим от бомбардировок

Во время авиационных налетов противника 1942 и 1943 гг. был не только нанесен существенный ущерб промышленным и транспортным объектам Саратова и других городов области, но и пострадали сотни людей из гражданского населения, их дома и имущество. Местные органы власти и руководство предприятий вынуждены были решать задачи по изысканию средств для оказания материальной помощи пострадавшим и лечения тех, кто получил ранения и ожоги. Эту практически неизвестную страницу местной истории детально покажем на примере оказания помощи жителям Сталинского (Заводского) района после июньских 1943 г. бомбардировок Саратова.

Сразу же после первого налета в ночь с 12 на 13 июня президиум исполкома Сталинского райсовета создал специальную комиссию из пяти человек во главе с заместителем председателя райисполкома Чедией по оказанию помощи пострадавшему населению. Для оказания ей практического содействия были выделены представители от горкома ВКП (б) и горисполкома, а для выявления и учета пострадавших, размеров бедствия был послан районный актив (работники аппарата райкома, райисполкома, депутаты городского и районного советов)<sup>54</sup>. Комиссия и актив работали достаточно четко, но в тех условиях трудно было решить все вопросы с максимальной оперативностью и охватить всех сразу своим вниманием.

Наиболее важной и трудной задачей являлось расселение в городе около 700 пострадавших семей и вывоз временно части их в районы области, поскольку для быстрого ремонта разрушенных жилищ отсутствовали строительные материалы. За период с 14 по 28 июня 1943 г. из районов крекинг-завода, Увека, Красной Слободки и поселка авиационного завода были вывезены 403 семьи (1218 человек), из них в селения за пределы города – 256 семей, в черте города (на специально выделенные квартиры, по родным и знакомым) – 147 семей<sup>55</sup>. По договоренности с облисполкомом до 350 человек расселялись в Хмелевке, Багаевке, Синеньких, Курдюме и других пунктах Ворошиловского (Саратовского) района, прилегающих к заводам. Около 90 человек размещались в общежитиях на 3-м жилучастке авиационного завода<sup>56</sup>. В течение 12 часов после вражеского налета на завод им. Ленина в безопасные места были вывезены 167 семей из примыкавших к заводу домов, 34 семьям предоставлялись квартиры. 47 семей, пострадавших при пожаре сарТЭЦ, разместили на жилой площади электростанции и у родных и знакомых в микрорайоне Пролетарка. Еще несколько десятков семей были отправлены в различные районы области<sup>57</sup>. Более 300 детей, находившихся в детских учреждениях Сталинского района, на лето перевезли в пионерские лагеря и на дачи в Игуменском ущелье и на 2-й Дачной остановке.



232 учащихся и персонал 7-го ремесленного училища при крекинг-заводе вывезли в совхоз села Вольновки<sup>58</sup>. Для перемещения всей этой массы людей городские и районные власти выделили необходимый автотранспорт.

Распоряжением председателя горисполкома был принят ряд мер по обеспечению пострадавших продуктами и частично одеждой. В первый же день пострадавшим было доставлено и выдано без карточек 3 т хлеба (из расчета 400 г на человека); в то же время работники карточного бюро по заключению комиссии выдавали карточки тем, кто их утерял. Помимо хлеба выдавались овощи, а в столовой ремесленного училища № 14 с 10 до 18 часов был организован отпуск обедов. Такая же работа проводилась и в последующие дни налетов авиации противника. С 18 июня 1943 г. комиссия по оказанию помощи населению приступила к выдаче талонов на получение промтоваров (белья, подушек и т. п.)<sup>59</sup>.

Наряду с помощью, которая оказывалась по муниципальной линии, пострадавшим жителям Сталинского района летом 1943 г. была оказана материальная поддержка и со стороны предприятий. Для этой цели на крекинг-заводе им. Кирова, например, тоже была создана специальная комиссия, которой было организован уход за ранеными в больницах, выдача хлеба и горячего питания в заводской столовой. 127 семьям завод выдал нательное белье, верхнюю одежду и обувь – на каждого человека в среднем по 10–12 вещей<sup>60</sup>. На авиационном заводе организацией помощи пострадавшим занимался комитет профсоюза. Здесь денежная помощь составила сумму 106 тыс. рублей; 192 семьям выделили ордера на получение промтоваров. Для помощи заводу из колхозов поступали обозы с овощами и молоком. 11 семей погибших получили по 3–5 тыс. руб., пуду муки, пуду крупы, 6 кг мясных продуктов, 2 кг варенья, 3 кг меда, 50 яиц и промтовары. 16 раненым рабочим, находившимся на лечении в больнице, была оказана единовременная помощь: им было выдано по 4 кг сметаны, полкило масла, 20 яиц. Ежедневно всем пострадавшим выделялось по литру молока и полкило хлеба<sup>61</sup>. Пострадавшие рабочие с СарГЭЦ получили промтоварные карточки на сумму около 50 тыс. руб.; для многолетних рабочих в течение четырех дней выдавались одноразовые талоны в столовую электростанции. Примерно такая же, как на указанных предприятиях, материальная помощь тогда оказывалась пострадавшим от бомбардировок на заводах № 195, № 602, им. Ленина и других<sup>62</sup>.

Феноменом развития советской общественной модели стало формирование особого типа социальной политики, в основе которой, прежде всего, лежал принцип патернализма, что обеспечивало приоритетную роль государства в реализации интересов и потребностей личности. В период Великой Отечественной войны в экстремальных условиях, поставивших под угрозу выживание нации, патерналистская система обнаружила важные по-

ложительные качества: способность мобилизации ресурсов и их целенаправленного использования, возможность быстрого реагирования при решении острых социальных проблем, комплексный подход в решении задач обеспечения минимальных социальных стандартов. Одновременно в этом процессе, в первую очередь при оказании адресной помощи особо нуждающимся категориям населения, меры государственной поддержки сочетались с общественной взаимопомощью. В деятельности общественных организаций и хозяйственных структур проявлялись выполнение рекомендаций центральных и местных органов и, вместе с тем, неформальная забота о нуждах попавших в тяжелую жизненную ситуацию людей.

### Примечания

- 1 Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 3742. Л. 27.
- 2 Правда. 1941. 30 августа.
- 3 Там же. 27 июня.
- 4 Только за период с марта 1943 г по май 1945 г. сумма льгот по Саратовской области составила 365 717 400 рублей. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 470. Л. 67.
- 5 Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-1738. Оп. 6. Д. 38. Л. 302–302 об.
- 6 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3742. Л. 27.
- 7 ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 182. Л. 89.
- 8 Саратовская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Архивные документы. Саратов, 2005. С. 44–45.
- 9 Там же. С. 45–46.
- 10 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2689. Л. 64–64 об.
- 11 ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 862. Л. 234.
- 12 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2706. Л. 102; Д. 2747. Л. 68.
- 13 Там же. Ф. 5. Оп. 11. Д. 1. Л. 176.
- 14 ГАСО. Ф. 1738. Оп. 2. Д. 1424. Л. 134.
- 15 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3620. Л. 319.
- 16 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-415. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.
- 17 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3743. Л. 15.
- 18 ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 889. Л. 87; ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 15. Д. 7. Л. 149.
- 19 ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 1424. Л. 132; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 470. Л. 67.
- 20 См.: Саратовская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Документы 1941–1945 гг. Саратов, 1969. С. 199.
- 21 ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 9. Д. 13. Л. 12.
- 22 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 470. Л. 68; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 8. Д. 2. Л. 28.
- 23 Там же.
- 24 ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 1434. Л. 129–130.
- 25 Там же. Л. 130.
- 26 См.: Ванчинов Д. П. Указ. соч. С. 201.



- <sup>27</sup> ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3814. Л. 33.
- <sup>28</sup> Там же. Оп. 1. Л. 3742. Л. 20.
- <sup>29</sup> См.: *Ванчинов Д. П.* Указ. соч. С. 201
- <sup>30</sup> ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3812. Л. 33.
- <sup>31</sup> Там же. Оп. 1. Д. 3814. Л. 50.
- <sup>32</sup> См.: *Ванчинов Д. П.* Указ. соч. С. 153; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 1425. Л. 203–204; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 470. Л. 62–63.
- <sup>33</sup> ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 320. Л. 68.
- <sup>34</sup> ГАСО. Ф. Р-2650. Оп. 1. Д. 275. Л. 10.
- <sup>35</sup> В Саратовской области уже в июле 1941 г. было выявлено более 300 беспризорных детей, главным образом из числа эвакуированного контингента. См.: ГАНИСО. Ф. 4158. Оп. 14. Д. 88. Л. 3–4.
- <sup>36</sup> Там же. Л. 56.
- <sup>37</sup> ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 142. Л. 129.
- <sup>38</sup> ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 738. Л. 115–116.
- <sup>39</sup> Там же. Л. 56. На 1 июня 1942 г. в Саратовской области имелось 33 наркомпросовских интерната, 2 интерната Московской окружной железной дороги и интернат завода им. Горбунова.
- <sup>40</sup> См.: Саратовская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Архивные документы. С. 71.
- <sup>41</sup> ГАНИСО. Ф. 4158. Оп. 9. Д. 113. Л. 10.
- <sup>42</sup> См.: Саратовская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Архивные документы. С. 72.
- <sup>43</sup> ГАРФ. Ф. А-2036. Оп. 70. Д. 2793. Л. 90.
- <sup>44</sup> ГАНИСО. Ф. 4158. Оп. 9. Д. 114. Л. 6.
- <sup>45</sup> Там же. Л. 2–3.
- <sup>46</sup> ГАРФ. Ф. А-2036. Оп. 70. Д. 2793. Л. 90–93.
- <sup>47</sup> См.: *Вольф А. Я.* Родом из «Красного городка». М., 1991. С. 72.
- <sup>48</sup> См.: Коммунист. 1984. 12 янв.
- <sup>49</sup> ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2872. Л. 23.
- <sup>50</sup> Подробнее о о пребывании испанских детских домов в Саратовской области см.: *Аврус А. И.* Испанские детские дома в Саратовской области в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в контексте российской истории : материалы межвуз. конф. Саратов, 2000. С. 104–110; *Филаретова В. Л.* Испанские детские дома в период Великой Отечественной войны в Саратовской области // Навеки в памяти народной... : материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию Победы. Саратов, 16 марта 2010 г. Саратов, 2010. С. 96–100; *Фернандес А. П.* История одной эвакуации : испанский детский дом № 1 в селе Куккус // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История, Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 115–120.
- <sup>51</sup> ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2749. Л. 142.
- <sup>52</sup> См.: *Аврус А. И.* Указ. соч. С. 107.
- <sup>53</sup> Там же. С. 109.
- <sup>54</sup> ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3269. Л. 1–2.
- <sup>55</sup> Там же. Ф. 30. Оп. 15. Д. 42. Л. 231, 234.
- <sup>56</sup> Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3269. Л. 5; ГАСО. Ф. Р-3373. Оп. 1. Д. 21. Л. 16.
- <sup>57</sup> ГАНИСО. Ф. 972. Оп. 1. Д. 179. Л. 11–12.
- <sup>58</sup> Там же. Л. 48; Ф. 30. Оп. 15. Д. 42. Л. 232; Ф. 594. Оп. 1. Д. 3379. Л. 58.
- <sup>59</sup> Там же. Ф. 972. Оп. 1. Д. 179. Л. 7–8.
- <sup>60</sup> Там же. Ф. 30. Оп. 15. Д. 42. Л. 235; Ф. 594. Оп. 1. Д. 3269. Л. 2.
- <sup>61</sup> Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3379. Л. 58.
- <sup>62</sup> Там же. Ф. 972. Оп. 1. Д. 179. Л. 12.



## ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

**Рецензия на книгу: Рабинович Я. Н. Малые города Псковской земли в Смутное время. Псков: Псковская областная типография, 2014. 253 с.**

Книга Я. Н. Рабиновича представляет собой три очерка, посвященных истории псковских пригородов Гдова, Изборска, Псково-Печерского монастыря и новгородского пригорода Порхов в начале XVII в. История этих территорий неоднократно рассматривалась в работах историков и краеведов, в том числе в отдельных изданиях, основанных на значительном количестве источников, например, в книге Е. Е. Лебедева о Порхове. Кроме того, в 2012 г. Я. Н. Рабинович выступил в качестве составителя книги Г. А. Замятина «К Российскому царствию пристоят. Борьба за освобождение русских городов, захваченных шведами в 1613–1614 гг.», где два очерка посвящены Гдову и Порхову.

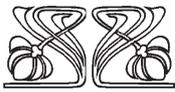
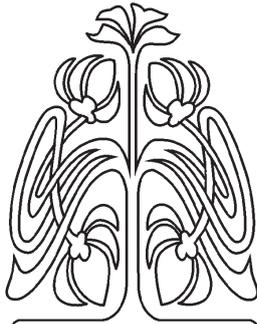
Содержание «Смутного времени» на Северо-Западе России обладало существенными особенностями, вызванными тем, что до августа 1608 г., когда на территории Псковской земли появились отряды тушинского воеводы Плещеева, значительных социальных конфликтов в Пскове и его пригородах не было. Даже появление в Пскове плененных повстанцев Болотникова в 1607 г. не вызвало осложнений. Период пребывания Псковской земли под властью тушинцев завершился в 1611 г., почти совпав по времени с началом шведской оккупации Новгородской земли, и собственно с этого времени начинается изложение монографии Я. Н. Рабиновича.

Второй период «Смутного времени», как известно, характеризовался постепенным ослаблением социального протеста и смещением основных линий конфликта в плоскость противостояния иностранной интервенции. И если в центре России разворачивалась борьба ополчений с польскими интервентами за Москву, то на Северо-Западе опорным пунктом борьбы, как со шведскими войсками, так и в меньшей степени с польско-литовскими, стал Псков. Коль скоро центром шведской оккупации оказался Новгород, то пригороды, находившиеся на периферии этих земель, неизбежно стали объектами борьбы за них. И если по истории Новгорода и Пскова в начале XVII в. написаны фундированные труды, то история малых городов проходила в них как бы фоном, что не всегда справедливо. Книга Я. Н. Рабиновича, таким образом, закрывает существенную лауну в изложении истории Смуты на Северо-Западе.

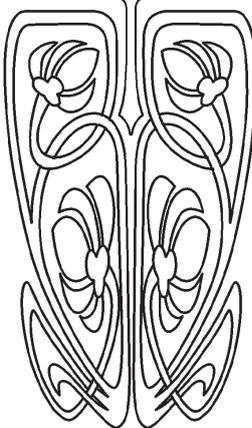
Более того, благодаря поддержке коллег по цеху автору удалось существенно продвинуться в изучении проблемы, используя неопубликованные источники из Стокгольмского архива и РГАДА. Именно благодаря этим документам оказалось возможным уточнить многие детали военно-политического противостояния за города Северо-Запада. Так, автор вдумчиво и кропотливо изучил перипетии борьбы за Гдов в 1613–1614 гг., показав на основе многих источников, каковы были материальные основы пребывания гарнизона в этой крепости, как реагировали на захват Гдова местные помещики, как складывалась судьба этого пригорода накануне и после заключения Столбовского мира.

Столь же серьезные подвижки осуществлены автором в изучении истории Порхова в годы Смуты. На основании документов Стокгольмского архива показан состав местных землевладельцев, раскрыты особенности повинностей, которые должно было нести местное население в пользу шведов, сделаны аргументированные предположения о лицах, участвовавших в подготовке восстания в Порхове.

Следует отметить, что автору не удалось существенно расширить источниковую базу по истории пригорода Изборск, который после постройки монастырской крепости в 1558–1565 гг. оказался в упадке как административный и оборонительный центр. Но авторские изыскания по истории Псково-Печерского монастыря в эпоху Смуты представляют



**КРИТИКА  
и  
БИБЛИОГРАФИЯ**





значительный интерес и позволяют пересмотреть многие устоявшиеся представления.

В то же время книга Я. Н. Рабиновича вызвала к рассмотрению целый ряд проблем, которые нуждаются в обсуждении. В исторической науке еще с конца XIX в. сформировался комплекс академических стандартов в изучении проблем и написании монографий, выработанных такими классиками, как В. О. Ключевский, Н. П. Лихачев, А. С. Лаппо-Данилевский, П. Н. Милюков. Эти стандарты предполагают бережное и уважительное отношение к трудам предшественников, предполагающее обязательные сноски на их тексты, если по обсуждаемому вопросу уже были высказаны аргументированные суждения, учет новейших достижений источниковедения, воздержание от необоснованных предположений, четкое структурирование материала и обязательная теоретическая работа по его осмыслению. И вот здесь необходимо признать, что рецензируемая книга не всегда соответствует вышеизложенным параметрам научного дискурса.

Конкретизируем свои соображения. Во-первых, книга Я. Н. Рабиновича сильнее всего образом зависит от предшествующей историографии, в первую очередь от трудов Г. А. Замятина. Однако будучи издателем одной из рукописей Замятина автор либо не всегда объективно передает суть суждений своего предшественника, либо вступает с ним в беспочвенные споры. Так, например, он приводит суждение Замятина о том, что главная роль в освобождении Гдова принадлежала отряду из Пскова («последнее будет вернее») (с. 53). Однако в другом ранее изданном тексте Замятина дана несколько иная трактовка этого события, которое, по мнению Замятина, произошло «при активном участии псковичей в отпадении Гдова» (*Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII в. СПб., 2008. С. 285).

Поскольку эти рукописи Замятина издавались после кончины автора, нужно принимать во внимание факт незавершенности его работ и крайне внимательно относиться к предлагавшимся им трактовкам. Г. А. Замятин проницательно указывал на малейшие нюансы в ходе борьбы России за свои северо-западные города. Так, говоря о причинах неудачи русских в борьбе за Порхов, Замятин писал и о неверной тактике воеводы Крюкова, и о бдительности шведского воеводы Коробелла. Я. Н. Рабинович же посвящает абзац спору с Замятиным, хотя соглашается с ним во втором утверждении (с. 134). Спрашивается, в чем смысл этого спора с давно почившим ученым, без трудов которого изучение Смуты на Северо-Западе России на современном уровне было бы невозможным?

Во-вторых, совершенно неудовлетворительными являются методы работы автора с источниками. Так, справедливо указывая со ссылкой на суждение А. Н. Насонова, что издатель Псковской первой летописи в 1837 г. допустил контаминацию списков и издал сводный текст, Я. Н. Рабинович упорно на

протяжении всей книги ссылается именно на устаревшее издание 1837 г. (с. 50, 107, 159 и т. д.), хотя в распоряжении исследователей имеется современное издание А. Н. Насонова. Порой это приводит к курьезным выводам: цитируя, видимо, по изданию 1837 г. текст Псковской летописи, где сказано: «и придоша псковичи, взяша Гдов», автор говорит о невозможности опираться на летопись по причине некачественной работы издателя, упуская из виду, что в издании Насонова, где дан текст Псковской первой летописи без контаминаций, имеется ровно такая же фраза. Дело, видимо, не в некачественной работе издателя, а в особенностях летописей как исторического источника.

В-третьих, автор исходит из предзаданной идеи о том, что захват Гдова русскими войсками в 1613 г. произошел в результате восстания. Для доказательств этого предположения автор приводит ряд аргументов, либо неподкрепленных сведениями источников, либо неубедительных логически. Так, автор говорит со ссылкой на С. Ф. Платонова, что «военное» население Гдова обладало «военной организацией» (с. 36). Что здесь имеется в виду? Если военная организация псковских стрелецких сотен, проходивших очередную службу в Гдове, то она не имела отношения к местному населению. Не являлась отдельной военной организацией и группа местных помещиков, да и само выражение «гдовские помещики» весьма приблизительно отражает суть явления. Общеизвестно, что «служилый город» – корпоративная организация местных помещиков – охватывал всю Псковскую землю. Условно «гдовскими» можно признать не более двух десятков помещиков (с. 36), чьи основные владения находились в погостах Гдовского уезда и чей оклад был записан в писцовых книгах именно по Гдовскому уезду.

Поэтому с полной уверенностью можно сказать, что военная организация собственно местного населения в Гдове не существовала, а значит и организовать «восстание» она не могла. Подтверждением решающей роли псковских служилых людей и стрельцов в захвате Гдова является приведенный автором список награжденных «за гдовскую службу», среди которых один помещик из Малоярославца, стрелецкие сотники из Пскова и Порхова и 13 псковских помещиков (с. 60). Как видно, правительство не считало участие гдовлян решающим в деле захвата и последующего удержания Гдова.

В-четвертых, не всегда точной является применяемая автором лексика: например, неоднократно в тексте книги упомянуты «москвичи» – в значении отряда всадников под Гдовом, и в значении правительства Михаила Романова (с. 70, 170). Если в первом случае автор, видимо, неудачно повторил донесение коменданта С. Банера о «москвитях», то во втором случае такое словоупотребление вызывает только недоумение: даже противниками правительства Романова воспринималось как общерусское, а не московское.



В-пятых, рецензируемая книга насыщена многочисленными повторами, которые существенно увеличивают объем текста, но препятствуют его восприятию. Повторы касаются и статуса Дерпта в начале XVII в., «принадлежавшего Речи Посполитой, но проводившего относительно самостоятельную политику» (с. 163, 172), и роли порховского дворцового приказчика Помещикова в подготовке восстания (с. 129, 132), неоднократно повторен фрагмент о нахождении неопубликованной рукописи Замятина в Отделе рукописей РГБ (с. 11, 91).

И, наконец, в-шестых, крайнее удивление вызывают нотации, которые читает автор историкам страны, констатируя, что «книга об истории Порхова в Смутное время могла быть написана еще сто лет назад... Однако псковские, новгородские и столичные историки, имея солидную научную базу, подготовленные кадры, библиотеки, историко-филологические факультеты университетов... были заняты другими делами и не сумели реализовать потенциальные возможности» (с. 99). Отметим, во-первых, что раздел объемом 5 печатных листов, написанный автором, тоже не вполне является «книгой». Во-вторых, ровно с таким же успехом можно было бы написать «книгу» об истории десятка других «малых» городов в эпоху Смуты, и далеко не факт, что написание истории Порхова является особо актуальным.

Книга, подобная работе Я. Н. Рабиновича, действительно могла появиться сто лет назад, поскольку сложнейшая теоретическая работа по осмыслению феномена Смуты прошла мимо нее. Поколения историков изучают источники не только с целью реконструкции фактологической основы

проблемы, но и в попытках изучить социально-политические структуры, вызвавшие к жизни разрушительные механизмы Смуты. Казалось бы, автор рецензируемой книги тоже должен задаться этим вопросом: ведь он изучает события в Гдове и Порхове, которые он интерпретирует как «восстания», что является весьма ответственным заявлением. Какова была природа этих восстаний, понимать ли их как эпизоды гражданской войны или классовой борьбы? Какова была роль упомянутых автором местных «миров» (с. 184), можно ли считать их корпоративными структурами, и как происходило их нисхождение в анархию?

На эти вопросы в книге Я. Н. Рабиновича ответов не дано, что и позволяет считать ее классической краеведческой работой, и высказанные замечания отнюдь не снижают ее ценности как таковой.

Книга Я. Н. Рабиновича, вышедшая как серийное издание в издательстве «Псковская областная типография», прекрасно оформлена, снабжена ценными приложениями в виде опубликованных ранее в редких изданиях документов. Уверен, что она окажет существенную помощь в освоении исторического наследия школьниками и студентами и несомненно будет способствовать патристическому воспитанию учащихся.

*В. А. Аракчеев,*  
доктор исторических наук,  
заведующий сектором социальной истории  
Института истории и археологии УРО РАН,  
профессор кафедры истории России Уральского  
федерального университета, г. Екатеринбург

## ХРОНИКА

### 75 ЛЕТ ПЕТРУ СЕРАФИМОВИЧУ КАБЫТОВУ

20 июня 2016 г. исполняется 75 лет доктору исторических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, заведующему кафедрой российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва Пётру Серафимовичу Кабытову<sup>1</sup>. Вся жизнь этого замечательного учёного, педагога и человека связана с наукой и высшей школой. Он принадлежит к числу самых авторитетных и признанных широкой общественностью и специалистами исследователей отечественной истории.

П. С. Кабытова отличает принципиальность, высокая требовательность к коллегам и к себе, доброжелательность, отзывчивость, душевная щедрость, человеческое обаяние. Эти черты характера Петра Серафимовича привлекали и привлекают коллег разных поколений и из разных стран. Например, яркая личность учёного и патриота вызвала интерес у посетившего в 1995 г. Самару А. И. Солженицына. В ходе долгих бесед и прогулок по Самаре у них с П. С. Кабытовым установились тёплые дружеские отношения, А. И. Солженицын увидел в нём своего единомышленника, с болью в сердце переживавшего за Россию и её народ<sup>2</sup>.

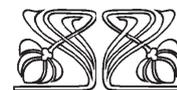
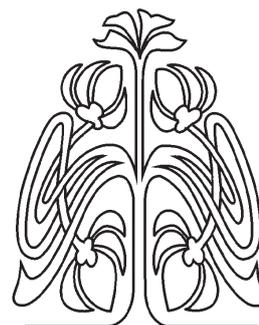
Пётр Серафимович Кабытов из той породы советских людей, которые прошли суровую школу жизненных испытаний военного и послевоенного лихолетья, знали бедность, тяжёлый труд ради куска хлеба, честно отдали свой долг стране в рядах Вооружённых сил. Биография юбиляра – собирательный образ биографии великой страны – СССР, где любой человек, наделённый талантом и трудолюбием, независимо от социального происхождения, национальности, статуса семьи и места проживания мог достичь любых высот в избранной сфере деятельности.

Кратко напомним основные вехи биографии юбиляра.

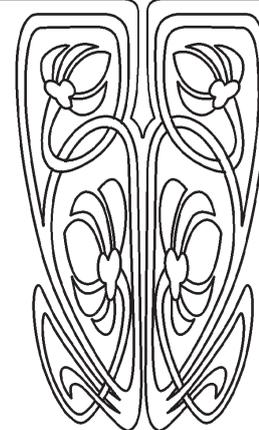
Пётр Серафимович Кабытов родился 20 июня 1941 г. на станции Колодезная Лево-Россошанского района Воронежской области шестым ребёнком в семье служащих. Отец-фронтовик умер от ран в эвакогоспитале, не дождав помощи врачей<sup>3</sup>. После окончания в 1958 г. средней школы в с. Рубашевка Аннинского района той же области Пётр Серафимович 4 года работал слесарем на Миннибаевском газобензиновом заводе в Самарской области, одновременно обучаясь на вечернем факультете Альметьевского филиала Московского нефтяного института имени Губкина. В 1962 г. он поступил на 1-й курс историко-филологического отделения Казанского государственного университета на специальность «История», откуда осенью того же года был призван в ряды Советской Армии. Отслужив 3 года в Забайкалье, П. С. Кабытов вернулся в университет в 1965 г. и через четыре года успешно его закончил<sup>4</sup>.

С 1972 г. творческая судьба учёного и педагога неразрывно связана с Самарским (Куйбышевским) государственным университетом, в котором П. С. Кабытов прошёл путь от ассистента до профессора, заведующего кафедрой и проректора. На протяжении 17 лет Пётр Серафимович занимал должность первого проректора СГУ.

Именно в стенах Самарского государственного университета он сформировался как крупный исследователь отечественной истории, патриарх аграрной историографии Среднего Поволжья, краеведения Самарского края, создатель целой школы талантливых самарских и поволжских историков. Благодаря ему в начале 2000-х гг. Самарский университет был признан как в России, так и за рубежом одним из ведущих учебных и научных центров Поволжья в области изучения аграрной и региональной истории, подготовки специалистов по данным направлениям.



**ПРИЛОЖЕНИЕ**





Показателем международного признания научного статуса П. С. Кабытова и Самарского университета стало участие юбиляра в разработке и реализации программы сотрудничества СГУ с университетом штата Мэриленд, Калифорнийским и Южно-Иллинойским университетами США, университетами провинции Хэнань и Аньхойским университетом КНР. Именно П. С. Кабытов выступил инициатором издания, трёхтомной антологии «Американская русистика» и такого уникального научного издания, как «Российская империя в зарубежной историографии».

При непосредственном участии П. С. Кабытова в качестве первого проректора была разработана «Концепция развития Самарского государственного университета, как центра науки образования и культуры в Самарском регионе», открыто 13 новых образовательных программ по подготовке специалистов, 15 – по направлению бакалавриата и 10 магистерских программ. П. С. Кабытов внёс большой вклад в реализацию программы подготовки докторов наук в СГУ. Их число увеличилось в вузе с 36 в 1994 г. до более чем 100 в 2000-е годы.

Особой заслугой юбиляра стало открытие в Самарском университете диссертационного совета по защите диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук по специальности «Отечественная история». За время работы совета как его бессменный председатель П. С. Кабытов подготовил десятки докторов и кандидатов исторических наук. Среди них многие известные на данный момент в России и за её пределами учёные: В. А. Савин, В. В. Кондрашин, И. Е. Кознова, М. И. Роднов, С. В. Белоусов, О. А. Сухова, О. В. Ягов, Л. М. Артамонова, А. В. Сыпченко, В. И. Курятников, М. И. Леонов, А. Н. Долгих, А. А. Славко и др. Под непосредственным научным руководством П. С. Кабытова в период с 1984 по 2015 г. подготовлены 41 кандидат и 19 докторов исторических наук. Эти цифры – яркое свидетельство достижений юбиляра как педагога высшей школы, оставившего свой след в науке и народном образовании в своих учениках.

В данном контексте значим вклад юбиляра в подготовку учителей истории и гуманитарных наук Самарской области, а также в повышение качества работы вузов России по подготовке специалистов. Например, с 1994 г. и по настоящее время П. С. Кабытов принимает активное участие в совершенствовании системы повышения квалификации педагогов региона. По его инициативе созданы курсы высшего мастерства для педагогов-историков, а также ассоциация «Самарский университет», в которую в 1994 – 2009 гг. входили 35 общеобразовательных школ, лицеев, гимназий и колледжей. Он постоянно участвует в рецензировании нового поколения программного обеспечения учебного процесса для системы общего образования Самарской области.

С 1996 по 2011 г. П. С. Кабытов являлся уполномоченным представителем ФГБУ «Росаккреда-

гентства», показав себя высококвалифицированным организатором в сфере управления высшим профессиональным образованием, анализируя и оценивая деятельность различных высших образовательных учреждений Российской Федерации.

П. С. Кабытов – это замечательный и вдумчивый исследователь актуальных проблем истории России, Среднего Поволжья и Самарского края. Он является автором более 400 научных работ, в том числе свыше 30 монографий. Только за период с 2011 г. по 2016 г. им опубликовано 180 научных работ, в том числе 12 монографий и брошюр. Он подготовил и издал свыше 50 учебных пособий, методических разработок, лекционных курсов для студентов исторических факультетов Поволжья и Самарской области.

Для специалистов и широкой научной общественности неоспорим вклад П. С. Кабытова в разработку проблем аграрной истории России. Прежде всего своими трудами Пётр Серафимович доказал тезис о том, что региональность как тип аграрного развития – это характерная черта России рубежа XIX – XX вв. Говоря о региональности, связанной территориальными границами, природно-климатические условиями Среднего Поволжья и Заволжья, П. С. Кабытов одновременно подчеркивал мысль о единстве исторического процесса в регионе с общероссийским, рассматривая его в контексте развития российской цивилизации и государственности<sup>5</sup>.

Анализируя развитие аграрных отношений в Поволжье в начале XX в., историк констатировал важнейший факт товаризации крестьянского хозяйства в регионе, превращение его в одну из главных «российских житниц». Он определил региональные особенности этого процесса. В степных, окраинных земледельческих районах развивались хозяйства фермерского типа, в остальных развитие шло по так называемому «прусскому пути». При этом и в тех и в других районах сохранялись феодалные пережитки в виде помещичьего землевладения, тормозившие этот процесс. Своеобразие эволюции аграрного капитализма накладывало яркий отпечаток на социально-классовую структуру крестьянства, его хозяйственную и духовную жизнь.

В своих трудах юбиляр доказал, что в начале XX в. под влиянием развития капитализма в сельском хозяйстве Поволжья и России в целом произошли существенные изменения в духовном облике крестьянства, его самосознании, предопределившие активное участие крестьян в трёх русских революциях на стороне противников самодержавия. В своих публикациях в конце 1980 – начале 1990-х гг. он фактически предвосхитил основные положения концепции В. П. Данилова и Т. Шанина о крестьянской революции в России<sup>6</sup>.

П. С. Кабытов – не только автор многочисленных статей и монографий по истории крестьянства и сельского хозяйства региона, но и активный публикатор документов на эту тему в различных документальных изданиях регио-



нального и всероссийского уровня. Он – участник международного проекта Института российской истории РАН «Крестьянская революция в России. 1902 – 1922 гг.». Его организатор, выдающийся историк-аграрник В. П. Данилов высоко ценил Петра Серафимовича как специалиста по аграрной истории Поволжья, поэтому пригласил его в качестве соредактора готовящегося в рамках проекта сборника документов «Крестьянское движение в Поволжье в 1919–1922 гг.». Благодаря его активной помощи составителям сборника удалось выявить в самарских архивах ценные документы по истории «чапанной войны» в Среднем Поволжье, а также другие важные источники по теме сборника. Сборник был опубликован в издательстве «РОССПЭН» в 2002 г.<sup>7</sup>

П. С. Кабытов – один из самых авторитетных современных исследователей столыпинской аграрной реформы и личности самого реформатора. Его монография о П. С. Столыпине издана большим тиражом в ведущем научном издательстве «РОССПЭН» и пользуется большим спросом не только у специалистов, но и широкой читательской аудитории<sup>8</sup>. В ней автор восстановил реальный образ великого реформатора как порядочного, умного, образованного и интеллигентного человека, прекрасного семьянина, настоящего патриота своей страны, назвав внезапную гибель Столыпина «трагедией упущенных возможностей». П. С. Кабытов аргументированно обосновал вывод, что Столыпин был последним реформатором императорской России, досконально знавшим проблемы русского села, способным спасти его и всю страну от «красной смуты» 1917 г. Но из-за эгоизма, зависти и политической близорукости Николая II и окружавшей его камарильи добиться этого ему не удалось. Столыпин пал жертвой интриг и ненависти с обеих сторон – самодержавия и революционеров<sup>9</sup>.

П. С. Кабытов работает не только в классическом жанре крупных форм и тем, но и в русле популярного в мировой исторической науке направления – микроистории. Он – соавтор очерка истории деревни Васильевщина (Новое Васильево) Тамбовской губернии, а также участник международных и всероссийских конференций в селе Степановка Бессоновского района Пензенской области «Моя Малая Родина», посвященных изучению проблем аграрной истории России на уровне региона, селения и семьи<sup>10</sup>.

Оценивая современный уровень развития аграрной историографии Среднего Поволжья, П. С. Кабытов правомерно указывает на позитивные сдвиги, наметившиеся в последнее десятилетие в ее развитии, появление новых талантливых исследователей, способных продолжить лучшие традиции своих предшественников. Исходя из этого, он ставит перед своими коллегами давно назревшую, осознаваемую предшествующим поколением историков-аграрников задачу – «подготовка к изданию многотомной истории крестьянства Среднего Поволжья»<sup>11</sup>.

Заметное место в творчестве юбиляра занимают работы по историографии отечественной и региональной истории. П. С. Кабытов – автор многочисленных и оригинальных публикаций об историках России и Поволжья, своих коллегах и учениках. Все они написаны на высоком профессиональном уровне и в очень доброжелательном тоне. Петра Серафимовича отличает бережное, можно сказать, трепетное отношение к своим учителям и коллегам. Он благодарен предшествующим поколениям историков-аграрников за сделанный вклад в науку, человеческое участие в становлении молодых исследователей. В преемственности и приумножении лучших традиций отечественной исторической науки он видит условие успешного ее развития на современном этапе<sup>12</sup>.

В этой связи особый резонанс в научном сообществе России имеет ежегодно проводимая в Самаре по инициативе и под руководством П. С. Кабытова всероссийская конференция молодых историков «Платоновские чтения». Актуальные сюжеты истории России представлены в докладах и опубликованных тезисах её участников, в большинстве своем студентов и аспирантов российских вузов<sup>13</sup>.

П. С. Кабытов – это подлинный патриот России и своей малой Родины. Именно он стоял у истоков народного движения по возвращению Самаре её изначального имени. Он внес большой вклад в развитие Самарского областного историко-культурного музея им. П. В. Алабина. Значима деятельность П. С. Кабытова в качестве члена попечительского совета Самарской областной универсальной научной библиотеки, областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина и художественного музея. С 1993 г. по настоящее время он входит в состав топонимической комиссии городского округа Самара. По его инициативе в новых микрорайонах Самара улицам присвоены имена П. В. Алабина, А. И. Солженицына, Фрильба Нансена, академиком М. Н. Тихомирова и С. Ф. Платонова, профессора Е. И. Медведева. В 2008 г. он инициировал и принял активное участие в сооружении в парке имени Щорса Самара памятного знака выдающемуся историку России С. Ф. Платонову.

В последние десятилетия под руководством П. С. Кабытова в Самаре сложилась региональная школа историков, известная своими научными исследованиями как в Поволжье, так и далеко за её пределами. Ею создан цикл учебных пособий по истории Самарской области: учебное пособие «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней» в 8 томах, учебное пособие «Самарская область. География и история, экономика и культура» (3 издания), учебное пособие «Моя Самара. Книга путешествий» (2 издания). Также П. С. Кабытов инициировал издание антологии в 5 томах «Классика Самарского краеведения», научного журнала «Самарский земский сборник» и др.<sup>14</sup>



Спутница жизни юбиляра, Надежда Николаевна Кабытова, также разделила с ним судьбу исследователя аграрной истории Поволжья, акцентировав внимание в своих исследованиях на проблеме взаимоотношения крестьянства и власти в регионе в 1917 г., подготовив на эту тему докторскую диссертацию. Всю свою жизнь она проработала с супругом на одной кафедре в Самарском государственном университете.

По стопам родителей под влиянием авторитета отца пошла и дочь Петра Серафимовича – Екатерина Петровна Барина, в настоящее время доктор исторических наук, посвятившая свое творчество исследованию истории помещичьего дворянства Среднего Поволжья в начале XX века.

Пётр Серафимович Кабытов – эксперт Российского гуманитарного научного фонда, почётный работник высшего профессионального образования России, академик Петровской академии наук и искусств, Гуманитарной академии, лауреат губернских премий и премии губернатора Самарской области «За выдающиеся результаты в области гуманитарных наук», почётный член американского биографического общества, награждён медалями А. С. Пушкина и К. Д. Ушинского, «За заслуги в проведении переписи населения».

В свои 75 лет П. С. Кабытов продолжает «ехать на ярмарку»: пишет книги, выступает с лекциями и докладами перед коллегами и студентами, полон творческих планов. 25 апреля 2016 г. он блестяще выступил на круглом столе в Совете Федерации Федерального собрания РФ по теме «Историческая память как основа государственного строительства: проблемы её формирования и передачи потомкам».

Юбиляр окружен благодарными учениками и коллегами, готовыми поддержать его новые начинания. Пожелаем же ему очередных творческих побед во благо исторической науки, отечественного образования и России. Ибо именно такие люди, как П. С. Кабытов, были, есть и будут основой их существования и развития.

## Примечания

- 1 См.: Аграрная история XX века : историография и источники / под ред. Н. Н. Кабытовой, П. С. Кабытова, В. В. Кондрашина. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2014. С. 85–96.
- 2 См.: А. И. Солженицын и Самара / под науч. ред. П. С. Кабытова. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2008.
- 3 См.: Кабытов П. С. Судьба-Эпоха : автобиография историка. Самара, 2008. С. 17.
- 4 Там же. С. 23–36.
- 5 См.: Кондрашин В. В. Пётр Серафимович Кабытов – патриарх аграрной историографии Поволжья // Историки-аграрники России XX – начала XXI вв.: творческий путь и международное сотрудничество. Вып. 1. Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosfera-CZ», 2014. С. 97.
- 6 См.: Кабытов П. С. Русское крестьянство в начале XX в. Самара, 1999. С. 4.
- 7 См.: Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг. : Документы и материалы. М. : РОССПЭН, 2002.
- 8 См.: Кабытов П. С. П. А. Столыпин : Последний реформатор Российской империи. 2-е изд., испр. и доп. М. : РОССПЭН, 2007.
- 9 Там же. С. 130–176.
- 10 См.: Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 102–103.
- 11 Там же. С. 105–106.
- 12 См.: Аграрная история XX века : историография и источники. С. 93, 251–266.
- 13 См.: Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 107.
- 14 Там же. С. 93–94.

*В. В. Кондрашин*  
член Совета Федерации  
Федерального собрания РФ,  
профессор Пензенского государственного  
университета



## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**Аракчеев Владимир Анатольевич**, доктор исторических наук, заведующий сектором социальной истории Института истории и археологии УРО РАН, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета, Екатеринбург. E-mail: arakk@rambler.ru

**Артамонова Людмила Михайловна**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории отечества Самарского государственного института культуры. E-mail: artamonovoi@mail.ru

**Асадов Бабек Рашид оглы**, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, истории и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета. E-mail: asadovspb@mail.ru

**Ахиев Сергей Николаевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: responsum@list.ru

**Гайворонский Игорь Дмитриевич**, аспирант кафедры истории средних веков Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, учитель истории и обществознания гимназии № 66, Санкт-Петербург. E-mail: igorgaiv91@gmail.com

**Гуменюк Алексей Анатольевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: GumenukAA@rambler.ru

**Данилов Виктор Николаевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: danilovvik@yandex.ru

**Кондрашин Виктор Викторович**, доктор исторических наук, член Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, профессор Пензенского государственного университета. E-mail: vikont37@yandex.ru

**Костина Александра Константиновна**, аспирант кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: sandrine.kostina@gmail.com

**Кочукова Ольга Викторовна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: kochukovasgu@mail.ru

**Лапшов Павел Николаевич**, аспирант кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: rav9204@yandex.ru

**Майорова Алла Степановна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: majorova-as@mail.ru

**Польская Светлана Анатольевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь. E-mail: polskaya-sa@yandex.ru

**Рабинович Яков Николаевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

**Разуваев Юрий Дмитриевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета. E-mail: razuvaevyd@mail.ru

**Редченко Дмитрий Владимирович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: engels-volga@yandex.ru

**Сидоров Иван Евгеньевич**, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: isidorov1991@gmail.com

**Цыплин Виталий Геннадьевич**, кандидат исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: v.tsyplin@yandex.ru

**Чибров Игорь Владимирович**, аспирант кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: chibroviv@list.ru

**Чолахян Вачаган Альбертович**, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: vcholakhyan@yandex.ru

**Шашлова Татьяна Юрьевна**, аспирант кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: tatyana.shashlova2014@yandex.ru

**Шестакова Анна Григорьевна**, аспирант кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: ashestakova@mail.ru



## INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

**Akhiev Sergey Nikolaevich**, PhD in History, Associate Professor of World History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: responsum@list.ru

**Arakcheev Vladimir Anatolievich**, Dr. Sc. (Hist.), Head of Sector of Social History of Institution of History and Archeology of Ural Branch of Academy of Science; Professor of Russian History Chair of Ural Federal University, Yekaterinburg. E-mail: arakk@rambler.ru

**Artamonova Liudmila Mikhailovna**, Dr. Sc. (Hist.), Professor, Head of Russian History Chair of Samara State Institute of Culture. E-mail: artamonovoi@mail.ru

**Asadov Babek Rashid** ogli, PhD in Political Sciences, Associate Professor of International Relations, History and Political Science Chair of Saint-Petersburg State University of Economics. E-mail: asadovspb@mail.ru

**Chibrov Igor Vladimirovich**, Postgraduate Student of History of Russia and Archeology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: chibroviv@list.ru

**Cholakhyan Vachagan Albertovich**, Dr. Sc. (Hist.), Professor of Russian History and Historiography Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: vcholakhyan@yandex.ru

**Danilov Victor Nikolaevich**, Dr. Sc. (Hist.), Professor, Head of Russian History and Historiography Chair Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: danilovvik@yandex.ru

**Gumenyuk Alexey Anatolyevich**, PhD in History, Associate Professor of Russian History and Historiography Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: GumenukAA@rambler.ru

**Guyvoronski Igor Dmitrievich**, Postgraduate student of Middle Ages History Chair, Institute of History of St.-Petersburg State University; Teacher of History and Social Studies, Public Budgetary Educational Institution «Gymnasium № 66», St.-Petersburg. E-mail: igorgaiv91@gmail.com

**Kochukova Olga Viktorovna**, PhD in History, Associate Professor of History of Russia and Archeology Chair, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: kochukovasgu@mail.ru

**Kondrashin Victor Victorovich**, Dr. Sc. (Hist.), Member of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federa-

tion, Professor of Pensa State University. E-mail: vikont37@yandex.ru

**Kostina Alexandra Konstantinovna**, Postgraduate Student of World History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: Sandrine.kostina@gmail.com

**Lapshov Pavel Nikolaevich**, Postgraduate Student of World History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: pav9204@yandex.ru

**Mayorova Alla Stepanovna**, PhD in History, Associate Professor of History of Russia and Archeology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: mayorova-as@mail.ru

**Polskaya Svetlana Anatolievna**, PhD in History, Associate Professor of the World History, Political Science and International Relations Chair, North Caucasian Federal University, Stavropol. E-mail: polskaya-sa@yandex.ru

**Rabinovich Yakov Nikolaevich**, PhD in History, Associate Professor of History of Russia and Archeology Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail RabinovichYN@yandex.ru

**Razuvaev Yury Dmitriyevich**, PhD in History, Associated Professor of History of Russia Chair, Voronezh State Pedagogical University. E-mail: razuvaevyd@mail.ru

**Redchenko Dmitry Vladimirovich**, PhD in History, Associate Professor of International Relations and Russian Foreign Policy Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: engels-volga@yandex.ru

**Shashlova Tatyana Jurjevna**, Postgraduate Student of World History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: tatyana.shashlova2014@yandex.ru

**Shestakova Anna Grigorjevna**, Postgraduate Student of World History Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: ashestakova@mail.ru

**Sidorov Ivan Yevgenevich**, Postgraduate Student of International Relations and Russian Foreign Policy Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: isidorov1991@gmail.com

**Tsyplin Vitaly Gennadievich**, PhD in History, Professor of International Relations and Russian Foreign Policy Chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: v.tsyplin@yandex.ru